

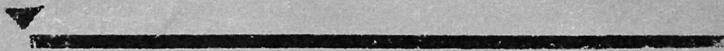
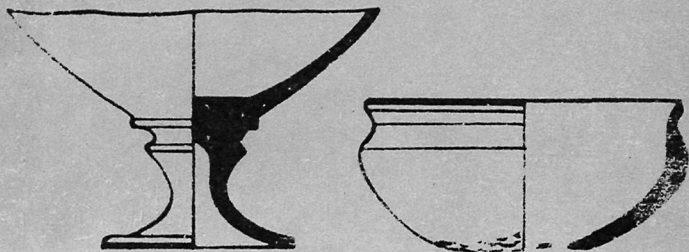
ISSN 0201-7539

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

XXV

1985

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А. ДОНИША
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РИМСКО-ГЕРМАНСКИЙ МУЗЕЙ
В г. МАЙНЦЕ (ФРГ)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ
ВЫП. XXV (1985 г.)

Под редакцией: Б. А. Литвинского,
Н. Н. Негматова,
В. А. Ранова

Душанбе: Дониш
1994

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ,
вып. XXV (1985 г.).— Душанбе: Дониш, 1994.— 296 с.

Сборник посвящен итогам полевых работ 1985 г., проведенных Северо-Таджикистанской, Пенджикентской и Южно-Таджикистанской экспедициями Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Института археологии Российской АН и Государственного Эрмитажа.

Публикуются новые раскопочные и разведочные материалы о памятниках Таджикистана различных эпох — от каменного века до позднего средневековья. Они значительно дополняют наши знания по археологии, истории культуры, искусства, архитектуры, этнографии и древних религий таджикского народа и его предков.

Книга рассчитана на археологов, историков, искусствоведов, архитекторов, краеведов, преподавателей высшей и средней школы, студентов исторических факультетов, работников сферы охраны и реставрации памятников.

Рецензенты: кандидаты исторических наук
М. А. Бубнова, Л. Н. Додхудоева

А $\frac{0502000000-031}{M 502-94}$ 94

ISBN 5—8366—0466—5

АМАЛИЁТҲОИ БОСТОНШИНОСӢ ДАР ТОҶИКИСТОН
Нашри XXV (1985). Душанбе: Дониш, 1994.— 296 с.

Маҷмуаи мазкур натиҷаҳои корҳои саҳроии соли 1985, ки дар Шимоли Тоҷикистон, Панҷакент ва Ҷануби Тоҷикистон аз тарафи экспедицияҳои пажӯҳишгоҳи таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи улуми Ҷумҳурии Тоҷикистон, пажӯҳишгоҳи бостоншиносии Академияи улуми Руссия ва Эрмитажи давлатӣ гузаронида шуда буд, дар бар мегирад.

Маълумотҳои қадиди дарёфт ва кашфгардида дар хусуси ёдгориҳои нодири даврони гуногуни Тоҷикистон — аз асри сангӣ то қарни миёна ба таъби мерасанд. Онҳо тасаввуроти моро нисбати мардумшиносӣ, таърихи маданият, санъат, меъморӣ, мардумшиносӣ ва мазоҳиби қадиму гузаштагони халқи тоҷик бештар хоҳад кард.

Қитоб барои бостоншиносон, таърихшиносон, санъатшиносон, меъморон, кишваршиносон, устодони мактабҳои олӣ ва миёна, донишҷӯёни бахши таърих, кормандони соҳаи нигоҳубин ва таъмири ёдгориҳои қадима пешкаш мегардад.

Муқарризон: номзадҳои илми тарих
М. А. Бубнова, Л. Н. Додхудоева

А $\frac{05020000000-031}{05020000000}$ 94
ISBN 5—8366—0466—5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические полевые исследования 1985 г. в Республике Таджикистан охватывали большое число памятников истории, относящихся к различным эпохам и расположенных на территории республики. Как и раньше, работы проводились в составе трех крупных постоянно действующих экспедиций — Северо-Таджикистанской, Пенджикентской и Южно-Таджикистанской.

В 1985 г. Северо-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция (СТАКЭ) провела свой тридцать первый полевой сезон в Ленинадской области Республики Таджикистан, сделаны значительные открытия по изучению древних культур Северной Средней Азии. Велись поиски местонахождений каменных орудий первобытного человека в юго-западной предгорной полосе Кураминского и Канибадамско-Исфаринской зоны Туркестанского хребтов, продолжались раскопочные исследования древнейшего города Уструшаны — Хаватак (развалины Нуртепа) и его южной земледельческой округи с искусственным орошением. В связи с завершением этапа хозяйственных исследований на городище проведены краткие итоговые обобщения работ и представлены конкретные предложения по дальнейшему изучению и сохранению памятника.

В Худжандской цитадели проведен археологический зондаж — разрез восточной фортификационной стены у подножия Арка. Начаты хозяйственные раскопки замка Каппатепа — историко-культурной области Илак, где ранее уже были раскопаны остатки весьма важного и хорошо сохранившегося замка Тиркаштепа. На городище Калан Кахкаха I — шахристана города Бунджиката, столицы Уструшаны — были продолжены раскопки жилищно-производственного квартала, расположенного вдоль северных стен. Были продолжены раскопки средневекового каменного поселения скотоводов Хоняйлов в глубине ущелья Актанги северного склона Туркестанского хребта.

Проведены значительные работы по изучению памятников ирригации ущелий рек Матча — Зарафшан. Как и в предыдущие годы, велся постоянный археологический надзор над новостройками, регистрировались случайные находки. В этом плане особенно плодотворным оказался надзор в г. Худжанде, увенчавшийся регистрацией следов городской культуры в двух местах (котлован у кинотеатра «Ватак» и жилой дом Тути Калон).

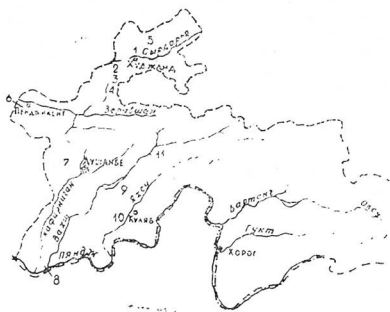
В сентябре 1985 г. в составе СТАКЭ по программе советско-американских археологических исследований были проведены трехнедельные разведочные раскопки на цитадели Нуртепа.

Пенджикентская археологическая экспедиция полевой сезон 1985 г. работала в составе:

- 1) Саразмского отряда — начальник А. И. Исаков;
- 2) Пенджикентского отряда — начальник Б. И. Маршак.

Саразмский отряд имел характер международного сообщества, по-

скольку здесь, кроме французских археологов (Р. Безенваль, Б. Лионне), работала и группа американцев (К. Ламберг-Карловский (Гарвард) и Ф. Кол (Велеслей Колледж). Американские коллеги занимались стратиграфией памятника, а французские продолжали свои тщательные работы на раскопе VII, общий объем которых — 75 м². В других местах поселения исследовались строительные комплексы, стратиграфия, историческая топография. Продолжены раскопки могильных ям с захоронениями, из которых наиболее интересно погребение молодой женщины, сопровождающееся богатым набором предметов культа, быта и украшениями. Интересный материал получен в процессе раскопок могильника Тепан-Камар, связанного с андроновской культурой, впервые представленной в горной части Зарафшанской долины.

Основные памятники, подвергшиеся исследованиям в 1985 г.— 1 — Цитадель в Худжанде, 2 — Нуртепа, 3 — Калаи-Какхаха, 4 — Ак-Танга, 5 — Токмасай, 6 — Саразм, Пенджикент, 7 — Ширкент, 8 — Тахти-Сангин, 9 — Кангуртут, 10 — Хульбук, 11 — Дарбанд.

В Пенджикенте работы были сосредоточены на шахристане городища. Изучались оборонительные сооружения, храмы, жилая застройка, раскопан последний участок базара, находившегося за стенами древнего города. Среди новых настенных росписей привлекает внимание сцена шествия дароносцев, идущих к царю, сидящему на троне и опирающемуся на навершие булавы в виде скульптурной головы демона.

Как обычно, публикуется полный каталог найденных в 1985 г. монет с указанием места находки.

Южно-Таджикистанская экспедиция состояла из 13 отрядов:

1. Отряд по изучению каменного века — начальник А. Г. Амосова.
2. Вахшский отряд по изучению каменного века — начальник А. Х. Юсупов.
3. Байпазинский отряд — начальник Л. Т. Пьянкова.
4. Кангуртутский отряд — начальник Н. М. Виноградова.
5. Пянджский отряд — начальник А. Л. Абдуллаев.

6. Тахтикуватский отряд — начальник И. Р. Пичикян.
7. Рогунский отряд — начальник И. А. Маслов.
8. Ширкентский отряд — начальник В. С. Соловьев.
9. Ширкентский отряд — начальник В. В. Радилиловский.
10. Нижнекафирниганский отряд — начальник Т. М. Атаханов.
11. Ховалингский отряд — начальник М. М. Муллокандов.
12. Хульбукский отряд — начальник Э. Г. Гулямова.
13. Кобаданская группа — начальник И. А. Маслов.

Кроме отчетов указанных выше отрядов, в настоящем сборнике публикуется отчет о работе группы СНРПМ в Гиссаре (начальник группы П. Т. Самойлик), а также статьи Д. Д. Довутова, В. П. Новикова, Т. М. Атаханова и М. Мамадназарова.

Работы отряда по изучению каменного века сосредоточились в 1985 г. на раскопках стоянки Каратау I. Общий объем разобранной палеолитовы — 72 м². Найдено 179 изделий и 6 неопределимых обломков костей. Точную привязку получили 162 находки. Из них 100 — артефакты и 21 — орудия. Работы отчетного сезонаполнили коллекцию чопперов, разнообразных скребел, долек, отщепов и других изделий с четкими типологическими признаками.

Вахшский отряд проводил исследования по берегам Нурекского водохранилища, Дангаринской оросительной системы в Советском и Муминабадском районах. В первом случае работа проводилась и на ранее открытых стоянках, и на новых, открытых в связи с понижением уровня озера. В Дангаринском районе разведки проводились начиная от кишлака Худжарки по долинам рек Тоирсу и Олиматай. Обнаружено 4 новых пункта. В Советском районе интересен пункт на стрелке при слиянии рек Тоирсу и Обиталхақ, где собрано 70 артефактов, менее обильные сборы сделаны еще в 4 пунктах. Первые сборы каменных орудий сделаны и в северной части Муминабадской впадины.

Два отряда изучали памятники эпохи бронзы. Небольшой материал дали раскопки поселения Дагана, культурный слой которого сильно поврежден при строительстве стадиона в г. Нуреке. Несмотря на это, поселение чрезвычайно интересно для познания характера оседлоземледельческих поселений Южного Таджикистана, отличного от типичных поселений этого времени в Бактрии.

Продолжались работы в Кангурттуте. Работы велись на трех раскопах. Особый интерес представляет могильник, расположенный на высоком склоне, в котором могильные ямы не содержали скелетов, являясь, по-видимому, кенотафами, отличающимися значительным набором керамики.

Задачей отчетного сезона для Тахтикубадского отряда стало раскрытие северо-восточного угла фасада храма Окса. Выделено 9 строительных периодов, обнаружены новые монументальные алтари, анализ которых с привлечением большого количества аналогий проводится И. Р. Пичикяном. В заключении автор сосредоточивает внимание на обсуждении планировки храма Окса и его датировке.

В Пянджском районе раскапывался храмовый комплекс, представляющий собой местный вариант бактрийского храма огня ахеменидского времени. В отчете А. Л. Абдуллаева выделены строительные периоды и описана архитектура двух помещений. Важным является обнаружение двухчастного прямоугольного алтаря. Приведены соответствующие аналогии.

Рогунский отряд проводил стационарные работы на трех памятниках: на Калаи Шохон, на цитадели городища Дарбанд и на могильнике Гури Казакон. Приведены данные об архитектуре, строительных приемах и датировке первых двух памятников. В третьем случае выяснилось, что домусульманских захоронений не сохранилось. Проведенные исследования в значительной степени дополняют сведения об археологических памятниках этого малоизученного района.

Продолжались работы в Ширкенте, где изучалось небольшое горное поселение раннего средневековья, в строительных приемах которого широко был распространен прием возведения основания стен из камня. Прослежены этапы перестройки жилых помещений. На раскопе 2 полностью исследован небольшой жилой дом интересной планировки. Основные находки — керамика. Найден и железный наконечник стрелы.

Нижнекафирниганский отряд провел обследование среднего течения реки Кафирниган по обоим берегам. Раскопки проведены на поселении Ишкобад, которое существовало в IX—XVI вв. н. э. Это продолжение предыдущих исследований довело общий объем раскопок до 116,7 м². Найдено большое количество средневековой керамики, в том числе превосходные образцы глазурованных мисок и чаш.

В Ховалинге на тепе Чесако I собрано небольшое количество керамики, позволяющей датировать памятник IV—VIII вв. н. э. Раскопан курган у кишлака Чепивол. Могильная яма не обнаружена. На поселении Хишттепа вскрыта часть помещения, на стенах которого сохранились остатки росписи.

На цитадели Хульбука проведен пятнадцатый сезон раскопок. Продолжались вскрытие западной стены, расчистка завалов, в частности в районе портала, где встречаются фрагменты жженных плиток с резными куфическими буквами. Среди фрагментов резного ганча особенно привлекает внимание плитка с изображением сцены охоты гепардов на горных баранов и рисунок в 34 комнате — схематическое изображение человека и несколько линий арабских букв.

Кобадянская группа изучала остатки ворот базара XVI—XIX вв., который обнесен стеной из жженого кирпича.

В Гиссаре продолжались изыскания по изучению топографии и стратиграфии южной части городища (Гиссартепе). В отчете об этих работах дано подробное описание шурфа № 7 и детально описан полученный керамический материал, позволивший разбить наслоения, вскрытые шурфом, на несколько периодов, охватывающих время от начала н. э. до II века.

Д. Довутов приводит детальный каталог монет, найденных на территории Таджикистана в 1980—1985 гг. В него вошли монеты с городищ Тахти Сангин, Пенджикент, других памятников как Южного, так и Северного Таджикистана. Описание монет дается по территориальному признаку, а внутри региона — в хронологическом порядке.

В заключение публикуется небольшая статья В. П. Новикова, посвященная изучению остатков горно-металлургических промыслов в 1981—1982 г.

Настоящий сборник авторы посвящают выдающемуся археологу, историку, знатоку среднеазиатских древностей, академику АН Республики Таджикистан Б. А. Литвинскому в год его семидесятилетия.

**СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ**

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ В 1985 г.

Северо-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша полевые исследования 1985 г. проводила в составе следующих отрядов и групп:

Группа по изучению памятников каменного века (рук. В. А. Жуков) проводила разведочные исследования в пределах Кураминского (юго-западная предгорная полоса, долина Алтынтопкана) и Туркестанского (р-н поселка КИМ) хребтов, зафиксирован ряд местонахождений орудий, выявлен уникальный по геоморфологическим отложениям перспективный район местонахождений ранних периодов палеолита в горной зоне между Канибадамом и Исфарой.

Нуртепинский отряд (рук. Т. В. Беляева)¹ продолжал исследования Нуртепа — цитадели, территории города и южной округи. На раскопе 12 зарегистрированы культурные горизонты с керамическими материалами VI—IV вв. и рубежа IV—III вв. до н. э. На раскопе 14 вскрыта часть постройки VI в. до н. э., возведенной путем подрубки естественного лесового клина с облицовкой прямоугольным сырцовым кирпичом (50×30×14 см), промежуточные стены полностью возведены из прямоугольных и квадратных кирпичей. В центре городской территории на выделяющемся высоком всхолмлении начато вскрытие крупного архитектурного комплекса. Пока расчищены отрезки стен двух помещений VI—V вв. до н. э. в северо-западном углу.

В северо-восточном углу городища расчищена двухъярусная гончарная печь IV в. до н. э. Начато исследование прилегающей с юга древней земледельческой округи Нуртепа (У. Эшонкулов), освоенной в V—III вв. до н. э. сетью каналов, выведенной из Ниджонисая, конечного притока Шахристансая. Освоенное в древности левобережье речки длиной в 14 км представляло собой около 800 гектаров плодородной земли.

Нуртепинским отрядом в сентябре 1985 г. по программе сотрудничества СССР—США в области археологии были проведены полевые разведочные работы на городище Нуртепа, в которых приняли участие директор Пибоди Музея Гарвардского университета, профессор К. Ламберг-Карловский, ассистент Велесли Колледжа, доктор Ф. Коль (США), Н. Н. Негматов и У. Эшонкулов (Таджикистан).

На цитадели Нуртепа заложены два стратиграфических шурфа А и Б размерами 5×5 м. В верхней части шурфа А выявлены три горизонта: первый, толщиной более 50 см, содержал обломки и целые кирпичи из сероглиняного болотного лесса, обломки терок и зернотерок, фрагменты разнообразной керамики, во втором, — кроме многочисленных обломков кирпичей, выявлена часть стены длиной более 2 м и толщиной 55 см, с комбинированной кладкой и остатками штукатурки из желтоватой глины с мелконарубленной соломой. На полу этого горизонта расчищен прямо-

¹ Отряд работал в составе: Т. В. Беляева, У. Эшонкулов (младший научный сотрудник), М. Малаев (водитель), группа школьников из клуба «Юность» Жилищного управления № 18 г. Худжанда под руководством В. Хамидова и Н. Локтевой, группа студентов-практикантов Худжандского государственного педагогического института под руководством доцента С. Ш. Марафисва и школьники из г. Душанбе А. Коньков, А. В. Конькова.

угольный очаг размером 55×55 см, разделенный перегородкой на две части. Здесь же расчищен другой очаг в виде ямки в полу диаметром 30 см и глубиной 20 см с обгоревшим вокруг в радиусе 50—60 см полом. На этом же уровне выявлена часть пахсовой стены в 1,5 м длиной, 65 см толщиной и 50—55 см высотой. В третьем горизонте шурфа выявлен участок гравийной дорожки, тянувшейся с ю-з на с-в длиной более 3 м при ширине 60—70 см и 15 см глубины гравийной подсыпки. В центре расчищен толстый слой утрамбованной земли, смешанной с мусорными остатками, а в остальных частях начались слои мусорных свалок. Лишь в северо-восточном углу на глубине 2 м начался гравийный материк, который резко углубляется в южную сторону. Шурф не доведен до материка по всей площади. Из находок отметим железное кольцо, каменные терки и зернотерки, множество фрагментов чаш, мисок, кувшинов, сковород и хумов.

Шурф Б заложен в одном метре от первого, южнее, по пологому склону и включает толстый слой рыхлой земли и золы с множеством костей животных, угольков, кусков ганча, камней и обломков разнообразных керамических сосудов. На глубине 1,5 м размеры шурфа были сужены к востоку до 110 см, где мусорный слой постепенно уменьшился и на глубине 3 м вовсе закончился. У западного среза внутреннего шурфа на глубине 3,3 м зафиксировано скопление обломков крупных керамических сосудов, расчистка которых привела к неожиданному результату. Здесь среди обломков хумов и других сосудов были расчищены кости примерно семерых людей — от грудного ребенка до взрослого человека, лежащих хаотично, за исключением двух скелетов. Первый лежал на правом боку, вытянут с юга на север, ногами на юг. Второй — в чуть скорченном состоянии головой на запад, лицом на юг. Человеческие кости смешаны с кусками угольков, множество костей сожжено или частично обожжено, закопаны также стенки керамических сосудов. Найдено одно бронзовое кольцо. Складывается впечатление, что захороненные в керамических сосудах останки людей были сожжены на костре. Групповое захоронение находится в нижнем слое шурфа, оно еще не вскрыто полностью, а шурф не доведен до материка. Захоронение уникально по обряду для окружающего региона, его полное вскрытие и подробное изучение имеет большой научный интерес.

Вскрытые горизонты обоих шурфов на цитадели Нуртепа по всему комплексу полученного материала относятся к V—III вв. до н. э. Находки говорят о высоком уровне развития материальной культуры и ремесел горожан. В перспективе совместные советско-американские исследования на одном из ключевых памятников — Нуртепа, позволили бы поставить ряд крупных проблем, во-первых, о ранней оседлой культуре северного пояса Средней Азии на стыке многочисленных кочевых скотоводческих обществ и формирующихся оседлых земледельческих и городских общин эпохи раннего железа, и, во-вторых, о контактовой зоне древнейших ближневосточных цивилизаций с обширными евразийскими степями, где в основном формировались древнейшие народы этой части Старого Света.

Худжандский отряд (рук. Т. В. Беляева)² проводил исследования истории строительства и ремонтов восточной фортификационной стены городской цитадели на участке 8×3,65 м внутри ЦПК и О путем архео-

² Отряд работал в составе: Т. В. Беляева (начальник), С. В. Шегулина (архитектор), С. С. Шарипова (младший научный сотрудник), группа учеников школы № 1 г. Кайраккума.

логического зондажа-среза. Здесь зафиксированы пять периодов перестроек стены (на протяжении X—XVIII вв.) из сырцовых кирпичей, меняющихся по этапам формой, а выше трех-четырёхметровый пояс пахсовых слоев, возведенных в начале XVIII в. Отметим, что нижележащие стены из сырцовых кирпичей и пахсовых блоков архаического, античного и раннесредневекового периодов были зарегистрированы в предыдущие годы в других шурфах и зондажах стен арка и цитадели.

В этом же году в г. Худжанде была сделана случайная сенсационная находка в старинном городском квартале Оголузон, в доме Бурхона Алиева. Здесь при рытье подвального помещения было обнаружено хранилище ртути в 13 керамических сфероконических сосудах, предварительно датированных IX—X вв. Сосуды располагались в ряд на одном уровне³. Сероглиняные, толстостенные, узкогорлые, хорошо закупоренные сосуды были переданы Б. Алиевым в Ленинабадский областной историко-краеведческий музей, исследованы в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша и Институте химии Академии наук Республики Таджикистан.

Илакский хоздоговорной отряд (рук. Н. Т. Рахимов)⁴ начал охранное исследование в ущелье Токмакская, к северо-западу от поселка Табшар. На основном стационарном объекте — холме Каппатеп, вскрыты остатки хорошо укрепленного замка, включающего здание и небольшой двор. Вскрыто шесть помещений, из которых два угловых — башенного типа. Полученные разнообразные керамический материал, алебастровый столик, стеклянные изделия, каменные жернова, серебряная ложечка, две серебряные монеты бухархудатского типа представляют богатую культуру двух периодов функционирования замка в VII—VIII и IX—XI вв. Каппатеп вместе с ранее открытой Тиркаштепа характеризуют архитектурную традицию и материальную культуру горнорудного Илака.

В составе Илакского отряда проведены разведочные работы по фиксации мугхона и курганов, поиски местонахождений орудий каменного века, изучалась также зона расположения наскальных рисунков урочища Кушбулак в Аштской части Карамазарского хребта.

Актангинская группа (рук. М. Д. Мамаджанова) возобновила раскопки поселения Хоняйлов (IX—XII вв.) на плато Тагана ущелья Актанги Туркестанского хребта. Здесь вскрыт ряд жилых и хозяйственных помещений комплексов I и IV с остатками материальной культуры местных скотоводов, использовавших в быту городскую керамику бунджикатского ремесленного производства.

В составе СТАКЭ проведены также исследования остатков оросительных систем (каналов, корезов) Верхнего Зарафшана — района поселения эпохи бронзы Саразм, на Дашти Гусар и на Матчадарье (У. Эшонкулов).

В целом отрядами и группами СТАКЭ получен значительный археологический материал широкого хронологического диапазона — от каменного века до развитого средневековья⁵.

³ Кушко Ю. Разгадка древних сосудов.— Коммунист Таджикистана.— 1985.— 2 ноября.

⁴ Отряд работал в составе: Н. Т. Рахимов (начальник) и научные работники В. А. Жуков, О. В. Панфилов, В. К. Джумаев.

⁵ См.: Белыева Т. В. О работах Нуртепинского отряда.— Археологические открытия 1985 года.— М.: Наука, 1987.— С. 614—615; Рахимов Н. Т. Раскопки на Каппатеп.— Там же.— С. 619—620; Мирбабаев А., Рахимов Н. Впереди новые открытия.— Вечерний Душанбе.— 1986.— 13 янв.

Наконец, отметим важнейшее событие в деятельности СТАКЭ 1985 г. Это участие в крупной многомесячной выставке «Древности Таджикистана», которая была устроена в одном из крупнейших мировых музеев — Ленинградском Государственном Эрмитаже. Выставка познакомила ленинградскую, российскую и мировую общественность, огромную массу туристов разных стран с археологией, историей и древней культурой таджикского народа. К выставке был издан превосходный каталог «Древности Таджикистана» (Душанбе: Дониш, 1985), подготовленный археологами республики и Ленинграда при активном авторском участии сотрудников СТАКЭ Н. Н. Негматов, Т. В. Беляевой, А. Маняхиной, А. К. Мирбабаева, Э. И. Окилова, О. В. Панфилова, У. П. Пулатова, Н. Т. Рахимова, Е. Д. Салтовской, В. М. Соколовского.

Выбор места выставки был не случаен. Огромна роль Санкт-Петербурга — Ленинграда, как одного из ведущих центров мирового востоковедения и археологии, в научном изучении Таджикистана в XIX и XX вв. И здесь хотелось бы сделать небольшой экскурс в историю таджикской археологии, где ярко проявляется роль Санкт-петербургских (ленинградских) ученых, а также отметить ряд решаемых СТАКЭ научных проблем и сделанных ею открытий, которые нашли отражение в материалах названной эрмитажной выставки⁶.

Фиксация, описание археологических и архитектурных древностей, истоки археологической мысли таджикского народа уходят в глубь веков. Еще историк X в. Мухаммад Наршахи в своем труде «История Бухары» отмечал целую серию замковых сооружений в районе Бухары. Другой выдающийся ученый-мыслитель, путешественник, географ и историк Носир Хисрав в своем знаменитом «Сафарнома» описывает множество памятников старины стран Среднего и Ближнего Востока. Его труд служит ценным справочником по раннесредневековым древностям, дает представление об уровне археолого-архитектурной и этнографической мысли XI в. Немало описаний и анализ памятников материальной культуры, в частности художественных изделий и украшений, содержат труды Омара Хайяма, например его «Наврузнома», Восифи, особенно «Бадосъ-ул-вакоъ». Вообще таджикская средневековая научная и художественная проза и поэзия полны материалов археологического, этнографического и искусствоведческого содержания. Сбор и исследование этих материалов ныне начаты в Отделе истории культуры Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан А. Холики. Они не только дополняют материалы археологических раскопок, но и позволяют создать объективную историю науки археологии.

Много было сделано в изучении археологии Таджикистана российскими учеными в конце XIX — первые десятилетия нашего века. Здесь, прежде всего, отметим работы академика В. В. Бартольда, выявившего, описавшего и исторически интерпретировавшего памятники археологии Средней Азии. Большой след в науке оставили, например, его исследования памятников Таджикистана, особенно района Шахристана. Немалый вклад внес в изучение археологических памятников А. А. Семенов. В се-

⁶ См.: Негматов Н. Н. Древности Таджикистана в Эрмитаже // Изв. АН ТаджССР. Серия: востоковедение, история, филология. — 1986. — № 1. — С. 82—83; В экспозиции — древности Таджикистана. — Коммунист Таджикистана. — 1985, 18 мая; Дар экспозиция — таърихи Тоҷикистон. — Адабиёт ва санъат. — 1985, 25 мая; Искандаров Б., Литвинский Б. Таджикистан в Эрмитаже. — Коммунист Таджикистана. — 1985. — 7 июля.

редине 20-х годов им была написана монография «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии». А. А. Семеновым оставлены интересные описания крепостей Кобадияна. Значительная фиксаторская работа проведена М. С. Андреевым, например, по древностям Матчи, Фальгара и Худжанда. Некоторая фиксаторская работа осуществлена членами Туркестанского кружка любителей археологии и ряда других обществ.

У истоков таджикской историографии XX в., в том числе археологии и этнографии, стоял выдающийся ученый и классик культуры Садриддин Айни. В таких его произведениях, как «История мангытских эмиров Бухары», в серии исторических романов мы находим много материалов историко-культурного содержания, в том числе по материальной культуре.

Большой интерес к археологии вообще и Согда в частности вызвали замечательные находки документов VIII в. н. э. на горе Муг в Айнинском районе. Эта находка таджикских пастухов при содействии местного руководителя Пулоди и проведенные раскопки Мугского замка под руководством крупного востоковеда А. А. Фреймана при участии ленинградских и таджикских ученых стали сенсацией востоковедения тех лет. Первые исследования документов на согдийском, арабском и китайском языках, проведенные в 30-х годах иранистом А. А. Фрейманом, арабистами В. А. и Ю. И. Крачковскими и китаистом А. С. Поляковым, стали значительным вкладом в науку. Последующая и многотрудная работа по дешифровке, комментированию и аналитическому, историческому и филологическому исследованию согдийских документов группой крупнейших иранистов — М. Н. Боголюбовым, В. А. Лившицем и О. И. Смирновой, вывели согдологию на передовые позиции мировой науки.

Мугские находки послужили толчком к разворачиванию археологических исследований Зарафшанского Согда — вспомним широкие разведочные работы экспедиций А. Ю. Якубовского, раскопки Г. В. Григорьева на Тали Барзу, М. М. Дьяконова на Пайксенде и краеведческие работы В. Р. Чейлытко в районе Пенджикента.

Так закладывались основы археологии современного Таджикистана. Однако это была пока предистория этой науки.

Решающим событием, положившим начало всеобъемлющему глубокому и систематическому развитию археологии Таджикистана, явилось Всесоюзное археологическое совещание АН СССР в 1945 г., на котором было решено создать Согдийско-Таджикскую (впоследствии Таджикскую) археологическую экспедицию АН СССР и её Таджикского филиала. Во главе экспедиции был поставлен один из крупнейших советских востоковедов, широко знакомый с проблемами археологической науки, член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский, впоследствии один из академиков-учредителей АН Таджикской ССР. Привлечение к работе в экспедиции таких уже маститых ученых, как М. М. Дьяконов, А. И. Тереножкин, А. М. Беленицкий, Л. С. Бретаницкий, П. И. Костров, О. И. Смирнова, а также приходящей в науку молодежи позволило организовать крупную многоотрядную экспедицию, сразу же в первые годы работы поставив широкий круг исследовательских проблем и задач, охватить все основные районы республики. Исследования Пенджикента и Кобадияна, Вахшской и Гиссарской долин, Верхнего Зарафшана и Уструшаны в 40-х — начале 50-х гг. выявили истоки древней культуры таджикского народа, заложили прочную основу археологии Таджикистана и вывели ее на уровень исследований и задач всей науки страны. Таджикская археологическая экспедиция и ее главные участницы — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР и Государственный Эрмитаж, стали своеобраз-

ной школе подготовки первых кадров археологии Таджикистана. В этой работе выдающуюся помощь оказали академики Б. Г. Гафуров, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, А. Ю. Якубовский.

Такое сотрудничество Ленинграда и Таджикистана, обретшее максимальную глубину и широту в новых условиях интеграции, имело, естественно, глубокие многовековые исторические традиции. Так как наша выставка по тематике была посвящена прошлому Таджикистана, хотелось бы сделать два кратких экскурса на ту же тему из прошлого России и таджикского народа.

Экскурс первый. В раннем средневековье русский и таджикский народы пережили один из важнейших периодов своей истории — формирование государственности и этнокультурной общности: русский народ в составе Московского государства, а таджикский — в пределах государства Саманидов. Обоим государствам тогда удалось собрать все потенциальные силы общества и заложить основы средневековой цивилизации русского и таджикского народов. Эти цивилизации встретились на Волге, через Хазарский Каганат и Булгарское царство, встретились хорезмийцы и формирующиеся тогда в народ таджики, с одной стороны, и восточно-славянские народности, с другой. Результаты этого хозяйственно-культурного контакта и взаимовлияния историки, археологи и искусствоведы изучают до сих пор — они выражены в среднеазиатской торевтике и нумизматике во множестве обнаруживаемых на Волге, Каме, Оке, Днестре, Двине, Волгове, в Прибалтике отражены в письменных источниках особенно в историко-географической литературе IX—XII вв. о Средней Азии и Восточной Европе, в многочисленных данных о вывозимых в обе стороны разнообразных товарах и предметах художественных ремесел, сведениях о торгово-дипломатических миссиях.

Экскурс второй. Великий реформатор России Петр Первый пробил Русскому государству окно не только в Европу, но и в Азию. Он стремился вовлечь в орбиту российской политики Прикаспий, Среднюю Азию и Иран, находившиеся на пути в Индию. Его попытки сделать Россию не только крупной европейской, но и азиатской страной способствовали в последующее время налаживанию экономических, торговых и культурных связей, итогом чего стало продолжение традиционного взаимообогащения культур народов России и Средней Азии, обусловили усиление общности исторических судеб наших народов. Последние несколько веков нашей истории представляют множество фактов, подтверждающих это. Один из них — основание Санкт-Петербурга, столицы Русского государства, одного из крупных центров Европы, который, привлекая к себе внимание многих культурных сил тогдашнего мира, в том числе и Средней Азии. Примером тому — трехкратное посещение Санкт-Петербурга в 60—70-х гг. XIX в. выдающимся таджикским ученым-просветителем Ахмадом Донишем. Эти посещения оставили большой след в его творчестве.

С созданием Академии наук Таджикистана и ее Института истории, археологии и этнографии начинается следующий этап исследований истории республики: начинаются сплошные разведочно-фиксаторские работы, расширяются работы стационарно-раскопчные, увеличивается публикация памятников. Особенно большой вклад здесь внесли первые археологи, работающие в самой республике — Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович, Н. Н. Негматов. Впоследствии в эту работу включились В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская, Ю. Якубов, Э. Гулямова, М. А. Бубнова, Т. П. Кияткина, У. П. Пулатов, А. И. Исаков, А. Мирбабаев и др.

Особенно активно археология Таджикистана развивалась в послед-

ние десятилетия. Ныне о ее достижениях известно во многих странах мира. Наши ученые принимают широкое участие в мировом научном обмене, в работах международных научных форумов. Столица Таджикистана, г. Душанбе, стала одним из центров, где проводятся международные симпозиумы. Археологи Таджикистана участвуют в организации ряда изданий Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии при ЮНЕСКО. В настоящее время в Таджикистане археологические исследования ведут два отдела — Отдел археологии и нумизматики и Отдел истории культуры, и три крупные экспедиции — Северо-Таджикистанская, Южно-Таджикистанская и Пенджикентская.

Основной проблемой исследований СТАКЭ является изучение общей динамики этнического, экономического, социального и культурного развития трех древних и средневековых историко-культурных областей — Худжанда, Уструшаны и Западной Ферганы, включающее: а) вопросы культуры эпохи бронзы и раннего железа оседлого населения и кочевников Западной Ферганы; б) изучение исторической топографии и локализации, экономической структуры и материальной культуры древних и средневековых городов Худжанда и Уструшаны; в) вопросы сельского расселения, истории земледелия и ирригации; г) вопросы материальной и духовной культуры — архитектуры, изобразительного и прикладных искусств, религиозных и обрядовых воззрений, культовой, мемориальной, светской архитектуры; д) вопросы средневековой военной фортификации и крепостного зодчества.

Из наиболее выдающихся открытий СТАКЭ отметим:

во-первых, в процессе многолетних исследований Худжанда: а) открыты остатки Арханчского города VI—IV вв. до н. э. — древнейших городских валов, стен и рвов, с комплексом керамических и иных находок; б) открыты остатки крупного города античного периода, получен объективный материал, позволяющий окончательно локализовать город Александрию Эсхату на территории центральной части современного города и закончить длительную в мировом востоковедении дискуссию о его локализации; в) фактически открыта материальная культура средневекового Худжанда; г) разработана археологическая (историко-культурная) стратиграфия Худжанда на протяжении его всей 2500-летней истории. Итоги исследований Худжанда — большой успех археологии Таджикистана.

Во-вторых, открытие мирового значения культуры раннесредневековой Уструшаны, в первую очередь, ее столицы города Бунджиката в районе современного Шахристана. Здесь открыты и изучены выдающиеся памятники архитектуры и искусства — дворцы и замки, гражданские и мемориальные культовые постройки. Особенно ценны шедевры полихромной монументальной живописи и многочисленные образцы тончайшей и разнообразной резьбы по дереву, некогда украшавшие парадные залы, жилые помещения и коридоры дворцов и замков. Сюжеты этих памятников искусства позволяют шаг за шагом открыть богатый и сложный мир уструшанцев — прямых предков таджикского народа. Часть этих памятников была выставлена на Эрмитажной выставке «Древности Таджикистана». Среди них были представлены уникальные шедевры мирового класса «Обугленное дерево панно-тимпан», живописная сцена «Волчица, кормящая двух младенцев» и др.

В-третьих, отметим еще одно крупное открытие последних лет, а именно — открытие городища Нуртепа в Ура-Тюбинском районе. Как показывают итоги уже пятилетних работ, этот город возник в VII—VI вв. до н. э. и функционировал до первых веков до н. э. Это старейший го-

родской центр Сырдарьинского бассейна и всей Северной Средней Азии. Первые материалы раскопок этого города вместе с итогами работ в Худжанде и Ура-Тюбе были доложены нами в четырех научных докладах на двух советско-американских, на советско-французском и советско-индийском симпозиумах.

В-четвертых, следует упомянуть раскопки уникальных скальных склепов близ Курката Науского района, где получены самая крупная в Средней Азии антропологическая серия (около 700 особей) и тысячи различных предметов украшений (золотых, бронзовых, каменных и пр.). Значительные успехи достигнуты по раскопкам других городов и поселений во многих районах Северного Таджикистана.

В-пятых, отметим самое последнее открытие (2 года назад) в Карамазарских горах (Аштский район), где выявлен огромный район скопления наскальных петроглифов (по предварительным подсчетам несколько тысяч рисунков) преимущественно проживавших здесь древнесакских скотоводческих племен. Это настоящий музей под открытым небом. Значение этого открытия еще трудно оценить полностью. Но, несомненно, что оно вместе с итогами проведенных раскопок поселений, курганов и курумов и новейших находок из Исфаринской долины (я имею в виду представленные на выставке уникальные бронзовые скульптуры голов баранов) откроет новые страницы истории сакских племен Средне-Сырдарьинского бассейна.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ЛЕНИНАБАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В полевой сезон 1985 г. проводилось обследование юго-западной, предгорной полосы Кураминского хребта. Маршруты проходили по шлейфу валунно-галечных конусов выноса сформировавшихся ещё в нанайское время (G). Расчленённый многочисленными саями, образовавшимися в результате эрозионных процессов последующих эпох, почти полное отсутствие хорошего первичного материала для изготовления предметов каменного века делает шлейф конуса выноса у подножия Кураминского хребта если не бесперспективным, то крайне сложным районом в плане поисков местонахождений каменного века.

Более интересна долина Алтынтопкана. Здесь имеется целая серия хорошо выраженных террас и уровней. На поверхности одной из них, выше кишлака Кургантепа, найден хорошо выраженный отщеп с изогнутой ударной площадкой. На спинке прослеживаются параллельные фасетки предыдущих снятий.

Разведочной группой обследовались каменоломни, расположенные на расстоянии 7—8 км к С-В от развилки дороги Ташкент—Табошар. Разработки велись в небольшом гранитном хребте, резко выделяющимся своей красноватой окраской. Основное назначение выработок — изготовление жерновов. Здесь встречено большое количество уже готовых изделий, а также заготовок для жерновов в виде крупных блоков гранита, отделённых от коренных пород. На памятнике можно проследить весь процесс производства, начиная от первоначальной разметки до технологии обработки и транспортировки жерновов. Рядом с каменоломнями расположено два небольших поселения. На одном из них найден жернов с диаметром более 2 м. На поверхности самой высокой площадки хребта обнаружен нуклеус — скребок овальной формы, изготовленный из желвака кремнистой породы. Вначале с него снимали небольшие по размерам заготовки. Снятие шло от краёв к центру. Затем по большей части периметра была нанесена краевая мелкая ретушь. В одном месте сделана выемка, подработанная мелкими сколами. Изделие датируется постпалеолитическим временем.

Район поселка ҚИМ характеризуется широким распространением мезозоев и морских палеогеновых отложений. Характерно, что они не перекрыты более поздними отложениями. Формирование четвертичных уровней происходило за счёт переработки первоначальных отложений — их размыва, переноса и врезания в них водных потоков (эрозии). Предметы каменного века собраны¹ к востоку от центральной улицы посёлка, уже за его пределами. Здесь имеется небольшой водоём, площадь которого, по-видимому, раньше была гораздо больше. Об этом свидетельствуют как рассказы местных жителей, так и невысокие озёрные террасы, окружающие водоём. На их поверхности, довольно ровной, с рыхлым верхним слоем, покрытой соляной коркой, и были собраны изделия каменного века. Их всего пять.

1. Трехгранная пластина, по-видимому, снятая с выступающего ребра рабочей поверхности нуклеуса. Изделие покрыто густой чёрной латинной.

¹ Сборы сделаны во время работы автора в составе Этнографической экспедиции МГУ во главе с С. П. Поляковым.

Ударная площадка мелких сколов поперёк пластины. Вторичная подправка краёв не наблюдается. Длина — 8,5 см, максимальная ширина — 3,5 см.

2. Подчетырёхугольная пластина с двумя параллельными негативами предыдущих сколов на спинке. Поверхность пластины как со стороны брюшка, так и со стороны спинки патинизованна. Ударная площадка и бугорок сняты. На их месте сформирован рабочий край. Мелкая, однорядовая ретушь занимает небольшой участок на одном из краёв заготовки, в районе снятой ударной площадки. Длина изделия — 4,5 см, максимальная ширина — 2,6 см.

3. Остриё на обломке конца пластины. Причём, первичной пластины — на её покатои, треугольной спинке сохранилась галечная корка. Поверхность орудия патинизована и выветрена. Углы сглажены. На спинке имеется фасетка скола, сделанного уже после облома пластины. Ретушь прослеживается по обоим краям изделия. Она полностью занимает длинный рабочий край и участок жала на коротком крае. Ретушь крутая, с заламами. Лезвие орудия подправлено мелкой ретушью. Длина изделия — 10 см, ширина на месте облома — 4 см.

4. Скребло с выделенным «носиком». Вся поверхность орудия покрыта густой черной патиной. Заготовкой для скребла послужил отщеп овальной формы, ширина которого (7,5 см) больше длины (по линии удара — 5 см). Вся спинка представляет из себя негатив одного крупного скола. Частично покрытая галечной коркой широкая ударная площадка образует очень удобный участок для зажима орудия в руке. Для выделения «носика» с площадки сделан скол. Рабочий край сформирован на одной из граней «носика», ретушь крутая, с заламами.

5. Здесь же найден небольшой отщеп из кремнённой породы белого цвета. На краях отщеп прослеживается мелкая красная ретушь.

К сожалению, недостаток времени не позволил нам более тщательно осмотреть весь район, примыкающий к посёлку КИМ. Однако уникальность имеющихся здесь геоморфологических отложений даёт возможность предполагать здесь наличие местонахождений изделий каменного века, датирующихся очень ранними периодами палеолита. С другой стороны, присутствие кремнённых пород, небольшая удалённость от стоянки Ходжигор и сходная с ней ситуация (наличие родника) вполне могут служить первоначальной основой для поисков памятников более поздних эпох.

О РАСКОПКАХ НА НУРТЕПА И В ХУДЖАНДЕ

Отряд проводил раскопки на Нуртепа — цитадели, территории города и его округи. Вскрытие вели на раскопах 12, 14 и на новых участках. На раскопе 12 продолжили участок вскрытия в северной части. Верхние культурные горизонты, относящиеся к III—II вв. до н. э., отделены от нижних слоев пахсовой забутовки толщиной 1 м. Он определяет временной разрыв между сложением этих горизонтов. По керамическому материалу из забутовки, ее произвели в конце IV—III в. до н. э. Нижний горизонт включает помещение с хорошо прослеженной западной стеной и керамическим материалом VI—IV вв. до н. э.

В средней заниженной части цитадели вскрывается архитектурное строение (раскоп 14). Здание возведено в самом узком месте между лёссовыми останцовыми клиньями, спускающимися с востока и запада. В этом месте хорошо прослеживается и разделение цитадели на два сектора: северный и южный. Северный с его центральным бугром (раскоп 7) мог представлять храмовую часть. Южный же — дворцово-административную. Строение как бы закрывает свободный проход. Стены строения — восточная и западная, представляет собой лёссовые останцы с закреплением их сырцовым прямоугольным кирпичем размером $50 \times 30 \times 14$ см.

Северная стена выведена из прямоугольного кирпича шириной 1 м. Она оштукатурена желтой плотной глиной толщиной 0,15 см и побелена в зеленоватый тон. Определены четыре помещения. Первоначально было три помещения размером 6×2 м, расположенных анфиладно с севера на юг. Высота сохранившихся стен — 3,5 м. Первое помещение на этапе перестройки разделили на два. В стене оставлен проход шириной 0,9 м. Вдоль северной стены пом. 3 проходит суфа шириной 0,8 м и высотой 0,4 м. Четко прослеживаются этапы ремонтов и перестроек на последнем, третьем этапе, стены наращиваются прямоугольным сырцовым кирпичем в сочетании с квадратным размером $33 \times 33 \times 10$ см. На стенах слои штукатурок достигают 0,1 м, зафиксировано три уровня полов.

Возведение начального комплекса по фрагментам керамики с первого уровня пола относим к VI в. до н. э., а последний — к III в. до н. э. Помещения после прекращения функционирования засыпаются бытовыми отходами, золой. В этих линзах постепенно накапливалась и керамика, определяющая период II—I в. до н. э.

Продолжили раскоп 8 в западном направлении. Вскрыли помещение размером $5,7 \times 4,5$ м, пристроенное к южной крепостной стене. Западная и северная стена выведены квадратным и прямоугольным кирпичем. Кирпичи серо-зеленого тона, из иловой глины, очень плотные, а лёссовые — желтые очень рыхлые без добавки связующего компонента. В северо-западном углу располагался очаг, выложенный из крупных фрагментов керамики от хума. Собранный комплекс керамики с пола определяется III—II в. до н. э.

В центре городской территории расположен отдельно стоящий большой по площади и высокий холм, с немного пониженной средней южной частью. Предварительно был сделан шурф в юго-восточной части, который показал два уровня пола с интенсивно обжитым культурным слоем (раскоп 15). Вскрытие на большой площади (16×4 м) начали в северо-западном углу холма. Выявили западную стену, выведенную сырцовым прямоугольным кирпичем и поперечную шириной 1 м между дву-

мя помещениями. Во втором помещении у западной стены находился небольшой очаг диаметром 0,5 м, керамики очень мало, она не так выразительна по форме, но по технологии ее изготовления, определяется VI—V вв. до н. э.

В северо-восточном секторе города у края холма зачистили гончарную печь. В плане она прямоугольная, размером 2,1×1 м. Топочная часть врублена в лёссовый останец. Высота топочной части 1,65 м. Вся камера ошлакована. Хорошо просматриваются пристенные продухи, их по 5 в каждой длинной стороне и один — в короткой. Перекрытие топочной камеры выводилось, видимо, напуском кирпича, так как по краю получилось четыре ряда, составляющих 60 см. Кирпич прямоугольный, размером 50×30×14 см. Время ее функционирования определяется несколькими фрагментами, попавшими в топочную часть, — V—VI вв. до н. э.

На юге от Нуртепа, в пределах 14 км, Шахристансай поворачивает, и с этого участка называется Ниджанисай, он ооконтуривает довольно ровную площадь примерно в 800 га, пригодную для земледелия. Однако возвышенные берега Ниджанисая не позволяли орошать это плато естественным путем, и тогда воду из Шахристансай стали поднимать по искусственному каналу по левому берегу, на протяжении 4 км высота подъёма достигла 30 м.¹ Разрез в начале головного канала показал длительный период его функционирования. Он трижды переделывался. Первоначальное ложе канала было шириной 5 м при глубине 1,5 м. Иловые отложения достигают 1 м толщины. Выше первого канала сделан второй. Он достигал 8 м ширины при глубине 1,2 м. На третьем этапе ложе еще поднимается и сдвигается к краю. Местность, на которую подняли воду, имеет постепенный склон к северу, и водный поток идет самоотеком. Здесь обнаружена довольно регулярная сеть каналов с трехчастным распределением основных рукавов. От них веерообразно расходятся более мелкие ленты арыков. Восточный рукав с его ответвлениями подавал воду к городу, причем на возвышающуюся часть пригорода канал был поднят по искусственной платформе длиной 1 км. Сделали разрез канала в этой повышенной части. Разрез показал высоту искусственной платформы до 3 м, разрез ложа 8 м шириной, глубиной в 1 м, где слой иловых отложений с отпечатками камышовых листьев достигал 0,6 м. Лента арыка, отходящая от канала, проходила вдоль южной стены Нуртепа и обеспечивала его водой. Разрез этого арыка показал размер ложа шириной 3 м, глубиной 0,7 м и слоем иловых отложений 0,3 м. Функционирование всей ирригационной системы связано с интенсивной жизнью Нуртепа и охватывает V—III вв. до н. э. Сложность создания ирригационной системы, действующей на 14 км трассе и орошавшей около 800 га плодородной земли, определяет технический прогресс в ирригации.

По программе сотрудничества СССР—США в области археологии в августе 1985 г. на Нуртепа раскопные работы вели директор Музея Пибоди Гарвардского университета, профессор К. Ламберг-Карловский и ассистент Вилесейской колледжа, доктор Филипп Коль. Они выбрали участок размером 5×10 м на цитадели, в ее северо-восточном секторе, немного выше от раскопа 6. Участок был разделен контрольной бровкой в средней части. Верхний обозначен как раскоп А, нижний как раскоп В. Вскрытие вели по всей площади по горизонтали культурного слоя. На раскопе А первый культурный горизонт определился в пределах (пер-

¹ Начало двух отводных каналов было отмечено еще в 1973 г. См.: Билалов А. И. Из истории орошения Уструшаны.— Душанбе, 1980.— С. 36.

вых двух ярусов) 1 м. Была вскрыта часть архитектурного строения, от которого в раскоп вошла стена, идущая с востока на запад и поворачивающая на север. Стена шириной 1 м выведена сырцовым кирпичом. В помещении, образовавшемся в северо-восточном секторе, сохранилось наслоение глиняной штукатурки с многочисленными побелками. Керамический материал, собранный из первого культурного горизонта, определяется IV—III вв. до н. э. Полностью убрали первый горизонт и начали вскрытие второго. Второй горизонт залегает на глубине 1,7 м. Вскрыта дворовая часть и расчищена уложенная галечником дорожка шириной 1 м. Керамический материал обильный, представлен комплексом V—VI вв. до н. э.

На раскопе В первый культурный горизонт определился на глубине 1 м. В нем обнаружена группа хозяйственно-бытовых ям с массой керамического материала IV—II вв. до н. э. Ниже начался довольно чистый слой. Вскрытие решили провести не на всей площади, а только в восточной части. Опустились траншеей 1 м на глубину 0,5 м и обнаружили скопление фрагментов керамики от крупного хума, в котором находились кости человека. Тогда очень тщательно стали расширять участок по направлению залегания керамики. Оконтурилась яма (размером 2×2 м, глубиной 1,6 м), в которой находились кости людей в беспорядочном расположении. Зачистка костей и керамики, где находились еще мелкие угли, надела нас на определение ее как места, связанного с совершением какого-то обряда. После определения всех костей антропологом Т. П. Кияткиной выявлено, что в яму были брошены шесть человек: 1) женщина пожилая; 2) женщина средних лет (20—25); 3) ребенок 4—5 лет; 4) ребенок 3—4 лет; 5) ребенок 2,5—3 года; 6) ребенок 2—3 лет.

Все черепа относятся к европейской расе, недеформированные. Кости многие фрагментарные, костяки собираются неполностью. Некоторые из них были оборелье. По керамическому материалу время появления этой ритуальной ямы относится к V—началу IV вв. до н. э. Итак, исследование городища Нуртепа открывает все новые и новые страницы материальной культуры древней Уструшаны.

В этом сезоне сделано два открытия: выявлена сложная ирригационная система и определено ее довольно точное время функционирования; зафиксирован ритуальный обряд, связанный с жертвоприношением. Среди городищ, отмеченных на территории Уструшаны, Нуртепа является самым крупным по площади, и, конечно, оно занимало одно из главных мест в регионе.

Ходженский отряд в 1985 г. занимался обследованием крепостных стен средневековой цитадели, которые разрушаются местными жителями. Там, где находятся ворота в восточном фесе, с внутренней стороны подрубил стену в нижней части на 1,5 м, и теперь верхние кладки обваливаются. В юго-восточном углу, где начинается пандус к воротам Арка, срезали часть восточной стены на протяжении 8 м, обнажилась стена, выведенная из прямоугольного кирпича. В этом месте с внешней стороны решили сделать зачистки, чтобы получить структуру возведения стены по периодам. Взяли участок 8 м × 3,65 м от защитной стены, поставленной у памятника В. Баранову. Убрали оплывшую часть стены и обнажили грань крепостной стены, выведенной сырцовым кирпичом размером 42×21×8 см. Кирпич был положен в ритмичной кладке плашмя и на торец. Нижние четыре ряда лежат плашмя на гребне паховой стены выступающей от наружной грани на 2, 3 м. Выше кирпичи лежат в следующей последовательности: ряд на торце с уклоном вправо. Выше три ряда плашмя короткой стороной, ряд на торце влево, три ряда плаш-

мя уже длинной стороной; ряд на торце вправо, один ряд длинной стороной; ряд на торце вправо, один ряд длинной стороной; ряд на торце влево; два ряда кирпичей плашмя длинной стороной и ряд короткой, ряд на торце влево и т. д. Вся эта очень переклещенная кладка связана глиняным раствором и составляет высоту 3 м при ширине 1,1 м. Несомненно, такой технический прием возведения стены был связан с учетом сейсмических колебаний. Такая же кладка просматривается и на другой стене, обе же эти стены составляют внутрстенный коридор шириной 2 м.

Вскрытая часть коридора была заполнена рыхлым слоем земли и затеками с мелкими фрагментами керамики X в. Так, общая толщина крепостной стены цитадели Ходжента составляла 4 м и представляет собой один из этапов перестройки. На гребне этой стены зафиксирован небольшой слой размытых кирпичей с зольными прослойками, а выше — надстройка по той же системе строительства и укладке кирпичей, переплетающихся плашмя и торцовой стороной. Форма кирпича, однако, квадратная — $26 \times 26 \times 6$ см. Кладка сохранилась на высоту 1—1,5 м. Снаружи от этих трех стен и на гребне той же пахсовой стены желтого тона поднимается пахсовая стена толщиной 2 м, высотой 3 м, вверху ее толщина уменьшается до 1 м.

На гребне этих стен начинается сплошная кладка, выведенная крупными глиняными комьями — гувалак, стена, толщиной 5 м и поднимается на высоту до 3—4 м с постепенным уменьшением до 0,7 м. От середины этой стены по наружному фасу спускается до дневной поверхности оплыв, состоящий из рыхлой разрушенной пахсовой и кирпичной массы. К каким периодам строительства относятся эти этапы, можно определить лишь по формату кирпича и аналогичным наслоениям в других местах. Такая же желтая, плотная пахса с мелким иловым вкраплением была зафиксирована в стратиграфическом шурфе 29 на Арке между кладками стен раннего средневековья, где сырцовый кирпич $50 \times 50 \times 8$ см и верхней — паховыми лентами в сочетании с прямоугольным кирпичем $42 \times 21 \times 8$ см, которая по керамике из бадрабной ямы определилась X—XI вв.⁴ Стена из желтой пахсы могла возникнуть в конце VIII—IX вв. Для Ходжентского Арка — это четвертый культурный горизонт.

На этом участке стена из желтой пахсы перекрыта кладкой сырцовых кирпичей прямоугольного формата, такого же, как на Арке, в сочетании с паховыми лентами. Время их возведения одно, разница только в техническом устройстве. Прямоугольный сырец такого формата был в Согде в X—XI вв.⁵

В заполнение коридора попали фрагменты керамики X—XI вв. Возведение и длительное функционирование стены приходится на X—XIII вв. Достройка ее, но уже сырцовым квадратным кирпичем; проводилась, возможно, в XIV в. Пахсовая стена, пристроенная снаружи, включала фрагменты керамики XII—XIV вв. и могла быть возведена не раньше XV в. Самая верхняя стена из гувалак была последним этапом обновления крепостных стен, проводившегося во второй половине XVIII в. при правлении Ходжентского бека Акбуты.

Таким образом на этом участке зафиксировали пять этапов перестройки фортификационной системы Ходжентской цитадели, проводившихся на протяжении тысячелетия.

⁴ См.: Беляева Т. В. Некоторые итоги работ Ходжентского отряда в 1978 г. // АРТ. — Вып. XVIII. — Душанбе, 1984. — С. 337.

⁵ См.: Ремпель Л. И., Ахоров И. Резной штурк Афрасиаба. — Ташкент, 1971. — С. 21.

**ОБЩИЙ ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ НУРТЕПА В 1980—1985 гг.
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ИЗУЧЕНИЮ
И СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКА**

Общество охраны памятников истории и культуры Таджикистана (заказчик) и Институт истории им. А. Дониша АН республики (исполнитель) выполнили ходовые работы по исследованию новооткрытого памятника — городища Нуртепа в Ура-Тюбинском районе.

Исследования городища Нуртепа проводились Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедицией под руководством член-корреспондента АН Таджикистана Н. Н. Негматова. Полевые работы проводились Ниджонийским (1980—1981 гг.) и Нуртепским (1982—1985 гг.) отрядами в течение шести лет.

Городище общей площадью 18 га расположено в местности Хаватаг Ура-Тюбинского района Ленинабадской области, в средней части невысокой и неширокой холмистой лёссово-щебенчатой гряды, тянущейся с юго-востока на северо-запад и вклинивающейся в Голодную степь почти на меридиане Хавата.

Вдоль восточного подножия гряды протекает Ниджонисай. Городище, начинаясь у восточного подножия, расширяясь в форме полуовала, занимает территорию с большими перепадами рельефа. Цитадель располагается в средней части городища с восточной стороны. Она несколько вытянута с юга на север, внутри по центру — поката к югу и юго-востоку, где, видимо, располагались ворота.

Вдоль западного фаса цитадели с внешней стороны проходит сильно заниженный овраг. В весенний период в нем собирается талая вода и потоком вытекает в сай, который проходит с запада на восток и идет вдоль южного фаса цитадели. Сай свои воды выносит в Ниджонисай.

Территория города тоже поката с севера на юг. В северном и южном углублениях располагались ворота.

На протяжении шести лет было проведено восемь полевых сезонов, заложено 15 раскопов. Некоторые расширялись и вскрывались послойно.

Раскоп 6 вскрывался как стратиграфический объект. Он расположен в северо-восточной части цитадели площадью 172 м² — в течение пяти лет вскрыты все культурные слои этого участка. Нижний горизонт (глубина 3,5 м) сохранил культурный слой и землянку овальной формы в диаметре 3 м. В середине находился подквадратный очаг, выложенный кусками лёсса. Около очага найден наконечник стрелы, втулчатый, трехперый, характерный для VI—V вв. до н. э. Выше культурный слой, перекрывающий нижний, содержал остатки строения, где восточная стена выполнена из подрубленного лёссового останца и закреплена сырцовым кирпичом, а поперечные стены — полностью из сырцового кирпича. На полу около северной стены лежали 4 предмета, 3 — изготовленные из бронзы и 1 из железа. Предметы представляют инструменты домашнего обихода. Из них определены два предмета. Один железный стригиль — скребок, которым пользовались, как правило, греческие воины и спортсмены как массажной ложкой. Подобные предметы известны для эллинистической эпохи и являются чисто греческими изделиями. Керамический материал, сопровождавший эти предметы, и сами предметы по аналогии с другими относятся к концу IV—III вв. до н. э. Верхние два горизонта были вскрыты во всех квадратах и содержали архитектурные остатки и материал III—II вв. до н. э.

Так, стратиграфический раскоп 6 вскрыл культурные горизонты цитадели, охватывающие период VI—II вв. до н. э.

В середине цитадели, в пониженной части, в раскопе 14, вскрывается архитектурный комплекс. Строение возведено в самом узком месте лёссовых спускающихся клиньев. Уже определилось 4 помещения. Восточная и западная стены состоят из лёссовых останков, подкреплённых прямоугольным сырцовым кирпичом. Другие стены выведены только сырцовым кирпичом. В одном помещении опустились до первоначального уровня пола, но зафиксировали еще два верхних. Возведение строения относится по керамике к VI в. до н. э., а ремонтные этапы — к IV в. до н. э.

Второй участок, где начато вскрытие архитектурного комплекса, находится в центре городской территории на отдельно стоящем очень большом холме. Этот участок получил наименование раскоп 15. Он только начат в сезоне 1985 г. Пока можно говорить о наличии верхнего строительного горизонта, определяющегося V—IV вв. до н. э.

На раскопах 3, 8, 9 был поставлен вопрос о выяснении крепостных сооружений города и цитадели. Раскоп 8 вскрывался на протяжении пяти лет. Осуществлен полный разрез южной стены цитадели. Он дал картину поэтапного сложения крепостной стены. Первоначально естественный лёссовый останец, проходящий с востока на запад гряды, был подрублен на высоту 1,6 м и закреплен прямоугольным сырцовым кирпичом с обеих сторон. Ширина останца — 4,5 м. На втором этапе с внутренней стороны была пристроена пахсовая стена толщиной 3 м. На третьем этапе стену по всей ее 7,5-метровой толщине наращивают прямоугольным сырцом, оставляя внутристенный коридор или камеру. Внешняя часть была мощной, в 5 м шириной, а общая толщина — 8 м. На четвертом этапе стену вновь наращивали вверх только на основе внешней части. Она получается всего шириной 5 м. В последний, четвертый строительный этап в кладке использовался сырцовый кирпич прямоугольного формата в сочетании с квадратным. Это сочетание на других памятниках зафиксировано для IV в. до н. э. Возведение же третьего этапа по формату сырцового кирпича, встречающегося и в других памятниках, определяется V в. до н. э. Первые два этапа представляют древнейший метод укрепления для памятников конца VII—VI вв. до н. э. На Нуртепа изучением крепостных стен города и цитадели впервые хорошо выявлена практика использования в фортификации рельефа местности, в данном случае возвышенных лёссовых отложений, что ранее не учитывалось и считалось только естественной платформой таких сооружений.

На раскопе 12, расположенном в южной части цитадели, выявлено также три культурных горизонта. В первом горизонте, относящемся к VI—V вв. до н. э., была зачищена почти полностью сохранившаяся отопительная печь. Она квадратная (1×1 м), с топочной системой в нижней части, от которой вверх поднимался горячий воздух и через клетчатую систему сырцовых кирпичей проходил вверх. Кирпичи нагревались и долго держали тепло. Сбоку от нагревательной камеры была пристроена камера для выпечки, видимо, хлеба или нагрева жидкостей. Среди керамического материала обнаружен фрагмент хума с письменностью, выполненной процарапыванием по сырому еще черепку.

Верхний горизонт раскопа содержал массу фрагментарной керамики. Керамика после тщательной обработки предстала хорошим комплексом, который характеризует гончарное производство III в. до н. э.

В северной части цитадели имеется отдельно стоящий холм. Его исследование показало, что он использовался в ритуальном плане. На вер-

шине его в один из последних периодов было возведено строение из сырцового кирпича. К северо-востоку от центрального бугра американскими коллегами в 1985 г. заложены два раскопа А и В. На раскопе А в первом горизонте открыто частично архитектурное строение. На раскопе В в третьем горизонте зачищена яма размером 2×2 м, обложенная большими фрагментами от хумов, котлов, кувшинов. В яме находились угли. Яма служила местом совершения какого-то погребального обряда, в ней были обнаружены человеческие скелеты в хаотическом состоянии и небольшие сосудики. В результате определения костей антропологом Т. П. Княткиной установлено, что части тела принадлежали двум женщинам и четырём детям в возрасте 2—4 лет. Некоторые кости обгоревшие, там же находятся угли. По керамическому материалу, время появления ям с её содержимым относится к V — нач. IV в. до н. э.

На территории города, в юго-восточном секторе, вскрывался раскоп 4, площадью 80 м². Здесь выявлены культурные слои трех периодов обживания этого участка. Слой самого раннего периода определяется концом VII—V вв. до н. э. Второй горизонт относится к раннему античному периоду (III—II вв. до н. э.). Эти слои сильно потревожены впускными погребениями в хумах, совершавшимися в V—VIII вв. н. э. В первом нижнем горизонте были открыты землянки, у которых одна сторона обязательно врезана в лёссовый останец. Второй горизонт уже имел наземную архитектуру, возведенную из сырцового кирпича.

По территории города закладывались также контрольные раскопы № 10, 11, 2, 1. Раскопом 10 определено обживание берега и существование сая, который проходит от середины территории города в восточном направлении и впадает в Ниджонисай. Раскопы 11 и 2 определили культурный слой одного горизонта VI—V вв. до н. э. Раскоп 1 на северном участке городской территории также показал обживание ее в землянках в VI в. до н. э.

В северо-восточном секторе городища зачищена гончарная печь. Она двухъярусная, прямоугольная, размером 2×1 м, относится к IV в. до н. э.

Водоснабжение играет всегда одну из главных проблем городской жизни. Поэтому были сделаны разведочные маршруты и раскопы. Результатами разведочного маршрута выявлена разветвленная ирригационная система, относящаяся к Нуртепа и его округе. Она начинается от левого берега Шахристансая и путем постепенного поднятия воды по каналу, идущему на протяжении 2 км, поднимается на высокий берег, достигающий 30 м отметки. Разрез в начале головного канала показал длительность его использования и тройную перестройку. Местность, на которую подняли воду, имеет постепенный склон к северу, и водный поток шел самотеком. На площади протяженностью 14 км ирригационная сеть распределялась трехотводными каналами. От них всеобразно расходились более мелкие арыки. Восточный отвод с разветвлениями подавал воду к городу, причем на подходе к возвышенному городу канал подняли на искусственно насыпанную платформу высотой до 3 м и длиной в 1 км. Сделали разрез канала в этой повышенной части. Ложе канала шириной 8 м сохранило иловое отложение с камышовыми отпечатками толщиной до 0,6 м. Лента канала отходила от него и вдоль южного фаса городской стены проходила в город. Разрез этого канала показал размер его ложа до 3 м, глубиной 0,7 м с отложениями ила до 0,3 м. Функционирование всей ирригационной системы сельскохозяйственной округи и городского водоснабжения связано с интенсивной жизнью Нуртепа. Сложность создания всей ирригационной системы, орошающей около 800 га плодород-

ной земли, определяет значительный технический прогресс, которым овладели жители Нуртепа.

Предварительная обработка керамического материала из первого нижнего культурного горизонта позволяет говорить о начальном заселении этой территории в эпоху поздней бронзы. Находясь в тесных хозяйственно-торговых контактах с северными скотоводческими племенными объединениями, жители Нуртепа, будучи земледельцами, связанными тесными узами с южными земледельческими регионами Средней Азии, и хорошо владевшие гончарным ремеслом все же не утратили навыков домашнего ручного изготовления посуды. В керамическом материале Нуртепа налицо синтез двух культур, с преимуществом местных элементов. В подтверждение отметим, что сравнение керамического материала Нуртепа с Кучуктепа II, Яздепа II, выявляет их большую близость и в то же время — некоторую разность. Так же проведено сравнение и с культурой северных областей Ферганы и Чача.

Таким образом, итоги охранных работ на Нуртепа позволяют прийти к следующим выводам и предложениям:

I. Нуртепа имеет огромное значение в выявлении раннего этапа городской жизни в Сырдарьинском бассейне и решении проблемы начального этапа урбанизации всей Северной Средней Азии. Городище содержит культурные слои самых древних периодов, которые в предстоящие годы необходимо более тщательно изучать раскопками на больших площадях, что недоступно на многих других памятниках. Впервые получены данные о фортификации города в VI—V вв. до н. э., о начальном заселении территории, переходе от земляночных построек к городской наземной архитектуре. Сумма раскопок дает ответы по многим историко-культурным вопросам. Уже сейчас, на первом этапе исследований, мы можем говорить о специфической локальности древней культуры Уструшаны. Выявление экономических связей с северными и южными районами определяет место Нуртепа, как связующего звена в общем историческом процессе. Освоение быстро вращающегося гончарного станка, металлообрабатывающего ремесла и ирригационной техники, текстильного педального станочного устройства — все это указывает на высокую культуру горожан. Нуртепа становится исторически ключевым памятником древнего Таджикистана и всей Средней Азии.

II. Раскопки Нуртепа, благодаря исключительному значению памятников в археологии и древней истории Средней Азии обратили на себя внимание советских и зарубежных исследователей. О нем уже сделаны первые публикации во всеююзных ежегодниках «Археологические открытия» (1981, 1982, 1983, 1984, 1985 гг.) и в ряде сборников статей. Материалы Нуртепа вошли в серию научных докладов, прочитанных на двусторонних советско-американских и советско-французских симпозиумах, а также всеююзных и региональных конференциях. Примечателен факт начала совместных советско-американских раскопок на Нуртепа по программе научного сотрудничества СССР — США в области археологии. В настоящее время начата подготовка первой книги о раскопках Нуртепа, которая будет издана под грифом Общества охраны памятников и Института истории им. А. Дониша.

III. Городище Нуртепа фактически стало объектом охранных раскопочных работ и тесного сотрудничества Общества охраны памятников и Института истории им. А. Дониша. Такую работу целесообразно продолжить в новой пятилетке (1986—1990 гг.) путем прямого заключения нового пятилетнего трудового соглашения с выделением ежегодных средств

по смете хоздоговора для дальнейших раскопок и нижеследующих охранных мероприятий.

Учитывая научное и историко-культурное значение городища Нуртепа (пункты I и II) необходимо: 1) просить Министерство культуры Таджикистана: а) включить городище Нуртепа в список памятников истории и культуры союзного значения; б) на основе существующих законов и инструкций войти с ходатайством в соответствующие органы о выделении охранной зоны памятника—30 м полосы со всех сторон с запрещением всех видов хозяйственно-строительных работ на территории памятника и его охранной зоны; в) безотлагательно установить 5 капитальных постоянных охранных железных щитов (3 — на пешеходных тропинках-подъемах на городище с восточной стороны вдоль речки Ниджони, 1 — на северо-восточном углу городища и 1 — на южной границе городища с надписью «Городище Нуртепа — развалины города Хаватак VII—II вв. до н. э. Охраняется государством»;

2) возложить на Северо-Таджикистанскую археологическую комплексную экспедицию Института истории им. А. Дониша, наряду с научными охранными раскопочными работами, совместно с СНРПМ Министерства культуры подготовку проектно-сметной документации охранных работ городища Нуртепа в целом, с выделением двух наиболее важных и показательных раскопочных участков городища для капитального ограждения и павильонного перекрытия с целью создания культурно-просветительского музея Общества охраны памятников. Создание такого просветительского объекта Общества именно на городище Нуртепа в Ура-Тюбинском районе наиболее целесообразно в связи с расположением рядом с городищем, в поселке Хаватаг, крупных и перспективных водолечебных курортов с многотысячным контингентом лечащихся из Таджикистана, Узбекистана и других республик страны. Для этого, кроме денежных средств на охранные раскопки, дополнительно выделить, согласно хоздоговорной смете, средства на подготовку проектно-сметной документации, а в последующие годы — на производство капитальных работ по музеефикации Нуртепа;

3) Обществу охраны памятников и АН Таджикистана войти с ходатайством в соответствующие органы о выделении вблизи городища Нуртепа, в районе поселка Хаватаг Ура-Тюбинского района, постоянного земельного участка площадью ориентировочно 100×100 м для устройства археологической экспедиционной базы с жилыми и лабораторными помещениями с элементами первичного благоустройства (водопроводом, душевыми, деревонасаждением и др.).

НАЧАЛО РАСКОПОК ЗАМКА КАППАТЕПА В ИЛАКЕ

В полевом сезоне 1985 г. в составе Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции был создан Илакский отряд, в составе которого работало несколько отдельных групп. Научно-охранные работы велись в юго-западных отрогах Карамазарских гор, в зоне предполагаемого затопления. Сотрудники отряда вели поиски памятников каменного века (В. А. Жуков), проводили фиксацию наскальных изображений (О. В. Панфилов) и изучали погребальные сооружения района (В. К. Джумаев).

Основным объектом раскопочных работ отряда стал холм Каппатепа¹, расположенный к северо-западу от пос. Табашар и представляющий собой феодальный замок раннесредневекового Илака.

Илак — историко-культурная область Средней Азии, ядро территории которой составлял бассейн р. Ахангаран. Благодаря своему большому экономическому потенциалу, базирующемуся на добыче полезных ископаемых, Илак сыграл важную роль в истории Средней Азии. К настоящему времени археологами проделана большая работа по выявлению и изучению памятников Илака, дающих ценные сведения о всех сторонах жизни населения этого владения².

Однако вышесказанное в большей мере относится к памятникам Илака, расположенным в Ташкентском оазисе. Юго-восточная часть Илака — Карамазар, входящая ныне в состав Ленинабадской области Таджикистана остается относительно слабоизученной, хотя следует отметить большую работу по изучению древних выработок и заброшенных рудников³; скрупулезно проанализированы и классифицированы погребальные сооружения Западной Ферганы (часть Илака) и их инвентарь⁴. Значительные работы по изучению поселений проделаны в Аштском районе — на памятниках Тудан Хурд и Тудан Калон⁵.

¹ Данный холм известен у жителей окрестных кишлаков под двумя названиями: Актепа и Каппатепа. Учитывая многочисленность и частую употребляемость в археологической литературе памятников с названием Актепа, мы отдали предпочтение второму названию, хотя и менее употребляемому местными жителями.

² См.: Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака.— Ташкент: Фан, 1975; Он же. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса.— Ташкент: Фан, 1982; Древняя и средневековая культура Чача.— Ташкент: Фан, 1979.

³ См.: Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой.— Тр. АН ТаджССР. Институт истории, археологии и этнографии.— Т. XXVI.— Сталинабад, 1954.— С. 10, 12—13, 20, 35, 61.

⁴ См.: Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы.— М.: Наука, 1972; Он же. Керамика из могильников Западной Ферганы.— М.: Наука, 1973; Он же. Украшения из могильников Западной Ферганы.— М., 1973; Он же. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы.— М., 1978; Салтовская Е. Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках».— УСА.— Вып. 3.— Л., 1975.

⁵ См.: Салтовская Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье //АКД.— Душанбе, 1972.

В 1975, 1978—1980 гг. сотрудниками Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции был раскопан замок Тиркаштепа, расположенный на юго-западной окраине пос. Табошар⁶. Полученные данные (комплексы керамики, архитектура) позволили по-новому взглянуть на материальную культуру средневекового Илака. Однако судить о характере оседлой культуры Илака по имеющимся материалам затруднительно. В связи с этим особую значимость приобрели работы Илакского хозяйственного отряда СТАКЭ, начавшего в 1985 г. раскопки нового памятника — замка Каппатепа.

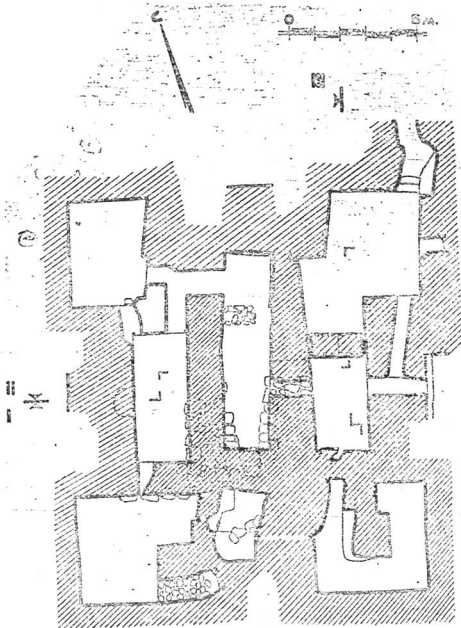

Рис. Каппатепа. План раскопа

Памятник представляет собой холм овальной формы (пл. 0,25 га при высоте 13 м), расположен на южной оконечности адырной гряды по левому борту ущелья Токмакская (рис.). Визуально холм похож на хорошо

⁶ См.: Салтовская Е. Д. Начало раскопок Тиркаштепа // АРТ.— Вып. XVIII (1978).— Душанбе: Дониш, 1984.— С. 292.

известные в Средней Азии раннесредневековые тепа с площадкой⁷. При выборе места для строительства замка был использован рельеф местности: южная оконечность вытянутой адырной гряды была отделена от ее остальной части искусственным рвом, а затем на разровненной площадке возведены строения. Таким образом, слегка подправленная, галечно-лессовая оконечность адыра стала естественной платформой. Ровная территория между зданием и рвом была превращена во двор. По всей поверхности холма разбросаны фрагменты керамики, главным образом фрагменты лепных изделий. В северо-восточной части — две-три неглубокие ямы: результаты изыскательных работ геологической партии, работавшей в окрестностях пос. Табошар в 1983—1984 гг. в связи с предстоящими работами по строительству водозабора; судя по отвалам керамических фрагментов шурфы геологов прорезали культурные слои памятника. Самая пологая часть склонов холма в северо-западной части — по всей вероятности, именно здесь и находился подъем к замку. Западное подножие холма Каппатапа — самая широкая часть устья Токмаксай, обильная родниками. Маловодная речушка Токмаксай, берущая начало с ручейков Кураминского хребта, в летний период пересыхает. Основная часть воды в виде родников выходит на поверхность у холма Каппатапа и сливается в один ручей. Вдоль речушки, вверх по устью тянется дорога, ведущая к Алтынтапканскому перевалу и далее в долину р. Ахангаран — центральную часть средневекового Илака. Как видно из вышеприведенного описания месторасположения памятника, замок был построен при выходе из устья в широкую долину — в восточную часть Дальверзинской степи, расположенную между хребтами Курама и Моголтау и уже само расположение памятника указывало на его ключевую позицию в торговле между Илаком и Ходжентом.

Раскопные работы были начаты в северо-восточной части холма. Здесь был заложен раскоп I размером 8×4 м. Под дерновым слоем грунт не очень плотный — серый лёсс с вкраплениями мелкого щебня. Уже в конце I яруса начала проследиваться стена, имеющая направление по оси север—юг. Дальнейшая зачистка показала, что в северной части раскопа стена под прямым углом поворачивает на восток. Видно, в этой части раскопа — углы двух смежных помещений. Слой насыщен обломками сырца и многочисленными фрагментами лепной керамики, среди которых встречаются отдельные части изделий станковой работы: в основном стенки и донца сосудов. Среди находок — нижняя часть кувшина, фрагменты венчиков, стенка закопченного котла с ручкой, петлевидные ручки кружек. По обнаруженным фрагментам трудно восстановить форму изделий. По составу теста и технике изготовления фрагменты керамики I яруса идентичны подъемному материалу.

В южной части раскопа I обнаружена стена по оси запад—восток, перпендикулярная ранее обнаруженной. Таким образом был зачищен юго-восточный угол помещения. На удалении 1 м от угла на запад зачищен проход, выводящий из помещения за пределы раскопа. По характеру грунта северная и южная части раскопа отличаются друг от друга: в северной — грунт более плотный, с обломками сырца и кусками пахсы, в южной — рыхлый порошокобразный лёсс с гумусом и золой. Здесь встречаются кусочки обгорелой древесины, угля, фрагменты керамики. Среди находок — металлические наконечники стрелы (?), гвоздь и

⁷ О подобных памятниках Чач-Илака см.: Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. — Ташкент: Фан, 1973. — 85 (583), 89 (618), 92 (640) и др.

фрагменты стекла. Интересна хорошо сохранившаяся ножка стеклянного бокальчика.

В начале II яруса — порошкообразный лёсс по всей площади раскопа, лишь в его юго-западной части — зольник, насыщенный фрагментами керамики, среди них пряслице, два металлических изделия. К сожалению, из-за сильной коррозии форму и функциональное назначение изделий трудно определить. Полная зачистка раскопа на уровне II яруса показала следующую картину.

В северной части зачищен скелет головой на север, однако его анатомический порядок был нарушен — кости лежали в беспорядке. Судя по размерам костей, здесь был погребен ребенок. Сопровождающий инвентарь отсутствовал, что затрудняет датировку погребения. Судя по всему, погребение было совершено после прекращения жизни на Каппатепа, в домусульманский период. В западной части раскопа — полоса рыхлого грунта, перемешанного с золой. Здесь, на двух участках, — скопления камней средних размеров. Под камнями — зола, угольки и кости. Вокруг и среди камней был сделан ряд интересных находок: многочисленные фрагменты мелкопузырчатого стекла разных цветов и стеклянных изделий (ручка кружки, поддон, стенки и ножки рюмок), металлические изделия, куски шлака и две серебряные монеты. Очень много фрагментов керамики, среди них и станкового производства. Здесь же был обнаружен единственный за весь полевой сезон фрагмент поливного изделия — часть чашечки, покрытая плотной коричневой глазурью. Других глазурованных фрагментов керамики на территории раскопа не было обнаружено.

В южной части раскопа на этом уровне зачищен ряд кирпичей (размеры 50×25×10 см), которые поставлены под углом к северу. Дальнейшее углубление показало, что в следующем, III ярусе, под вышеописанными кирпичами рыхлый лёсс; т. е. зачищенный ряд кирпичей как бы «повисает» в воздухе. Возможно, это часть свода.

Ввиду того, что в раскоп попали отдельные части смежных помещений, площадь раскопа была расширена на запад ещё на 6 м (размер новой прирезки 6×8 м). На уровне II—III ярусов от репера здесь обозначились контуры нескольких помещений, соединенных между собой проходами.

Раскоп 2. Для выяснения характера культурных наслоений южной части холма здесь был заложен раскоп 2 (размеры 6×2 м), вытянутый с запада на восток. Под дерновым слоем в этой части холма — рыхлый лёсс серого цвета с отдельными кусками сырца. Архитектурные остатки на уровне верхнего яруса отсутствуют. В центре раскопа — скопления камней среднего размера, вокруг которых зольные пятна, обожженный грунт (комья глины красно-бурого цвета). Здесь же были обнаружены фрагменты стеклянных и керамических изделий. Интересна горловина керамического сосуда с двумя рядами вертикальных насечек: от венчика до плечика сосуда. Рядом был обнаружен груболопной котел со следами копоти на стенках. Тулово округлой формы. Венчик и тулово соединены вертикальной ручкой с жгутовым орнаментом — насечками, что характерно для изделий подобного рода с памятников Каунчи II и III, а также комплекса Мингуриук Ташкентской области⁸. Кроме фрагментов керамики, здесь был найден неповрежденный бронзовый колокольчик.

В начале III яруса рыхлый грунт сменялся более плотным; местами

⁸ См.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. — Ташкент: Фан, 1975. — С. 130. — Рис. 48, 9, 10.

встречались комья глины и обломки кирпичей. В центре раскопа 2, под камнями было расчищено подковообразное в плане сооружение из пахсы, со следами воздействия огня, возможно, это очаг, а вокруг — камни. К западу от очага, на расстоянии 1,5 м, найдены многочисленные фрагменты стекла, небольшой обломок ножа и миниатюрная бронзовая (?) ложечка (длина 11 см, диаметр стержня ручки — 0,4 см). В северо-западной части раскопа расчищен отрезок оштукатуренной стены. В самом углу раскопа стена закругляется, образуя своеобразную, округлой формы нишу. Ниша была заполнена лёссом, насыщенным органическими остатками, золой и мелкими камушками. Здесь были найдены фрагменты керамики, в основном стенки сосудов, изготовленных на гончарном круге; петлевидные ручки кружек (2 шт.); верхняя часть кувшина (горловина с венчиком и часть тулова с ручкой), верхняя часть горшка-котелка с закопченными стенками, на которых с двух сторон имеются дугообразные ручки; донные части небольших сосудов, похожих на чашевидные кубки, венчик хума с насечками по нижней внешней стороне. Остальная часть керамического материала сильно фрагментированная и не дает форму изделий. Здесь же наряду с керамикой обнаружены фрагменты мелкопузырчатого стекла разных цветов, плоское каменное пряслице, два железных изделия, одно из которых похоже на нож.

Раскоп 3 был заложен на восточном склоне холма. Размеры 8×2 м. Раскоп вытнут по оси север — юг. Основная цель работ в этой части памятника — выяснение назначения упорядоченной каменной выкладки по всей окружности холма. На 8-метровом отрезке производилась зачистка, которая показала, что холм был опоясан вымосткой из рваного камня. Зачищены 3—4 слоя камней, образующих вертикальную каменную стенку высотой 60—80 см. Никаких находок вдоль очищаемой стенки не обнаружено. По всей вероятности, эта кладка — укрепление краев платформы под зданием от оползней.

Таким образом, раскопочные работы велись почти по всей площади памятника, за исключением площадки (дворика), примыкающей с севера к основному холму.

На уровне III яруса в раскопках 1 и 2 оконтурились помещения, и основные усилия участников отряда были направлены на их зачистку и выяснение функционального назначения. Дальнейшая зачистка, фиксация находок и описание велись по помещениям раскопываемого комплекса.

Помещение № 1 — наиболее хорошо сохранившееся из всех, расположено в северо-восточной части комплекса и несколько выступает из его остальной части. В плане оно прямоугольное, размером 4×3,5 м, слегка вытянутое по оси север—юг. Стены помещения ориентированы по сторонам света: западная и восточная по оси север—восток (4 м), северная и южная — по оси восток—запад (3,5 м). Стены, сложенные из крупноформатных кирпичей (размеры 30×21×9—10 см), сохранились на очень большую высоту: в юго-западном углу они достигают 4,2 м, в других точках немного ниже, но в пределах 4 м. На внутренней поверхности стен сохранилась штукатурка (лучше на северной и западной стенах).

На удалении 2,5 м от северо-западного угла помещения северная стена обрывается, оставляя пространство для прохода в северо-восточном углу. Ширина проема — 1 м; толщина северной стены (по проему) равна 1 м. Этот проем выводит из помещения № 1 во двор. Проем сводчатый, начинается на уровне III яруса от репера и заканчивается в конце VII яруса, т. е. высота проема равна 2 м. Западная стена на удалении 2,5 м от северо-западного угла пом. № 1 поворачивает на запад..

Как было отмечено выше, северная и западная стены хорошо оштукатурены.

На восточной стене обмазка не сохранилась. На удалении 2 м от северо-восточного угла на стене прослеживаются контуры сводчатого проема.

На отдельных участках южной стены сохранились следы штукатурки. В 20 см от юго-восточного угла помещения № 1, на южной стене также имеется сводчатый проход, но он невысокий, ширина прохода 60 см. Южная стена не смыкается с западной, а на удалении 22 м от угла она поворачивает на юг, образуя восточную стену помещения № 2.

Все стены в своих нижних частях имеют следы воздействия огня. Западная стена на уровне VII—IX ярусов сохранила копоть. Северная стена на этих же уровнях буровато-коричневого цвета, сохранились многочисленные угольки, ввевшиеся в обмазку стены.

Следы воздействия огня наблюдаются и на восточной стене; они здесь и выше на 1 м, т. е. начинаются с уровня V яруса. Хорошо заметны чередующиеся красно-оранжевые и буро-коричневые полосы. В юго-западном углу помещения — большое скопление угольков.

Пол помещения зачищен на уровне IX яруса. Заполнение неоднородное; в верхних ярусах неплотный, местами рыхлый порошкообразный серый лёсс, а внизу чаще плотные массивы с обломками кирпичей или кусками пахсы. В северо-западном углу — груда крупных камней, а на юго-западной части — плотный завал из кирпичей, который, начинаясь в самых верхних ярусах, доходит до уровня пола. В заполнении помещения, на уровне IV—V ярусов зачищены две обгоревшие балки. Они лежали наклонно к востоку вдоль северной стены помещения. Диаметр обгорелых балок 12—14 см. В других частях помещения крупных балок нет, но много зольных линз, особенно у восточной стены. Линзы имеют наклон с севера на юг.

В нижних ярусах особенно часто стали встречаться фрагменты керамики. На полу *in situ* были обнаружены два небольших хума ручной лепки. В одном из них был маленький лепной сосуд. На уровне VII—VIII ярусов было обнаружено много фрагментов керамики. Пол зачищен в конце V яруса. В центре помещения, прямо на полу обнаружена археологически целая хумча, лежавшая на боку. Сосуд лепной, неровного обжига, тесто с примесью шамота. Венчик хумчи слегка отогнут наружу. Размеры хумчи: высота — 45 см, диаметр венчика — 25 см, диаметр поддона — 33 см, прямая горловина — 4 см. По всей вероятности, сосуд лежал на полу, обвалившиеся сверху кирпичи придавили его и он треснул. Вокруг хумчи грунт темно-коричневого цвета. К западу от сосуда и на расстоянии 1 м к северу от него лежали несколько кусков обгорелого дерева, видимо, балки. Камни и фрагменты керамики, обнаруженные здесь же, имеют следы воздействия огня. Найден фрагмент интересного сосуда — нижняя часть изделия (вероятно, ножка), похожего на ножки крупных бокалов (размеры: сохранившаяся высота — 5 см, диаметр нижней части — 9 см). На дне, с края имеется отверстие. В самой нижней части боковых поверхностей ножки диаметрально расположены еще два небольших отверстия.

Вся нижняя часть помещения № 1 над полом завалена обломками сырцовых кирпичей. Иногда встречаются целые кирпичи. Среди них в 20 см над поверхностью пола найдена лепная круглодонная чашечка (размеры: диаметр — 11 см, высота — 3,5 см, толщина стенок — 0,6 см). Тесто грубое, содержит многочисленные мелкие белые вкрапления гипса и шамота. Сосуд подвержен сильному воздействию огня. Рядом найдены

две косточки персика (?), также обгорелые. Как было сказано выше, лёссовое заполнение в нижней части помещения коричнево-бурого цвета. Некоторые сыровые кирпичи обожжены до красноты. В юго-западном углу помещения лежал хум, верхняя часть которого разбита. Внутри него — кирпич большого формата. Этот кирпич, по-видимому, упав на хум сверху, разбил его и оказался внутри хума.

Таким образом, зачистка показала, что пол помещения № 1 на глубине 4,5 м от репера. Заполнение разнохарактерное: рыхлый лёсс и плотный завал из обломков кирпичей. На полу много керамики. В нижней части помещения обмазки стен, заполнение и находки имеют следы воздействия сильного огня. В северо-восточном углу зачищен арочный проем, выводящий из помещения во двор. При зачистке проема, здесь были обнаружены фрагменты керамики и наконечник стрелы (?).

Помещение № 2. Юго-западнее помещения № 1 расположено другое — узкое, вытянутое с севера на юг, обозначенное нами как пом. № 2. Размеры помещения — 7×2 м. Бывшее в начальный период единым, через некоторое время помещение № 2 разделено на две части стеной. Северная (помещение 2 а), меньшая по размерам, полностью забита кирпичами. В завале (на уровне IV—V ярусов) найдено много фрагментов керамики, среди которых две целые лепные кружки. Кружки маленькие, с ручкой грубого изготовления, невысокое прямое тулово. Под кружками обнаружены фрагменты металлического изделия, бесформенность которого не позволяет определить его назначение.

В северо-восточном углу помещения, на стыке с помещением № 1 — сильный завал. При зачистке здесь были обнаружены фрагменты алебастрового столика-дастархана (часть с ножкой) и маленькое бронзовое колечко.

Южная часть помещения № 2 (пом. 2) по характеру заполнения отличается от северной: здесь грунт рыхлый, порошкообразный. Многочисленные фрагменты керамики. В северо-западном углу имеется проход в соседнее помещение № 3. Здесь же в углу, впритык к стене, разделяющей помещения № 2 на две части, найдены три жернова, лежащие друг на друге. В северо-западной части помещения № 2 б найден бронзовый колокольчик закрытого типа. В восточной стене, на уровне IV яруса оконтурился узкий проход, заканчивающийся большой стреловидной бойницей на восточной поверхности внешней стены. В толще стены проход имеет длинное ответвление, по которому можно попасть в помещение № 1. Эти ходы в толще внешней стены очень узкие и низкие; передвижение по ним возможно лишь на четвереньках.

Помещение № 3. К западу от помещения № 2 зачищено ещё одно помещение — № 3. Эти два смежных помещения разделены кирпичной стеной, толщиной 60 см. В верхнем ярусе, сразу же под дерновым слоем часто встречаются фрагменты керамики. В середине помещения, на уровне начала II яруса — большой зольник, насыщенный находками. Среди них фрагменты кружек, на ручках которых горизонтальные заклепки, обломок ножа и другие металлические изделия, трудно поддающиеся определению (подвержены сильной коррозии).

Первоначально была зачищена северная стена помещения № 3 (по оси запад—восток). При дальнейших работах оконтуривались все стены данного помещения.

Помещение № 3 — узкое, прямоугольное, вытянутое с севера на юг, со сторонами $7,5 \times 1,8$ м. Зачистка была начата с северо-восточного угла. Грунт рыхлый серовато-пепельного цвета. На границе I и II ярусов най-

дены точильный камень (кайрак) вытянуто-подтреугольной формы и фрагменты керамики. Во II—III ярусах грунт постепенно меняется. Здесь мощный слой, содержащий обгорелые остатки — угольки, мелкие кости. Грунт черного цвета, вперемежку с золой. На уровне IV—V ярусов найдены фрагменты керамики со следами воздействия огня: венчик хума, почти целая лепная чашечка, фрагмент кружки с петлевидной ручкой, а также другие находки — три заготовки для пряслиц из стенок сосудов, продолговатая зернотерка.

В северной части помещения заполнение рыхлое, в южной — плотное, однородное, изредка встречаются фрагменты керамики.

В северо-западной части восточная стена не смыкается с северной стеной помещения № 3. Здесь расположен довольно широкий проход (ширина — 1,17 м), выводящий в следующее помещение № 4. Однако можно предположить, что уровень пола здесь на том же уровне, что и в помещении № 1 (т. е. на уровне IX яруса).

Помещение № 4. Вышеописанный проход в северо-западном углу помещения № 3, в форме буквы «Г» огибает западную стену помещения № 3 и соединяет его с помещением № 4. Это помещение, подобно двум предыдущим, — узкое, прямоугольное в плане, вытянутое с севера на юг, но уступает им в длине. Размеры помещения № 4 — 4,8×2 м. Хорошо сохранились все стены помещения. Заполнение разнородное; в отдельных местах рыхлый грунт серого цвета, а местами — заполнение довольно плотное. В этом помещении реже встречаются фрагменты керамики. В юго-восточном углу раскопаны два хума, расположенные один на другом. Уровень пола пока не зачищен. Южная стена, вероятно, поздняя по времени возведения. Это заметно по плохой стыковке южной стены с боковой поверхностью восточной стены помещения в юго-восточном углу. Можно предположить, что в первый период между помещениями № 4 и № 5 не было стены (как это было между помещениями № 1 и 2), а позднее были отделены.

На восточной стене на уровне начала V яруса просматривается ряд камней, до которых прослеживается обмазка, далее вниз (V—VIII ярусы) стена без штукатурки, с неровной боковой поверхностью. На противоположной, западной стене помещения № 4 такой границы не видно, но в нижних ярусах стена также оштукатурена. В северо-западном углу помещения, на месте стыка северной и западной стен, на уровне IV яруса зачищена ниша.

Уровень пола прохода, соединяющего пом. № 3 и 4 обнаружен на уровне начала IV яруса в то время как пол самого помещения № 4 еще на уровне VII яруса не обнаружен. Видимо, это связано с тем что на уровне пола прохода находился деревянный настил, служивший полом для верхнего помещения, т. е. раскапываемый замок был двухэтажным. Об этом говорят и высота стен, и остатки обгорелых балок. Дальнейшая зачистка до уровня пола поможет выяснить характер и функциональное назначение помещения.

Помещение № 5. Расположено на юго-западной части холма. После снятия дернового слоя уже в конце I — нач. II яруса начали проступать контуры помещения, был зачищен его северо-восточный угол. В связи с тем, что помещение располагалось на юго-восточном склоне холма, другие углы и стены были окопаны значительно выше. Северная стена пом. № 5 общая с пом. № 4, т. е. эта стена разделяет два помещения. Из стен хорошо сохранились северная и восточная. Заполнение разнохарактерное. Плотный лёсс серого цвета, встречаются фрагменты сырца. В восточной части помещения — заполнение плотное. На

уровне IV—V ярусов диагонально проходят два гумусных слоя, между которыми имеется натечный слой. Многочисленны фрагменты керамики — лепной и станковой. Преобладают фрагменты тарных изделий типа хума и хумчи. Среди находок два больших фрагмента (каменных) зернотерок. В северо-западном углу зачищен целый амфоровидный сосуд. В середине западной стены, на уровне VI яруса обнаружен маленький сосуд без ручки, ниже зафиксирован хум. На уровне VI яруса восточная часть помещения занята плотным слоем. Зачистка показала, что это ряд кирпичей, лежащих наклонно к северу. Юго-западный угол помещения имеет следы воздействия огня. На обмозке — сильная копоть. В середине помещения, на уровне V яруса обнаружено маленькое плоское пряслице, также сильно прокопченное; обломки чашечки, стенки крупной кружки с петлевидной ручкой. Кружка лепная, красноглиняная. Здесь же найдена глиняная очажная подставка.

Хорошо прослеживается восточная стена помещения № 5. Сохранность стены хорошая. Лишь только на одном небольшом участке поверхности обмозка обвалилась и обнажила кирпичи. В юго-восточном углу, на уровне V яруса обнаружена крупная каменная бусина, несколько стенок сосудов станковой работы. Заполнение в этой части помещения плотное, вперемежку с обломками кирпичей. При оконтуривании помещения выяснилось, что восточная стена не смыкается с северной. Здесь, в северо-состочном углу широкий проход (ширина 2 м) или же глубокая ниша.

У восточной стены помещения, на уровне V яруса обнаружен интесный керамический фрагмент — венчик большого котла или тагора. На горизонтальной площадке отогнутого венчика — волнистый узор, проведенный семизубой гребенкой. Такой же узор проведен ниже венчика по горловине изделия. Изготовлен на круге, красноглиняный. По качеству выделки, обжигу и составу теста фрагмент резко отличается от ранее находимых.

Следует отметить, что стена в юго-восточном углу помещения № 5 начинается не под дерновым слоем, а значительно ниже (на 30—70 см). В этой же части помещения — плотный завал из обломков кирпичей. Завал имеет уклон на запад; под ним зачищен упорядоченный ряд кирпичей, стоящих на коротком ребре.

Таким образом, на юго-западе холма оконтурилось помещение № 5. По размерам и форме оно близко к помещению № 1. Размеры помещения 3×4 м. Зачистка помещения в сезоне 1985 г. не завершена. Переходим к описанию находок.

КЕРАМИКА. Основную часть находок при раскопках Каппатепе составляют фрагменты керамических изделий. Общее количество фрагментов около 6 тыс. Преобладают фрагменты лепных изделий (68,6%). Представлены все части изделий — венчики, горловины, донца, боковины, ручки, что позволяет восстановить формы сосудов и определить их назначение. Кроме того, были найдены и целые экземпляры.

По своему назначению керамика делится на несколько групп:

1. Столовая посуда — горшки, кувшины, чашки и кружки.

Изделия изготовлены из хорошо промешанного теста, в которое включен кристаллический гипс. Сосуды покрыты ангобом разной густоты и имеют оттенки черного, серого, красного и коричневого цвета. Оттенки зависят от температуры обжига.

Среди горшков преобладают сосуды средней величины высотой 20—25 см и диаметром устья 16—18 см. Форма тулова у всех горшков поч-

ти одинаковая — круглая, донце плоское. На плечиках, иногда на тулове горшков по сырой глине, до ангобирования острой палочкой прочерчивался широкий горизонтальный пояс, заполненный треугольниками, иногда два таких пояса — на горловине и на тулове. Обычно треугольники пояса через один заполнены рядами насечек, нанесенных до ангобирования. Такая орнаментация треугольниками хорошо известна по многим памятникам Илака⁸. Реже встречаются другие виды орнаментации — горизонтальные параллельные линии, между которыми зигзаг, ряды насечек между линиями и др.

Кувшины представлены как целыми экземплярами, так и фрагментами. Для них характерно округлое грушевидное тулово, высокая прямая горловина с закрученным, слегка утонченным или подтреугольным в сечении венчиком, слегка или круто отогнутым наружу, иногда с ложбинкой с внутренней стороны для упора крышки кувшина. Дно плоское. Часть кувшинов имеет слив, сделанный фестончатой формовкой венчика — легким отгибом края изнутри. В большинстве случаев ручки крепились к венчику, напротив слива и другим концом к плечу сосуда. Изделия покрыты ангобом различных оттенков, чаще светло-красным или белым. Некоторые из кувшинов имеют орнаментацию: треугольники в поясе, ромбическая сетка и др., что также имеет аналогии на соседних памятниках Илака⁹.

Чаши разнообразны по форме и пропорциям. Имеются как фрагменты, так и целые экземпляры. Эти сосуды, как правило, очень разнообразны. Среди них резко выделяется один целый экземпляр. Чаша изготовлена из трех частей — верхняя, нижняя части тулова и донце. Верхняя часть лепится к телу чаши изнутри, в результате чего у места крепления создается бугорок-перегиб, который затем поправлен на круге. Черепок чаши очень тонкий, обжиг хороший. Сосуд отличается тщательностью обработки, изнутри и снаружи покрыт кремово-розовым ангобом. Венчик чаши закругленно-вытянутый в сечении. Донце выделено слабо. Размеры сосуда: диаметр устья — 19 см; диаметр донца — 6,5 см, высота — 5,5 см. Подобные чаши очень характерны для памятников Илака, датируемых IV—V в. н. э.¹⁰.

Кружки — наиболее часто встречаемый при раскопках Каппатепа вид изделий. Встречались как целые сосуды, так и во фрагментах, особенно небольшие петлевидные ручки, крепящиеся на тулове. Кружки весьма разнообразны по форме и пропорции. Однако мы в данной работе не имеем возможности выделить все типы данной категории изделий. Кружки имеют округло-бочонкообразное, коническо-округленное, округленно-усеченное, плавно-округленное или прямой цилиндрической формы тулово. Сосуды изготовлялись как из хорошо отмученной глины, так и из теста невысокого качества. Разного качества и техника изготовления. Некоторые орнаментированы по тулову — небольшие шашечки на одной линии по кругу в средней части тулова, другие выделяются тем, что имеется небольшой слив, выполненный легким выгибом устья наружу. В среднем сосуды имеют следующие размеры: высота 6—12 см, диаметр устья колеблется: самое маленькое — 4 см, наиболее широко открытое устье — 8 см; диаметр донца — в среднем 6—8 см. Наиболее характерная черта изделий — наличие небольших ручек-петелек, иногда прикры-

⁸ См.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. — С. 130. — Рис. 48, 9, 10.

⁹ См.: Там же. — С. 134.

¹⁰ См.: Там же. — С. 134—135. — Рис. 48, 11—21, 24.

тых сверху горизонтальными щитками — налентами для упора. Подобные типы кружек часто встречаются на памятниках Илака минггюрюкского времени — VII—VIII вв.¹¹

2. Керамика следующей группы — тарной, представлена хумами и хумча. Много целых сосудов. Выше было отмечено, что при зачистке некоторых помещений нижнего этажа были обнаружены стоящие на полу или лежащие на боку хумы и хумча. Они разнообразны по форме и размерам. Все сосуды — плоскодонные. Форма тулова — вытянуто-бочкообразная. Хумча от хумов отличается более приземистым туловом. Венчики изделий в сечении имеют подпрямоугольную форму, прямые или слегка отогнутые наружу.

Хумы лепились ленточным способом и на круге. Некоторые формировались на матерчатом шаблоне, о чем свидетельствуют отпечатки ткани на фрагментах. До ангобирования часть сосудов украшалась одной или двумя линиями или же растительным орнаментом по всей поверхности тулова. Все линии и рисунки наносились острой палочкой по сырой глине. Хумы и хумча покрыты ангобом цвета яркой терракоты, белокремевым. На многих хумах имеются следы красной или коричневой краски.

Керамика третьей группы — кухонная посуда, представлена котлами и жаровнями. Имеются два целых котла и множество фрагментов. Котлы грушевидной или же шарообразной формы, без выделенной или же со слабовыраженной горловиной. Венчик резко отогнут наружу и прямо срезан. С внутренней стороны венчика имеется ложбинка для крышек. Внешний диаметр устья — 14—16 см, у открытых типов — 19—20 см. Сосуды плоскодонные, диаметр донца — 20 см. Ручки котлов выполнены в виде дуги или кольца, некоторые лепились прямо под венчиком, имеются жгутикообразные ручки, восходящиеся к ручкам с рудиментами фигурок животного или их имитирующие, каучинского типа.

Жаровни плоскодонные, имеющие невысокие вертикальные стенки. Изделия изготовлены из жаростойкого теста, способного выдержать высокую температуру.

Последнюю, четвертую группу керамических изделий с Капатапа составляют различного назначения поделки из керамики: фрагмент зооморфной терракотки, подставки, так называемые, «шашлычницы», пряслица различной формы и пропорций и другие изделия.

Изделия из металла. Весьма ценными находками являются серебряные монеты¹² «бухархудатского» типа, бывшие в обращении в VII—VIII в. н. э., а иногда встречающиеся и в более позднее время — XI—XII вв.

На лицевой стороне монет — погрудный портрет правителя вправо. На голове — трехзубчатая корона. Перед лицом правителя надпись «Аль-Махди» арабским письмом, а за головой царя — надпись согдийским письмом. На обороте монет изображен ступенчатый алтарь с пламенем. В пламени — голова Ахурамазды. По сторонам алтаря в рост стоят жрецы-мобеды с копиями. Все три найденные монеты однотипны.

Другая не менее важная металлическая находка — бронзовая ложка. Длина 11 см. Стержень ложки круглый в сечении диаметром 0,4 см. О назначении данной ложки трудно сказать определенно: или это

¹¹ См.: Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы формирования городской культуры Ташкентского оазиса. — Ташкент: Фан, 1982. — С. 85.

¹² Монеты определены старшим научным сотрудником Института истории им. А. Дониша АН Таджикистана Довутовым Д.

туалетная ложечка или же просто ухвертка. Внешне близкие предметы — ухвертки, хорошо известны по раскопкам могильников Северного Таджикистана, т. е. на территории Илака, на памятниках, расположенных совсем недалеко от Каппатепе. Однако эти находки, в отличие от каппатепинской, в большинстве случаев в конце стержня имеют отверстие или петельки для подвешивания, а также они меньше по размерам (наиболее крупные экземпляры — 6,8 и 8,4 см¹³).

Известна ухвертка и из Южного Таджикистана. Она найдена при раскопках на городище Кафыркала¹⁴.

Более близки к нашей находке медные, бронзовые, костяные или деревянные ложечки часто встречаемые при раскопках аланских памятников Северного Кавказа¹⁵ и гунских памятников Забайкалья, Тувы и Монголии¹⁶. Аналогичная нашей по размеру (11 см), но имеющая двойную спираль в конце ручки-стержня, ложечка найдена в верхнем горизонте Джеты Асар № 3 в Нижней Сырдарье¹⁷.

Близость вышеописанной ложечки к нашей, вероятно, не случайна. Следует отметить, что и керамика из Каппатепе во многом перекликается с изделиями из Нижней и Средней Сырдарьи.

Другие металлургические изделия: небольшое бронзовое изделие (брактеев?), круглое, в верхней части имеется петелька для подвешивания; бронзовое колечко, бронзовый колокольчик; наконечник стрелы и черенок ножа (железные).

Стекло. В верхних ярусах Каппатепе найдено много фрагментов стеклянных изделий. Мелкопузырчатое стекло разных цветов: зеленого, синего, голубого. Целых форм нет. Имеются донца бутылей, горловины флаконов и ручки, ножки бокалов, а также многочисленные фрагменты стенок изделий.

Каменные изделия. Среди находок с Каппатепе много изделий, сделанных из разных пород камня. Они представлены жерновами, зернотерками, терочками и др. Особенно много жерновов, как целых, так и в фрагментах.

Жернов I изготовлен из мелкозернистого песчаника серого цвета. Диаметр — 36 см, толщина — 11 см. В центре имеется сквозное отверстие, диаметр которого в устье канала — 5,5 см, а у выхода — 3,5 см. Верхняя поверхность хорошо обработана, а нижняя, по всей вероятности,

ПЗ
сти, тщательной обработке не подвергалась (полевой шифр КТ85—
IV яр).

¹³ См.: Литвинский Б. А. Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы.— С. 136.

¹⁴ См.: Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана.— М.: Наука, 1985.— С. 105.— Рис. 38, 10.

¹⁵ См.: Минаев Т. Н. Археологические памятники на р. Гиляч, в верховьях Кубани.— МИА СССР.— 1951.— № 23.— С. 287.— Рис. 14; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА СССР.— 1962.— № 106.— Рис. 16, 6.

¹⁶ См.: Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади.— СЛ.— 1946.— № VIII.— С. 56.— Рис. 1; Руденко С. И. Культура Хуннов и Ноин-Улинские курганы.— М., 1962.— С. 36—37.— Рис. 26 е; С. 35.— Рис. 27 в; табл. VIII 8—9.

¹⁷ См.: Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты Асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана.— М.: Наука, 1968.— С. 68.

Жернов 2 овальной формы, изготовлен из песчаника. Диаметр — 38 см, толщина — 11 см. Этот жернов также не доработан: поверхности не отшлифованы. В центре небольшая лунка-углубление (диаметр 5 см). Вероятно, это нижний жернов (верхние имеют сквозные отверстия).

Всего в сезоне 1985 г. найдено 10 жерновов. По породе камня и размерам они делятся на две группы: первая изготовлена из массивных форм, вторая — из кремнистых пород и меньшей толщины. Среди наших находок имеются и жернова, использованные для размола рудных пород: они имеют по кругу канавки небольшой глубины — известно, что выплавка металла из зерновой руды лучше, чем из рудной пыли. В связи с этим для раздробления рудной породы использовались жернова с канавками на рабочей поверхности¹⁸. Кроме жерновов, найдены 2 ладье-видные зернотерки и много терочников.

Таким образом, за период работы Илакского хоздоговорного отряда Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции в полеводом сезоне 1985 г. на памятнике Каппатепе раскопаны шесть помещений. Три из них прямоугольные, вытянутые по линии С—В, расположены в центре главного здания замка Каппатепе. Четвертое — прямоугольное, вытянутое по линии З—В, примыкает к трем вышеописанным с южной стороны. В плане эти четыре помещения напоминают раннесредневековые замки коридоро-гребенчатой планировки, хорошо известные в Средней Азии. На двух противоположных краях холма зачищены еще два помещения (№ 1 и 5), которые, в отличие от предыдущих, в плане подквадратные. Вероятно, они выполняли функции башен. Все помещения соединены проходами между собой, а помещение № 1 еще и со двором. Кроме того, в толще восточной внешней стены замка зачищен узкий сводчатый коридор, соединяющий помещения № 1 и 2б между собой. Стены замка, сложенные из сырцовых кирпичей и хорошо оштукатуренные, сохранились на высоту до 4,5 м. Соотношение уровней полов проходов (IV ярус) и помещений (IX ярус) свидетельствует, что здание замка было двухэтажным. Этажи разделялись деревянным настилом — во время зачистки помещений были обнаружены на стенах пазы для балок, а в заполнении — фрагменты обгорелых балок и, возможно, деревянного настила. В двух помещениях (№ 1 и 4) на полу обнаружены археологически целые хумы. Вероятно, помещения нижнего этажа являлись хозяйственными, а верхние — жилыми. Центральное помещение (№ 3) сильно пострадало от пожара: в заполнении много обуглившего дерева, золы и угольков, обмозка стен прокалена на 2—4 см, почти на всех керамических находках — копыт.

Фортификация замка изучена пока еще недостаточно. Внешняя восточная стена достигает 2,3 м толщины. На стене зачищена 1 стреловидная бойница. К северному фасу замка примыкает дворик.

Многочисленны и разнообразны находки: керамика (кружки, кувшины, чираги-светильники, хумы, котлы и др.), изделия из металла (железные наконечники стрелы и обломок ножа, бронзовые колокольчики и колечко), каменные и керамические пряслица, стекло, бусины и многое другое.

Памятник Каппатепе по своим материалам незауряден и дает богатый материал для изучения архитектурной традиции и материальной культуры раннесредневекового горнорудного Илака.

¹⁸ См.: Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. — Ташкент: Фан, 1978. — С. 73.

О РАБОТАХ НА ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КАХКАХА I

В 1981—1985 гг. в поселке Шахристан Ура-Тюбинского района на городище Калаи Кахкаха I после двенадцатилетнего перерыва были продолжены археологические исследования на объекте II—III¹.

Кахкаха I представляет собой укрепленное городище с оборонительными башнями, некоторые из них сохранились до наших дней. Городище расположено на предгорной террасе, имеющей с востока крутой откос в сай, с запада городище отделено от предгорья скалистыми выступами и естественным глубоким оврагом, понижающимся в пойму сая. С юга платформа ограничена от более возвышенной её части овражистым образованием с уклоном в сай (рис. 1.)

Рис. 1. 1. Городище Калаи Кахкаха I. Общий план

Северная сторона террасы с относительно пологим склоном имеет наиболее облегченный доступ на городище и поэтому является «слабым местом» в фортификационном отношении всей территории Кахкаха I. О том, что на данном участке имеется оборонительная стена, подсказывает силуэт рельефа с четырьмя возвышениями, которые еще в 1950 г. были

¹ Работы велись в составе Северо-Таджикистанской комплексной археологической экспедиции под руководством чл.-кор. Н. Н. Негматова.

определены О. И. Смирновой, как оплывшие остатки башен. Они принадлежали двойному ряду стен — внешнему, проходившему по перегибу террасы, и внутреннему — в виде вала, понижавшегося к центру городища на юг. Там же, где предполагались башни, автором гипотетически определены два въезда на городище, т. е. с запада и востока оборонительной стены, причем восточный «въезд (главный) прослеживается в непосредственной близости от остатков цитадели»².

С целью определения структуры оборонительного сооружения в 1963 г. В. Я. Сергиным было положено начало раскопок у вершины предполагаемых остатков восточной башни³. В ходе работ было раскрыто три помещения, стены которого возведены на материковом выходе (объект I). Они примыкают к внутренней оборонительной стене и относятся к одному строительному периоду. Анализ керамических находок позволил В. Я. Сергину определить раннюю датировку раскопанной части VI, VII—VIII вв. Выявлены также периоды — IX, XI—XII и XIX в. Предположение о существовании двойного ряда оборонительных стен с башнями не подтвердилось, по утверждению автора, оказался неудачным выбор раскопа.

В 1968 г. исследование было продолжено В. В. Семеновым и охватило тот же участок стен с запада, где было вскрыто 10 помещений (объект II), и с востока, непосредственно у раскопа В. Я. Сергина — 4 помещения (объект III). Результатами работ стали тщательно выполненные планы и разрезы, наглядно иллюстрирующие пять архитектурно-строительных периодов. Выявлена планировка помещений, примыкающих к внутренней оборонительной стене, — это коридорообразные отсеки, вытянутые с севера на юг и разделенные приставными поперечными стенками. Вопрос о наличии башен, предполагавшихся О. И. Смирновой, остался открытым.

В 1974 г. А. И. Билаловым с запада от объекта III были открыты еще четыре помещения. Раскопками была охвачена и восточная оконечность оборонительной стены возле объекта I, не затронутая В. Я. Сергиным.

Таким образом, неизученным оставалось среднее звено участка между объектами II и III, что и составило цель исследовательских работ в 1981—1985 гг. (рис. 2).

На площади 14×18 м за указанные археологические сезоны было раскопано 8 помещений у северной оборонительной стены и обнаружены стены предшествующего помещения периода. Работы были начаты в северо-западной стороне исследуемой зоны. На расстоянии 3-х м от раскопок В. В. Семенова, на глубине 0,5 м от дневной поверхности обнаружена крепостная стена, а на глубине 1,3 м — прилегающие к ней стены, ориентированные с севера на юг. Последние образуют секцию, аналогичную тем, что расположены в соседних раскопах, и состоящую из смежных помещений (№ 1—2). В дальнейшем ходе работ вдоль крепостной стены в восточном направлении вплоть до раскопа А. И. Билалова были открыты остальные три секции с такими же парными помещениями (№ 3—4, 5—6, 7—8). Планировка их представляет собой коридорообраз-

² Смирнова О. И. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. //Тр. ТАЭ.— Т. II.— МИА.— № 37.— М.; Л., 1953.— С. 192.

³ См.: Сергин В. Я. Раскопки на городище Какхаа I. Сообщение Государственного республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств.— Вып. IV.— Душанбе, 1966.— С. 29—58.

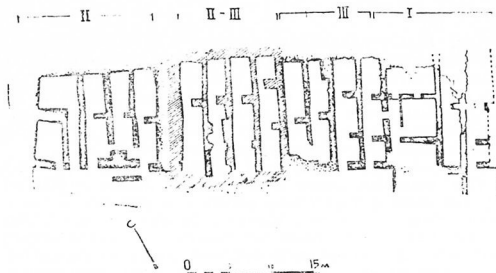

Рис. 2. Городище Калаи Кахкаха 1. План и разрез объекта II—III

ное пространство, разделенное поперечной стеной таким образом, что между торцом последней и западной стеной оставался проход. Уровень полов в секциях с общей закономерностью: заметным уклоном с севера на юг, что соответствует общему снижению рельефа к центру городища.

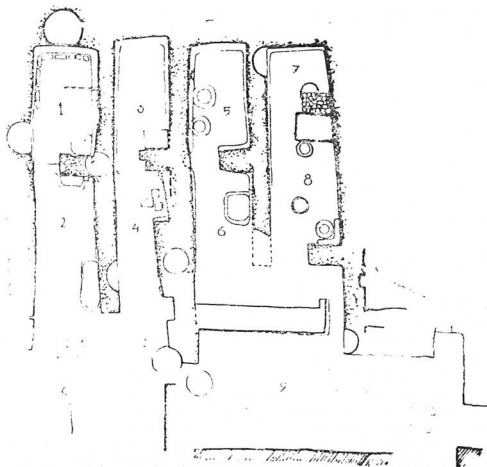

Рис. 3. Городище Калаи Кахкаха 1. План помещений 1—9

Помещение № 1 — квадратное в плане (1,25×4,25 м) (рис. 3). Северную его часть составляет крепостная стена, сложенная из двух рядов паховых блоков и сохранившаяся на высоту 2,35 м. Высота сохранных «секционных» стен значительно ниже: восточная возвышается от 0,45 м до 0,75 м, западная имеет метровую высоту. Над паховой кладкой западной стены прослеживаются четыре ряда сырцовых кирпичей высотой 40 см. Южная стена, образующая проём, высотой 55 см.

Заполнение помещения от дневной поверхности до пола было неравномерным. Под дерновым слоем, составляющим 20 см, начинался метровый культурный слой, который был насыщен угольками, костями животных, кусками сгоревшего дерева. Начиная от верха сохранившихся стен, на глубину 1,2 м заполнение было следующим: вдоль стен мягкая структура, центральная же часть имела плотный завал из сырцовых кирпичей, который прерывался слоем сырца (12—15 см) светло-коричневого цвета, выстилающим всю поверхность пола. В завале на высоте 0,7 м от пола найден железный нож с полый ручкой. На выступающем слое в центре помещения прослежены гумусные остатки (толщиной 1,5—2 см) светло-зеленого цвета. На выступающем слое расчищены каменные плитки и несколько половинок обожженного кирпича, уложенные в один ряд вдоль северной и западной стен. Плитки изредка и беспорядочно попадались и в других частях заполнения, но лежали над упомянутым выше слоем.

В центре восточной стены (на 10 см выше пола) имеются два значительных очаговых пятна с красновато-бурой вогнутой поверхностью и следами копоти. Они различной величины и расположены на расстоянии 1,4 м от северного угла (северный — 45×20 см, южный — 90×48 см). Перед очагами на полу расположены линзы, заполненные золой и угольками. Они отдалены от стены на 20 см и сдвинуты относительно обожженных пятен на стене к югу. Такое расположение очаговых зон на полу и на стене объясняется действием сквозняка через входной проем, относящего жар к стене и направляющего его вдоль стены по тепловоду, функцию которого выполнял ряд плиток, частично сохранившихся вдоль основания стен.

Еще одно очаговое пятно имеется непосредственно в основании южной стены (23×10 см).

В выстилающем пол светло-коричневым слоем на расстоянии 110 см от северной стены расчищены истлевшие остатки тонкого древесного ствола. Он расположен перпендикулярно к восточной стене (длиной 1,5 м). С западного конца его, под прямым углом к югу, обнаружен фрагмент аналогичного бруска. Вероятно, это остатки настила над очагами.

Южная стена (длиной 130, толщиной 100 см) приставная, т. е. вторичного происхождения, на что указывает обмазка, сохранившаяся на восточной стене и хорошо просматриваемая в глубине шва. На остальных поверхностях стен обмазки проследить не удалось.

Западная стена сложена из паховых блоков. В северо-западном углу этой стены расчищены странные ямки. Первые две находятся на одном уровне — на высоте 48 см от пола и на расстоянии 40 см друг от друга. Диаметр ямок — 15—20 см, глубина — 15 см. Прямо посередине этих ямок, но только чуть ниже — ещё одна, диаметром 10 см, глубина — 8 см, в самом углу диаметром 12, глубиной 10 см. В северной стене строго на одном уровне идут такие же ямки (три) на расстоянии 20—25 см. Их диаметр 12—15 см. Форма всех описанных ямок одинаковая — полуовальная. В западной стене они имеют легкий уклон на за-

пад, в северной — уклон на восток. Возможно, они могли быть отверстиями, оставленными от балочек, которые служили настилом над обогреваемым участком пола. Прямо в центре северной стены был расчищен «тайник» (его размеры: глубина — 1,45 м, ширина — 1,25 м, высота — 1,32 м). Полость «тайника» была выскоблена, местами сохранилась обмазка. Под ним на уровне пола расчищено отверстие длиной 20 см, шириной 15 см. Сфера «тайника» была заполнена рыхлым светло-коричневым лессом, в котором попадались куски сырцовых кирпичей, много костей животных и фрагменты стенок керамической посуды. Среди всех находок интересен фрагмент венчика от миниатюрного тонкостенного красноангобированного сосудика.

Западная и восточная стены разрушены поздними ямами. Западная яма была обнаружена на глубине 45 см от дневной поверхности, остатки дна её полуovalной формы (размером 0,5×0,9 м) выше пола на 0,63 м. Круглое основание восточной ямы (размером 1×0,85 м) выше пола на 1,05 м. Заполнение обеих ям состояло из золы, крупных горелых кусочков дерева, костей животных, фрагментов керамики с бледно-голубой и розовой поливкой.

В юго-восточном углу помещения, недалеко от очагов располагалась хозяйственная яма. Пол в помещении неровный, с плотной утрамбованной основой без обмазки, заметно понижается. Общий перепад уровня пола от северной стены до южной составляет 25 см. Соединение полов со стенами осуществляется через выкружку, больше напоминающую скос стены. Он настолько значителен, что разница ширины помещения на уровне пола и на середине высоты стен составляет 40 см, то же относится и к длине.

Преимущественно на полу была зафиксирована большая часть находок: в северо-западном углу найден великолепный железный кинжал с длинным лезвием и ручкой, закругляющейся в шаровидный завиток (длина лезвия — 22 см, толщина — 4 см, длина ручки — 10 см, толщина завитка — 3 см); недалеко от очага восточной стены обнаружено маленькое дисковидное каменное пряслице; рядом с очагом в напольном слое попадались фрагменты стенок закопченного тонкостенного лепного котелка, а также ребра и челюсти крупных животных и мелкие птичьи косточки.

В исследовании бытового устройства данного помещения интересен проем шириной 1 м, глубиной 0,9 м. В его основании найдены детали, подтверждающие существование порога и дверей. Вдоль средней линии проема (на 5 см ниже уровня пола) имелась площадка-ступень шириной 35 см, концы которой, удлиняясь, заглублялись в пазухи западной и торцовой южной стен (размеры пазух: глубина — 20 см, ширина — 20 см, высота — 25 см и 30×20×25 см).

На полу проема сохранились, расположенные на одной оси север—юг, две круглые, с обгорелыми остатками, лунки (7—8 см). Они находились на расстоянии 20 см от западной стены. Между северной лункой и стеной лежал булыжник.

Помещение № 2 заключается в пространстве между продолжающимися на юг стенами помещения № 1. Длина помещения из-за отсутствия южной замыкающей стены определяется длиной сохранности восточной стены. Западная стена имеет ещё большую протяженность за счет закладки существовавшего ранее в ней проема. Ширина помещения различна: с севера — 2,3 м, с юга — 2,6 м. Высота сохранности стен имеет незначительные различия: западная — 1 м, восточная — 0,7 м от пола.

Ряды кирпичей поверху пахсовой кладки, в отличие от помещения № 1, отсутствовали.

Заполнение помещения было неоднородным. Под дерном на глубине 30 см пролегал тонкий натечный слой, перекрывающий неравномерный зольник. Ниже — до верха сохранившихся стен — лёсс с включением мелкой гальки в перемежку с угольками, золой, камешками. Непосредственно в пространстве помещения вдоль западной стены заполнение рыхлое, с большим количеством угольков и кусочками обожженной глины. С востока, где поверхность стены плохой сохранности, заполнение плотное, похожее на завал из сырца. Плотный завал включал рыхлые слои, булыжники, сланцевые плитки. Прямо на полу у стены лежали фрагменты грубых толстостенных донцов от крупных сосудов большого диаметра. Найден фрагмент горлышка стеклянного сосудика зеленоватого цвета. В завале найдено пряслице.

На поверхности восточной стены в метре от северного угла, на высоте 20 см от пола расчищены два обожженных пятна различного размера (северное — 27×50 см, южное — 15×20 см). Им принадлежат две лунки (10×10 см) с остатками золы, расчищенные на полу перед очаговыми пятнами. Расстояние между лунками и стеной — 40 см, расположены они со смещением относительно обгорелых пятен к югу. Рядом на полу лежали фрагменты грубых толстостенных сосудов.

Вдоль восточной стены, на расстоянии 1,5 м от очажков расчищена яма длиной 210 см, шириной 0,7—0,85 м, глубиной 0,7 м. Верхний контур её по форме напоминает след человеческой стопы, северный конец — «пятка», на 15 см, уже, чем южный. Яма имела довольно плотное заполнение, но при расчистке стенки четко оконтуривалась. В заполнении, на глубине 15—20 см были найдены два каменных пряслица: белое — плоской формы, и черное — биконическое. На этом же уровне найдены фрагмент бронзового колечка и трехперый железный наконечник стрелы.

В северной части помещения, справа от дверного проема — небольшое возвышение в виде суфы (ширина — 50 см, длина — 80 см, высота — 25 см). Между ней и северо-восточным углом на полу уложены каменные плитки (размером 20×10 см, 15×10 см), конец одной из них теряется под суфой.

Полы помещения с севера выше на 45 см, поверхность их неровная, местами выбита.

Данные по помещениям № 1—2 относительно заполнения их культурными слоями во многом повторяются в похожих на них парных помещениях остальных трех отсеков, поэтому в последующих описаниях не затрагиваются слои от дневной поверхности до сохранившегося верха стен.

Помещение № 4 расположено через стенку с востока от помещения № 1. Смежная стена между ними (толщиной 0,75 м, высотой 1,4 м) состоит из пахсовых блоков с сохранившимися сверху двумя рядами пахсовых кирпичей. Внизу имеется выкружка, переходящая в твердый пол. Восточная стена (высотой 1,7 м) аналогична по устройству. Возле этой стены на половину площади всего помещения был заложен стратиграфический шурф. Заполнение шурфа насыщено большим количеством фрагментов керамики, костями животных и угольками. Из керамики интерес представляют сильно закопченный лепной миниатюрный котелок и венчик тонкостенной красноангобированной гончарной миски с лошением.

В юго-восточном углу шурфа был обнаружен сегмент ямы от хума, обломки которого лежали здесь же. Невысокая стеночка сегмента (10 см) отведена от массива основания стены и оконтуривала корпус хума.

Из этого можно заключить, что установка хума в углу помещения планировалась одновременно с возведением стены. Чуть выше уровня хума, под торцовой стеной другого строительного периода найдены обломки посуды.

Восточная и западная стены, так же как и в помещении № 1, значительно ниже северной стены. Пространство помещения было заполнено плотной структурой, состоящей из кусков пахсы, залежавших преимущественно у стен. Размер помещения неоднозначен. Дело в том, что перегородка между помещениями № 3 и № 4 (толщиной 0,62 м) состоит из двух стен и, как выяснилось позже, принадлежит разным строительным периодам. К первому относится стена с хорошо сохранившейся пахсовой поверхностью (толщиной 0,8 м, длиной 1,11 м), она же образует проем (шириной 0,9 м) с порогом, от которого сохранился паз в основании западной стены. Другой строительный период определяется приставной стеной из пахсы, которая увеличила толщину перегородки и уменьшила площадь помещения с 5,02 м × 2,1 м до 4,25 м × 2,1 м. В длину приставная стена короче основной перегородки (на 0,2 м) и поверхность её хорошо расчищалась только в верхней части, низ же находился выше пола на 0,5 м и покоился на рыхлом слое. У стены первого строительного периода на полу найдена бронзовая согдийская монета царя Тархуна (700?—710 гг.)⁴.

К находкам в помещении относятся также четыре круглые опаловые бусины молочно-белого цвета; они были найдены в завале северо-западного угла помещения возле останков человеческого костяка, от которого сохранились несколько реберных костей, две длинные кости от конечностей и несколько позвонков.

Помещение № 4 не имеет замкнутой конфигурации, что составило трудности при раскопках. Была расчищена хорошо прослеживаемая западная стена сквозная для помещения № 3 и 4, тянущаяся на расстоянии 10,6 м. Общсе понижение стены составляет 0,36 м. В помещении № 4 обнаружены две поздние ямы, находящиеся в восточной и западных стенах.

Яма № 1 расположена в восточной стене, круглая, диаметром 96 см, глубиной 34 см. Стенки ямы хорошей сохранности, заполнена мягким лёссом, золой, горелым слоем, угольками. Внизу ямы имеется поддувало диаметром 12 см на высоте 8—9 см от пола. Объем ямы охватывает стену и пахсовую обкладку в виде суфы. Суфа тянется от перегородки на длину 280 см, ширину 85 см, высоту 45 см.

Яма № 2 расположена напротив, т. е. в западной стене, она большего диаметра — 114 см, полусферической формы, глубиной 50 см. Стенки худшей сохранности, как и первая, заполнена мягким лёссом, золой с угольками. Попадались фрагменты поливной посуды ярко-бирюзового цвета с темно-зеленой тонкой росписью, фрагменты чаш с бело-бирюзовой поливой, с зеленовато-вишневой темной поливой. В этом же помещении на расстоянии 185 см от суфы имеется еще одна яма — круглая, диаметром 125 см, глубиной 30 см. Заполнена была, как и вышеописанные, — золой и угольками. Юго-восточнее от нее расположена еще одна яма, собственно она уже находится за пределами помещения № 4. Её диаметр 112 см, глубина — 20 см, заполнение такое же.

Помещение № 5 по планировке ничем не отличается от помещений, прилегающих к крепостной стене, его линейные размеры 4,04 × 2,15 м. Высота сохранности западной стены 170 см, восточной — 184 см, север-

⁴ Монета определена ст. н. сотрудником Д. Довутовым.

ной — 248 см. Пахсовая кладка стен толщиной 88—83 см имеет сверху прокладку из двух рядов сырцовых кирпичей. Поверхность стен сохранилась плохо. Следует отметить, что в этом помещении восточная стена наглядно иллюстрирует строительный прием, который был использован при возведении комплекса. Северная, оборонительная, стена имела пахсовые ответвления, служащие фундаментом под будущие стены, и восточная стена, приставленная к северной, возводилась на этом фундаменте. Высота цоколя — 67 см над уровнем пола.

У западной стены расчищены две ямы, находящиеся рядом и отделенные друг от друга тонкой перегородкой, сохранившейся только внизу. Яма № 1 — круглая, расположена севернее, диаметр — 75 см, глубина — 80 см. В яме найден большой хум, сохранившийся неполностью и лежащий венчиком вниз, много костей животных, керамическое пряслице — дисковидное, с одной стороны слегка выпуклое, на другой плоской поверхности орнамент пуноном. Заполнена была мягким лёссом, золой, мелкими угольками. Яма № 2 — южнее, диаметр — 80 см, глубина — 79 см. Яма лучшей сохранности, заполнение такое же, как и в первой. В этой яме найдены фрагменты тонкостенного лепного котла очень изящного, с сильно отогнутым венчиком и закопченного с внешней стороны. Пол в помещении неровный, буграми, местами не сохранился совсем, обмазки нет. В проходе помещения шириною 90 см расчищены углубления от порога, который не сохранился, размеры углублений: длина — 30 см, глубина — 25—30 см.

Помещение № 6 расположено ниже по склону, западная стена сквозная и является общей для помещения № 5 и № 6. Стены плохой сохранности, заполнение плотное, особенно у стен, насыщено камнями и обломками пахсовых кирпичей, в середине помещения попадалось много костей животных. Помещение не имеет замкнутого пространства, и размеры его определяются длиной сохранившихся стен. Отрезок западной стены от проема 459 см, почти в два раза длиннее восточной — 212 см. Стены в верхней части сохранились лучше, чем у основания. Причиной тому, вероятно, является мелкокомковатая глинистая структура, подстилающая пахсовую кладку (на высоту 25—30 см от пола). Здесь, как видно, не соблюдался строительный прием, использованный в помещениях, прилегающих к северной оборонительной стене (см. описание пом. № 5).

Возле восточной стены на расстоянии 75 см от перегородки расчищена яма глубиной 53 см. Верхний контур ямы размером 132×100 см имеет форму искаженного квадрата со скругленными углами. Скошенные во внутрь ямы стенки образуют овальное дно размером 100×88 см. Яма была заполнена большим количеством камней, костями животных, попадались обгоревшие косточки и невыразительные фрагменты гончарных сосудов. На стенах ямы местами сохранилась ганчевая обмазка. Слева от ямы на стене на высоте 18 см от пола расчищено очажное красноватое пятно размером 15×15 см. Своим высотным расположением оно очень напоминает очажки в помещении № 2. Исходя из аналогий, на полу, несколько южнее от нее, должна была находиться лунка с золой, но ее место занимают северо-восточные края ямы, которая, вероятно, появилась позже.

Помещение № 7 отличается от помещений, прилегающих к северной оборонительной стене, меньшим размером (3,63×2,27 м). Стены различной высоты сохранности: северная — 195 см, несколько возвышается над западной — 162 см, и восточной — 165 см. В последней в общую высоту входят два ряда кладки из сырцовых кирпичей. Для наглядности струк-

туры заполнения помещения при раскопках восточной стены зачищена бровка (рис. 4). Между верхом сохранившихся стен и дерновым слоем

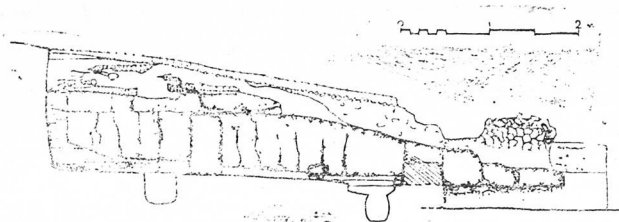

Рис. 4. Городище Калаи Кахкаха 1. Разрез по помещению 7—8. Восточная стена

находятся гумусные прослойки, участки горелой древесины и пепла. Заполнение включает фрагменты керамики, булыжники. Рассматриваемая стена имеет ту же конструкцию, что и восточная стена помещения № 5 (см. общий план раскопа). Южная стена — перегородка, сложена из сырцовых кирпичей и буквально прилеплена к восточной очень небрежно. Отличает её и толщина — 118 см, следов порога не обнаружено.

В юго-восточном углу помещения (у перегородки) на высоте 25 см от пола расчищена прямоугольная площадка, обложенная по краям сырцовыми кирпичами и плоскими окатанными камнями. Середина площадки, выложенная обожженным кирпичом, имеет прогиб. Размеры площадки: длина — 112 см, ширина — 80 см. Рядом была расчищена хозяйственная яма, круглая в диаметре — 75 см, глубина — 66,5 см. Стены ямы хорошей сохранности, заполнена большим количеством гончарных стенок хума.

Помещение № 8 расположено ниже по склону, стены сквозные с помещением № 7. В отличие от описанных выше, это помещение большое, длина — 392 см, ширина — 314 см. Стены сохранились на разную высоту — от 103 до 155 см. Сохранность стен плохая, кроме западной. У этой стены, на небольшом отрезке — 85 см, сохранилась выкружка пола с обмазкой светло-зеленого цвета.

Помещение № 8 имеет ограниченную площадь, благодаря сохранившейся части стены-перегородки с юга, длиной 142 см, шириной 85 см. Сложена она из пахсы и плотно примыкает к восточной стене.

Ровная поверхность пола в помещении прослеживается от западной стены до середины, у восточной стены пол разрушен. При расчистке полов обнаружено три ямы.

Первая яма находится у северной стены, собственно, это даже не яма, а вкопанный в землю хум. Венчик не сохранился. Диаметр тулова — 52 см, высота сохранившейся части — 75 см. Хум яйцевидной формы с плоским дисковидным дном, несохранившимся венчиком, который был выше уровня пола. Хум был заполнен мягким лёссом, битым кирпичом, фрагментами венчиков и стенок гончарных сосудов, преимущественно

тарной посудой. Сверху хум был закрыт пахсой и рядом плоских камней, которые примыкали прямо к стене. Вторая яма диаметром 69 см, глубиной 67 см расположена почти в центре помещения в 190 см от первой. Форма ямы и плоское дно сохранили контуры находившегося здесь когда-то хума.

В юго-восточном углу помещения расчищен еще один хум-яма. Диаметр его тулова — 55 см, горла — 49 см, дна — 33 см, высота — 55 см. Содержимое хума составляли большое количество фрагментов стенок, донцев и венчиков лепных и гончарных сосудов, фрагменты закопченного лепного котелка; здесь же найдены каменный осолок и два керамических пряслица: дисковидное и конусовидное, последнее орнаментировано маленькими дырочками. Расположение хума не в углу, а на некотором расстоянии от стены обусловлено воронкообразным приспособлением вокруг его верха, находящегося на 30 см ниже пола. Место соединения воронки с ближайшими стенами оформлено Г-образной полочкой, выложенной из сырцовых кирпичей (обломков) шириной 15 см, высотой 35 см (см. план пом. № 8).

Почти в центре восточной стены на высоте 10 см от пола расчищено красно-коричневое очажное пятно, вогнутое в поверхность пахсы. Высота очага — 20 см, ширина — 50 см. На полу в 12 см от стены имелась характерная лунка, размером 50×50 см, заполненная золой и угольками. Расположение лунки от очага также с характерным сдвигом к югу на 18 см.

Полы в помещении неровные, перепад составляет 30 см.

За южной перегородкой помещения № 8 других комнат не оказалось, но восточная пахсовая стена продолжалась на юг еще на 250 см и обрывалась поздней ямой. Яма с двойным дном, вероятно, использовалась дважды. В верхнем уровне в лёссовом заполнении найдены два фрагмента керамики с желтым орнаментом; нижнее дно было заполнено лёссом вперемежку с угольками и золой, а также челюстями животных и фрагментами гончарной чаши с голубой поливой и тонким черным орнаментом.

При расчистке территории площадью 16,5×7,8 м к югу от помещений № 6 и № 8 ниже уровня полов была обнаружена стена толщиной 1 м, высотой 54—66 см. Она параллельна северной оборонительной стене и находится от нее на расстоянии 10 м. Стена отличается более плотной структурой и сероватым оттенком пахсы. Западный конец стены имеет угловой поворот на юг, прослеживаемый на отрезке 135 см, восточный — Г-образный выступ со скошенной гранью. Подобные скосы в сырцовой архитектуре характерны для щековых стен сводчатых проемов. Для поиска второй щековой стены была предпринята попытка раскопать участок за восточной стеной помещений № 7—8, от которой торец находится в 50 см. Работы не принесли ожидаемых результатов: был найден пол и поверхность стены, образующей угол одного из помещений объекта III. Участок требует дальнейшего исследования ниже уровня пола (см. общий план).

Расширенный на юг раскоп выявил еще одну стену, параллельную вышеописанной, находившуюся с ней на одном уровне пола, той же высоты, сохранности и аналогичной структуры. При расчистке поверхности пола между параллельными стенами на глубине 50 см от дневной поверхности была зафиксирована галечная «дорожка», идущая с востока на запад вдоль всех раскопанных нами помещений шириной 100 см, глубиной 10 см. «Дорожка» выстлана на мягком лёссе, помимо гальки, она насыщена большими камнями, огромными фрагментами стенок хумов и

большим количеством костей животных, и все это перемешано с золой и песком.

Площадку между параллельными стенами, условно названного помещением № 9, с запада замыкает стена, поверхность которой хорошо прослеживается. В плане она читается как продолжение углового отрезка стены с Г-образным торцом. Угловое соединение её с южной стеной раскопа отсутствует.

В юго-западной части раскопа на полу расчищена яма-очаг размером 95×100 см, глубиной 15 см, заполненная золой и угольками. С севера от очага пол также усыпан угольками (см. рис. 3).

При изучении оснований стен раскапываемого объекта II—III обращает на себя внимание перепад уровней полов в смежных помещениях: он составляет 40—38 см при длине помещения 4,2—4 м. Понижения идут с севера на юг, т. е. от крепостной стены к проемам и далее. С целью выяснения причины перепада, в помещении № 3 вдоль всей восточной стены (на длину 5,2 м) заложен шурф шириной 1,5 м (состав заполнения см. при описании помещения № 3).

На глубине 0,57 м от пола под мягкой лёссовой засыпкой обозначился плотный выход каменистой породы, который не являлся монолитом и крошился при выемке. Полная расчистка показала, что высота плотной породы у северной стены на 1 м выше, чем в южном конце помещения. Таким образом, причиной перепада уровней полов является естественно понижающийся материковый рельеф. Перекрыть его на расстоянии раскопанных стен помещений общей протяженностью около 10 м представляло немалые затраты строительного очищенного лёсса. В целом перепад полов и перепад рельефа находятся в соотношении как $1/5 : 1/10$, т. е. устройство скошенных полов наполовину сократило падение рельефа. Следует отметить, что высота северной стены от уровня выхода породы составляет 4,5 м.

В отличие от данного помещения, в раскопе В. Я. Сергина полами двух помещений является сам материковый выход. Он на 2,35—2,5 м выше описанного рельефа помещения № 3. Значит, возведение и развитие целого комплекса жилищ преодолеvalo трудности не только с понижением рельефа к центру городища, но и приспособлялось к значительным неровностям вдоль крепостной стены. Шурф, заложенный к западу от объекта II—III во вскрытых В. В. Семеновым в 1968 г. помещениях, подтвердил это положение. Целью исследования было не только определение высоты материка, оказавшегося здесь на 1,8 м выше, чем в помещении № 3, но и уточнение данных о структуре основания стен, исследованных ранее.

Шурф длиной 1,5 м возле оборонительной стены охватил всю ширину помещения — 2,3 м, глубина была доведена до основания восточной стены и составляла 0,78 м. Анализ стен помещения показал, что они совершенно разного устройства, и связано это как со сложностью рельефа в данном месте, так и с различными периодами их возведения.

Западная стена целиком сложена из сырцового кирпича различного формата 27×40 , нижние ряды из мелкого кирпича $20 \times 23 \times 25$ с широкой расстановкой (швы до 5 см). Кладка возводилась по понижающемуся уровню полов без какой-либо попытки придать им горизонтальность. Стена стоит на выступающем лёссовом слое (толщиной 10 см), покрывающем материковый сланец. Твердый выход сланца занимает почти половину помещения (10 м) и выступает в виде суфы (высотой 0,44 м) вдоль западной стены. Вторая половина помещения была заполнена галечным грунтом попеременно с землей. Под грунтом, на уровне основания вос-

точной стены, сланцевый выход продолжается, но не с цельной мелко-дробленой структурой.

Восточная стена так же стоит на выстилающем лёссовом слое, но ниже, чем западная на 0,7 м. Выстилка под стеной отсутствует на участке (длиной 1,2 м), примыкающем к оборонительной стене. Её заменяет твердый сланец, он имеет продолжение под оборонительную стену с севера и на площади соседнего восточного помещения. Восточная стена под выстилкой толщиной 1 м, выполненная из пахсы, примыкает не к оборонительной стене, а к её отступку. Аналогичный строительный прием прослежен в помещениях № 5, 7 объекта II—III и подтверждает единовременность соседних с ним участков.

Примыкание западной стены к оборонительной носит совершенно другой характер. Её кирпичная кладка приложена к наклонной поверхности оборонительной стены, которая была подрублена вместе с её подстилающим слоем, состоящим из вязкого светложелтого лёсса (высотой 0,4 м). Искусственная подрубка была необходима для перевязки, которая осуществлена благодаря вырубленному выступу высотой 10 см, длиной 25 см, в подстилающем слое. На подрубку уложен нижний ряд западной стены (см. разрез 1 : 1).

Таким образом, среднее рядом с объектом II—III, начиная с западной стены шурфа, относится к числу пристраиваемых. Это естественное и закономерное явление для долгоживущих и развивающихся жилых объектов, находящихся в тесной взаимосвязи с жизнью всего городища Кахкаха I. Расширение границ участка за счет пристроек происходило и с восточной стороны, где стены, в отличие от помещений, расположенных ближе к «центру», сложены из кирпича.

Несколько иной характер носит и сама планировка пристроек по боковым участкам. Сами помещения шире, большего размера по площади и как бы поджаты к оборонительной стене, а не вытянуты от нее. Элементы кирпичной кладки выявлена и в «центральных» помещениях. Они составляют два-четыре ряда поверху некоторых стен, входят в основание перегородок между помещениями (ком. № 5—6) или целиком выложены из них (пом. № 7—8). Таким образом происходит своеобразная переключка во времени между наращиванием периферийными участками и появившимися изменениями в центральных, составлявших основу комплекса.

При всей сложности вышеизложенного материала можно прийти к следующим основным выводам: точкой отсчета в определении начала строительных периодов следует считать стены, сохранившиеся на полуметровую высоту в районе, обозначенном как помещение № 9. Уровень полов у этих стен на 50—80—100 см ниже, чем у помещений с коридорной секционной планировкой. Прямую датировку одного из строительных периодов объекта дает монета VIII в. Косвенным временным указателем являются фрагменты кирпичей из обожженной красной глины, вероятно, принадлежавшие дворцу в IX в. Керамический материал позволяет датировать жизнь на городище XI—XII вв.

В целом развитие объекта определяется пятью основными строительными периодами: к первому относятся строения, включавшие в себя стены помещения № 9. Вероятно, планировка их носила более свободный, нестесненный характер и охватывала территорию до самой оборонительной стены. В следующий период, предшествовавший VII—VIII в., первоначальное строение пришло в упадок и было сnivelировано до высоты 0,5 м и на его основе возникла принципиально новая планировочная схема. Она разрабатывалась с учетом обновления внутренней поверх-

ности оборонительной стены. Для этого был сделан своеобразный «кожух» из пахсовых блоков, от которого на юг протянулись специальные отводы под стены будущих помещений, выполняющих роль цоколя. Весь остов «кожуха» и «цоколя» возводился на выравниваемом слое утрамбованного лёсса. Отводы-цоколи, длиной не менее 10 м, отстоят друг от друга с интервалами 2,1—2,2 м. Коридорообразные помещения, которые определялись всей длиной цоколя, имели в центре перегородку с проемом, создавая тем самым двухсекционный сквозной объем. Обязательное положение проема с запада от перегородки объясняется специфической направлением ветров, которое удалось наблюдать в летнее время: задувание с юга-запада на северо-восток начинается через 2 часа после захода солнца. Этому общему движению воздушной массы соответствовала естественная тяга в жилищах, таким образом создавался естественный поддув для очагов, расположенных у восточных стен. Поддержание огня в ночное время осуществлялось при закрытых дверях, устройство которых можно определить по остаткам порога помещения № 1. Сбоку от дверного коловорота оставался просвет шириной 20 см. Вверху он закладывался, а внизу имел продух, ширина которого регулировалась каменной задвижкой. Проекция жара от очага на стену дает возможность почти точно восстановить проемы там, где они отсутствуют.

К третьему строительному периоду помещения объекта II—III утратили южные перегородки, почти половина высоты стен отсутствовала. Новое переустройство, расширение всего комплекса и обживание скорее всего могло произойти к середине VII в. Новые строительные приемы выделяют этот период из предшествующих введением в пахсовую кладку сырцового кирпича. Из него выполнена докладка верха стен, некоторые подшвы под вновь возводимые средние перегородки и перегородки целиком. Из кирпича пристраиваются западные и восточные помещения всего объекта. Утраченные южные перегородки не восстанавливались, а площади бывших помещений использовались как дворики. В двух из них вырыты ямы, возможно, предназначавшиеся для хозяйственной деятельности. В помещении № 1 в северной оборонительной стене был вырыт тайник и появился новый порог. В помещении № 3 на месте вкопанного хума появилась новая перегородка, а старая была подрублена для нового порога. В помещении № 4, уже функционировавшего как дворик, восточная стена была заделана пахсой, и в этом новом массиве был устроен очаг с поддувалом. Помещения № 5—6, вероятно, оставались открытыми и могли функционировать как хоздворики для обитателей помещений № 7—8. О том, что помещение № 5 не было жилым в третьем периоде говорят два хума, расположенные близко к проему, тогда как в соседних замкнутых жилищах хумы располагаются в углах у перегородок. Кроме того, очажок на западной стене оставил обожженный след на стене, показывающий, что тяги воздуха в определенном направлении не было, а значит верх «помещения» был без крыши. Помещения № 7—8, представлявшие собой вытянутую на 7,5 м цельную комнату, в третий период были отделены кирпичной перегородкой (северные её части 2,5 м × 2,5 м).

Перекрытия над всеми помещениями во 2-й и 3-й периоды, вероятнее всего, были плоскими со скатом для отвода атмосферных осадков. Кроме того, скат мог иметь перепад, проходивший над перегородкой между помещениями. Он мог использоваться как верхнее боковое окно для освещения.

Вопрос о сводчатом перекрытии остается открытым. Не найдено ни одного элемента, подтверждающего его существование в какой-либо пе-

риод. Подтверждением тому, что крыши были со скатом, является галечная «дорожка», тянущаяся с запада на восток на площади помещения № 9 (см. план). Это «дорожка» выбита осадками, стекавшими с крыш 2-го периода. Следы её также сохранились в южных оконечностях помещений № 2 и 4.

Существование третьего периода прервалось в начале VIII в. Дальнейшая жизнь на объекте в четвертом периоде отмечается появлением жженных кирпичей на уровне 1,5 м выше полов 3-го периода. Они в виде обломков и неполных форматов редко, но повсеместно попадались на территории, прилегающей к оборонительной стене. В слоях чуть выше жженных кирпичей (на 20 см) находилась керамика, характерная для XI—XII вв. Этот период связан с подъемом производственной деятельности, в частности с обжигом кирпича, обжигавшегося в печах квартала керамистов, расположенного на окраине нижнего средневекового города в Соигургхона⁵.

Совсем поздние ямы, выкапываемые стихийно на территории всего объекта, содержат керамический материал от XV до XVII в.

---

⁵ См.: Самойлик П. Т. Обжигательные печи Бунджиката (IX—XI вв.) / АРТ.— Вып. XIX (1979 г.).— Душанбе, 1986.— С. 404—412.

РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ ХОНИЯЙЛОВ

В полевом сезоне 1985 г. Актангинская группа СТАКЭ возобновила раскопочные работы на одном из важных археологических памятников Горной Уструшаны — поселении Хоняйлов (Царское пастбище)¹.

Поселение Хоняйлов расположено на плато Тагана, в живописном ущелье Ак-Танги на северных сопках Туркестанского хребта (в 22 км южнее пос. Шахристан Ура-Тюбинского р-на).

Памятник был обнаружен в 1955 г. при разведочных маршрутах Шахристанского отряда, а раскопочные работы начаты в 1963 г. В течение пяти полевых сезонов (1963—1968 гг.) сотрудники Шахристанского отряда вскрыли несколько крупных объектов на территории этого горно-скотоводческого поселения².

Развалины селения Хоняйлов включают остатки крупных каменных сплошных хозяйственно-жилых помещений, разделённых уголками и огороженных каменными стенками загонов для скота на северной и западной окраинах, а также групповые погребальные сооружения на восточной и южной окраинах селения.

Погребения восточной группы были отгорожены от жилых застроек памятника широкой каменной стеной. Остатки кладки чётко прослеживаются на поверхности. В течение пяти кратковременных раскопочных сезонов здесь было вскрыто около 100 жилых и хозяйственных помещений, составляющих семь комплексов. Раскопки четырёх из них (II, III, IV, VI), завершены полностью, а комплексы I, V, VII вскрыты частично. Жилые комплексы IV—VI расположены в южной части Хоняйлов, III, V, VII — в северной.

Между комплексами I, VI и II, III расположена часть центральной широкой улицы, тянущейся почти на всю длину селения. Улица начинается в восточной части поселения (у каменной стены погребений) и ведёт к загонам, расположенным в северной части Хоняйлов. С обеих сторон улицы была каменная ограда. Остатки её кладки сохранились. Улица в западной части делится на несколько ответвлений, уходящих в разные стороны. Памятник датирован X—XII вв.³

Работы 1985 г. начались со вскрытия недокопанных помещений I-го жилого комплекса. Он расположен в северо-восточной части поселения и состоит из трёх параллельных, вытянутых по направлению север-юг, помещений. В ходе работ были зачищены недокопанные в прошлом сезоне помещения № 2, 3. Все помещения соединены между собой проёмами. Главный вход в жилое здание I располагался в юго-восточном углу самой большой по площади комнаты № I. Вход открывался на центральную улицу поселка, делящую жилой комплекс на две части.

¹ Актангинская группа СТАКЭ работала в поле в августе 1985 г. в составе: Мамаджанова М. Д.—аспирантка, руководитель группы; Салтовская Е. Д.—ст. научн. сотрудник; студенты — практиканты I-го курса исторического факультета ТГУ; маршрутные рабочие; Бобоев Х.—водитель автомашины.

² См.: Негматов Н. Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. //АРТ.—Вып. X (1970):—М., 1973. Он же. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходженской области в средние века //МКТ.—Вып. 3.—Душанбе, 1978.—С. 152.

³ См.: Негматов Н. Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходженской области в средние века.—С. 153.

В западной стене комнаты № 3 расчищена неглубокая ниша со стенами, обложенными камнями. Размеры её: ширина — 2 м 45 см, глубина — 0,45 м. Была выявлена толщина внешней стены комнаты № 3 — 0,85 м. Высота сохранившихся стен помещений объекта 1 — 0,65 м — 0,3 м. Стены сложены из крупных и средних размеров окатанных и рваных камней. Между ними — плитки плоского сланца. Кладка сделана на глиняном растворе. Поверхности стен гладко отёсаны. Полы помещений щебенчато-гравийные.

Размеры комнат: № 1 — 6,8 м × 7,3 м; № 2 — 2,45 м × 7,35 м; № 3 — 6,3 м × 2,8 м.

Внутреннее заполнение помещения состояло из рыхлого грунта с включением камней, щебенки, костей животных, керамики. Остатков деревянных перекрытий в завале (заполнении) всех помещений не обнаружено. По мнению первого исследователя Хоняйлов, перекрытия всех помещений комплекса были плоскими, деревянными⁴.

В юго-восточной части поселения, в 15 м от трёх описанных выше комнат, было открыто почти квадратное в плане, больших размеров помещение с хорошо сохранившимися северной, западной и южной стенами. Восточная стена не сохранилась — она околтурена условно. Стены сложены из крупных и средних размеров камней попеременно с плоскими сланцевыми плитами на глиняном растворе. В кладке стен среди рваных камней изредка встречаются гладко окатанные камни. Поверхности стен гладко отёсаны. Наиболее хорошо сохранившаяся высота северной стены — 75 см; южной — 75—30 см; западной — 40—45 см.

Пол помещения довольно плотный, гравийно-щебенчатый. Выход из помещения находился в северо-восточном углу. Он выводил на центральную улицу посёлка. В северо-западном углу, с обгоревшими на высоте 25 см от пола стенами, на полу обнаружено большое скопление древесных уголков.

Размер помещений по линии В — 7 м 60 см; С — Ю — 6 м 65 см. Ширина проёма — 1 м 50 см. Перекрытие помещения, по всей вероятности, было плоским, деревянным, хотя остатки балок не обнаружены. Заполнение помещения состояло из довольно плотного лёссово-галечно-щебенчатого слоя с большим количеством камней, костей мелких и крупных домашних животных, керамики.

Большие размеры помещения, его изолированность (оно находится в юго-восточном углу комплекса Хоняйлов) позволяют нам ориентировочно отнести его к помещениям общественного назначения.

Под вскрытым полом в самой середине были обнаружены остатки двух каменных стен, идущих в направлении С-Ю. Пространство между ними было заполнено очень крупными камнями. Вероятно, это остатки стен помещения нижнего, более раннего по времени, жилого горизонта, которые послужили фундаментом при возведении помещения верхнего жилого горизонта.

Находки из нижнего жилого горизонта:

- 1) маленькое, дисковидной формы керамическое пряслице;
- 2) боковая часть керамической кружки с петлевидной ручкой;
- 3) горлышко узкогорлового, станкового, керамического изделия.

Несколько фрагментов ручек сосудов с круглыми налепами, в подражание металлическим изделиям.

⁴ См.: Негматов Н. Н. К проблеме компактных селений Уструша-ны и Ходжентской области в средние века.— С. 153.

Сохранившаяся высота стен нижнего жилого горизонта — из одного ряда камней около 25 см.

К югу от центральной площади комплекса открыт объект IV а (к северо-востоку от объекта IV — «Дом огня»). Он огорожен широкой внешней каменной стеной. Вход в него находится в южной части центральной площади. Объект состоит из нескольких помещений. Полностью раскопаны четыре. В южной половине объекта вскрыты три смежных помещения. Комната № 1 — прямоугольная в плане, слегка вытянута с северо-запада на юго-восток. Кладка стен обычная, из рваных окатанных камней, из плоских сланцевых плит на глиняном растворе. Наибольшая сохранность стен — 85 см. Пол глинобитный с довольно ровной поверхностью, слегка наклонный к центру. В северо-восточном и юго-западном углах имеются полуовальной формы каменные ниши. Глубина ниши — 22—35 см. Перекрытие комнаты плоское, деревянное. Комната № 1 соединялась с расположенной к западу от неё комнатой № 2 проёмом. Ширина проёма — 1 м 5 см. Глубина проёма — 30 см, толщина смежной стены — 50 см. Находки внутри помещений — это в основном керамические фрагменты. Керамика почти вся, за некоторым исключением, сделана на гончарном круге (станковая). По назначению — столовая (стенки и венчики тонкостенных и среднестенных кувшинов, фрагменты ручек).

Комната № 2 соединена проёмом с первой и расположена к западу от неё. Пол помещения № 2 выше пола комнаты № 1 на 35 см. Комната прямоугольная, вытянутая. В западном углу комнаты — полуовальная ниша глубиной 30 м. Пол глинобитный, с ровной поверхностью. Три стены помещения (восточная, южная, западная) выполнены из рваных отёсанных камней. Северная стена выполнена из рваных камней с горизонтальными полосами из плоских сланцевых плит. В полуподвальном слое были обнаружены следующие находки:

- 1) обломок железного кинжала;
- 2) подвеска-амулет из слоновой кости, орнаментированная сделанной пунсонной техникой-кружками от одного до двух на каждой стороне. Судя по всему, местного происхождения, а приобретенная в обмен на продукты сельского хозяйства;
- 3) половина глиняного, дисковидной формы пряслица;
- 4) фрагменты глиняных орнаментированных очажков. Керамика в основном станкового производства. Сохранность стен хорошая, высота — 1 м 35 см.

Комната № 3 расположена к югу от комнаты № 2. Наибольшая сохранившаяся высота стен — 95 см. Толщина смежной стены — 70 см. Комната изолирована от других комнат. Она узкая, прямоугольной формы. Вытянута с северо-востока на юго-запад.

Находки — керамика, в основном станкового производства. Фрагмент венчика небольшого узкогорлового сосуда. Несколько фрагментов украшено волнистыми и горизонтальными полосами. Найдены фрагменты поливной керамики.

Возможно, полуовальной формы угловые ниши в комнатах со скоплением древесных уголков носят ритуальный характер.

Небольшие объёмы работ на поселении Хоняйлов не внесли каких-либо существенных изменений в наше представление об этом памятнике.

В будущем планируются значительное увеличение работ по выявлению планировки поселения, а также записка ряда объектов, представляющих, на наш взгляд, определённый интерес.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ УЩЕЛЬЯ МАТЧА — ЗАРАФШАН

Река Зарафшан образуется после слияния рек Матчи и Фандарьи. Река Матча длиной 200 км берёт начало из крупнейшего ледника бассейна — Зарафшан (длина — 24,7 км, общая площадь — 40,8 км²)¹, где сходятся Туркестанский, Зарафшанский и Алайский хребты. Абсолютная высота отдельных вершин достигает 4,5—5 тыс. м². Упомянутая река даёт 49% стока и почти весь сток взвешенных наносов реки Зарафшан (4,39 млн. т)³.

После образования река Зарафшан тянется с востока на запад по глубокому извилистому ущелью и на 56 км принимает Киштутдарью, а затем выходит на широкую часть долины. Это крупнейшее горное ущелье Верхнего Зарафшана, которое расположено между хребтами Туркестана и Зарафшана. Оно узкое, с крутыми и отвесными склонами, высокими горными вершинами, имеет много боковых саев в пазухе обоих хребтов.

Возделываемые земли лежат на сохранившихся террасах обоих берегов ущелья и боковых саев, а также склонов гор. Поля в основном небольшие, каменистые и малоплодородные. Кроме орошаемых, имеются значительные площади богарных земель.

Первый пункт (рис. 1, 1А), расположенный у входа в ущелье,— это

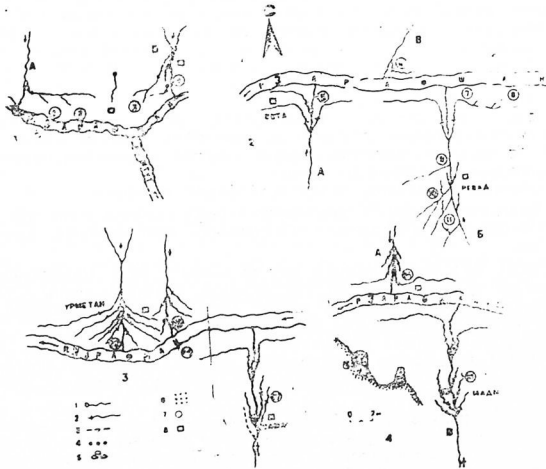

Рис. 1. Карта оросительных сооружений.

терраса Дашти Козы, длиною более 3 км. Наиболее древним памятником террасы является могильник кочевников периода поздней бронзы. В её северо-западной части на краю обрыва берега реки имеется другой памятник — Тиллотепа (V—VIII вв.) (рис. 2, 1). Севернее тепа обнару-

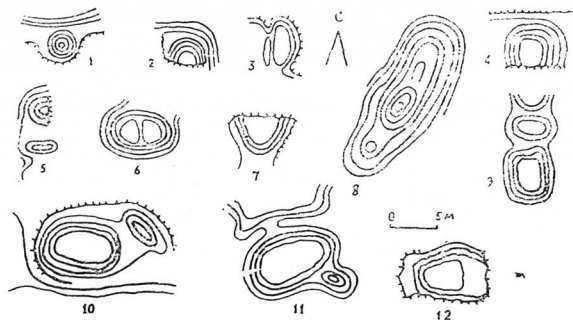

Рис. 2. Топографические планы археологических памятников.

жены следы снивирированного памятника этого же периода. Эта часть террасы орошается водою речки Рузиобнок (0,07 л/с³). Арык, берущий начало от неё, тянется с севера на юг до подошвы горы.

В восточной части террасы обнаружены остатки сильно разрушенного памятника. Небольшая чистка вскрыла подковообразный очаг и обломки раннесредневековой керамики. В этот период на восточной части террасы вода подавалась через корез — арыком, берущим начало из речки сая Киштудак. Он проведен по толще конгломерата оконечности этого сая и ныне сильно разрушен. У его выхода брал начало арык, проведенный по крутому склону, где сохранились короткие слабовидимые участки.

В период позднего средневековья вода подавалась арыком, проведенным выше кореза по склону. В начале XIX в. он не действовал, а в 1816 г. фалгарский бек Абдушукур восстановил его. Но в 1822 г., в период его бурных распрей с пенджикентским беком, арык был разрушен⁴.

Западнее села Дашти Козы в зоне орошения обоих арыков до не-

¹ См.: Коновалов Е. П. Краткий отчет о работе на Зеравшанском леднике в 1932 г. // Зеравшан, верховья Зеравшана и Фандары. — Тр. ледниковых экспедиций. — Вып. 3. — Л., 1936. — С. 374—375, 398.

² См.: Шульц В. Л. Гидрография Средней Азии. — Ташкент, 1958. — С. 59; Он же. Реки Средней Азии. — Л., 1965. — С. 468.

³ См.: Шульц В. Л. Реки Средней Азии. — С. 473; Молодцов В. А. Иригационные наносы оазисов долины р. Зеравшан и дельты р. Мургаб // Влияние орошения на почвы оазисов Средней Азии. — М., 1969. — С. 50—69.

⁴ См.: Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. — СПб., 1889. — С. 390—391.

давнего времени располагались остатки Кургони Мир⁵, который был резиденцией бухарских казиев, правивших горной зоной долины в период позднего средневековья⁶.

Сай Киштудак (рис. 1, 1Б) расположен в пазухе хребта. На узкой терраске правобережья сая встречаются обломки средневековой керамики, а в средней части у подошвы склона обнаружено старое кладбище. Земли сая орошаются небольшими арыками.

Таким образом, наиболее древние земледельческие памятники зоны орошения речек Рузиобнок и Киштудак относятся к рубежу раннего средневековья.

Напротив выхода сая Киштудак на левом берегу реки расположена терраса, разделенная речкою на две части (рис. 1, 2А). Восточная часть именуется Дашти Евон, западная — Дашти Вота, где находятся одноименные села. Первая часть орошается одним арыком, вторая — двумя арыками. Все они берут начало из речки, тянутся по обоим склонам сая Вота. В зоне арыка Евон расположен сильно разрушенный холм — Тудай Хисорак (V—VIII вв.) (рис. 2, 2). Здесь также встречаются обломки керамики I—III вв. н. э., которые свидетельствуют, что замок построен на развалинах античного памятника. Восточная часть Дашти Евон орошается арыком, берущим начало из сая Ревад, расположенного к востоку от этого места (рис. 1, 2Б).

Верхняя часть сая Ревад представляет собой замкнутую котловину с узким проходом. В этой части сая расположено село Ревад, вокруг которого имеются три памятника. Первый — Калаи Хисорак (45×25 м), датируемый по подъемным материалам VI—VIII вв. Он расположен в юго-западной части села на поверхности высокого холма (рис. 2, 8). Кала была укрепленным замком диккана — владельца земель сая. Второй памятник — Калаи Чоре (рис. 2, 3) — расположен на терраске подошвы горы. Она сильно разрушена и датируется средневековым периодом. Терраска орошается арыком Джуи Чоре, проведенным по склону горы. Земли, находящиеся к востоку от Хисорак, орошаются арыком Мундакон, а левобережные — арыком Джуи Зарда, в зоне орошения которого расположен третий памятник — Калаи Шоъеб (рис. 2, 4).

Ниже теснины берут начало два больших арыка, тянущиеся по крутому склону сая. Первый, Джуи Вота, орошает упомянутую часть Дашти Евон. Второй, Джуи Сиёвардон, подает воду на террасу расположенную к востоку от выхода сая. В зоне его орошения лежат остатки Калаи Сиёвардон (V—VIII вв.) (рис. 2, 5). Северо-восточнее ее расположены остатки одноименной средневековой калы (45×35 м), сохранились каменные кладки от фундамента (рис. 2, 6).

Таким образом, в период раннего средневековья земли сая и его выхода были уже полностью освоены.

Почти напротив этого места, на правом берегу имеется небольшой сай Эматк (рис. 1, 2В) с овальным бугром — Калаи Муг. По преданию, Сиёвардон и Муг были построены братьями-магами⁷. Возделываемые земли выхода сая орошаются арыком, тянущимся ниже калы по склону.

⁵ См.: Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана //Тр.—СТАЭ.—Т. 1.—МИА.—№ 15.—М.; Л., 1950.—С. 60.

⁶ См.: Гребенкин А. Заметки о Когистане. Нагорные бекства Зеравшанского округа //Материалы для статистики Туркестанского края.—Вып. II.—СПб., 1873.—С. 76.

⁷ См.: Смирнова О. И. Указ. раб.—С. 60.

Восточнее сая Эматк, у выхода саев Урметан и Лангар расположено село Урметан (рис. 1, 3). На левом берегу выхода сая Лангар лежат развалины поселения Хисори Лангар (60×50 м). Подземный материал относится к раннему средневековью. Рядом с ним находится мазар Абулкасима Гургони, основанный в 450 г. х. (1058 г.), из которого происходит колонна IX в.⁸. Другой памятник этой зоны — позднесредневековая крепость Калаи Урметан, построена Абдушукурбеком⁹. Из речки Урметан на орошение выходит около 10 небольших арыков, а из Лангара — 2 арыка. В зоне их орошения местами встречаются обломки керамики средневекового периода.

Напротив Лангара в реку выходит сай Вашан с речкою (рис. 1, 3) и одноименным селением в его верхней части. Правобережные земли сая орошаются арыками Джуи Дашт и Джуи Маргузор, а левобережные — Джуи Фаровезом. Жители сообщили, что в зоне орошения Маргузора был холм, при сивилировании которого были обнаружены стены с шельями (бойницами?). Напротив него был найден кувшин с 460 омеядскими и аббасидскими монетами¹⁰. Из нижней части сая берут начало два арыка. Первый — Джуи Муг, который тянется по склону сая и орошает террасу берега реки, где находятся остатки небольшого замка — Калаи Муг (VII—VIII вв.)¹¹. Второй, Джуи Айн, таким же образом подаёт воду на земли Дашти Миси Айн, лежащего к востоку от выхода сая. В начале XIX в. этот арык не действовал, в середине века был восстановлен и служил недолго¹².

Таким образом, освоение земли зоны речки Вашан относится к рубежу раннего средневековья.

К востоку от Вашана, на правом берегу реки расположен сай Такоби Калон, по которому течет речка, разбираемая на орошение пятью арыками (рис. 1, 4А). На левом берегу выхода сая имеются остатки сильно разрушенного поселения — Калаи Дех с цитаделью (рис. 2, 9). Судя по обломкам керамики, кала датируется раннесредневековым периодом. Земли, расположенные к востоку от калы, орошаются арыком Джуи Калон, проведенным по подошве калы, а на терраску, где лежит кала, вода подается небольшим арыком Джуи Хисор. По обоим берегам этих арыков, а также арыка Джуи Шефтар возведены каменные кладки (рис. 1, 4Б). Наличие возделываемой земли и воды способствовало возникновению большой калы. Освоение этой территории, видимо, началось в эпоху античности.

Юго-восточнее этого места, на левом берегу расположен сай Мадм (рис. 1, 4В). В его верхней части находится одноименное село, которое упоминается в мугских документах¹³. Левобережные земли орошаются

⁸ См.: Якубовский А. Ю. Итоги работ СТАЭ в 1946—1947 гг. //Тр. СТАЭ.— Т. 1.— С. 22.

⁹ См.: Воронец Е. Искандаркульская экспедиция в 1870 г. //Инженерный журнал.— 1871.— № 5.— С. 580; Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах верхнезеравшанского отряда в 1953 г. //Доклады АН Таджикской ССР.— Вып. 11.— Сталинабад, 1954.— С. 35.

¹⁰ См.: Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана.— М., 1979.— С. 92—115.

¹¹ См.: Якубовский А. Ю. Указ. раб.— С. 22; Смирнова О. И. Указ. раб.— С. 60.

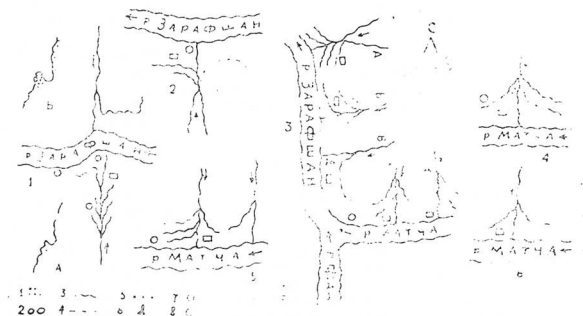
¹² См.: Арандаренко Г. А. Указ. раб.— С. 267—268.

¹³ См.: Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам.— М., 1960.— С. 6—7.

двумя арыками, а правобережные — тремя. Выше их зоны орошения у склона имеется поселение Гардани Хисор¹⁴, датированное VI—VIII вв.¹⁵. Из нижней части сая берут начало два арыка: первый — Джуи Антарок, тянется по склону сая и, оросив нижележащие земли, затем подаёт воду на терраску берега Зарафшана. В древности и, возможно, в средние века на сложном участке трассы арык был проведён через корез Маганова (жёлоб мага). Корез сильно разрушен и, по преданию, построен магами. Второй арык — Джуи Амсо, проведён по ещё более сложной трассе левобережья сая и орошает узкую террасу берега реки. Выше современного русла сохранились следы древнего русла.

Таким образом, земли зоны орошения речки Мадм были освоены на рубеже раннего средневековья и являлись экономической базой большого поселения Гардани Хисор.

Рядом с Мадмом лежит сай Кум (рис. 3, 1) с одноименным селе-

Карта оросительных сооружений.

нием, которое упоминается в мугских документах¹⁶. Земли сая орошаются небольшими арыками, в зоне орошения которых расположен замок Калаи Кум¹⁷. Из нижней части сая берет начало большой арык Джуи Муг, который тянется по склону левого берега сая и, огняя гору близ знаменитого Калаи Муга, где были найдены согдийские документы, направляется на запад по отвесному склону горы и подает воду на террасу Хайробод. В древности участок арыка был проведен через корез¹⁸.

¹⁴ См.: Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана.— С. 61.

¹⁵ См.: Якубов Ю. Паргар в VII—VIII веках нашей эры.— Душанбе, 1979.— С. 126—170.

¹⁶ См.: Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам.— С. 6—7.

¹⁷ См.: Якубов Ю. Крепость Кум (по материалам экспедиции 1964—1967 гг.).— Материальная культура Таджикистана.— Вып. 3—Душанбе, 1978.— С. 122—145.

¹⁸ См.: Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики верховьев Зеравшана.— С. 61.

Русло арыка проведено по очень сложной трассе, местами через прорубленную скалу. Часть русла проведена по искусственному берегу, возведенному каменными кладками (рис.), 1А). В зоне его орошения была расположена небольшая крепость с раннесредневековыми и средневековыми слоями¹⁹.

На правом берегу реки, напротив Калаи Муг, имеется сая Тухмат. Из речки этого сая берет начало арык, проведенный по отвесному склону горы на значительной высоте (рис. 3, 1). Русло его в основном прорублено по скале, а также проведено искусственным берегом (рис. 3, 1Б). Арык, огибая склон горы, подает воду на терраску берега реки, где расположено село Новдонак. В зоне орошения этого арыка встречаются обломки средневековой керамики.

К востоку от этой терраски, у выхода речки лежит село Дардар. Земли, окружающие его, орошаются одним арыком. На поверхности пахотной земли встречаются редкие фрагменты средневековой керамики. Напротив этой местности и к западу от выхода бокового сая на левом берегу Зарафшана имеется терраса, на которой расположено село Зеробод, упоминаемое в мугских документах²⁰. Из речки сая берут начало четыре арыка ((рис. 3, 2). Первый тянется по крутому склону сая и орошает всю террасу. В зоне его орошения находятся остатки некогда мощной крепости Калаи Муг (VI—VIII вв.) (рис. 2, 7). Остальные арыки орошают земли обоих берегов сая.

Терраса, расположенная на правом берегу реки между саями Искодар и Хушикат, орошается водою речек этих саяв (рис. 3, 3А, 3Б). В её северной части лежит село Искодар. Земли этой части террасы орошаются тремя арыками. На территории села и к югу от него встречаются фрагменты древней и средневековой керамики. Из памятников этого периода можно отметить мазар с надгробным камнем 834 г. х. /1430 г.²¹. Южная часть террасы орошается арыками, берущими начало из сая Хушекат (рис. 3Б). В древности вода подавалась корезом, прорубленным в толще отвесного склона левого берега оконечности сая. Он давно разрушен. Оба селения упоминаются в мугских документах²².

Таким образом, собранные материалы и сведения источников свидетельствуют, что террасы Зеробод и Искодар — Хушекат были освоены в первой половине I тыс. н. э.

Южнее Хушеката, вдоль реки имеется большая терраса, тянувшаяся до села Зоосуна (рис. 3, 3). Северная часть её, где расположен райцентр Айни (Варз, Варзианор), орошается древним арыком Джун Муг, берущим начало из сая Курут (рис. 3, 3В). Селение Варз, находящееся у перекрестка важных дорог горной зоны долины, упоминается в мугских документах²³. В X—XI вв. в этом селении был построен минарет и оно стало называться Варзианор²⁴. В начале XIX в. на берегу речки Курут была возведена крепость²⁵.

¹⁹ См.: Якубовский А. Ю. Указ. раб.— С. 23—24.

²⁰ См.: Лившиц В. А. Юридические документы и письма //Согдийские документы с горы Муг.— Вып. 2.— М., 1962.— С. 147.

²¹ См.: Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики верховьев Зеравшана.— С. 62.

²² См.: Лившиц В. А. Указ. раб.— С. 144, 147, 151.

²³ См.: Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам.— С. 10.

²⁴ См.: Воронина В. Л. Сырцовые минареты верховьев Зарафшана //Памяти М. С. Андреева.— Сталинабад, 1950.— С. 10.

²⁵ См.: Воронцов Е. Указ. раб.— С. 582—587.— Рис. 2, 10.

Юго-восточная часть этой террасы значительно шире, чем северная, которая расположена у входа бассейна реки Матчи. Она орошается двумя арыками, берущими начало из реки сая Сангистон (рис. 3; ЗГ). В зоне их орошения встречаются фрагменты средневековой керамики, а на берегу реки находятся развалины позднесредневековой крепости Давлатобод, а в самом селении Сангистон был расположен сырцовый минарет²⁶.

Земли, расположенные между саями Сангистон и Питхин, называются Дашти Зоосун и орошаются тремя арыками (рис. 3, ЗГД). В зоне орошения их обнаружен могильник, датированный от эпохи античности до средневековья²⁷. Земли левого берега оконечности сая Питхин именуются Дашти Кала, где имеются остатки Калаи Муг. В северной части степи близ арыка Муг сохранились следы старого арыка и кореза с боковыми колодцами²⁸.

Восточнее этого места расположен сай Испагн (рис. 3, 4). На берегу сая расположено село Фатмев, упоминаемое в мугских документах²⁹. В этом селе были найдены бронзовый сосуд эпохи поздней бронзы и деревянная резная колонна IX в.³⁰. В центре села сохранился оплывший минарет X—XI вв.³¹ Земли, находящиеся к западу от него, именуются Дашти Мохак, где сохранились развалины Калаи Мохак. Интересно, что в мугских документах упоминается житель Верхнего Зарафшана — Шав, сын Мохака³². Дашти Мохак и село орошаются арыком Джуи Фатмев. В древности вода подавалась корезом, прорубленным в толще конгломерата высокого обрыва берега сая. Ныне сохранился тоннель длиной более 100 м с боковыми колодцами.

Таким образом, освоение зоны орошения реки Питхин началось на рубеже нашей эры и постепенно распространилось на зоны орошения речек Курут, Сангистон и Испагн. На заре раннего средневековья вся эта территория уже была освоенной. С тех пор жизнь здесь никогда не прекращалась.

Выше по течению реки Матча имеется сай Парз (рис. 3, 5), у выхода которого расположена терраса, на которой находится одноименное село, окруженное возделываемыми землями. Восточная часть террасы орошается арыком Джуи Сор., а западная — тремя арыками, в зоне орошения которых лежат остатки крупного, но сильно разрушенного памят-

²⁶ См.: Аминов П. А. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зеравшана // Материалы для статистики Туркестанского края.— Вып. 3.— СПб., 1874.— С. 39—40; Андреев М. С. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан // Таджикистану.— Вып. 1.— Ташкент, 1927.— С. 14.

²⁷ См.: Мандельштам А. М. Указ. раб.— С. 34; Он же. Могильник в сел. Зоосун (верховья р. Зеравшан) // Изв. Отдел. общ. наук АН ТаджССР.— 1965.— № 2 (40).— С. 29—44.

²⁸ См.: Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики верховьев Зеравшана.— С. 60—63.

²⁹ См.: Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам.— С. 11.

³⁰ См.: Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана.— Л., 1977.— С. 40; Воронина В. Л. Резное дерево Зарафшанской долины // Тр. СТАЭ.— МИА.— № 15.— М.— Л., 1950.— С. 212—213.

³¹ См.: Воронина В. Л. Указ. раб.— С. 57.

³² См.: Лившиц В. А. Указ. раб.— С. 25.

ника Калаи Кофир³³ (рис. 2, 11). На поверхности и вокруг развалин встречается много фрагментов керамики кушанского периода. Село Парз упоминается в мугских документах³⁴. О существовании села в средние века свидетельствуют остатки минарета X—XI вв., а также надпись 906 г. х. /1500 г.³⁵.

К востоку от Парза имеется сай Сайрон с двумя селениями. У его выхода раскинулась терраса Дашти Похут с одноименным селением, которое упоминается в мугских документах³⁶. Терраса орошается небольшими арыками, выведенными из речки сая. По сообщению жителей, в зоне орошения существовал слабо заметный холм, при разрушении которого были найдены кирпичи со знаками. Возможно, холм относился к эпохе античности. Из этого села происходят две надписи, датируемые 845 и 902 г. х.³⁷

Восточнее Похута расположены села Фалмоут, Шаватк и Вешаб, упоминаемые в мугских документах³⁸. Небольшие возделываемые площадки, расположенные близ них, орошаются арыками, проведенными по крутым склонам горы. В зоне орошения их имеются остатки двух небольших раннесредневековых замков. Кроме них, найдены средневековые надписи³⁹.

Сай Шамтич — последний восточный пункт Паргара. Земли, находящиеся к западу от него, именуются Дашти Муг и орошаются одноименным арыком. Кроме него, из речки берут начало ещё два арыка, которые орошают маленькие каменные пологие поля. В селении Шамтич найдено несколько надписей XI—XVIII вв.⁴⁰

К востоку от упомянутого села проходила граница между владениями бекств верховьев Зарафшана — Паргара и Матчи. Первым населенным пунктом Матчи является село Обурдон. Терраса, где оно находится, орошается арыками, берущими начало из речки сая. У выхода сая на берегу реки Матчи сохранились остатки крепости, вокруг которой, встречаются фрагменты средневековой и позднесредневековой керамики. На пахотных полях террасы также встречаются фрагменты средневековой керамики. Здесь найдено несколько камней с надписями, относящимися к XI—XIX вв.⁴¹ Кроме них, из мечети села происходит резная деревянная колонна IX в.⁴² Эти факты свидетельствуют, что терраса Обурдон орошается с глубокой древности, и жизнь здесь протекает уже много веков. В отличие от многих других террас рассматриваемой территории, она легкоорошаемая.

Следующий сай называется Камодун, по обеим сторонам которого расположена двухступенчатая терраса, где находятся три села. Западная

³³ См.: Якубовский А. Ю. Указ. раб.— С. 18.

³⁴ См.: Смирнова О. А. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам.— С. 10.

³⁵ См.: Воронина В. Л. Указ. раб.— С. 55; Мухтаров А. М. Эпиграфические памятники Кухистана.— Кн. 1.— Душанбе, 1978.— Рис. 37.

³⁶ См.: Смирнова О. И. Указ. раб.— С. 11.

³⁷ См.: Мухтаров А. М. Указ. раб.— Рис. 53—54.

³⁸ См.: Смирнова О. И. Указ. раб.— С. 11—13.

³⁹ См.: Мухтаров А. М. Указ. раб.— Рис. 14, 59.

⁴⁰ См.: Там же.— Рис. 3, 30, 39, 42.

⁴¹ См.: Мухтаров А. М. Указ. раб.— Рис. 1, 4—13, 15, 21—24.

⁴² См.: Андреев М. С. Указ. раб.— С. 115—118; Воронина В. Л. Указ. раб.— С. 210—212, 219.

часть террасы орошается одноименным арыком, в зоне орошения которого сохранился средневековый памятник Калаи Камодун (рис. 2, 12). Восточная половина террасы, именуемая Дашти Падрохин, орошается тремя арыками, а часть её получает воду из соседнего сая Хобруд. Терраса на выходе последнего сая орошается десятью небольшими арыками берущими начало из речки сая. У его выхода расположено село Пастигав. Восточная часть упомянутой террасы, где расположено село Хадишар, орошается четырьмя арыками, начинающимися из сая Каллахона. Начальная часть арыков левого берега этого сая в древности была проведена через корезную систему. В зоне орошения этих арыков на берегу реки расположен один из крупных памятников горной зоны долины — Калаи Хадишар (рис. 2, 10). Судя по фрагментам керамики, крепость основана в период раннего средневековья из камней. Она существовала примерно до позднего средневековья.

К северо-востоку от Хадишара на поверхности высокой террасы подолы горы имеются развалины жилищ примерно X—XII вв. Терраса орошалась арыком, проведенным по крутому склону. После обвала склона часть трассы арыка была смыта, и в результате жизнь на этой террасе прекратилась.

На противоположном левом берегу имеется сай Сурхкат. Из речки сая берут начало четыре арыка, которые тянутся по склону, и три из них орошают трехступенчатую террасу берега реки.

К востоку от Хадишара расположен сай Ревомутк, ступенчатые терраски, лежащие у его выхода, орошаются восемью арыками. Среди них, самый верхний арык западного берега сая, именуется Джуи Муг, и тянется он к селу Рогиф. На противоположном берегу в реку Матча впадает речка Поруд, из которой берут начало четыре арыка, тянущиеся по крутому склону сая. Начальная часть двух верхних арыков в древности проходила через корезы, после разрушения которых оросители были заброшены. Позже взамен их были проведены ещё два арыка ниже древних по склону, которые действуют до наших дней.

Далее к востоку имеется сай Худгифи Офтоб. Из речки этого сая берут начало два арыка: первый орошает западную часть террасы, где расположено одноименное село; второй орошает восточную часть террасы. Напротив выхода упомянутого сая у склона правобережья реки Матчи находится село Худгифи Соя, жители которого используют воду родника. В древности сюда вода подавалась ещё арыком Джуи Муг, берущим начало из речки сая Ревад. Начальная часть его состояла из кореза, прорубленного в толще конгломерата берега реки. Из этого сая брали начало ещё два арыка, которые орошали земли берега реки Матчи, расположенные к востоку от выхода сая. Начальная часть их также была проведена через корезы, которые поддерживались до недавнего времени.

К востоку от этого места, напротив села Мадрушкат, упоминаемого в мугских документах, имеется высокая терраса, расположенная на левом берегу реки Матчи у впадения в неё речки Валгун. На её поверхности сохранились развалины городища Хисорак, нижние слои которого датируются кушанским временем⁴³.

Выше по ущелью имеется ещё несколько саев с селениями и орошаемыми землями. У выхода этих саев сохранились остатки средневековых и позднесредневековых памятников. Характер ирригационных сооружений

⁴³ См.: Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана по мугским документам.— С. 14.

и орошаемые поля аналогичны уже изложенным, поэтому рассмотрение истории ирригации ущелья Матча — Зарафшан мы заканчиваем.

Краткое описание ирригационных сооружений истоков Зарафшана и памятников зоны орошения показало, что сейчас довольно трудно установить точную начальную дату освоения горной части Зарафшана. Причина заключается в том, что ограниченное количество возделываемых земель и постоянное проживание населения на одном и том же месте в течение многих веков привели к уничтожению не только самих памятников, но даже их следов. При рассмотрении зоны орошения речек приведены почти все сведения (сообщения источников, даты надгробных камней, названия арыков и т. д.). Все они свидетельствуют, что освоение ущелья началось в глубокой древности, примерно с конца II — начала I тыс. до н. э. Несомненно, что в усилении процесса освоения ущелья свою роль сыграли также крупные политические потрясения, происходящие в равнинной части Согда, Уструшаны и Бактрии — Тохаристана (например, греко-македонские завоевания и др.), в результате которых ушедшее с равнин население оседало в этих труднодоступных ущельях.

Б. Я. Ставиский относил время освоения этой территории земледельцами к кушанскому периоду⁴⁴. Отметим, что это не начало, а следующий важный этап освоения. Именно с рубежа нашей эры начинается бурное освоение ранее недоступных для орошения земель ущелья. В первой половине I тыс. н. э. была проведена большая часть корезов и арыков, тянувшихся по крутым и отвесным склонам гор. Этот подъем ирригации способствовал появлению поселений и замков, нашедших частичное отражение в мугских документах.

Исследования показали, что основная часть действующих ирригационных сооружений рассмотренной территории действует с глубокой древности. Причина долголетия их в том, что оросители проведены очень сообразно рельефу, и в связи с ограниченностью трассы подачи воды земледельцам приходилось поддерживать их, несмотря на большие трудности.

Таким образом, ирригационные сооружения верховьев Зарафшана являются одним из ценных памятников истории земледелия, а также истории науки и техники таджикского народа.

---

⁴⁴ См.: Ставиский Б. Я. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Верхнего Зарафшана (Кухистана) // Материалы по этнографии. — Вып. 1. — Л., 1961. — С. 38—49.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ НАДЗОР НА НОВОСТРОЙКАХ г. ХУДЖАНДА

Представленный ниже материал является итогом изучения профилей котлована строящегося здания у кинотеатра «Ватан». Последний изучали также приглашенные мною геологи: кандидат геолого-минералогических наук С. Абдурахимов, два геолога и один мелиоратор во главе с начальником геологического отряда филиала Института Таджикгипроводхоз Ю. Н. Глотовым, аспирант У. Ишанкулов и др. Необходимо отметить, что указанными и мною (кроме Ишанкулова) во время работы экскаватора наблюдалась в отдельных местах ирригационная планировка **над галечно-гравийным горизонтом**, но из-за рыхлого состояния грунта и работы экскаватора конкретную планировку установить не удалось.

При зачистке и изучении северного и южного продольных профилей котлована выявлены следующие напластования: верхний слой — до 70 см — состоит из темных сероземов с включениями деятельности текущего столетия (зольные линзы, стекло, фарфор и др.) ниже сероземов — до глубины 2,5—3 м — над галечно-гравийным горизонтом залегают светло-желтые (во влажном состоянии) суглинки с включениями фрагментов керамики от XV (нижние слои) до XX в. Светло-желтые суглинки подстилает отсортированный речной песок и супесь мощностью 25—30 см, за песком следует галечно-гравийный горизонт мощностью до 1,5 м. Такая мощность горизонта залегает горизонтально с небольшим уклоном с востока на запад (до 5°), протяженностью до 25 м (длина котлована — 45 м), а в западном углу котлована переходит во врез небольшой протоки, мощность галечника в которой достигает 2 м. За этой протокой мощность галечно-гравийного горизонта достигает прежних размеров, но резко уходит вниз под углом 20—25° в западном направлении. Отсюда следует, что к западу от данного котлована микрорельеф сильно понижается и в древности был затит водой, а на месте нынешней улицы им. Хакима Карима существовала возвышенность. Последняя подпуживала напор воды с запада, вода на участке древней протоки заставалась и окрасила здесь галечно-гравийный горизонт в железистый цвет. К востоку от протоки галечно-гравийный горизонт окрашен в серый цвет, и железистые окраски здесь не прослеживаются.

О значительном понижении микрорельефа к западу от котлована «Ватан» свидетельствует другой котлован за кинотеатром «Ватан», ныне занятый выстроенным зданием, а также шурф № 1 в районе нынешнего здания Таджикгипроводхоза. В котловане за «Ватаном» галечно-гравийный горизонт протяженностью до 15 м выклинивался по линии восток-запад и далее к западу на глубине 5 м резко уходил под основание котлована. Характерно, что в 200 м южнее от этого котлована в упомянутом шурфе № 1 древнее русло Ходжабақыргана обнаружено на глубине 13 м от современной дневной поверхности, тогда как в котловане «Ватан» на глубине 6 м. Это русло сложено иловыми отложениями, в которые включены валуны (30—40 см в диаметре). Эти валуны подстилают отсортированный песок и супесь, над которой обнаружены остатки культурного слоя X — нач. XIII в. Западнее культурного слоя, в галечнике

¹ О биконических кувшинчиках на Афрасиабе см.: СА.— 1975.— № 2.— С. 66.— Рис. 5-а.

древней протоки найдены один краснолаковый шаровидный сосудик явно IV—III вв. до н. э., биконический сосудик и вьючная фляга (мустахара) огромных размеров, вероятная датировка которой — V—IV вв. до н. э. (рис. 1).

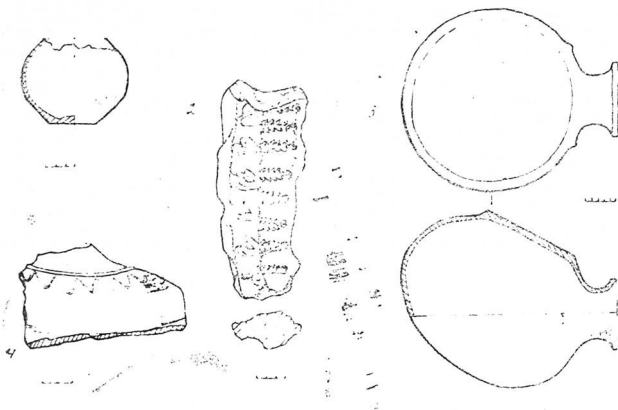

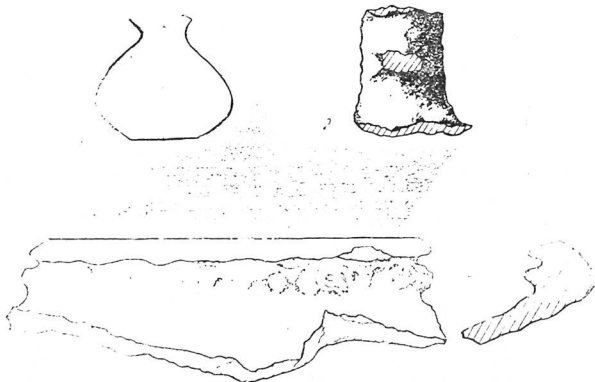
Рис. 1. 1) шаровидный краснолаковый кувшинчик эллинского типа; 2) фрагмент белоангобированного очажка с растительным орнаментом; 3) вьючная фляга сакского типа, красноангобированная; 4) фрагмент кувшина с волнистым орнаментом.

Рассмотренные выше отложения, по крайней мере в котловане «Ватан», показывают, что где-то в VI—V вв. до н. э. образовалась протока, которая с течением времени заполнялась речным-руслowym галечником. Завершение заполнения галечником протоки произошло в XII—на рубеже XIII вв., после чего началось формирование, а затем отмирание поймы протоки. На рубеже XV в. образование галечно-гравийного горизонта завершилось полностью и началось накопление светло-желтых суглинков, с включениями галечно-песчаных линз. Об этом свидетельствуют фрагменты глазурированной керамики, встречаемые в изобилии над галечно-гравийным горизонтом, а также в бадрабах, изученных У. Ишанкуловым, начиная с XV до XX в. н. э. снизу вверх. С XV в. микрорельеф у вышеотмеченной возвышенности, на которой, по всему видно, размещался Архаический Худжанд, в районе «Ватана» выравнивается при перестройках и перепланировках, о чем свидетельствуют профиль северной стенки котлована и фрагменты глазурированной керамики XV—XX вв.

Как уже отмечалось, на супеси в западном участке котлована вскрыты остатки какого-то строения из гувалака длиной до 1 м, высотой — 10—15 см и толщиной стен — 25—30 см. Рядом с остатками стены встречены кости мелкого рогатого скота и птиц, а также фрагменты глазурированной и ангобированной керамики и стекла. Стекло очень тонкое, го-

лубоватого цвета, ромбовидного рифления, находит почти прямые параллели со стеклянным сосудом с городища Шах-Сенем и датируется XI—нач. XIII в.² Фрагменты стекла в котловане находились среди костей и угольков, перекрывших очажное пятно, а также фрагменты глазурированной керамики, типичной для X—XII вв. Это фрагменты донца от ваз или мисок с кольцевым вырезом на кашинном черепке розового цвета. Наружная и внутренняя поверхности их покрыты светлой глазурью с концентрическими кругами марганцевого цвета, на желтом фоне с зеленым рисунком листьев и марганцевых точек и др. Толщина черепка в обоих случаях до 1 см. Сходные изделия, датируемые X—XII вв., встречаются почти повсеместно в Средней Азии, например, в Шах-Сенеме³.

Несколько ниже отмеченных находок встречены фрагменты широкогорлого кувшина, венчик белоангобированного хума и фрагмент орнаментированного алтаря. Фрагмент кувшина представлен плечиками и небольшим выступом горла с прочерченной волнистой линией по плечикам. Поверхность кувшина ангобирована светлым ангобом розоватого оттенка, черепок плотный, толщиной 1,2 см, в розоватом черепке редко прослеживается дресва. Аналогичные сосуды встречены А. М. Мандельштамом на Мунчактепа-III, датируемые III—IV вв. н. э., а также Б. А. Тур-

Фиг. 2. 1) биконический кувшинчик; 2) горло от узкого кувшина, изготовленного ленточной техникой (находка геолога Ю. Н. Глотова в шурфе на 12 м глубине); 3) фрагмент венчика белоангобированного хума

² См.: Трудновская С. А. Стекло с городища Шах-Сенем /Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.— М., 1958.— Рис. 2.— С. 42; Давидович Е. А. Стекло из Нисы /Тр. ЮТАКЭ.— Т. 1.— Ан-хабад, 1949.— Табл. 2.— Рис. 12.— С. 382—383.

³ См.: Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. //Тр. ХАЭЭ.— М., 1958.— Рис. 13.

гуновым на Дальверзинтепе⁴, датируемые рубежом нашей эры. Эти разновременные находки свидетельствуют об их перетолженности, как перетолженными являются густо белоангобированные изделия. Последние представлены фрагментом венчика хума с дугообразным профилированным венчиком, на узкой шейке которого высотой 2 см — напелная лента с чередующимися вдавлениями пальцев; толщина черепка до 1 см, выполненного на круге медленного вращения, излом красноватый, в качестве отощителя применены мелкотолченая древесина и известковатые включения. Край излома сильно скатанные, что указывает на перетолженность фрагмента, тогда как фрагменты X—XII вв. неокатанные. К тому же фрагмент хума найден в иловатых отложениях и близ его обнаружен фрагмент декоративной плиты или алтаря. Он представлен боковой стеной высотой — 4 см и бортиком, прикрепленным к стенке шириной — 5 см, толщиной — 2 см. Декоративный предмет ручной выделки густо покрыт белым ангобом. Густой белый ангоб на обоих изделиях, одинаковая технология и структура черепка указывают на их синхронность, он резко контрастирует с фрагментами керамики X—XII вв. и XIII в.

Обращает на себя внимание и очень архаичная сюжетная композиция на фрагменте алтаря, состоящая из процарапанного растительного орнамента. Так, на его бортике напелен продолговатый извилистый валик, напоминающий виноградную лозу или ветку дерева. К этой лозе или ветке идут прочерченные линии от сердцевидных лепестков какого-то растения. Острые концы этих лепестков ниспадают на верхушки шести елочек, расположенных в ряд на внутренней стенке алтаря. Елочки переданы с помощью глубоких вдавлений, а у основания — отвальными выемки. В середину каждого лепестка дополнительно вписаны рельефные миниатюрные лепестки, вернее, почки миндалевидных очертаний. Своими острыми концами они также направлены на верхушки елочек. Какова дальнейшая композиция всего алтаря в целом, из-за фрагментарности трудно понять. Тыльная сторона терракоты бугристая, смятинками, сделанными, видимо, намеренно для прочного крепления ее к стенке или пола помещения. Аналогий описанной композиции в целом пока не обнаружено, а поэтому датировка ее затруднена. Однако многолетними исследованиями СТАКЭ Худжандской крепости установлено, что выявленная здесь белоангобированная керамика датируется V—VI вв. до н. э.⁵ Кроме того, некоторые параллели, правда, в деталях, можно обнаружить среди находок Койкрылганкала, где на глиняных флягах из нижнего слоя имеется сходная трактовка листьев или почек⁶.

Правда, здесь «Древо жизни» трактуется в более развитой манере в сравнении с худжандской терракотой, но сам факт существования этого сюжета в Хорезме и Худжанде заслуживает всяческого внимания. Подробно изучив растительные рельефы на флягах в Койкрылганкале, датируемые IV в. до н. э., Ю. А. Рапопорт связывает этот сюжет со священным растением зороастрийцев — хаомой⁷. Не исключено, что худ-

⁴ См.: Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. //МИА.—М.; Л., 1958.— № 66.— Рис. 33, 11; Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца.— Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана.— Ташкент: ФАН, 1978, С. 56.

⁵ См.: Негматов Н. Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. //АРТ.— Вып. XV.— 1980.— С. 280.

⁶ См.: «Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. //Тр. ХАЭЭ.— Рис. 75.

⁷ Там же.— С. 206.

жандскую находку, представленную в более архаичном стиле, можно будет датировать более ранним периодом, чем койкрылганкалинские.

Таким образом, несмотря на пересотложенность декоративной терракоты и фрагмента хума, их нельзя, как представляется, связывать с остатками культурного слоя X—XIII вв. и на основании приведенных выше некоторых параллелей, по-видимому, следует отнести к V—III вв. до н. э. Это подтверждается дополнительными находками, обнаруженными, как отмечалось, в галечнике древней протоки. Это — большая вьючная глиняная красноангобированная фляга, шаровидный краснолаковый и биконический кувшинчик. Вьючная фляга представляет собой характерную для данного типа изделий форму. Верхняя часть тулова сильно выпуклая, высота до 24 см, горловина массивная, высотой — 5,8 см, диаметр устья — 7,7 см, диаметр обратной плоской стороны — 17,5 см, толщина черепка лепного — 1 см. Черепок серокоричневый, сильно отощен мелкой дресвой и речным песком, наружная поверхность густо покрыта темнокрасным ангобом. Аналогичные фляги обнаружены в нижнем горизонте Койкрылганкала, датируемые IV—III вв. до н. э.⁸ Однако фляги на Койкрылганкала чаще всего с выпуклой стороны оформлялись прореченным до обжига концентрическим орнаментом, а плоские стороны — рельефными изображениями, тогда как на худжандской фляге, кроме монолитных выступов близ горловины, никаких украшений нет. Вместе с тем и койкрылганкалинские фляги, украшенные рельефом в верхних слоях нижнего горизонта, т. е. в III в. до н. э. перестали выработываться⁹ и изготовлялись без рельефа. Следует отметить хорошую сохранность худжандской фляги, повреждена только незначительная часть выпуклой поверхности экскаватором, да утрату ангоба на отдельных участках.

В отличие от фляги, краснолаковый кувшинчик пострадал больше, у него полностью утрачено горлышко, частично имеется собирающееся тулово. В основном это археологически целый сосуд с шаровидным туловом, шириной по едва намеченному ребру — 11 см, высота от плоского донца диаметром — 4,6 см до плечиков — 7,5 см, толщина черепка — 4 см.

Археологически целый биконический кувшинчик, его размеры: высота общая — 8,8 см, ширина по ребру — 9,2 см, высота от ребра до венчика — 6,7 см, от ребра до плоского донца — 3 см, диаметр устья — 1,5 см, диаметр донца — 4,8 см, толщина шейки — 3,1 см, толщина черепка — 0,7 см.

Землероечными работами предыдущих лет установлено, что рассматриваемый район обживался и в более раннюю эпоху. Так, в 1975 г. во время изыскательских работ под строительство нынешнего многоэтажного здания Института Таджикгипропроводхоз начальником геологического отряда данного института Ю. Н. Гловым и его помощником, в шурфе № 1 обнаружен узкогорлый кувшин овально-вытянутой формы на глубине — 12 м от современной дневной поверхности. К сожалению, принесенную Гловым находку работники Ленинабадского историко-краеведческого музея отказались принять, а Гловот с помощником поделили кувшин между собой: тулово досталось помощнику, а горло Гловоту. В дальнейшем помощник Глотова выбыл из города и судьба тулова кувшина неизвестна, а горло было передано мне в январе 1986 г. Судя по зарисовке и устному описанию Глотова, кувшин представлял собой овально-вытянутую форму со слабовыделяющимся плоским дном. Горло, неос-

⁸ См.: Там же. — С. 106—107.

⁹ См.: Там же. — С. 116.

торожно отбитое во время землеройных работ, узкое, высотой — 10 см, толщина черепка — 0,8—1,2 см, диаметр отверстия — 4—3,8 см. Кувшин лепной выделки и судя по швам и вмятинам изнутри, изготовлен ленточной техникой. Обжиг черепка неровный, внутри желтый, желто-коричневый, снаружи красный, коричнево-красный с розовым оттенком. В средней части горла снаружи имеется подпрямоугольный древний излом ручки, видимо, петлевидной, со следами вмятин в месте крепления, закраина горла острая, без венчика. Цвет черепка на изломе слоистый, красный с сольной прослойкой, структура рыхлая. В тесте значительное количество робленного кварца, полевого шпата, карбонатов. Из этого нетрудно заметить, что техника и технология изготовления кувшина абсолютно сопоставляются с Кайраккумской керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа¹⁰. Однако в Кайраккумах нет узкогорлых сосудов, и кувшин из Худжанда следует, по-видимому, связать с узкогорлыми сосудами из Вуадильского могильника,¹¹ а также с керамикой из древнего Кеша, что приблизительно соответствует датировке I тыс. до н. э.—VII—VI вв. до н. э.

Иными словами, во II тыс. до н. э. кайраккумцы еще не осваивали дельту р. Ходжабақыргансай ввиду ее сильной заболоченности, обводненности и по другим неблагоприятным причинам. На рубеже I тыс. до н. э. и в последующее время, когда дельта стала суше, или появились сухие возвышенности, кайраккумцы постепенно осваивали их, так возник Арханчский Худжанд.

¹⁰ См.: Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайраккумов.— Душанбе, 1962.

¹¹ См.: Гамбург Б. З., Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— СА.— 1957.— № 3.— С. 130; о технологии керамики раннего железа см.: Усманова З. И. К вопросу о ранней античной керамике древней области КЕШ //ИИМКУ.— Вып. 10.— Ташкент, 1973.

Г. М. Майтдинова, А. К. Елкина
РЕСТАВРАЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ
ДРЕВНИХ ТКАНЕЙ

Древние ткани Средней Азии очень редки в археологических находках. Длительное пребывание в неблагоприятных условиях — засоленность почвы, влажность и близость с распадающимися органическими веществами, отрицательно сказываются на сохранении археологического текстиля. Как правило, лучше и дольше сохраняются в земле ткани из волокон животного происхождения, а волокна растительные (хлопок, конопля, лен и т. д.) разрушаются в почве в первую очередь. Поэтому на территории Средней Азии, где население использует в быту с древнейших времен в основном ткани из растительных волокон, обнаружено ограниченное количество археологического текстиля. Не секрет, что многие образцы древних тканей в ходе археологических раскопок были навсегда утрачены из-за отсутствия эффективного метода изъятия их из культурного слоя и способа полевой консервации.

До сих пор не утратили своей значимости работы М. В. Фармаковского «Об очистке древних тканей»¹, В. Н. Кононова «О регенерации исчезнувшей окраски ткани»², Е. Ф. Федорович «Методика исследования археологических тканей»³, где авторы дали краткие обобщения данных по исследованию археологических тканей⁴. Работа над многими археологическими памятниками Средней Азии позволила одному из авторов настоящей статьи — А. К. Елкиной, выработать свой метод исследования древнего текстиля Средней Азии.

Впервые этот метод исследования археологической ткани был применен на бактрийских находках, обнаруженных в большом количестве в погребении «Курган» (Сурхандарьинская обл. Республики Узбекистан) и на текстиле из могильника «Иттифок» (Кулябская обл. Республики Таджикистан). До этих открытий информация о текстиле Бактрии—Тохаристана была незначительна. Было известно, что ткани использовались в быту населения Бактрии—Тохаристана еще в глубокой древности, о чем свидетельствовали находки остатков тканей из захоронений Сапаллитепе эпохи бронзы (II тыс. до н. э.)⁵ и многочисленные пряслица из этого же могильника и могильника Джаркутан⁶. Еще в 1966 г. Г. А. Пугаченкова выдвигает тезис о расцвете текстильного ремесла в античной Бактрии. Она указывает, что свидетельством развитого ткачества могут быть многочисленные находки пряслиц и пирамидальных грузил. По ее мнению наличие орудий ткацкого дела в Халчаяне, указывающих на домашний женский труд, не исключает наличия специальных ткацких мастерских. Со-

¹ См.: Фармаковский М. В. Об очистке древних тканей //Материалы по методологии археологической технологии.— ГАИМК.— XII.— Л., 1929.

² См.: Кононов В. Н. О регенерации исчезнувшей окраски ткани //Материалы по методологии археологической технологии.— ГАИМК, XII, 1929.

³ См.: Федорович Е. Ф. Методика исследования археологических тканей //СА.— 1965.— № 4

⁴ Там же.

⁵ См.: Левушкина С. В. О возникновении шелкоткачества в античной Бактрии //Обществ. науки Узбекистана.— 1987.— № 9.— С. 45.

⁶ См.: Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан.— Ташкент: Фан, 1983.— Табл. XVI, 14, 15, 16; табл. XXXIII, 2, 3; табл. 1, 8—11.

поставив обрывок ноннулинской вышивки с изображением лица типа «Гераева племени» со скульптурой халчаянского дворца (равно как и с монетами Герая), Пугаченкова сделала вывод, что местом изготовления такого рода вышитых тканей могли быть крупные города северной Бактрии — Термез, Дальверзин, возможно, Халчаян⁷. Тем более, что в самом Халчаяне в 60-х годах был обнаружен шелк красного цвета, исследованный Е. Ф. Федорович⁸. Правда, халчаянский шелк после открытия не удалось сохранить, но исследователями он произвольно был отнесен к китайскому производству. Находки остатков шелковых одежд из могильника Тиллятепе⁹ подкрепили мнение о применении шелка в costume бактрийцев на рубеже нашей эры. Кроме шелка, в быту бактрийцы использовали золототканые и льняные одежды, находки остатков которых впервые засвидетельствованы в том же тиллятепинском могильнике¹⁰. В 1984 г. на городище Кампыртепе, в башенных захоронениях были обнаружены остатки шелка плохой сохранности, датируемые II в. н. э. Исследователем кампыртепинской ткани С. В. Левушкиной была выдвинута идея о возможности бактрийского производства шелка, с учетом специфики ткачества, отличной от китайской и в связи с находками в античной Бактрии деталей шелкоткацких орудий производства¹¹. Кроме льна, парчи шелка, на рубеже нашей эры использовались хлопчатобумажные ткани; иногда богато украшенные вышивкой. Ткань с вышивкой была раскопана в 1973 г. в могильнике «Иттифок» Пархарским отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции под руководством археолога Х. Ю. Мухиддинова. Представляет интерес рассмотрение этого текстиля более подробно.

В погребении 32 были обнаружены остатки одежды из хлопка со следами шитья. То, что сохранилось, представляло собой пухлую пачку сероватых фрагментов хлопчатобумажных тканей, пыливших целлюлозой. Хлопок находился в крайней степени деструкции. Вся толща фрагментов была пропитана зелеными оксидами меди — следами металлического шитья.

Надо было найти оптимальные пути исследования. Известно, что для консервации древнего текстиля применяются только такие вещества, свойства которых гарантируют абсолютную нейтральность к естественным природным волокнам и красителям. Этапы работы над археологическим текстилем состоят из последовательных действий, главная цель которых, во-первых, сохранить археологическую находку, во-вторых, — вернуть древней ткани, насколько это возможно, пластические свойства и внешний вид, и, в-третьих, — исследовать древний документ, получив из него исчерпывающую информацию для введения текстильной находки в научный обиход. Под исследованиями подразумевается не только получение знания о материалах и способах изготовления ткани. Сюда входят фото- и рентгеноскопическое изучение памятника, поиски аналогий, т. е. весь комплекс, дающий возможность всесторонне оценить найденный археологический документ.

⁷ См.: Пугаченкова Г. А. Халчаян.— Ташкент: Фан, 1966.— С. 249—250.

⁸ См.: Там же.— С. 10.

⁹ См.: Писарев С. А., Устинов С. В. Комплексное исследование археологических материалов из раскопок Тиллятепе // Сариниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе.— М.: Наука, 1989.— С. 236.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Левушкина С. В. Указ. раб.— С. 45.

Ткань из могильника «Иттифок» сначала требовалось расщелить, отделить разрушенные фрагменты ткани один от другого. Для этого всю пачку пропитали органическим растворителем перхлорэтиленом — для снятия жироподобных веществ, склеивающих обычно археологические ткани. Сразу, не давая испариться растворителю, на фрагменты капали глицерином с целью пластификации, для возвращения естественных свойств текстильным волокнам. После испарения перхлорэтилена ткани впитали в себя глицерин. Пластифицированный хлопок перестал крошиться и пылить, а благодаря перхлорэтилену стало возможным отделить один слой от другого.

Таким образом, из толстой пачки ломкого текстиля появилось около полутора десятков фрагментов размером с ладонь и более мелких. Этот метод консервации хорошо зарекомендовал себя в полевых условиях археологических экспедиций. До сих пор считалось, что древние ткани нужно только поднять с земли, упаковать и перевезти их в лабораторию для обработки. Опыт работы с текстилем показал, что перевозить извлеченные ткани без консервационной пластификации глицерином нельзя. Это всегда кончается потерями. Во-первых, в перевозке сухие ткани повреждаются механически, во-вторых, незащищенные природные волокна и их красители в новых условиях начинают изменяться химически. В результате теряется ценнейшая информация об уникальных памятниках. Глицерин, применяемый нами в качестве пластификатора древнейших тканей, используется для того во всем мире. Но для пропитки ветхих тканей его обычно разбавляют из-за того, что вязкий неразбавленный глицерин текстильными волокнами не впитывается, капли его катаются по поверхности древнего шелка. Новизна метода Елкиной А. К. — применение глицерина и способ его введения в загрязненную древнюю ткань без разбавления водой. Для этого применен органический растворитель — перхлорэтилен, который является неполярным растворителем, совершенно нейтральным к природным естественным волокнам и красителям. Таким же нейтральным является и глицерин. Это свойство обеих жидкостей позволило применять их «вслепую» при работе с археологическим текстилем. Извлеченные из земли, загрязненные текстильные остатки, о свойствах которых еще ничего неизвестно, можно смело пропитывать перхлорэтиленом и тотчас же, не прикасаясь к текстилю руками, закапать находку глицерином. Свойство перхлорэтилена — обезжиривать ткани, — сообщает древним волокнам способность смачиваться глицерином. Таким образом пластифицированная хлопковая ткань из «Иттифок» была подготовлена к дальнейшим исследованиям.

На фрагментах хлопчатобумажной ткани теплого серого цвета с зеленоватыми подтеками обнаружился фрагмент одного и того же узора. С лицевой стороны исчезнувшей вышивки кое-где сохранились следы шитья латушной проволокой, имитирующей золото. Металл сохранился спекшимся от окисления. В местах исчезновения металла остались проколы от шитья вприкреп в точках перегиба проволоки. Кроме шитья металлом, имелось множество следов от проколов нитей. На отдельных участках по узору шитья сохранилась сетка от раздвижки нитей ткани — следы вышитых мережек. С оборотной стороны многих фрагментов сохранилась великолепная прорисовка узора, тончайшей линией, выполненной, по-видимому, свиновым карандашом.

Из фрагментов повторяющегося узора удалось воссоздать полную картину узора древнего шитья. Это было «древо жизни», вышитое латушной проволокой в основных элементах и шелком, окрашенным пурпуром, — в тончайших веточках. Эти тонкие веточки заканчивались цве-

тами бобового растения. В верхней части «древа» по обим сторонам металлом вышиты птицы. Композицию венчают три облачка, вышитые металлом и заполненные внутри мережкой. Шитье, заполняющее цветки и листья внутри, сделано в невиданной технике: пурпурная нить в точности повторяет ход уточной нити (рис. 1).

Рис. 1. Ткань из могильника «Иттифок». Реконструкция А. К. Елкиной

Металлом выполнена линия узора шириной в 3 мм: две проволоочки, идущие параллельно, уложены поперек линии узора. В местах перегиба металл прикреплялся также пурпурным шелком. Такая техника прикрепления металлического шитья широко известна. Сетка, образованная раздвижкой нитей ткани с закреплением перекрестий в технике мережки, также распространена и известна широко по материалам этнографии.

Необычны сочетания красок этой расшитой ткани. Наличие шитья ла-

тунью предполагает имитацию золотой вышивки и, следовательно, драгоценного красного фона. То, что фоном шитья служила ткань из хлопка, а не шелк, предполагало краситель достаточно невысокого «социального ранга». Хлопок не мог быть окрашен кармином (драгоценным красителем животного происхождения). Окраска мареной красильной обычно сохраняется на археологической ткани в виде достаточно темного коричневого тона. Здесь же хлопок выглядел очень светлым, грязно-серым с зеленоватыми подтеками. С помощью слабого раствора соляной кислоты с фрагмента ткани был снят, а затем экстрагирован органическим растворителем (этилацетатом) краситель среднеазиатского репейника сафлора. Цвет сафлора яркорозовый, спектральной чистоты, цвета алой зари. Это достаточно доступный по своей дешевизне и широко распространенный в Азии с древних времен краситель.

Заполнение цветов и листьев сделано тонким шелком, окрашенным в лиловый цвет драгоценным пурпуром, в технике, минимально расходуемой дорожку нить.

Найденные фрагменты принадлежат шести «древам жизни», расположенным в ряд на небольшом расстоянии друг от друга. Предположительно, шитье украшало подол женской одежды. Традиция украшать женскую одежду мотивами «древа жизни» наблюдается в этнографической одежде кулябских женщин, таким образом соотносясь с вековыми образами, передающимися из поколения в поколение.

В искусстве многих народов изображение «древа жизни» сопровождается парными изображениями спутников — птицами или зверями. Сохранение мотива птицы на дереве в этнографии многих народов говорит о его прочной смысловой основе. Осмысляется этот мотив как мифическая солнечная птица на верхушке космического дерева, и что это изображение должно привлечь благое влияние, обеспечить милость и защиту человеку в трудное время¹². Вышивка на платье с мотивами «древа жизни» несла защитную функцию, служила оберегом носителя одежды. Мотивы «древа жизни» устойчиво сохраняются и позже, в период раннего средневековья. В ирано-сасанидском, тохаристанском и согдийском варианте — ствол дерева, вписанный в круг из перлов. От ствола отходят две ветви, на них стоят геральдические две птицы или два животных, ствол растения венчает распутившийся бутон¹³. Особенно широко они распространены в декоре текстиля. Причем в раннесредневековом искусстве этот мотив распространен в орнаменте знаменитых «сасанидских» шелков, часто используется в одежде декорированной аппликацией, плетением.

Следующий памятник тохаристанского текстильного искусства — многочисленные находки относительно хорошо сохранившихся хлопчатобумажных одежд и изделий из хлопка из «Кургана» — памятника, раскопанного археологом В. А. Козловским в 1974 г. В одном из помещений были обнаружены 32 беспорядочно лежащих костяка, которые были положены друг на друга в шесть ярусов. В отчете В. А. Козловский отмечает, что «...в большинстве случаев захоронения производились в неокрашенной хлопчатобумажной одежде или же в окрашенной в красные, синие, зеленые цвета. На одном костяке сохранилась шелковая рубашка, красный капюшон, под головой обнаружена ковровая ткань из сочета-

¹² См.: Қызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник.— М.: Наука, 1990.— С. 162.

¹³ См.: Ремпель Л. И. Цепь времен.— Ташкент, 1987.— С. 99.

ний зеленых, желтых, синих, красных ниток»¹⁴. В момент открытия уникальных вещей и тканей с археологом не оказалось рядом реставраторов. Находки долгое время находились под навесом Сурхандарьинского областного краеведческого музея, пока на них не обратил внимания известный археолог Б. Я. Ставиский, приехавший в экспедицию. Для реставрации и консервации были приглашены авторы данной статьи. К сожалению, среди находок не оказалось упомянутых в отчете В. А. Козловского ни шелковой рубашки, ни ковровой ткани.

Спустя три года после начала реставрации вещей, сотрудниками музея было предоставлено еще одно детское захоронение в одежде, снятое с раскопа *in situ*. Находка все эти годы пролежала в ящике, в фондах музея. Непосредственная близость с влажной органикой, гуминовыми остатками серьезно повредила одежду. Костяк был покрыт светлым полотнищем шириной 80 см и длиной 157 см. Покрывало закрывало ноги до щиколоток. Ребенок был одет в рубашку туникообразного кроя длиной до середины бедер, с рукавами, сужающимися к запястью и в штаны с мотней. Рубаха одета навыпуск, без опояски. На уровне груди груды скомканной синей орнаментированной ткани, кусочки этой ткани имелись у подола, у плеч (рис. 2). Орнаментированная ткань была сдублирована вдвое,

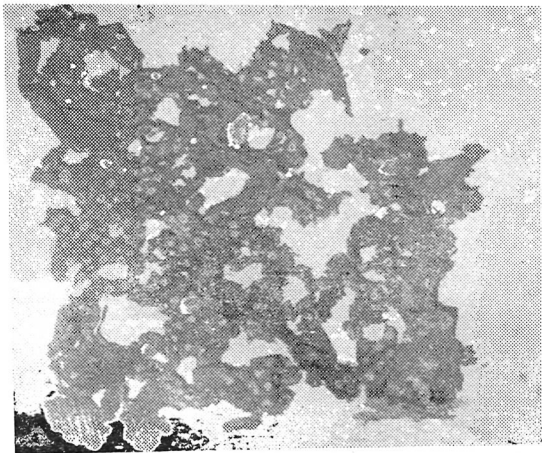

Рис. 2. Ткань из Старого Термеза (Курган) до реставрации

на уровне плеча и груди поверх этой ткани лежали фрагменты светлой шелковой ленты, сохранились и пришитые кусочки шелка к кромке декора-

¹⁴ Архив Сурхандарьинского областного краеведческого музея. Отчет В. А. Козловского об археологических работах в Старом Термезе в 1974 г.

тивного текстиля. На расстоянии 22 см от плеча на рубаше лежали две ленточки: первая — шириной 3 см и длиной 10 см, а вторая — шириной 4 см и длиной 7 см. У ног сохранился фрагмент ткани с ватой, обтянутой нитками в сетку. Длина фрагмента — 25 см, ширины — 15 см. У ног найдена завязка из полотна длиной 11 см. Там же лежал фрагмент гобеленовой светлой ткани в красную крапинку. Прежде всего все фрагменты ткани и одежды были по возможности очищены от гуминовых остатков и высушены.

При работе над термезскими материалами надо было проделать несколько этапов, каждый из которых сопровождался исследованием: пластификация тканей; расправление; удаление загрязнений; исследование материалов, фотоисследования; консервация; монтаж, приведение в экспозиционное состояние. Через сутки после пластификации попытались распрямить находки. Здесь нужно было разобраться, к какой части относится каждый фрагмент, выяснить, из какого вида волокон вытканы найденные ткани, есть ли на них рисунки или шитье, сделать анализы красителей. Расправление складок и грубых заломов на тканях делали тоже с помощью глицерина, но подогретого. Для этого фрагмент поместили на лист белой бумаги, покрытой тонким шелком, а затем в эмалированный кювет с ровным дном. На бумагу предварительно налили глицерин. Под кювет ставили меньшую ёмкость, наполненную горячей водой. В подогретом глицерине расправились и опали складки. После расправления складок на ткань, покрытую шелком, снизу и сверху наложили бумажные салфетки. Через сутки глицерин впитывался бумагой и частицы загрязнений сами начали осыпаться. Фрагменты вновь исследовались и остатки загрязнений уже удалялись органическими растворителями — перхлорэтиленом или изопропиловым спиртом. После расправления и освобождения от загрязнений одежда и фрагменты тканей были готовы для изучения и последующей консервации. Прежде всего была проведена подробная фотофиксация фрагментов с лицевой и изнаночной сторон. Уже в лабораториях Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации определили волокна с помощью микроскопических и микрохимических методов, исследовались нити, способы прядения, крутки, рассматривалась структура переплетения, анализировались красители.

Исследования тканей показали, что все изделия сшиты из хлопчатобумажных тканей. В ткачестве использовано полотняное переплетение. Нити основы и утка не различаются между собой по качеству. Хлопковые волокна всех изделий спряжены круткой z , что означает применение при прядении самого простого прибора — ручного веретена. Полотна сотканы из простой пряденой единичной нити в основе и утке. Разница в тканях между основой и утком только в плотности нитей. Число нитей основы на 1 см во всех тканях приблизительно в 2 раза больше, чем в утке.

В нескольких изделиях сохранились обе кромки, что даст возможность узнать ширину выработавшихся на станках полотен. Ширина тканей колеблется: 54 см, 60 см, 65 см. Выделяется полотно самой большой рубашки, имеющее ширину вдвое большую — 118 см от края до края. Кромки ничем не выделяются на полотне, лишь утолщены две единственные крайние нити, где вместо одной взяты две.

В основном ткани достаточно грубые по фактуре, сотканы из неровно пряденых нитей, довольно толстых, простейшим полотняным переплетением. Плотности небольшие. Самая грубая ткань — полотно с бахромой имеет 12 нитей /см по основе и 7 нитей /см по утку. Самая тонкая ткань — фрагмент со следами красной окраски — имеет 21 нить /см по

основе и 12 нитей/ см по утку. Грубые ткани отличаются достаточной плотностью, так как сотканы из нитей большей толщины. Ткани одежды сотканы из нитей сравнительно неравномерно и неровно пряденых. Лучшим качеством прядения отличаются ткани, имеющие красную и синюю окраску.

Окраска большинства тканей визуально оценивается как светло-коричневая, неровная. Так выглядят все одежды. Этот цвет, вероятно, приобретен тканями за счет поглощения волокнами гуминовых веществ. Изначально это были белые ткани. Отсутствие в волокнах красильных веществ подтверждается спектрофотометрическим анализом. Три ткани обнаруживают сохранившиеся следы окрашивания.

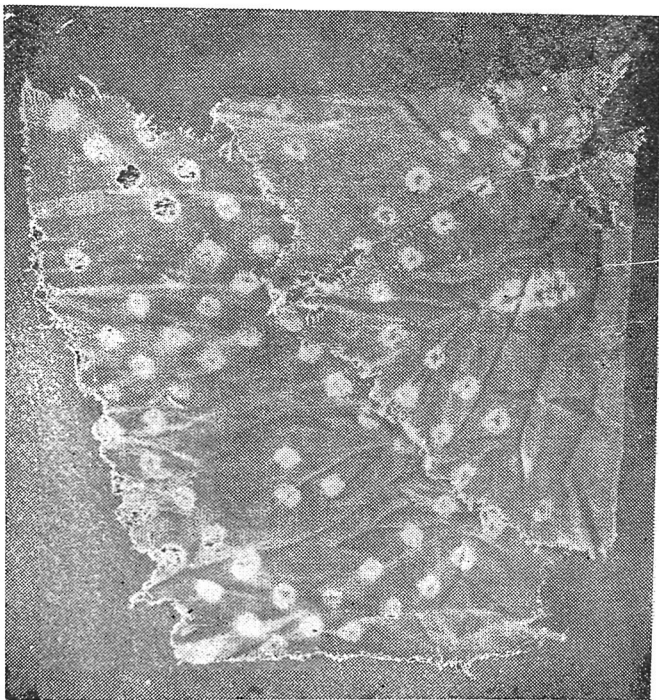

Рис. 3. Ткань из Старого Термеза (Курган) после реставрации

Неопознанный предмет одежды в этой коллекции сшит из кусков красного полотна с прямоугольной вставкой синего цвета. Фрагмент самой тонкой ткани также является окрашенным в красный цвет. Красным красителем в обоих случаях оказалась марена красильная, которую удается выделить. Синяя ткань содержит индиго, также извлекаемое из волокон. Ткани окрашивались в готовом полотне. Это видно по срезу нитей, где внутренняя часть пряденой нити прокрашена слабее.

Исследование под микроскопом подтвердило оценку исходного сырья нитей одежд из Старого Термеза как хлопкового волокна, обладающего всеми характерными для него признаками. Ширина отдельных волокон колеблется от 18 до 22 микрон. Для сравнения были измерены волоконца хлопчатобумажной ткани XIX в., которые оказались заметно тоньше — от 10 до 12 микрон. Результаты измерения термезских нитей, однако, трудно считать абсолютно точно отражающими истинные их размеры, так как ткани просуществовали в условиях захоронения около 1500 лет и волокна их сильно денатурированы. Под микроскопом заметны следы денатурации хлопка в виде уменьшившейся извитости самих волоконцев и в виде заплывших, слабо выраженных канальцев внутри них.

Расправленные и очищенные одежды и ткани после пластификации приобрели некоторую прочность, но недостаточную для хранения. Было решено, что одежды надо продублировать и консервировать, пропитать ткани укрепляющими составами — клеем БАВ-4М, разбавленным этиловым или изопропиловым спиртом. Перед консервацией была на бумаге сделана реконструкция одежд с учетом изобразительных и этнографических параллелей. Пропитанные клеем части одежды, после исследования соединены по рисунку в единое целое и продублированы на тонированную хлопчатобумажную ткань. Мы посчитали, что наиболее удачным по цвету фоном для археологических одежд является тепловато-се-

Орнаментация ткани из Старого Термеза

МЕТОДОМ ПЕРЕВЯЗКИ

(ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ)

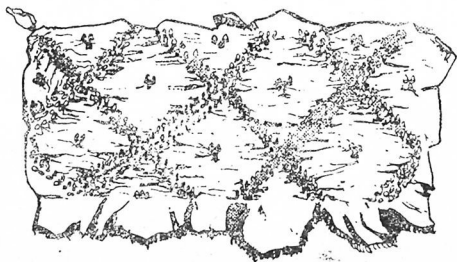

Рис. 4. Реконструкция приема орнаментации ткани из Старого Термеза.
Реконструкция Г. Майтдиновой

рый цвет. В этот цвет покрасили полотнища хлопчатобумажной ткани отваром гранат, луковичной шелухи по протраве из смеси медного и железного купороса. Дублировочная ткань по силуэту одежды была приклеена на обратную сторону изделия с помощью клея А-45-К.

Особенно были интересны в термезской коллекции орнаментированные ткани: крупные ромбы, составленные из белых кружков, в одном случае на красном фоне, в другом — на голубом (рис. 3). На первый взгляд, орнамент производит впечатление набивного. Реконструкцию приема орнаментации подсказали этнографические материалы Припамирья и Кулябской области. До сих пор в Кулябе и в Дарвазе женщины носят платья и покрывают головы платками, орнаментированными узелками: намечается рисунок орнамента на ткани, затем через определенные промежутки завязываются тугие небольшие узелки и после этого ткань красится. Места, завязанные узелками не прокрашиваются. Подобным способом были орнаментированы и термезские ткани (рис. 4).

Использование вышеописанного метода реставрации, консервации и исследования древних текстильных изделий показало его эффективность и на других археологических памятниках Средней Азии, открытых в последние десятилетия уходящего века.

**ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ**

**О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА ПОСЕЛЕНИИ САРАЗМ В 1985 г.**

За девять полевых сезонов (1977—1985 гг.) нашему отряду удалось заложить на территории поселения Саразм 7 стационарных раскопов и 10 шурфов. По их результатам установлена общая территория поселения, некогда занимавшая более 100 гектаров.

Начиная с сезона 1984 г. по линии научного обмена и сотрудничества между АН СССР и Национальным Центром научных исследований Франции на поселении Саразм начали свои работы археологи из Объединения Археологических исследований № 10.

1. Раскопки французских археологов. В 1985 г. в Саразм для продолжения работы на раскопе VII с Ролланом Безенвалем приехала сотрудница объединения Б. Лионне. Правда, она не участвовала в раскопках, а занималась керамикой Саразма, найденной в 1977—1983 гг. Ее работа заключалась в составлении типологии керамики Саразма. Совместно с ней работал сотрудник Института истории им. А. Дониша, который также занимается керамикой Саразма — Сандмурод Бобомуллов.

Р. Безенваль продолжал раскопки на объекте VII. В отчетном году была расширена площадь раскопа с запада и северо-востока до 75 м². На этом участке он исследовал все четыре этапа обживания объекта. Послойным наблюдением ему удалось выявить и уточнить структуру строений с остатками архитектурных элементов — полами, стенами, стойками от балок. Главным является обнаружение прямоугольных алтарей на полу третьего горизонта и круглых на полу второго. Для этого же горизонта характерны стены из сырцовых кирпичей и гравийные вымостки улиц.

В конце сезона на уровне второго горизонта Р. Безенваль обнаружил две стены какого-то помещения, где через каждые 75 см расположены прямоугольные оконца размером 30×50 см. Проемы были выкрашены розовой и синей красками. Стены еще не раскопаны полностью, поэтому пока еще трудно говорить о назначении этого помещения.

Вещественные находки на этом раскопе в основном состоят из сотен фрагментов расписной и нерасписной керамики преимущественно гончарного производства. Имеется три фрагмента каменной чаши, целый стаканчик, каменные зернотерки и терочки. На полу одного из помещений был найден кусок штукатурки, покрытый синей краской.

В целом этот объект по своим предварительным показаниям представляет большой интерес для установления периодизации памятника и процессов эволюции его обживания, связанной с освоением территории поселения в длительный период жизни.

2. Работы американских археологов. В 1985 г. начали раскопочные работы на поселении Саразм два американских археолога по программе совместного сотрудничества между СССР и США. Эта программа в области археологии осуществляется кандидатом исторических наук А. И. Исаковым с его группой и профессором Гарвардского университета, директором Музея антропологии и этнографии Пибоди (Кембридж) К.К.

Ламбергом-Карловским и преподавателем Веллеслей Колледжа, Др. Филиппом Кодем.

По решению руководства Таджикской академии наук им также было предоставлено место для стратиграфического шурфа. Этот шурф (№ 1) размером 5×5 м был заложен вблизи от нашего стационарного раскопа II, где на расстоянии нескольких метров к западу нами был раскопан великолепный жилой массив с четырьмя строительными горизонтами.

Наши коллеги, раскопав этот шурф до глубины 1,2 м, не выявили наличия стен, но в восточной половине шурфа была обнаружена яма диаметром более 3-х м. Эта яма намного затрудняла работы археологов по определению стратиграфии шурфа. В связи с этим по просьбе американских археологов им было предоставлено новое место для заложения второго шурфа (№ 2).

Этот шурф размером 5×5 м расположен приблизительно в 30 м к северу от нашего раскопа IV на небольшой территории возвышенности. Здесь нашим коллегам удалось обнаружить и расчистить остатки трех линий паховых стен, принадлежащих, очевидно, трем помещениям, соответствующим, вероятно, второму этапу раскопа IV. Этот этап по общей периодизации поселения Саразма синхронизируется с периодом Саразм II. Тщательная фиксация обрезов шурфа представляла возможность американским археологам выделить 8 пластов — так называемых микрослов в пределах трех строительных горизонтов. Правда, строительные остатки сохранились лишь во втором горизонте.

Отметим, что этот шурф, в отличие от других наших раскопов, дал незначительное количество вещественных находок: десяток фрагментов керамики, пару зернотерок и различные обработанные камни, являющихся, видимо, терочниками или отбойниками.

В процессе раскопок на юго-западном прямоугольнике шурфа, начиная с глубины 75 см, вобрезе шурфа был обнаружен разрушенный культурный слой. В дальнейшем установлено, что это дромос могилы античного времени. Хотя она к культуре Саразма не имела никакого отношения, тем не менее была раскопана с большим интересом. Эта могила катакомбного устройства, состоит из прямоугольного в плане дромоса, вытянутого с юго-запада на северо-восток, размером 2×0,9 см¹. Дромос выкопан до глубины 2,75 м от дневной поверхности. Вход в катакомбу обнаружен в северной стене дромоса. Он овальной формы, диаметром 80 см, глубиной 50 см и расположен почти посередине катакомбы. Могильная яма, вытянутая с запада на восток, длиной 2,1 см шириной 1,6 м, расположена к северу от дромоса. Зачистка костяка показала, что скелет лежит в вытянутой позе с опущенными по бокам руками. Костяк сопровождался лишь двумя предметами; небольшим горшочком, лежащим рядом с черепом, и железным предметом, напоминающим обломок ножа. Этой могилой и закончили наши американские коллеги первый сезон в Саразме.

В заключение подчеркнем, что этот шурф был заложен весьма удачно. Обнаруженные остатки стен обнадежили наших коллег, и они хотели бы продолжить работы на поселении в сезоне 1986 г.

¹ Такие погребения, относящиеся ко II в. до н. э., нами тоже были обнаружены при раскопках II, III и IV объектов. Теперь количество захоронений греко-бактрийского и раннекушанского периодов увеличилось до шести, и настало время для написания отдельной работы, так как для верховья Зеравшана они являются уникальными.

3. **Раскопки стационарных объектов Саразма.** В течение многих лет поселение Саразм исследуется стационарным методом, раскоп II (с 1977 г.), раскоп IV (с 1981 г.), раскоп V (с 1983 г.). Благодаря этому нам удалось вскрыть значительную площадь поселения и получить эффективные результаты по вопросам строительства, стратиграфии и периодизации материальной культуры Саразма. Много данных было получено по исторической топографии, по связям с памятниками сопредельных регионов, расположенных на территории Средней Азии и за ее пределами.

Упомянутые объекты ежегодно дают новые материалы, позволяющие расширить наши представления о духовной жизни и социально-общественных отношениях саразмийцев в эпоху энеолита и бронзы.

В отчетном году наши раскопки были продолжены лишь на двух объектах (раскопы IV и V)².

Раскоп IV (руководители Раззаков А. Р. и Таиров Р. Р.). Раскопки этого интересного объекта были начаты в 1981 г. В отчетном году основные раскопочные работы проводились на северной и западной частях объекта. На северном участке раскоп был расширен на 3 м, с запада на восток на 25 м.

Удалось выяснить, что в северном секторе на двух поздних этапах Б и В, которые соответствуют по периодам Саразму III и IV, никаких строений не существовало. По обнаруженным поверхностям, где на отдельных участках кучами расположены растрескавшиеся камни, можно предположить, что к северу от культового здания этапа Б и жилого комплекса этапа В был расположен открытый дворик с хозяйственными очагами.

Обнаруженные кирпичные стены относятся к помещениям 6, 7, 8, основные площади которых раскопаны в предшествующие сезоны, и были определены нами как второй культовый комплекс этапа А1. Теперь по результатам раскопок этого года мы имеем три полностью раскопанных помещения (на плане пом. 6—8), представляющие собой культовые здания, площадь которых равна 97 м². Особенность этих зданий заключается в том, что на полу двух из них были устроены дисковидные алтари с лункой. Это дает возможность предположить, что помещения выполняли функции святилищ и что в Саразме, помимо семейных святилищ, находившихся в одной из жилых комнат, также имелись и святилища общественного пользования. Помещение 8 со значительно крупным по размеру алтарем, по-видимому, и было таковым. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что западная и северная стены этого помещения, если не целиком, то на определенной высоте были окрашены красной охрой, которая в настоящий момент сохранилась только на высоту до 50—55 см.

По известным нам аналогиям полы и стены предполагаемых святилищ окрашивались еще в эпоху энеолита. Красная краска была исполь-

² Раскопочные работы проводились 4 месяца (с июня по сентябрь) в следующем составе: А. И. Исаков — начальник экспедиции, А. Р. Раззаков, М. А. Исакова — ст. лаборанты, Б. А. Холматова — лаборант, О. А. Холматова — повар, Халиков — шофер, У. Кадыров — бульдозерист. В экспедиции были приглашены архитекторы и художники: С. В. Бочкарева — архитектор из Ленинграда, Е. Г. Мартыненко и Э. С. Бышевская из Таллина и Душанбе. В работе на отдельных объектах участвовали студенты ТГУ им. В. И. Ленина: Ш. Курбанов, С. Бобомуллов, Р. Каримов и студент ЛГПИ им. С. М. Кирова Р. Р. Таиров.

зована в Иерихоне³, Каракепек-депе⁴ и Аликепек-депеси⁵ и др. Однако представляется вероятным, что примененные краски для интерьера жилых комнат, а более вероятно — культовых помещений, было наиболее характерным в эпоху неолита.

Что касается применения росписи или просто красной окраски стен, то примеры в значительном количестве были обнаружены в памятниках Южного Туркменистана, на северном холме Анау⁶, Яссы-депе у Кяхкаха⁷ и Песеджик-депе⁸ в слоях комплекса Намазга I.

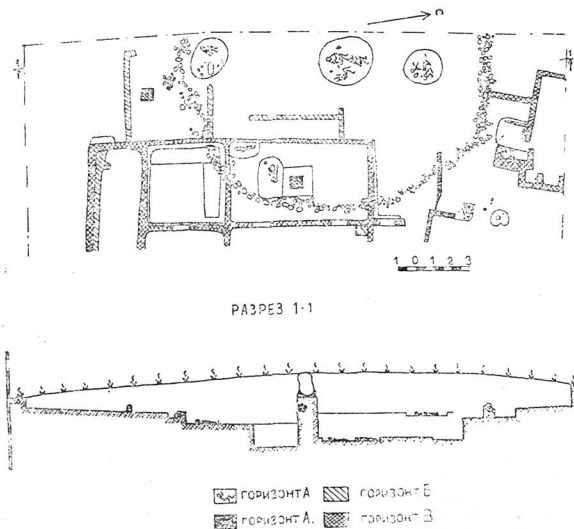

Рис. 1. План могильника IV раскопа с погребениями и общим разрезом

³ История древнего Востока.— М., 1983.— С. 51.

⁴ См.: Исмаилов Г. С. Поселение на холме Каракепек-депе // Археологические открытия, 1971.— М., 1972.— С. 480 (далее: АО).

⁵ Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Поселение Аликепек-депеси // АО 1972.— М., 1973.— С. 454.

⁶ Ершов С. А. Северный холм Анау // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.— Т. 2.— Ашхабад, 1956; Хлопин И. Н. Памятники раннего неолита Южной Туркмении.— Энеолит южных областей Средней Азии.— Ч. 1.— М.; Л., 1963.— С. 9.— Табл. IV, Б-3.

⁷ Кувшин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау // Изв. АН ТССР.— 1954.— № 1.— С. 26.

⁸ Бердыев Д. Раскопки поселения Песеджик-депе // АО 1971.— М., 1972.— С. 525.

Вещественные находки из этого северного сектора включают несколько десятков фрагментов керамики, характерных для трех этапов обжигания раскопа IV.

Значительная площадь (около 80 м²) была раскопана в западном секторе. Здесь продолжены раскопки внутреннего пространства каменной ограды круглого плана, восточная часть которой была обнаружена в сезонах 1983—1984 гг. Как было сообщено, здесь найдены и раскопаны три могильные ямы с захоронениями.

Продолжая работы в отчетном году, мы фактически вскрыли половину этой ограды. Она в плане представляет собой правильный круг диаметром 15 м (рис. 1). Эта ограда возведена из крупных речных булыжников. В настоящий момент посредством поперечного разреза установлено, что высота ограды была примерно 0,7—0,75 м, о чём свидетельствуют булыжники, скатившиеся на материковый грунт. Нет никаких сомнений, что ограда была устроена преднамеренно, и внутреннее пространство ее представляет собой могильник земледельческо-скотоводческих племен эпохи позднего энеолита и ранней бронзы.

Ограда была поставлена на свободном от застройки месте, что подтверждает слегка вкопанный в материк, а точнее, в первичную дневную поверхность нижний ряд булыжников. То же можно сказать и об устройстве могильных ям, начало которых прослеживается на уровне нижних рядов ограды.

К началу сезона 1985 г. мы вскрыли три могилы (№ 1, 2, 3), о которых было сообщено в наших публикациях⁹ и отчетах. Раскопками 1985 г. удалось обнаружить остатки еще двух захоронений (№ 4, 5). Могила № 4 обнаружена на уровне пола строганого этапа Б на глубине около 1 м от дневной поверхности. Еще до обнаружения скелетов поблизости от могилы были найдены большой лепной котел диаметром 35 см и высотой 40 см со сферической формой сверху и сильно заостренной донной частью (пока прямых аналогий не имеет), а также серебряный флакончик с отогнутым наружу венчиком, имеющий почти цилиндрическую форму со слегка вытянутой стенкой, донце тоже выпуклое, неустойчивое. Флакон миниатюрный, диаметром 4 см и высотой 5 см (рис. 2). Думается, что эти предметы к нашим захоронениям никакого отношения не имеют. Вероятно, они относятся к последнему периоду этапа В.

Рис. 2. Серебряный флакончик

⁹ Isakov A. I. Sarazm of ses rapports avec Le Sud. Actes du Colloque. Franco-sovietique. L'archeologie de la Bactriane ancienne.— Paris, 1985.— P. 231—234.

Что касается захоронения, то оно парное. Оба скелета лежат в скорченной позе друг за другом. Головы ориентированы на юго-восток. Погребение вещественным инвентарем не сопровождается. По овному устройству могильной ямы диаметром около 2 м и ее расположению можно предположить, что эти захоронения также относятся к этапу В, так как были погребены под полом этого периода.

Еще до раскопок западной части ограды в центре круга из глубины торчала верхняя часть большого камня. Оставляя камень на останце, так как он оказался крупным и тяжелым, мы продолжили углубляться по всей поверхности внутренней части ограды. Характер наслоения почвы, где были обнаружены различные органические остатки и слой погребенной почвы, убеждали нас в том, что культурный слой, связанный с погребением продолжается, и, возможно, нам предстоит найти еще одно погребение. И действительно, на глубине 2,8 м от дневной поверхности были найдены скелеты коллективного погребения.

Рис. 3. Погребение № 5 с захоронениями: 1 — скелет женщины; 2 — скелет мужчины; 3 — скелет подростка

Это пятая могила, обнаруженная нами в радиусе каменной ограды. Расчистка показала, что в этом овальном в плане погребении, площадь которого равна 7 м², было захоронено три человека (рис. 3). По хорошо сохранившимся скелетам, лежащим в традиционной скорченной позе, на месте производились антропологические исследования. Для этой работы был срочно приглашен из Самарканда заведующий антропологической лабораторией Института археологии АН Узбекистана, доктор исторических наук Т. К. Ходжайов. Его предварительные полевые наблюдения показали, что из трех скелетов первый принадлежит женщине 19—20 лет, рост ее 163—164 см. Второй скелет лежит в 110 см к северу-востоку от первого и принадлежит мужчине 20—21 года, также небольшого роста—156—158 см. Третий скелет из-за плохой сохранности неопределим, можно только сказать, что погребен ребенок 13—14 лет. Скелеты лежат на левом боку, головой на юг. По заключению Т. К. Ходжайова, все они долихокранные, т. е. длинноголовые и принадлежат к средиземноморскому антропологическому типу. Никаких признаков монголоидных черт не прослеживается.

Из трех этих захоронений лишь одно, принадлежащее молодой женщине (скелет №1), сопровождалось различными предметами культа, быта и украшениями: на расстоянии около полуметра к северу-востоку лежали массивное лопатовидное бронзовое зеркало или бритва с черенком (рис. 4, 2), рядом лежало костяное шило (рис. 4, 2). Здесь же была

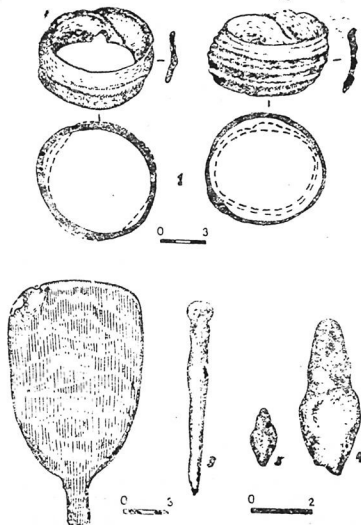

Рис. 4. Вещественные находки из погребения № 5: 1 — браслеты из ракушек; 2 — бронзовое зеркало; 3 — костяное шило; 4 — статуэтка; 5 — статуэтка-подвеска.

всему телу от головы до кистей рук и ступней ног. Небольшая группа сердоликовых бусин была найдена несколько дальше на северо-запад от ступней ног. Они лежали треугольной цепочкой, почему мы и предполагаем, что эти бусы были нашиты на покрывало или плащ.

Из находок большой интерес представляют два массивных браслета, вырезанные из больших морских раковин, украшавшие руки женщины. По кольцевидным валикам заметно, что раковины были отшлифованы и инкрустированы местными мастерами (рис. 4, 1).

Весьма интересно положение рук женщины. Левая рука почти прямо вытянута до согнутых колен, а правая под прямым углом согнута в локте и кистью как бы прихватывает локоть левой руки. Таким образом, хотя поза скелета в целом характерна для погребальных обрядов исследуемой эпохи, положение рук отклоняется от общепринятой позиции.

Определенный интерес вызывают и золотые бусы, найденные в основном за затылком в виде цепочек, правда, около 10 бусин было найдено несколько дальше от основной части. Они были собраны на черепе и внутри его, а также в промежутках между позвонками и ребрами. По типологии все они биконические с выпуклым валиком посередине. Все бусы этой группы (их всего 49 штук) представляют один тип (рис. 5, 6А). В связи с этим возникает мысль о том, что они были литыми, о чем свидетельствуют и их одинаковые размеры.

Следует отметить, что при зачистке всех трех скелетов были встречены рассыпанные по всей могильной яме белые бисерины диаметром около 2-х мм (рис. 5, 8). Поодиночке их собрать практически было невозможно, поэтому нам пришлось заниматься флотацией. В мешках на машине к водопроводу привезли около двух тонн могильного грунта и в лагере, в течение почти месяца, производили промывку почвы. В результате собрали около 10 кг нерастворившихся комочков земли, вперемешку с бисером. После сезона в течение трех недель сотрудники базы занимались отделением бисера от почвы. Теперь после столь кропотливой работы мы имеем более 8 м нанизанного бисера, общей численностью бусин около 10 000 штук. Весь бисер был из белого известнякового камня. Так как бусины стали рассыпаться, то по совету реставраторов Государственного Эрмитажа, которые работают в Пенджикентской экспедиции, этот бисер был пропитан и закреплен акрелатом в спиртовом растворе.

Поскольку бисер встречается по всей могильной яме, возникает мысль о том, что это коллективное погребение скорее всего было единовременным и все трое погребенные были покрыты одним покрывалом, расшитым упомянутым бисером. Что касается женщины с огромным количеством украшений и другими предметами, то во всяком случае она была похоронена в одежде, расшитой многочисленными разноцветными бусами, одежда и головной убор не сохранились, а нашитые на них украшения осыпались.

Золотые и серебряные бусы, найденные за затылком и над головой женщины, бесспорно подтверждают тот факт, что ими была украшена прическа или нижняя часть головного убора.

Здесь же мы имеем уникальную форму терракотовой пластинки, являющейся особым типом этого искусства. Впервые мы встречаемся с тем фактом, что терракотовое изображение божества в образе женщины — прародительницы использовалось как амулет.

Примечателен тот факт, что работа по выделению типологии бус дала весьма интересные результаты. Нам и нашим художникам удалось выделить четыре типа бирюзовых бус, пять типов — лазуритовых, семь — сердоликовых, различных каменных — три, серебряных — два, золотых —

один, из известковых — три. Всего бусы из этого погребения представляют 26 форм, где легко прослеживаются методы обработки камней, а также же литья из серебра и золота (рис. 5).

На данном этапе исследования предметов и украшений из захоронения мы имеем возможность полностью представить типологию находок этой категории. Находки указывают на тесную связь культуры Саразма со многими раннеземледельческо-скотоводческими культурами Ближневосточного района.

При расчистке скелетов было замечено, что костяк женщины в украшениях как будто окрашен красной охрой, тогда как два остальных скелета были обычного светлого цвета. Известны случаи, когда покойника обсыпали красной охрой. Например, в погребении из Костенок 14, погребенный захоронен в одеждах и головном уборе с многочисленными костяными украшениями и покрыт плащом, обсыпанным охрой¹⁰. Не исключено, что прослеживаемая необычная расцветка происходит за счет растворения охры при разложении одежды и покрывала.

Слегка гумусированный грунт и следы темных пятен под скелетами позволяют нам предположить, что, возможно, двое из погребенных — женщина и девочка, были уложены на плетенные подстилки типа бурьи. Этот прием был обнаружен В. М. Массоном в одной из могильных ям в слое Кара-8 на поселении Кара-депе¹¹.

Предварительные исследования приводят к выводу, что могильник с каменной оградой, являющейся характерной чертой культуры скотоводческо-кочевнических племен, еще в эпоху позднего неолита был известен отдельным племенам с земледельческо-скотоводческим хозяйством. Уникальность этого могильника заключается в том, что в регионе среднеазиатского междуречья аналогичных не встречено. Обнаруженные в ряде памятников эпохи неолита и бронзы Южного Туркменистана усыпальницы или погребальные камеры (так называемые толосы) были сооружены из сырцовых кирпичей с купольным перекрытием. Все они имели небольшие размеры, так что их считают «специальным, погребальным архитектурным комплексом»¹². Расположенные на некропольной части поселения Геоксюр I, погребальные камеры (толосы) представлены двумя разновидностями ям: первая — прямоугольная в плане яма с закругленной стеной (толос А); вторая — круглая в плане (толос Б, В и Г)¹³. Эти прямоугольные и круглые погребальные камеры, имея от 3, 5 до 6 м² площади, были предназначены для захоронения двух-трех покойников. Другие известные погребальные камеры, раскопанные в Средиземноморье, например, на Крите в Мессаре, возведены из грубо обработанных камней, имеют небольшие размеры¹⁴.

Поскольку полных аналогий нашему могильнику нет, мы можем предположить, что это могильное устройство может быть новым вариантом погребальных сооружений и является локальной особенностью культуры Саразма.

¹⁰ Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. Археология СССР. Палеолит СССР.— М., 1984.— С. 233.

¹¹ Массон В. М. Кара-депе у Артыка //Тр. ЮТАКЭ. Т. X.— Ашхабад, 1961.— С. 338.

¹² Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе //СА.— 1967.— С. 209.

¹³ Сарияниди В. И. Памятники позднего неолита Юго-Восточной Туркмении //САИ.— Вып. Б.— 3—8.— М., 1965.— Рис. 1, 2, 3, 4.

¹⁴ Бендлбери Д. Археология Крита.— М., 1950.— Рис. 8.

Раскоп V (руководитель Бобомуллов С. Г.). Этот наиболее интересный участок поселения Саразма исследуется с 1983 г. В отчетном году главной задачей экспедиции было установить последовательность строительных горизонтов и их синхронность с общей периодизацией поселения в системе единой планиграфической топографии этого памятника.

В этом плане раскопки имели очень большое значение, в связи с чем сюда было переброшено значительное число рабочих. В результате на площади более 150 м² были вскрыты все пять этапов жилых горизонтов, а на площади 100 м² удалось раскопать наслоения двух верхних этапов. Таким образом, в настоящий момент раскоп исследуется на площади 225 м².

Первый горизонт. Строительные сооружения этого горизонта представлены остатками прямолинейных, вытянутых с запада на восток стен коридорообразных помещений и отрезком какой-то кольцевой ограды. Все эти стены возведены из сырцовых кирпичей размером: 54×27—28×10—11 см на материковом грунте без какой-либо платформы. Дуга кольцевой ограды, обнаруженная под полом второго жилого горизонта, сохранилась высотой всего на два кирпича—22—25 см. Зачистка внутренней и внешней сторон ограды не дала никаких находок, даже фрагментов керамики. Аналогичная ситуация повторялась и в ходе раскопок двух коридорообразных устройств, три стены которых частично раскопаны. Стены сохранились в четыре ряда кирпичей, высота около 50 см. Судя по обнаруженной линии какой-то стены, вытянутой с юга на север, можно предположить, что она является торцовой стеной этих узких сооружений, имеющих всего 60—65 см в ширину, 7 м в длину. Эти помещения были заполнены обломками и даже целыми кирпичами без каких-либо вещественных находок. Судя по обнаруженным остаткам стен на северо-западной части этого горизонта, можно предположить, что там есть еще четыре не полностью раскопанных помещения. Вероятно, что в скором времени мы сможем представить заверченный план этого горизонта.

Во втором горизонте, появившемся на завалах и стенах первого горизонта, три помещения: два прямоугольно-квадратные, одно коридорообразное и весьма уникальное круглое в плане сооружение. Все здания этого горизонта построены из сырцовых кирпичей несколько меньшего размера: 50×25×10, 52×25×10—11 см. Стены оштукатурены двумя и тремя слоями раствора. Раскопанные помещения были разных размеров. Интерес представляет одно из помещений, обнаруженное в северо-западном углу раскопа. Здесь впервые на исследуемом объекте встречена стена, поверхность штукатурки которой покрыта красной краской. Отдельные пятна охры прослеживаются и на полу. Поскольку помещение раскопано еще не до конца, судить о его назначении трудно. Что касается коридорообразного помещения, то оно расположено на северо-восточной части раскопа. Длинные стены из сырцовых кирпичей уходят под нераскопанную часть объекта как на юг, так и на север, коридор шириной 75 см пока раскопан в длину на 6,75 м, при сохранности стен высотой 40—45 см.

Главным сооружением этого горизонта, бесспорно, является круглая постройка, от которой сохранились лишь низкие ряды кирпичей, очевидно, являющихся фундаментом этого строения. Оно представляет собой геометрически правильный круг из двух колец. Диаметр внешнего кольца—7,7 м, а внутреннего—4,25 м. Внешнее кольцо устроено из двух рядов плашмя лежащих кирпичей, размерами 52×25×10—11 см. Первый (внутренний) ряд уложен длинными сторонами кирпичей по ходу

круга, а второй перпендикулярен первому. Таким образом, кирпичи веером окружают внешнее кольцо. Между двух колец имеется круглое коридорообразное пространство шириной 75 см. В свою очередь это пространство было разделено кирпичными перегородками (сохранились в 1 ряд) на несколько секций (отсеков) с тщательно обмазанными полами. Внутреннее пространство каждого отсека равно примерно 0,97 м².

Второе кольцо, расположенное в центре большого круга, состоит из одного ряда кирпичей, уложенных по кругу в длину. Здесь также прослеживается гладкий пол, обмазанный соломенным раствором. По характеру обмазки, плавню переходящей от пола к плоскостям стен, предполагается, что некогда внутренняя стена центрального кольца была гладко оштукатурена. Все это сооружение на первый взгляд представляется специально устроенной погребальной камерой. С целью проверки этой гипотезы в северной половине внутреннего кольца был заложен шурф глубиной 2 м. Однако обнаружить какие-либо останки не удалось, скорее всего их там не должно быть, так как упомянутая обмазка пола была прослежена по всей внутренности кольца.

В научной литературе встречается много гипотез по поводу круглых сооружений. Круглый дом из Феста Г. Чайлд считает толосом¹⁵. Многие круглые сооружения из камня и кирпича С. Ф. Худ также интерпретирует как погребальные камеры — толосы¹⁶. Круглые сооружения были раскопаны в Месопотамии, в Иранском Азербайджане, в Закавказье — все они по своим устройствам сходны. Генезис зарождения сооружений этого типа уходит в глубь исторического процесса. Они встречаются еще в слоях докерамического периода (неолит А) Иерихона и на других ранее изученных земледельческих поселениях Ближнего Востока, Хасуни¹⁷, Яримтепе II¹⁸. Конечно, все они могли выполнять различные функции — толоса, бытового или жилого помещения. Однако раскопанное круглое здание Саразма не имеет прямых аналогий с перечисленными сооружениями. Жилищем оно быть не может, потому что внутреннее пространство центрального кольца всего 7 м². Возможно, оно не было и хранилищем, хотя деление на отсеки характерно для хранилищ, но мы не обнаружили присущей хранилищам алебастровой обмазки полов. Из всех предположений скорее всего истинно последнее — здание выполняло культовые функции. По нашему предположению, это сооружение может быть моделью горизонта с солнцем посередине, а расположенные веером от круга кирпичи имитируют лучи. Не исключено, что сооружение было довольно высоким и имело купольное перекрытие. Вход, расположенный, очевидно, в северо-западной стене, некогда связывал это сооружение с какими-то застройками, которые еще предстоит раскопать. Количество вещественных находок незначительно. Из них можем отметить единственную миску, выкрашенную изнутри в красный цвет.

Третий горизонт не отличается разнообразными по назначению строениями, хотя имеется очень интересная лестница, ведущая, очевидно, на крышу. Лестница состоит всего из одного марша длиной 2,75 м, шири-

¹⁵ Чайлд Г. В. У истоков европейской цивилизации.— М., 1952.— Рис. 39.

¹⁷ Hood S. F. Tholos Tombs of the Aegean //Antiquity.— t. 34.— № 135.— London, 1960.— P. 173.

¹⁷ Массон В. М. Восточные параллели Убейдской культуры //КСИА.— Вып. 97, 1962.

¹⁸ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.— М., 1981.— Рис. 45.

ной — 75 см. Этот марш состоит из четырех кирпичных ступенек. Ступенек было больше, и вся лестница в целом значительно выше и вела на крышу здания. Боковые стены и ступени аккуратно оштукатурены. Две другие стены, вытянутые с юга на север, направляют колено марша дворика, расположенного в северо-восточном углу. Этот дворик раскопан всего на 15 м², поэтому нам пока неизвестно, какую функцию он выполнял. Интересной оказалась сохранившаяся в 3 ряда кирпичей западная стена этого дворика. Ее поверхность на повороте к маршу лестницы покрашена красной охрой.

Из других построек данного горизонта следует отметить большое прямоугольное помещение (пом. 3), расположенное к западу от дворика. Судя по трем стенам (западной — 4,8 м, южной — 6,8 м и восточной — 5,5 м) — помещение весьма внушительных размеров. Все три стены сложены из сырцовых кирпичей размерами: 50×25×10—11 см и 51×25—26×11—12 см и сохранились до высоты от 30 до 60 см. Интересен и небольшой (диаметром 80 см) алтарь с лункой посередине, устроенный в юго-западной части помещения. Интересно, что при устройстве этого алтаря, относящегося к третьему горизонту, был поврежден один из кирпичей круглого здания предшествующего периода. Остатки сырцовых стен еще трех помещений (№ 4, 5, 6) были обнаружены в северо-западной части раскопа.

Таким образом, хотя план построек этого горизонта находится в стадии изучения и полностью будет представлен после длительных работ, можно сказать, что северная половина раскопа третьего горизонта была застроена жилими и, очевидно, хозяйственными помещениями, чего нельзя сказать о южной части исследуемого объекта. В этом периоде здесь, к югу от описанных строений располагался, вероятно, обширный дворик, площадь которого застраивалась несколько позже.

Как указывалось, толщина культурного слоя всех раскопанных помещений не превышает 60 см. По довольно значительным вещественным находкам, из числа которых выделяются две золотые бусины, агатовый кулон, застежка из панциря черепахи и наконечник стрелы из кварцита, можно с уверенностью говорить о том, что жизнь здесь протекала весьма интенсивно по сравнению с двумя предшествующими периодами.

Горизонт четвертый. Постройки этого горизонта состоят из двух целиком раскопанных помещений и линии стен, относящихся к неширокому коридорообразному помещению.

В отчетном году помещения полностью раскопаны и оинтурированы со всех сторон, также раскопано начало коридора, ведущего к этим помещениям (пом. 1 и 2).

Судя по этим двум обширным помещениям и наличию проходов в стенах помещения 1, можно предположительно сказать, что в четвертом горизонте мы имеем дело с наиболее интересными строениями, состоящими, очевидно, из нескольких помещений, носивших культовый или даже дворцовый характер. Площадь, расположенная к северу от помещения 1, не была застроена, что подтверждается обнаруженными на поверхности пола четвертого горизонта очагами со скоплениями растрескавшихся камней и сквозными прямоугольными оконными нишами в северной стене помещения 1.

Вещественными находками горизонт этот особенно не отличается. В завалах раскопанных помещений были встречены десятки фрагментов светлофоновой керамики.

Пятый горизонт. Застройки этого последнего горизонта, состоящие из двух помещений (пом. 1 и 2), обнаружены под пахотным слоем, тол-

щина которого не превышает 30 см, судя по сохранившимся двум рядам сырцовых кирпичей, стены этих помещений были довольно массивными. Окончательный план застроек этого горизонта, возможно, не удастся представить, так как западная и южная стены в результате вспашки были разрушены.

Вещественные находки представлены десятками фрагментов керамики. Наибольший интерес представляет единственный бронзовый нож, найденный к северу от помещения 2 на незастроенной площади. Нож такой формы встречается впервые — клинок плавно сужается к черенку без каких-либо плечиков и завершается загнутым концом. В целом изготовлен он грубо, очевидно, ковкой, о чем свидетельствует неровная поверхность краев довольно широкого черенка.

Таким образом, в отчетном году на всех четырех исследуемых объектах членами международной экспедиции с участием французских и американских археологов сделаны уникальные открытия. Произведен обмен опытом по методике раскопок многослойного памятника эпохи энеолита и бронзы на примере поселения Саразм.

4. Раскопки могильника Тепаи Камар (руководители Потемкина Т. М., Бобомуллов С. Г.)¹⁹. В отчетном году была разбита масштабная сетка всей территории могильника. Все могилы, раскопанные нами в сезонах 1983—1984 гг., нанесены на план относительно сделанной сетки, после чего производились раскопки новых погребений. Поскольку могилы грунтовые и костяки уложены на различной глубине от 1,20 до 2,5 м, первоначально пришлось углубиться по всей площади отдельных квадратов, что в общей сложности составило 210 м². При этом были произведены наблюдения над структурой грунта и стратиграфией погребений. При планомерном исследовании указанной площади было обнаружено пять могильных ям. Два захоронения парных, три — одиночных. Первое парное захоронение — детское (могила № 13), расположено на глубине 1,3 м от дневной поверхности, расчищены плохо сохранившиеся скелеты двух младенцев, без сопровождения их традиционными сосудами. Второе парное погребение — взрослое. Головы скелетов ориентированы на северо-восток. У изголовья одного из них найден плохой сохранности горшок с обломанным венчиком.

Из трех одиночных погребений (могилы № 12, 14, 15, 16) представляет наибольший интерес могила 12. Судя по вещественному инвентарю, который состоит из многочисленных бронзовых украшений, покойник был весьма влиятельным человеком. Дно ямы прямоугольное, близкое к квадрату, с закругленными углами размером 150×100 см, обнаружено на глубине 215 см от дневной поверхности. Костяк лежал в скорченной позе на левом боку. Руки и ноги согнуты в коленях и локтях.

Из вещественных находок отметим значительное количество бронзовых бус у рук, грудной клетки и у ног. Все они литые, из бронзы низкого качества с большим содержанием меди. Сильная окисленность повредила многие из них настолько, что при соприкосновении они разрушаются или превращаются в труху. Из украшений интерес представляют найденная

¹⁹ Раскопки могильника Тепаи-Камар производились в течение 20 дней в составе: Т. М. Потемкина — ст. н. сотр. Института археологии АН СССР, нач. отряда, Н. Г. Аванесова — доцент УзГУ г. Самарканд, С. Г. Бобомуллов — ст. лаб. сектора археологии и культуры Согда (зам. нач. отряда), Н. М. Разумовский — канд. физ.-мат. наук, Е. И. Стабенова — топограф и художник, О. Халиков — шофер, и четверо маршрутных рабочих.

в могиле № 15 бронзовая серьга с раструбом и массивная бронзовая гривна. Гривна встречена впервые в комплексе металлических находок Теппаи-Камар. Традиционный горшок с гребенчатым орнаментом, обнаруженный у головы, аналогичен сосудам, принадлежащим среднеазиатским комплексам андроновской культуры.

Хронологическая колонка комплекса могильника Теппаи-Камар соответствует позднеалакульскому этапу культуры степной бронзы, датируемой XIV—IX веками до н. э.

Таким образом, продолжение раскопок могильника с участием специалистов, занимавшихся культурой степной бронзы Сибири и Средней Азии, приобретает важное значение, тем более что могильник Теппаи-Камар является единственным памятником андроновской культуры в горной части Зарафшанской долины и Среднеазиатского междуречья.

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак,
В. И. Распопова

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА В 1985 г.

В отчетном сезоне исследования были сосредоточены на шахристане древнего Пенджикента¹. Велось изучение оборонительных сооружений (объекты VI, IX), храмов (объекты I, II), жилой застройки (объекты XVI, XXIII, XXV), кроме того, за пределами городских стен закончены раскопки базара по верхнему уровню (объект IX), (рис. 1).

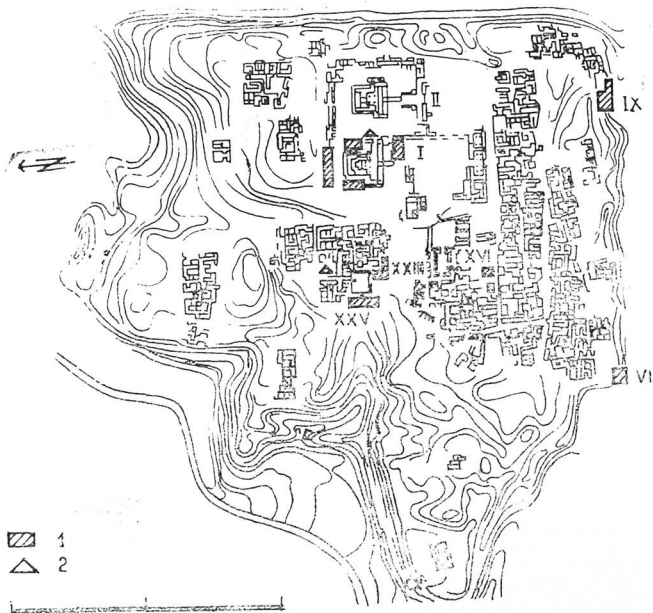

Рис. 1. Пенджикент. Ситуационный план раскопок 1985 г. 1 — участки, раскопанные в 1985 г.; 2 — места находки живописи

¹ В 1985 г. в раскопках городища древнего Пенджикента, помимо руководителей работ на объектах, названных в тексте, принимали учас-

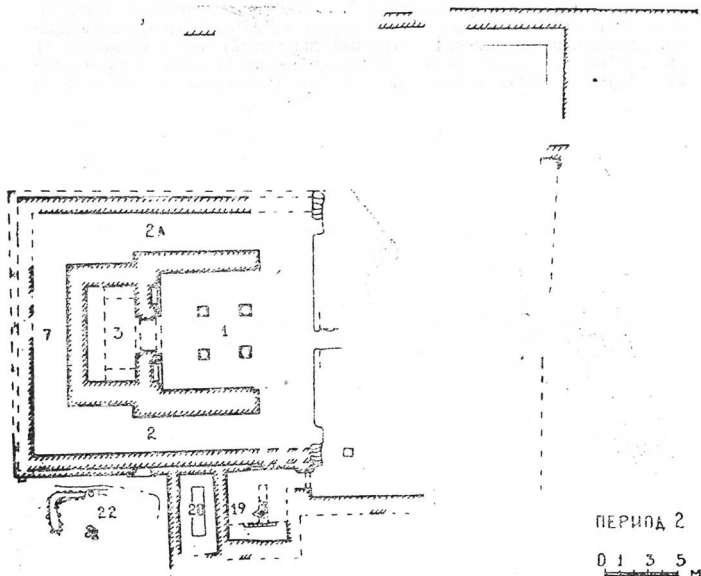

Рис. 2. Пенджикент. Храм. 1. План по 2 периоду

тие старшие реставраторы Государственного Эрмитажа Г. И. Тер-Оганян, Т. С. Василенок, реставратор Государственного Эрмитажа И. А. Баженова. Под руководством Б. И. Маршака обмеры архитектурных сооружений проводили архитекторы Л. С. Антипина, И. В. Петров, О. Н. Петрова, О. И. Дмитриева, Т. А. Райбац, М. О. Образцова, Ю. П. Макаренко, студенты архитектурных вузов Т. Маркелова, И. Киричек. Рисунки копировали Т. С. Василенко, А. О. Машезерская, О. Н. Русина, И. Л. Карташова. Л. Г. Маляр провела большую работу по графическому оформлению прорисовок росписей. В исследовании храмов активное участие приняла студентка кафедры археологии ЛГУ Н. Е. Сазонова. Полевую фотофиксацию провела В. И. Распопова. В работах по исследованию городища древнего Пенджикента в 1985 г., кроме того, приняли участие А. А. Малыгина, Л. К. Сергеева, О. Якушкина, И. А. Плюсин, А. Палашников, Ю. Коваленко, А. А. Ермолаева, Е. В. Полякова и др., а также ученики старших классов школ г. Пенджикента. Большую помощь экспедиции оказал шофер А. С. Султонов.

На объекте I (руководитель В. Г. Шкода) продолжались работы по исследованию двора, окружавшего главное здание храма I (рис. 2). Двор этот делится на переднюю и заднюю части главным фасадом храма. Раскопки проведены как в передней (восточной), так и в (западной) частях. Ширина двора дважды менялась на протяжении истории храмов. В 1985 г. была определена северная и намечена южная граница

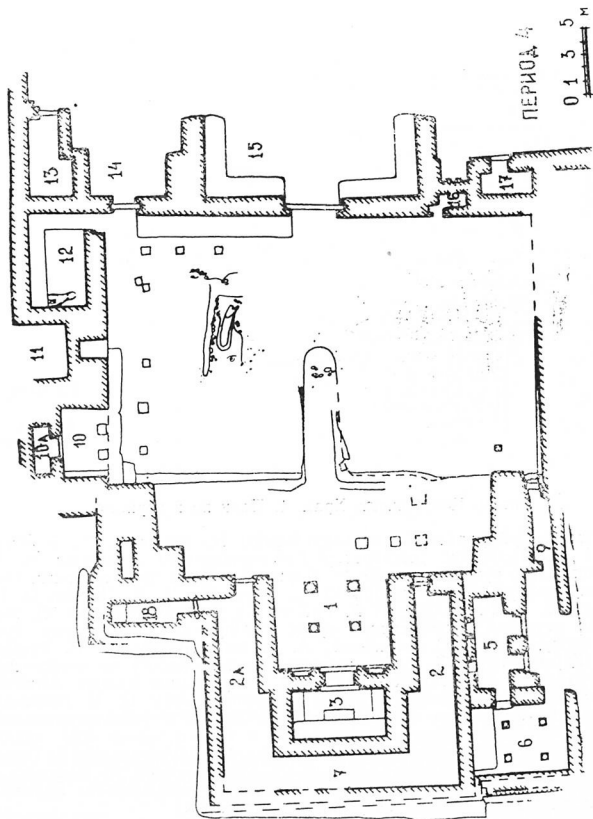

Рис. 3. Пенджикент. Храм I. План по 4 периоду

двора первого строительного периода. Северная стена проходила по линии северной стены помещений 10 а и 12, т. е. являлась границей между храмами I и II. Ранее мы считали столь же древней стену, соответствующую южной стене помещения 12 и суфу перед ней, поскольку вертикальная поверхность этой суфы уходит за фасадную линию платформы главного здания третьего периода. Однако шурфовка показала, что заглублена она только на толщину облицовки и, следовательно, сама относится к третьему периоду (около рубежа V—VI вв.). На юге двора его первоначальная ширина предположительно была тоже большой, а его граница проходила по линии южной границы двора объекта X, т. е. восточного, внешнего двора храма I. Действительно, в шурфе на этой линии обнаружена стена, которая, однако, открыта пока только по самому верхнему горизонту VIII в.

Приведенные наблюдения позволяют предположить, что храм I, как и храм II, имел сначала прямоугольный участок, а сужение его западного двора объясняется позднейшими перестройками.

Стена, разделяющая два двора, т. е. восточная ограда передней части двора вокруг главного здания, прослежена по остаткам второго периода. Таким образом, не только главное здание, что было установлено в предыдущие годы, но и оба двора в основных чертах на протяжении истории храма сохраняли свою планировку.

В передней части западного двора продолжено изучение открытой в 1984 г. «зеленой зоны», в которой росли две арчи (остатки корня, обнаруженные в 1984 г., определены Г. И. Семеновым). В VI—VII вв. вдоль восточной ограды, как и вдоль северной, стояли колонны перистилля (рис. 3).

В северной ограде особый интерес вызывало помещение 12 со следами разведения огня. Предполагалось даже, что здесь какое-то время мог находиться священный огонь. Однако оказалось, что в суфе вдоль западной стены скрыты остатки очага совсем другого рода (рис. 4). План помещения сложился к началу IV в. (период 3), верхний пол и суфы относятся уже к VIII в. Очаг спущен не с нижнего пола, что заставляет относить его, скорее всего, к VII в. или к началу VIII в. Очаг функционировал до арабского завоевания, когда храм еще не потерял своего назначения. По своей структуре печь напоминает небольшой гончарный горн. В завале сохранился обломок прокаленного глиняного свода с частью канала для жара (диаметр 10—12 см). Такие своды в горнах отделяют нижнюю топочную камеру от верхней обжигательной. Однако ни настоящей ошлакованности, ни керамического брака не обнаружено. Первоначальная длина грушевидной топочной камеры с узким устьем с юга — 2,1 м, ширина около 1 м, глубина от пола около 0,45 м. Очаги такого размера, но без пода в современном быту таджиков применяют для приготовления праздничной пищи в больших чугунных котлах. Двухкамерность давала возможность обойтись без большого котла. М. А. Хамиджанова любезно сообщила нам, что у таджиков иногда для особо почетных гостей запекали целую тушу в настоящей гончарной печи-хумдоне. Вообще для Согда характерна полифункциональность печей одинаковой конструкции. Например, тонуры для лепешек и большие горны кузниц делали в виде перевернутого хума с поддувалом, обложенного сырцовым футляром. Вполне возможно, что печь служила для храмовых пиров, о которых упоминал Бируни².

² Абу Рейхан Бируни (973—1048). Памятники минувших поколений.— Избранные произведения.— Т. 1.— Ташкент, 1957.— С. 254.

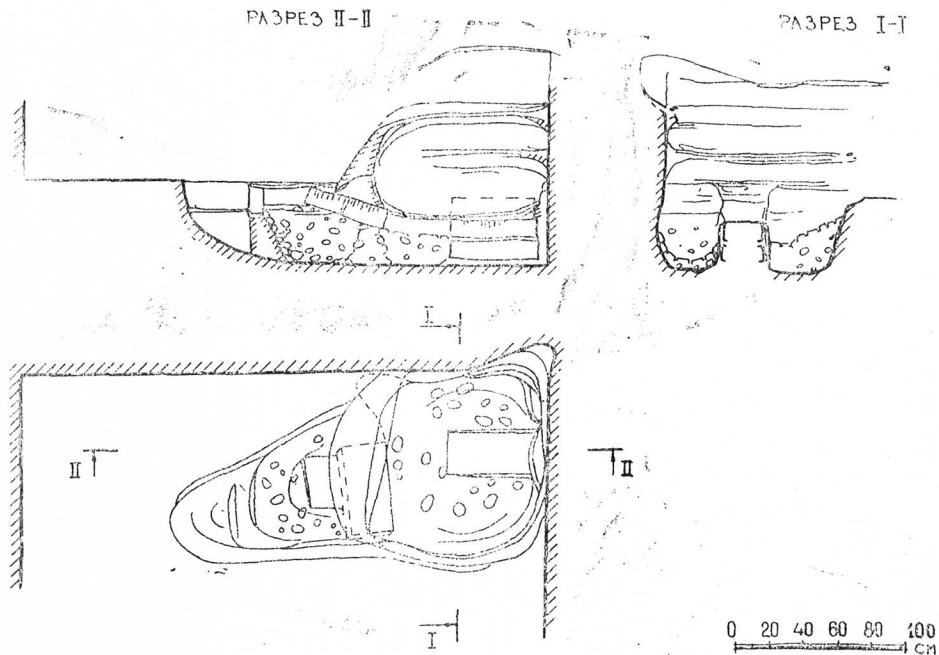

Рис. 4. Перишукент. Урам I. Помещение 12. План и разрезы очага

Печь трижды переделывали. Сначала в топочной камере стояла пристроенная к ее задней северной стене торцом стенка из четырех положенных друг на друга сырцовых кирпичей. От нее на запад и на восток шли своды. Под находился на высоте 56 см от дна. Первая перестройка — сокращение длины устья топки на 45 см. Потом на дно топки насыпали слой гальки толщиной 30 см. И, наконец, сломав старый под и построив новые сырцовые стенки, топку сделали подквадратной с устьем на восток. Новый свод с подом, к которому относился обломок с каналом для жара, был устроен на высоте около 0,5 м над новым снятым дном топки. Выше пода на западной стене — прогорелый след высотой около 45 см, вероятно, от верхней камеры после последней перестройки.

В задней части двора работы велись на трех участках: близ северного и южного фасадов главного здания, на участке западной ограды. Между северным фасадом и северной оградой открыта широкая платформа — суфа. Этот северный фасад, оформленный двумя широкими обвалованными ступеньками, относится к третьему строительному периоду — времени пристройки капеллы (помещение 18). В слое натека над суфой у фасада найден кладик монет. Он состоял из двух сложенных вместе край к краю скифатных бронзовых монет, между вогнутыми сторонами которых образовалось вместилище для десяти серебряных монет. Кладик был обернут белой тканью полотняного переплетения. Серебряные монеты с изображением лучника относятся к типу 0 12 по классификации Е. В. Зеймалья³. Бронзовые монеты диаметром 12 мм имеют фигурные знаки, ранее такие монеты в Пенджикенте не встречались. Что касается монет с лучником, то их стратиграфическая дата здесь более поздняя, чем на объекте VII, где клад таких монет датирован первым строительным периодом⁴.

Здесь кладик, очевидно, выпал из стены третьего строительного периода храма (около рубежа V—VI вв.). Скорее всего, маленький матерчатый мешочек с монетами был подношением верующего, для чего могли использовать монеты, уже не обращавшиеся. Не исключено также, что монеты могли быть и случайно потеряны, а затем вместе с землей оказались в кирпиче или в шве строившейся платформы.

За северной стеной ограды во дворе храма II обнаружены обломки упавшей глиняной обмазки с росписью. На южной стене ограды храма II напротив помещения 10 а объекта I также есть следы росписи: белый грунт и пятна красной краски. Упавшие фрагменты очень плохой сохранности: угадываются крупномасштабная фигура всадника и, как будто, полосатый тигр. Когда выполнена роспись, пока определить нельзя, но уже сейчас ясно, что она была на стене в последние десятилетия функционирования храма.

Близ южного фасада главного здания продолжались работы в помещениях 21, 22. В V в. (после постройки во втором строительном периоде помещения 19) за западной стеной этого помещения около западной части фасада сначала оставили открытое пространство, которое превратили в дополнительное святилище. Вдоль обеих наружных стен были построены суфы, причем на суфе у южного фасада соорудили подиум. После перестройки на том же месте был устроен исследованный

³ Зеймалья Е. В. Древние монеты Таджикистана.— Душанбе, 1983.

⁴ Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. // АРТ.— Вып. XIV (1974 г.).— Душанбе, 1979.— С. 258—261.

ранее подиум со скульптурным декором под культовой нишей помещения 21⁵. Размер более раннего подиума нельзя определить, не разрушая более поздний, но можно думать, что они были похожи друг на друга. Одна из обмазок раннего подиума была окрашена в черный цвет.

Стену около подиума обмазывали много раз, что характерно для открытых непогоде или защищенных лишь небольшими навесами стен. Позднее из открытого пространства выгородили стеной помещение 21. В этом же дополнительном святилище росло открытое в предыдущем сезоне дерево.

Близ юго-западного угла первоначального раннего здания в наслоениях двора VI в. найден фрагментированный терракотовый образец с изображением сидящей (в обычной для фигур богов позе) женщины с веретеном и куделью — покровительницы прядения, подобной Биби-Сешанбе таджикской этнографии. Как и покровитель земледелия, ранее обнаруженный на росписи⁶, терракота показывает, что в Согде древние народные культы под влиянием образов верховных богов обрели свою иконографию.

Помещение 24 в поздний период служило, скорее всего, частично крытым переулком с «суфами-трогуарами», который тянулся вдоль западной ограды двора. Восточная стена помещения 24 со стороны двора многократно достраивалась и утолщалась. Разрез стены показал, что она построена не на материке и поэтому не является первоначальной западной границей двора. Третий из полов помещения 24 датируется характерной керамикой VII в. Слой, уходящий под стену, дает керамику V или начала VI в. В кладке западной стены найден фрагмент чаши VI или начала VII в. Исследование помещения будет продолжено.

Работы 1985 г. на территории храма I дали ряд важных частных уточнений его строительной истории и показали, что на первом ее этапе оба пенджикентских храма были еще более сходными между собой, чем это можно было предполагать ранее.

Продолжались работы по исследованию фортификации Пенджикента. Прямая восточная стена города на юге делает поворот к западу. Близ этого угла с внутренней стороны в 1959 г. был раскопан прямоугольный обширный двор и поверху зачищен внутренний профиль крепостной стены⁷. Уже в первые годы работы экспедиции было обращено внимание на то, что вал, оставшийся от крепостной стены, повышается к углу и, следовательно, здесь можно ожидать башню. На плане 1952 г. с элементами реконструкции на углу помещена круглая башня⁸. Таким образом, данный участок объекта VI имеет большое значение для истории фортификации Пенджикента. В 1985 г. на VI объекте были возобновлены работы (руководитель Г. Л. Семенов). По восточной стороне крепостная

⁵ Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1983 г. //АРТ.— Вып. XXIII (1983 г.); Они же. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1984 г. //АРТ.— Вып. XXIV (1984). Душанбе, 1993.

⁶ Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца //Вопросы древней истории Южной Сибири.— Абакан, 1984.

⁷ Беленицкий А. М. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. //АРТ.— Вып. VII (1959 г.).— Душанбе, 1961.— С. 77; план двора см.: Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.).— МИА.— М.; Л., 1964.— Рис. 4.

⁸ Живопись древнего Пенджикента.— М., 1954. Табл. 1.

стена расчищена снаружи на длину 15,5 м, по южной — 23 м, стена сохранилась на высоту более 8 м, однако лишь на небольшом участке с восточной стороны раскоп доведен до уровня бермы. Расчистка стены снаружи затруднена необходимостью удаления многолетних отвалов, поэтому работы на VI объекте в отчетном сезоне носили подготовительный характер и их результаты можно рассматривать только как предварительные.

Толщина восточной стены 10,8 м, но надо учитывать, что с внутренней стороны раскоп нигде не доведен до уровня бермы, поэтому стена, вероятно, толще. Внешняя поверхность стены сильно размыта. Кладка нижней, лучше сохранившейся части, имеет небольшой наклон — 80°. Стена сложена из пахсовых блоков, прослежено 6 рядов, над пахсой начинается сырцовая кладка.

У угла стена сильно размыта, сколько-нибудь значительных остатков башни здесь не прослежено, однако и на восточном, и на южном фасадах имеются небольшие выступы, которые можно объяснить, как остатки боковых фасадов башни. Расстояние между выступами по прямой около 17 м. Снаружи прослежен последний строительный период, который по всем данным соответствует стене конца VII в., открытой на объекте XXVIII⁹.

Гребень стены образован другой, более ранней, кладкой из чередующихся рядов сырца (8 см) и прослоек пахсы толщиной 13—14 см. Кирпичи положены только тычком, что точно соответствует стене второго периода (VI в.) на объекте XXVIII¹⁰. С внутренней стороны к этой стене примыкает открытый ход (ширина его 90 см). Над полом хода стена сохранилась на высоту более 1,5 м, причем на отрезке длиной 7 м нет бойниц. Верх стен VI в. непосредственно над полом хода имеет толщину 1,9—2,4 м на восточной и около 1,3 м на южной стене. Для этого периода остатков башни не обнаружено, вопрос о ее наличии предстоит решить при дальнейших раскопках.

Пол хода устроен по верху еще одной стены, которая построена не позже VI в. Ее датировка относительно ранее описанной стены пока неясна. Отметим только, что между ними прослеживается четкая щель. Пол хода вдоль восточной стены выше пола хода вдоль южной стены на 1,1 м. Для подъема была устроена лестница шириной 60 см.

Со стороны двора расчищена внутренняя наклонная поверхность восточной стены. Нижняя часть стены сложена из пахсовых блоков высотой 1 м. Над тремя рядами этих блоков идет комбинированная кладка из сырца и пахсы. Эта кладка похожа на кладку гребня стены, но прослойки пахсы здесь от 15 до 30 см толщины. Стена расчищена на высоту около 6 м, причем раскоп не доведен еще до уровня бермы. Стена имеет разный наклон на различных участках от 60° до 72°. В плане внутренняя сторона стены имеет довольно сложную конфигурацию. По низу в северной части раскопа она параллельна направлению наружной стороны. Выше она отклоняется к востоку и становится параллельной внутренней стороне гребня. Южнее внутренняя поверхность образует округлый неправильной формы выступ к западу. В южной части этого выступа сохранилась стена, возвышающаяся над полом хода. Стена (шириной около 1 м) параллельна внутренней поверхности гребня. Между ними образуется помещение шириной около 2 м. Это помещение похоже

⁹ Семенов Г. Л. Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв. //СА.— 1983.— № 3.— С. 58.

¹⁰ Там же.— С. 55.

на остаток стрелкового коридора, но коридора длиннее, чем 4,5 м здесь быть не могло, так как нижняя часть внутренней поверхности крепостной стены севернее соответствует не внешней, а внутренней стороне коридора. Пока неясно, связано ли наличие этого помещения с устройством башни.

В течение жизни города уровень пола двора многократно повышался, пока не достиг поверхности пола хода вдоль южной стены. К позднему периоду относятся бытовые очаги у южной и восточной стен. Их два у южной и один у восточной. Они врезаны в кладку стен. Предназначались, видимо, для приготовления пищи в котлах: хорошо видны полочки над топкой, на которые ставили котел. Примыкающие изнутри к восточной стене прослойки показывают, что ее наклон в основном соответствует замыслу строителей, а не является результатом разрушения. Всего прослежено 9 полов, между которыми в некоторых случаях имеют-

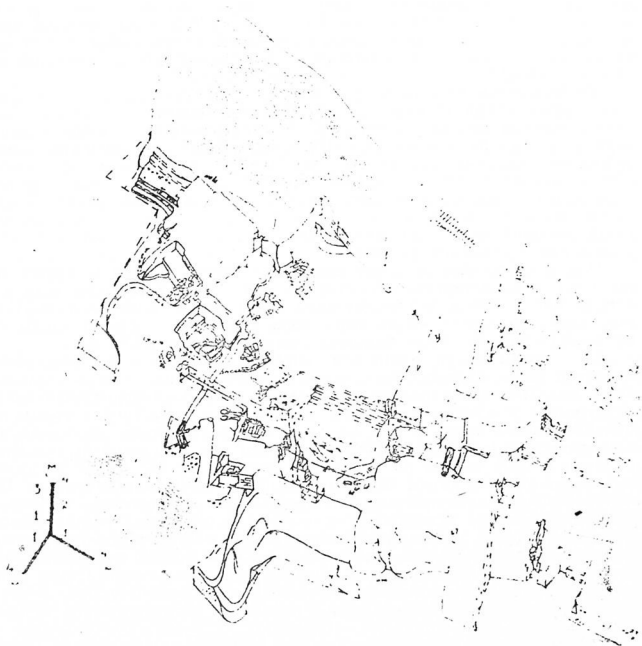

Рис. 5. Пенджикент. Объект IX. Аксонометрия

ся слою завала. Нижние из открытых полов в шурфе у восточной стены относятся к VI в.

В результате работ этого года вопрос о наличии башни остается открытым. Скорее всего, стена последнего периода имела башню.

На объекте IX (руководитель Н. Ф. Саввонида) продолжалось исследование базара вне городских стен у северо-восточных ворот шахристана (рис. 5). Проведены большие работы по изучению структуры стилобата под базаром. В прошлом сезоне было высказано предположение, что выходящая из города улица по уровню VII в. прерывалась широким рвом. Южный берег этого рва был только намечен. Действительно, имеется глубокая ложбина (глубиной не менее 5,4 м, шириной по верху 7,5 м с сужением книзу), перпендикулярная улице. Однако это не ров в полном смысле слова, так как ложбина с юга и с севера ограничена кладками стен. В прошлом году в северной стене были зафиксированы остатки деревянных конструкций, вероятно, от моста. В южной стене, сложенной из чередующихся рядов пахсы и сырца, также зачищены гнезда, скорее всего, от массивных деревянных конструкций, хотя остатков древесного тлена в них не обнаружено. В кладке стены были сделаны вертикальные выемки, прямоугольные в плане, неодинаковой глубины и не на одинаковом расстоянии друг от друга. Открыты две целых выемки, а одна сохранилась частично. Наружная поверхность стоек, видимо, соответствовала северному краю стены. Восточное гнездо шириной около 40 см у основания заглублено в стену не менее, чем на 30 см, сохранилось на высоту 60 см; второе гнездо находится западнее первого, в 45 см от него, оно по низу имеет ширину 33 см, расширяется кверху до 40 см, углублено в стену на 50 см, сохранилось на высоту 80 см. На расстоянии 80 см от второго гнезда находятся остатки еще одного, аналогичного второму, но плохо сохранившегося. Стена сохранилась на высоту 4,5 м. В древности она была выше. Верхняя часть и западный участок, открытый в этом году, сильно размыты. Среднее гнездо лучшей сохранности находится напротив восточного гнезда северной стены рва, но его низ расположен ниже на 0,7 м. Расстояние между гнездами около 7,5 м, что скорее подтверждает гипотезу о мосте. Гнезда на южной стене предназначались для вертикальных стоек, тогда как балки моста, вероятно, находились выше. К югу от остатков гнезд зафиксирован значительный участок верхней поверхности кладки южной стены. Над ним — плотный желтоватый лёсс толщиной до 80 см. Верх этого слоя соответствует уровню улицы VII в. на северной стороне ложбины. Слои лёсса обрываются почти вертикальным размывом приблизительно в полутора метрах к югу от ложбины.

Северный край южной стены стоит на тонкой (8 см) глиняной прокладке, покоящейся на слое крупной гальки, в которой попадались обломки керамики (рис. 6). Кладка стены начинается рядом сырцовых кирпичей. К нижней части стены примыкает комковатая земля, напоминающая отложения в хаузах. Поверх нее идет наклонная к северу натечная прослойка, над которой построен сложенный из сырца контрфорс. Его лицевая поверхность обнаруживает следы размыва. Около контрфорса накопились натечные отложения, поверху которых проходит гумированная прослойка с золой и угольками. Непосредственно к контрфорсу примыкает подтреугольный в сечении слой продуктов разрушения стены, связанной с ее размыванием и выветриванием.

После разрушения стены больше не восстанавливали. Ложбина была забутована. В раскопе хорошо прослеживается, как проводилась эта работа. Сначала к востоку от моста была построена толстая подпорная

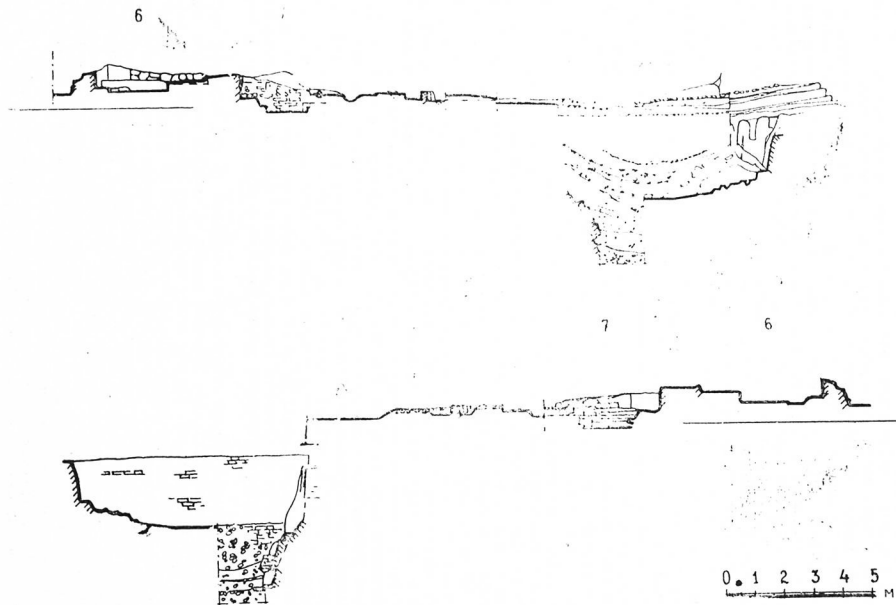

Рис. 6. Пенджикент. Объект IX. Разрезы через помещения 6, 7 и заполнение рва

стена из сырца. Пространство к западу от нее стали засыпать крупной галькой. Затем, стремясь, вероятно, равномерно разместить нагрузку, вдоль стены на ширину 1—1,2 м около южного края положили несколько рядов небрежной сырцовой кладки. Западнее насыпали обломки сырца и пахсы, которые на юге лежат на наклонной поверхности размытой стены. Выше идет наклонной слой мелкой гальки с песком (видимо, это перемещенный материковый галечник). В северной части поверх этого слоя лежит нарочито обрушенная кирпичная стена, поверх которой идут слои рыхлой земли с галькой, чередующиеся с галечными прослойками. Эти слои окончательно выровняли ложбину. Выше над ними идет плотная поверхность с мелкой галькой. Следует отметить, что засыпка была произведена одновременно и очень быстро, пока стена еще была сырой и сохраняла пластичность, о чем свидетельствует прогиб ее на восток.

Выше горизонтальной поверхности, перекрывающей засыпку, на 10—25 см идет еще один земляной пол, который в свою очередь перекрыт еще одним (в 5—7 см от предыдущего). Этот пол около юго-восточного угла здания, выходящего на восточную улицу, поднимается к северу. Каменный фундамент здания стоит на этом полу. Ранее было высказано предположение, что фундамент относится к зданию, построенному около середины VIII в. Теперь установлено, что оно стоит на более раннем полу.

Поверх пола лежит слой засыпки (толщиной 10—12 см) из мелкой гальки, перекрытый вымосткой из крупной гальки. Выше идет золистый пол (толщиной 10—12 см) в свою очередь перекрытый последним земляным полом. Таким образом, после засыпки ложбины над ней и к югу от нее было шесть последовательно сменявших друг друга полов. Ложбина засыпана не позднее рубежа VII—VIII вв., поскольку весь комплекс керамики относится к VII в., и, как отмечалось выше, засыпка производилась с уровня VII в. Два верхних пола датируются фельсами. Под третьим сверху полом найдена монета Бильги (?), однако третий пол относится к более позднему времени, поскольку мастерская, стоящая на этом полу, датируется монетами Тургара, причем следует отметить, что монета Тургара II типа происходит из кирпича в кладке стены.

В отчетном сезоне установлено, что на полу середины VIII в. улица, не доходя до южной стены базара, делала поворот на юго-восток вдоль северной стены мастерской № 1. Ее ширина на этом участке по верхнему полу — 1,75 м. По верхнему уровню здесь была вымостка из гальки (от 3 до 20 см в поперечнике). На северо-восточной стороне улицы имеются остатки нерегулярной сырцовой кладки в один ряд по полу, на котором лежит галька. Севернее нее еще один участок вымостки из более крупной гальки.

Мастерская № 1 в 1983 г. была раскопана по своему верхнему полу. В этом году зачищены остатки северной стены, западная часть которой представляет собой кладку из обломков сырцовых кирпичей, а восточная часть выложена из крупной гальки на глиняном растворе. Сохранился северо-западный угол помещения. Толщина стены в пол-кирпича. Следует отметить, что эта стена закругляется к востоку и соединяется с поздней восточной стеной помещения 7. В этом году расчищен нижний пол мастерской, на котором обнаружен горн обычной для Пенджикента конструкции: хум с отбитым дном ставился на устье и обкладывался футляром из сырцового кирпича. При переустройстве мастерской этот горн был снесен, от него сохранилась нижняя часть футляра (90×90 см), сложенного из обломков кирпичей, побывавших в употреблении. С западной стороны футляра на высоте 10 см от пола помещения прослежены

остатки поддувала. Сохранился след от устья хума. Неподалеку от этого горна с пола спущен небольшой горн грушевидной формы, который некогда имел сводчатое перекрытие.

Следует отметить, что под нижним полом мастерской, поднимаясь к западу, выклинивается галечная прослойка под третьим сверху полом базара.

К югу от мастерской расположено помещение 7, раскопанное в прошлом сезоне по верхнему полу. В этом году в западной половине помещения исследовано до нижнего пола. Оказалось, что в помещении было 6 полов (общая толщина их около 55 см). Помещение неоднократно перестраивалось. Но во все периоды выход находился в северо-западном углу. Также во все периоды вдоль южной стены была суфа. Первый — третий снизу полы имели выход на одном уровне, который укреплен рядом камней. На трех верхних полах этого помещения и в кладке восточной стены последнего строительного периода найдены монеты Тургара. Третий сверху пол помещения 7 синхронен полу базара. На верхнем полу этого помещения в прошлом году был найден фельс. Самый нижний пол дал монеты только второй половины VII в., на двух следующих за ним найдены монеты как VI в., так и первой четверти VIII в. Первая восточная обмытая стена помещения 7 связана снаружи выкружкой с уровнем плотной земли, которая стратиграфически соответствует уровню восточной улицы VII в.

Можно предположить, что помещение 7 и мастерская I принадлежали одному хозяину. Мастерская середины VIII в. является легкой пристройкой к более капитальной постройке помещения 7.

По линии северной стены помещения 7 к западу от него зачищены остатки стен помещения 8. Имеются юго-восточный и юго-западный углы. Стены в юго-восточном углу обгорели докрасна. Длина южной стены — около 3,5 м, восточной — 0,75 м, западной — 0,5 м. Стены стоят на полу первой четверти VIII в. Остатки этого помещения перекрыты полом, на котором стоит мастерская № 1. Раскопки следующего сезона решат вопрос о плане и назначении помещения.

К югу от базара, примыкая к крепостной стене, была устроена дорога, ведущая с юга на север. Ее внешний восточный край укреплен тремя рядами гальки на глине. Эти ряды расположены с отступом, образуя ступенчатую поверхность. Дорога идет как поверх бермы, так и поверх галечной засыпки с некоторым подъемом к северу. Прослежено три поверхности дороги общей толщиной до 25 см. На нижней поверхности найдена монета Тургара II типа. Ширина дороги около 2 м, открыта на участке длиной 5 м. Можно думать, что устройство дороги и засыпка рва, проведенные капитально, одновременны с засыпкой ложбины близ восточных ворот города. Монета Тургара может быть связана с ремонтом дороги. Далее к северу находилась незастроенная площадка, окруженная помещениями 6, 7, 8, причем к западу от помещения 8 оставался только узкий проход шириной не более 1,5 м вдоль городской стены. Поэтому возможно, что открытое на юге сооружение не дорога, а берма, укрепляющая низ крепостной стены у края рва.

В отчетном сезоне большие работы проведены по исследованию жилищ в южной и центральной части городища.

На объекте XVI (руководитель В. И. Распопова) работы велись к северу от фасада раннего здания, исследование которого завершено в 1984 г. Здесь раскапывались два помещения (89, 90). В помещении 89 работы только начаты. Зачищены лишь северная стена на участке около 3 м и южная на участке около 1,5 м. Установлено, что помещение было

шириной 3,25 м. При расчистке южной стены помещения обнаружен алтарь, пристроенный к ней. Ниша алтаря оформлена пилоэстрами прямоугольными в плане, которые несколько наклонены друг к другу. Алтарь неглубокий (глубина не более 20 см), сохранился на высоту около 1 м. Расстояние между пилоэстрами по полу 40 см. По бокам алтарь фланкирован колонками округлыми в сечении, опирающимися на прямоугольные базы. В восточном пилоэстре на высоте 40 см от пола имеется наклонное гнездо от стержня диаметром 5 см. Алтарь неоднократно (не менее 5 раз) заново оштукатуривался, при этом оштукатуривались как ниша алтаря, так и пилоэстры, и колонки. Поверхности всех штукатурок сильно закопчены. В какой-то момент перед алтарем со стороны помещения была возведена невысокая широкая «преграда». Со стороны алтаря на ней сохранилось не менее трех слоев обмазок, поверхности всех закопчены. В разрезе «преграда» округлых очертаний, в ее толще оказалась замурованной чистая зола.

Подобные алтари в помещениях Пенджикента находили неоднократно¹¹. Помещения с алтарями трактуют как домашние святилища.

В помещении 89 своеобразна «преграда» с замурованной в ней золой. На алтаре, видимо, сжигали какие-то растения, которые давали сильную копоть. В гнездо в восточном пилоэстре мог вставляться какой-то предмет, необходимый для совершения ритуала.

Раскопки помещения 89 будут продолжены в следующем сезоне, когда будут выяснены его план и связь с другими помещениями, решены вопросы датировки.

К западу от помещения 89 исследовалось сводчатое помещение 90 (длина — от 9,85 до 10,25 м, ширина — 1,75—1,9 м.) Неправильный план был определен существовавшей до строительства этого помещения застройкой участка. При сооружении южной стены была использована северная фасадная стена дома, в состав которого входят помещения 19, 20, 85, 87. 88. Нижнюю часть фасада, который, видимо, начал разрушаться от непогоды, подрубили и туда вставили ремонтную стену. Верхняя граница подрубки приходится на высоту второго кирпича свода помещения 90. Западная стена помещения 90 пристроена к восточным стенам помещений 21 и 32 а. При этом все углы были выложены вперевязку, что показывает одновременность постройки стен помещения 90.

Помещение зачищено по верхнему полу, плотной глиняной обмазке с включением самана. Местами на полу прослежен тлен от циновок.

В северной стене расчищено три прохода. Восточный проход шириной 1,1 м, вероятно, был первоначальным входом в помещение.

У западной стены расчищена широкая суфа. К ней приставлена другая суфа, идущая вдоль северной стены. Восточный край суфы закругляется к щеле западного прохода-лаза в северной стене. Перед проходом-лазом (шириной 0,8 м) имеется узкая низкая ступенька. Далее на восток вдоль северной стены до среднего прохода тянется суфа, на которой зачищены остатки стенки, перегородившей помещение в последний период его функционирования.

В северной стене помещения приблизительно в 0,7 м от западной ще-

¹¹ Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.) — С. 67—72. — Рис. 11—14; Распопова В. И. Помещения с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте. — Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье // Тез. докл. на конференции. — М., 1981. — С. 132—133.

ки прохода в северо-восточном углу расчищен очаг. Он вырублен в стене. Состоит из двух камер: нижней невысокой (высота 40 см) и верхней с низким сводом и округлым подом-сковородой (диаметром не более 40 см). «Сковорода» глиняная с большой примесью мелкой гальки (1××0,5 см), которая повышала огнеупорные качества сковороды, предназначенной для выпекания хлеба. Прокаленная часть сковороды толщиной около 1 см. Очаг в древности был разрушен и замазан при ремонте северной стены, так что мы имеем о нем неполное представление. Видимо, он связан не с верхним полом. Похожие очаги открыты в сельском поселении Гардани-Хисор, синхронном Пенджикенту, но там сковороды в отличие от нашей съёмные¹².

Из помещения 90 происходят две монеты самаркандских правителей VII в. Шишира и Вархумана, причем важно, что последняя обнаружена в пазухе свода. Это может указывать на возможную дату постройки помещения.

В 1961 г. на объекте XVI были раскопаны помещение 1 (вестибюль с лестницей) и связанное с ним помещение 2 (кладовая с антресолями). В отчете о работах в Пенджикенте в 1961 г. отмечено, что эти помещения появились «в результате перестройки после пожара крупного помещения, как можно предполагать типа зала или большого холла. Его стены после пожара были первоначально укреплены приставными стенками, вслед за чем и были сооружены указанные помещения № 1 и 2 вместе с лестницей»¹³.

В этом году обрушилась приставная южная стена помещения 2 и за ней открылась стена помещения более раннего времени. В середине стены было прекрасно оформленное окно, от которого сохранился низ амбразуры (шириной 1,86 м, сохранился на высоту 1,8 м). По сторонам амбразура окна оформлена подтреугольными четко профилированными откосами. Поверху ширина откосов 43 см. Амбразура окна имела трапециевидную форму. Стена и амбразура окна покрыты прекрасной, очень гладкой штукатуркой (толщиной 0,5 см).

На расстоянии 1,7 м к западу от низа амбразуры окна кончается оштукатуренная поверхность, причем следует отметить, что граница оштукатуренной и неоштукатуренной поверхностей почти параллельна амбразуре окна. По этой границе слой штукатурки имеет загиб в сторону помещения.

Следует отметить, что западная стена построена не позднее южной с окном, так как южная стена приставлена к уже оштукатуренной западной. На уровне низа амбразуры окна в западной стене зафиксированы гнезда от балок перекрытия. Верх гнезда от балки, лежавшей горизонтально, приходится на низ амбразуры окна. Горизонтально лежавшая балка служила опорой для наклонно поставленных балок перекрытия, от которых пока расчищено четыре гнезда (ширина их — 25 см, глубина — 7—10 см, высота — 33—34 см). Гнезда расположены на одинаковом расстоянии друг от друга (25 см). Они были обмазаны одновременно со стеной и обгорели во время пожара. В эти гнезда вставлялись балки-горбыли, причем круглой стороной к стене.

К востоку от окна на южной стене штукатурка сохранилась лишь местами и границу ее проследить не удалось. Однако и приведенных вы-

¹² Якубов Ю. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани-Хисор // АРТ.— Вып. XIII (1973 г.).— Душанбе, 1977.— С. 149—150.

¹³ Беленицкий А. М. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. // АРТ.— Вып. IX (1961 г.).— Душанбе, 1964.— С. 59.— Рис. 2.

ше данных достаточно для того, чтобы высказать предположение о характере перекрытия этого помещения. Основу его составлял деревянный каркас из горбылей, повернутых плоскими сторонами к помещению. Перекрытие было очень высоким (так как нами зафиксирован низ амбразуры окна, а само оно было где-то гораздо выше), трапезевидным. Этот вид перекрытия впервые прослежен в Пенджикенте, хотя гнезда от пары откосов и были ранее обнаружены в одном парадном зале. На цитадели городища Канка исследован квадратный парадный зал второй половины VI—VIII вв., в стенах которого «сохранились ячейки для балок шатрового перекрытия»¹⁴.

В Пенджикенте при высоком деревянном перекрытии освещение осуществлялось через окно, расположенное высоко в стене, причем в южной стене. Следы верхних деревянных перекрытий с откосами редко удается увидеть воочию. В помещении 2 видно мастерство согдийского архитектора, эффектно сочетавшего выразительность направленного светового потока с выразительностью конструктивных форм.

На объекте XXIII (руководитель А. Н. Шабетник) продолжалось исследование переулка, ориентированного по направлению север-юг, выходящего в этот переулоч помещения 70 и жилища, имевшего в первом этаже семь сводчатых помещений (72, 73, 75, 77—80), а во втором этаже — зал (помещение 71). Раскопки жилища завершены (рис. 7).

Переулоч, перпендикулярный улице, ведущей к цитадели, на севере близ этой улицы был крытым, но южнее, на участках, раскопанных в 1985 г., не имел перекрытия. Здесь он то сужается до 2,4 м, то расширяется до 3,3 м. В восточной стене переулоча есть два прохода, которые накладываются напротив входов в помещения 70 и 3. Как будто, намечается и третий проход напротив помещения 68.

Открыто три «пола», т. е. уровня функционирования переулоча до горизонта начала VIII в. включительно. Хорошо видно, что слой накапливался здесь быстрее, чем в приуличных помещениях домов из-за чего входы пришлось снабдить укрепленными камнями ступенями и пандусами, а позднее полы не раз приходилось поднимать, чтобы они были на том же уровне, что и уличная поверхность. Вдоль переулоча шел водосбросный канал с берегами, выложенными камнями. На запад от переулоча отходил узкий, но непрерывный коридорообразный проход (помещение 67). Под его боковые стены подложены не встречавшиеся в интерьерах крупные камни. Помещения 65—67 появились не позднее конца VII в. в результате кардинальной перестройки крупного домовладения VII в. На отделенной от богатого дома, включавшего помещения 11—13, 33, 54—62, и др., территории появились три комплекса помещений, причем каждый из них имел свой выход в переулоч. В 1985 г. открыт сгоревший во время пожара (722 г.?) тамбур выхода из коридора (помещение 67), который вел в один из этих комплексов — небольшой жилой дом с помещениями 65, 69, 74 по первому этажу.

В другом комплексе (помещения 66, 70) продолжалось исследование помещения 70, через которое проходили в переулоч. Этот комплекс, состоявший всего из двух помещений, был одноэтажным и по своей планировке непохожим на жилые дома. В 1984 г. в помещении 70 была открыта печь, напоминающая гончарную, но без следов гончарного производства. Когда функционировала эта печь, помещение делилось на две части тонкой стенкой с широкой дверью, от которой сохранился порог.

¹⁴ Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. Работы в Ташкентской области.— АО 1981 г.— М., 1983.—С. 451.

В северной части комнаты находилась печь, а в южной — вдоль южной стены шла суфа. Небольшая стенка создавала тамбур у двери. Северная часть первоначально была шире, так как ее северная стена вставная. Поэтому перед устьем топки было свободное пространство шириной около 1 м до ранней северной стены. Когда построили вставную стену, печь уже не использовали. Ее забутовали и назначение помещения изменилось.

Однако в несколько более раннее время еще до постройки северной печи и разгораживания комнаты в юго-восточном углу находилась дру-

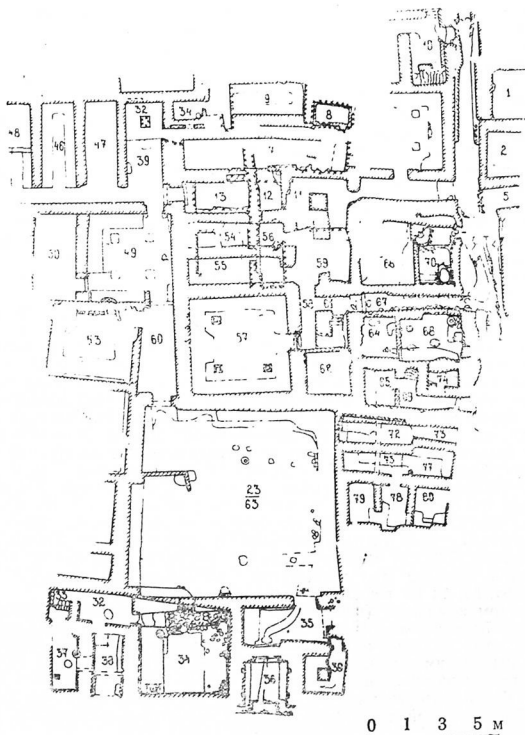

Рис. 7. Пенджикент. Объекты XXIII, XXV. План

гая печь, очень похожая на открытую в 1984 г., остатки которой были скрыты в суфе и под полом. Одновременно с устройством суфы к южной и восточной стенам помещения были приставлены дополнительные кладки в полкирпича, а западная стена была полностью перестроена. Тогда же появилась и перегородка. Нижний пол по керамике датируется около конца VII — начала VIII в., в слое между полами, связанными с обеими печами, есть керамика, характерная уже для VIII в.

Юго-восточная печь, устье которой отклонено в сторону середины помещения, имеет углубленную в пол топку грушевидной формы длиной 1,42 м, наибольшей шириной 0,88 м (рис. 8). Узкий конец топки мелкий — его глубина около 10 см. Стенки топки облицованы вертикально поставленными сырцовыми кирпичами, которые насквозь прокалились докрасна во время функционирования печи. Наибольшая глубина топки — 77 см. По краям над широкой частью топки видны остатки полочки верхней камеры, которая была подквадратной в плане. Обмазки из белой жаростойкой глины на стенах сохранились в углу над полочкой на высоту 0,23 м. В завале печи нет обломков свода, которых было много в более поздней печи того же помещения. Возможно, вместо сплошного свода здесь были только полочки по краю. В этом случае печь оказалась

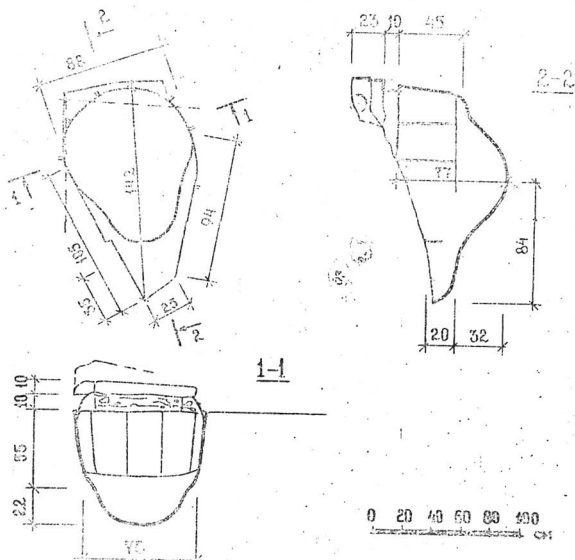

Рис. 8. Пенджикент. Объект XXIII. Помещение 70. План и разрез очага в юго-восточном углу

бы еще более похожей на современные очаги для больших котлов, о которых уже шла речь в связи с печью, обнаруженной в храме I. В завале печи обнаружен разбитый керамический горшок с закопченными стенками, но никаких следов керамического производства и на этот раз обнаружено не было. Комплекс, состоявший из помещений 70, 66, вероятно, был в 1—2 периодах (до постройки поздней северной стены) какой-то харчевней. Общая площадь помещений — 35,5 м² в 1 периоде.

Из находок, сделанных в этом комплексе, надо отметить небольшой обломок сосуда с бирюзовой глазурью (между 1 и 2 полами), фрагмент стенки хума с согдийской надписью тушью (там же).

В южной части объекта полностью раскопано жилище, три помещения которого (72, 73, 75) были исследованы уже в 1984 г. Входили в дом через угловое помещение 80 и проходную комнату (помещение 76). Оба помещения сводов не имели. Если пол второго этажа находился здесь же на той же высоте, что и в соседних сводчатых помещениях, то высота потолка в помещении 78 достигала 2,1 м, а в вестибюльном помещении 80—2,6 м. Во всяком случае это были низкие и отнюдь не парадные комнаты. В вестибюле был очаг в стене напротив входа. Нигде нет сырцово-глиняной лестницы или пандуса для подъема на второй этаж, однако высокая ниша в южной стене помещения 78 могла служить для установки деревянной лестницы. Через это помещение проходили на север и на запад в низкие (высотой 1,75—1,8 м) сводчатые кладовые (помещения 75 и 79). Из помещения 75 на восток через проход высотой всего 1,35 м попадали в более высокое (около 2,2 м), возможно, жилое или производственное сводчатое помещение 77 (его размеры 3,2×2,15 м). Стены этой комнаты хорошо оштукатурены. Вдоль северной и восточной стен пристроены суфы. На нижнем полу найдена железная наковаленка (?).

Другая хорошо оштукатуренная комната с суфой (помещение 71) находилась на втором этаже над низкими сводчатыми помещениями 72 и 75. Это показывает, что помещение 72 (раскопанное в 1984 г.) относилось к тому же жилищу, хотя оно не было связано с помещениями 75, 77—80 проходом по первому этажу и имело отдельный коридор с выходом в переулоч (помещение 73). Первоначально в помещении 72 находилось зернохранилище со стенами, обмазанными ганчем. Это амбар, которым можно было пользоваться, не заходя в основную часть жилища, что необходимо для Пенджикента. Площадь, занятая домом, около 110 м², что позволяет отнести его к рядовым, но при этом не к самым скромным жилищам горожан. Дом перестроен из какого-то другого здания. Определенно более ранними являются южная и северная стены помещений 78—80. Во всех комнатах было два пола. Проход из помещения 80 в помещение 78 был по верхнему полу заложен, так что от дома осталась в последний период всего одна комната (помещение 80) с выходом в переулоч. Монет старше Бильги (Бидйана) и моложе Гурека II типа в доме не найдено. Поэтому основной период обитания в нем датируется первой четвертью VIII в.

На объекте XXV (руководитель Д. Абдуллоев) раскопки шли в основном на территории к югу от изученного в 1983—1984 гг. квадратного двора. Здесь раскопаны помещения 34—39. Через помещения 35 и 36 проходил единственный путь во двор с улицы. Большое помещение 34 первоначально выходило только во двор, спуск из него в помещение 32 с полом на другом, гораздо более низком уровне, вероятно, пробуден позднее, когда заложили выход во двор. Типичный для жилой архитектуры Пенджикента коленчатый переход вел в богатый дом, расположен-

ный к северо-западу от двора: вход в коридор парадной части дома (помещение 62 объекта XXIII) находился в северо-западном углу, а выход в предвратную группу помещений — в юго-восточном. Далее по пути к улице направление движения снова менялось, поскольку в наружном вестибюле (помещении 35) проходы вовнутрь и наружу тоже размещены в противоположных углах. Непосредственно с улицы граничил торжественный айван (помещение 36). С наружным вестибюлем был связан и пандус (помещение 39), который служил для подъема в комнаты над айваном и над самим вестибюлем. Во всем этом чувствуется прототип столь любимых таджиками дарвазахов и болохонов над ней. Болохона, вероятно, с большим окном на улицу позволяла заранее увидеть, кто приближается к дому. Все стены помещений 34—36 сложены из крупных блоков пахсы. Их толщина от 1,4 до 2 м. Все массивно и основательно. Ширина айвана — 3,3 м, глубина — 3,6 м. В боковые стены вмазаны по два столба. Такой прием применяли в помещениях с широкими арками или деревянными перекрытиями, подобными сводам. Вдоль боковых стен шли узкие суфы. Западная суфа была позднее снесена. На таких суфах, очевидно, сидели, опустив ноги на пол, чтобы в любой момент легко встать. Такого рода сидения для хозяев, встречающих праздничных гостей, можно увидеть и в таджикских усадьбах современного Пенджикента.

Пол айвана выше уровня улицы. Перепад высот оформлен двумя ступенями, укрепленными камнями. О мощности ворот, находившихся посередине торцовой стены, дает представление брус порога толщиной 40 см. Ширина — 2 м. Из-под порога выведен арычек-водосток, который идет к улице по оси айвана. Этот же арычек проходит через наружный вестибюль (помещение 35). Вестибюль распланирован так, что двор не был виден с улицы при открытых воротах.

Подобная планировка встречена второй раз. Так же айваном и вестибюлем был оформлен вход во двор с колоннами на объекте XXI, где открыт один из богатейших домов первой половины VIII в. Пенджикента¹⁵, но сейчас связь с таджикской этнографией прослеживается более определенно. Как и на XXI объекте во двор наряду с проходом в коридор парадной части дома открывались проходы не только наружного вестибюля, но и подквадратного обширного зала с полом, вымощенным камнями и с широкой суфой, пристроенной к средней части одной из стен и занимавшей всю середину помещения¹⁶.

В данном случае площадь такого помещения (34) около 45 м² (до перестройки). Каменная вымостка есть только с севера и с востока (от примыкающей к южной стене суфы. Кладка суфы неоднородна. К ее западной вертикальной стене со следами обмазки алебастром приставлена сырьевая стенка толщиной в полкирпича. Площадь суфы 3,2×5,2 м. Второй пол выше нижнего на 0,4—0,5 м. На нем устроены очаги, один из которых хорошо приспособлен для приготовления пищи.

В вестибюле (помещение 35) также был соответствующий второй пол, и на 15 см выше его — третий пол. Над нижним полом помещения

¹⁵ Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века).— М., 1976.— Рис. 9.

¹⁶ Более отдаленное сходство можно отметить с объектом XVI: Раппопова В. И. Вопросы исторической интерпретации жилища древнего Пенджикента // КСИА АН СССР.— Вып. 176.— М., 1983.— Рис. 1.— С. 60—61.

34 в слое гумуса найдена монета пенджикентской царицы. В завале и на верхнем полу нет монет моложе первой четверти VIII в. Однако, если учесть, что в доме к северу от двора жили и после 740 г., то и здесь верхние полы надо отнести к середине, а может быть и к третьей четверти VIII в.

Помещения 37 и 38 — два параллельных сводчатых, относящихся к одному комплексу. Стены их сложены из сырцового кирпича. Из обоих помещений есть проходы на север в помещения 32, 33, раскопанные в 1984 г. Через помещение 32 все они сообщаются с помещением 34, но выход из помещения 32 в помещение 34 с его паховыми стенами, скорее всего, первоначальный (см. выше). В сторону улицы, видимо, можно было пройти через дверь в южной стене помещения 38.

Помещение 33 (с лестницей) встроено под свод. До постройки этой лестничной клетки проход на север из помещения 37 с аркой почти на всю ширину комнаты был, вероятно, прямым. Теперь он искривлен. Помещение 37 раскопано до уровня верхнего пола, на котором сохранились остатки хранилища в южной части комнаты: две обожженные плитки и следы алебастровой обмазки. Здесь же найдено несколько горошин. Под восточной стеной в северной части помещения в полу открыта нижняя часть хума с остатками проса. В восточной стене арочный проход в помещение 38. Высота прохода над полом 0,9 м. Шельга свода помещения на высоте всего 1,8 м.

Помещение 38 выше и лучше оформлено, чем предыдущее. У свода есть два карниза. Верхний — на уровне шельги свода помещения 37. Стены оштукатурены. Один из слоев штукатурки закопчен. Помещение раскопано до верхнего пола. На нем также местами есть следы алебастровой обмазки (на севере). Проход в помещение 37 был с верхнего пола заложен. В северной и южной стенах есть еще два прохода. Кривой северный проход, возможно, был прорублен или расширен. Если в этом помещении и было какое-то небольшое хранилище, то в целом оно имело жилой характер. Под полом второго этажа над помещением 37 могли помещаться какие-нибудь лари высотой около метра.

Исследование этого комплекса еще далеко от завершения. Надо отметить, что все три монеты, найденные в помещении 37, относятся к VII в. Это две монеты Вархумана, обнаруженные под просевшим полом второго этажа, и монета Шишпира, найденная на полу. То, что полы помещений 32, 33, 37, 38 ниже уровня полов помещений 34—36, может объясняться как разновременностью постройки, так и уклоном местности.

Продолжалось изучение помещения 28 с его сложной архитектурой и прекрасными росписями. Его раскопки ведутся с 1981 г., поскольку завал насыщен обломками глиняной штукатурки с росписью, то это сильно замедляет вскрытие. В 1985 г. расчищали западную стену. Здесь на внутренней стороне фасадной стены сохранились живописи, естественно, хуже, чем на всех остальных стенах.

Близ юго-западного угла южнее подпружной арки обнаружен сползший фрагмент обмазки свода с росписью в виде ромбической сетки с трилистниками. Это роспись не нижней поверхности южной подпружной арки, а узкого свода между аркой и стеной. Существенно, что на ней все трилистники обращены вверх, тогда как на боковой северной стороне северной арки чередовались косые ряды по-разному ориентированных трилистников. Если обе арки были расписаны одинаково, то различие в композиции легче объяснить тем, что между вертикальной стороной арки и поверхностью свода была грань. Поэтому в реконструкции предпочтительнее вариант со сводом, перекинутым не между аркой и стеной, а от

стены к стене. Сползание по стене большого куска штукатурки от нижней лишь слабо наклонной части свода, являющейся продолжением поверхности стены, вполне объяснимо. Тогда как обмазка свода, перекинутого от южной арки к южной стене, едва ли могла бы сползти по западной стене, от которой она к тому же была бы отделена гранью. Наконец, на большом фрагменте видно только параллельное нижней стороне подпружной арки искривление поверхности. Все это заставляет принять вариант реконструкции, на котором малые своды к югу и к северу от арок, как и сами арки, опираются на восточную и западную стены.

От арки большого среднего пролета в завале найдены обломки росписей на синем ультрамариновом фоне. Это фрагменты обычного горизонтального фриза в виде выходящего побега между двумя рядами перлов, который мог размещаться над аркой под перекрытием пролета. Кроме того, найден обломок с концом развевающейся ленты, перпендикулярной к ряду перлов. Такие ленты обычно поднимаются концами вверх над плечами богов. Фигура божества могла быть изображена на синем фоне, в тимпане большой арки (судя по месту находки, скорее северной, чем южной). Мы не знаем, как был расписан верх стен в среднем пролете. Здесь возможен и синий фон, как на соседних тимпанах арок, и красный, как по низу на длинных стенах и до самого верха на торцовых стенах. В первом случае фрагменты на синем фоне нельзя уверенно отнести к стене над аркой, а не к западной стене. Малый масштаб ленты подошел бы и для тимпана, и для узких простенков по сторонам от предполагаемого окна в фасадной западной стене.

На своем месте сохранился небольшой фрагмент второго яруса северной части западной стены. Здесь было показано шествие дароносцев, один из которых несет щит, а другой — наборный пояс. Сами дароносцы в плащах, с наборными поясами, но без мечей и кинжалов у пояса. Идут они на фоне стены пахового здания. В завале найден и другой фрагмент этой сцены с рукой сидящего царя, опирающегося на навершие булавы в виде скульптурной головы демона, двумя подушками трона из китайского шелка с орнаментом в виде пышных розеток, причем на углах подушек металлические (желтые) бубенцы, и маленькой коленопреклоненной (сидящей на пятках) фигурой придворного с кинжалом на поясе.

Дароносцы подходили к царю слева, а придворный сидел справа от него. Поблизости найден обломок с изображением человека с длинными усами, подающего царю справа какие-то богато украшенные предметы, похожие на клевец-скипетр с обушком в виде лунницы с жемчужиной и меч в ножнах.

К этой и подобной ей композициям второго яруса относятся мелкие обломки фигур в ламелярных доспехах и сидящей (видимо, слева от царя) небольшой фигурой придворного с поднятой свободной правой рукой и колчаном в левой руке, верх которого лежит на левом плече. Придворный одет в клетчатый кафтан, колчан — из кожи (?), окрашенный, как шкура барса. Стрелы поставлены оперением вверх.

От нижнего яруса остались найденные в завале обломки фигур пирующих. Они в шапках. У одного из них на шапку надет венок, у другого в руке — чаша. Эти фигуры подобны аналогичным персонажам нижнего яруса северной и восточной стен, тогда как сцены с царями соответствуют похожим сценам второго яруса на восточной стене. Однако буквальных совпадений нет, и многие детали показывают, как стремились к разнообразию согдийские художники. Интересно уже не раз встречавшееся летящее фантастическое существо в виде белого крылатого

верблюда. Надо отметить ветки в руках пирующих, которые ранее были засвидетельствованы в росписях храма I¹⁷. Впервые мы видим в росписи нижнего яруса попытку передать мимику, отличную от мимики горя и боли: один из персонажей с широко открытым ртом, вероятно, смеется на праздничном пиру.

Рис. 9. Пенджикент. Объект XXV. Помещение 28. Роспись над дверью. Прорисовка Т. С. Василенко

¹⁷ См.: Живопись древнего Пенджикента.— Табл. IX—XII

Наиболее важной находкой 1985 г. оказалась сильно фрагментированная композиция на сером голубоватом фоне, которая находилась над входной дверью (рис. 9). Ее пришлось собирать из мелких обломков. Золотистый серый цвет фона по контрасту с красным фоном остальной стены казался голубоватым, но дорогой ультрамарин здесь сэкономили. Для согдийцев вся эта композиция была второстепенной или даже третьестепенной: разглядеть ее мог только человек, выходящий из зала. Над дверью нарисовали арку с орнаментом, упрощено повторяющим узоры архивольтов подпружных арок. Под этой аркой в середине находилась мужская, видимо, сидящая фигура в шафрановорозовом плаще буддийского монаха, оставляющем обнаженным правое плечо. Над плечами — языки пламени. Голова окружена обычным пенджикентским нимбом с лучами, похожими на каннелюры. Лицо полное, безбородое, на шее две складки, уши с оттянутыми петлевидными мочками. Глаза, лоб, верх головы, к сожалению, не сохранились. Правая рука с прямыми пальцами прижата к груди, левая согнута в локте, предплечье и кисть подняты, ладонь развернута на зрителя, но большой палец при этом ошибочно вывернут. Справа от центральной фигуры на уровне ее головы помещена маленькая желтая (т. е. золотая) человеческая фигурка, сидящая не то на драконе, не то в колеснице с полукруглым барьером спереди. Маленькие фигурки наверху в пенджикентской живописи — это обычно летящие фантастические существа — символы божественного покровительства. Внизу под человечком — куст с розовым и красным цветами лотоса. Левая часть поля занята стоящей, несколько женственной, но, судя по темно-розовому цвету кожи и по характеру богатых индийских украшений, мужской фигурой, обращенной к центральному персонажу и предлагающей ему лотос.

Не вызывает сомнений, что художник хотел передать буддийскую сцену и что фигура в плаще — это сам Будда, его единственное изображение во всей пенджикентской живописи и скульптуре. В то же время мудра левой руки — явная фантазия в буддийском роде, да и многое другое не находит параллелей в подлинно буддийских памятниках. Нимб, пламя, цветы, складки и т. д. такие, как в небуддийских росписях Пенджикента VIII в. Ни художник, ни заказчик не были буддистами. Заказчик, почитавший прежде всего чету согдийских богов на тронах в виде верблюда и горного барана (их изображение заняло почти всю торцовую южную стену), молился Нане на льве, помещенной в обширном верхнем поле северной стены, не забывая Деда-Земледедца, показанного в сцене на току. Не хотел он отказаться и от покровительства Будды, хотя, вероятно, придавал ему довольно мало значения и не настолько знал буддийскую иконографию, чтобы руководить художником, в свою очередь довольно приблизительно вообразившим образ Будды. Если в Самарканде VII в. население во время приезда Сюань Цзяна было враждебно буддизму, то все же, как показывает вновь открытая роспись, догматическое отрицание чужих религий, к этому времени возобладавшее в Западной Азии, видимо, еще неполностью овладело умами согдийцев.

Таким образом, живопись помещения 28 дает нам новые важные данные об идеологии Согда.

Значительные результаты были получены в 1985 г. и на других объектах. В обоих храмах отчетливо выявилось единство замысла их первоначальных строителей. Базар за городской стеной, как оказалось, возник не после арабского завоевания, а во время расцвета города в конце VII или начале VIII в. Уточняется история застройки центра Пенджикента. Для понимания принципов согдийской архитектуры очень важно дере-

вянное перекрытие с откосами, открытое в жилом доме. Яснее становятся связи между исследуемой археологами в Пенджикенте согдийской и изучаемой этнографами традиционной таджикской (печи и дарвозахона) материальной культурами.

ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МОНЕТ ПО ОБЪЕКТАМ ГОРОДИЩА
ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА (ИЗ РАСКОПОК 1985 г.)

Место находки (указан № помеще- ния)	V в.	Вторая полови- на VII в.	Рубеж VII— VIII в.	Первая четверть VIII в.	Середина VIII в.	Третья четверть VIII в.	Монеты, не имеющие твердой даты	Неопреде- ленные монеты
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Объект I								
24, пол снизу	—	—	—	пендж. царица	—	—	—	согд. с кв. отв.
Слой рыхлого натека возле северной стенки платформы под пом. 18, в 5 см над поверхностью суфы	10 серебр. с изображ. лучника (к)	—	—	—	—	—	2 скифат- ные с от- тисками двух штем- пелей на внутренней стороне (к)	—
Скат платформы храма к югу от стены пом. 6	—	—	Бидйан	—	—	—	—	—
Объект VI								
Слой натеков перед южной крепостной сте- ной	—	Варху- ман	—	Объект VI	—	—	—	—
Объект IX								
2, завал прохода на за- пад	—	—	—	—	—	—	—	согд. с кв. отв.
6, прослойки пола	—	—	—	—	—	—	—	согд. с кв. отв.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7, в кладке южной суфы	—	—	Бидйан	—	—	—	Типа № 47	—
7, в кладке восточной стены	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
7, в кладке восточной суфы	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
7, первый пол сверху	—	—	—	—	Тургар II (?); драхма типа № 13	—	—	2 согд. с кв. отв.
7, второй пол сверху в проходе	—	—	—	—	12 Тургар II	—	—	3 согд. с кв. отв.
7, третий пол сверху	—	—	Бидйан	—	Тургар (?)	—	Типа № 734	—
7, четвертый пол сверху	—	—	—	3 пендж. царица; пендж. царица (?)	—	—	Типа № 734	2 согд. с кв. отв.
7, пятый пол сверху	—	Вархуман 2	Бидйан	пендж. царица	—	—	—	2 согд. с кв. отв.
7, шестой пол сверху	—	Вархуман; Вархуман (?) Масган-Навйан	—	—	—	—	—	—
8, забивка между первым и вторым полом к западу от помещения	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мастерская № 1 из кирпичи в кладке северо-западного угла	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
Мастерская № 1 в золе к северу от горна	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
Мастерская № 1 второй сверху пол	—	—	—	—	Тургар I	—	Типа № 747	без отв. 2 согд. с кв. отв.
Базар. завал над верхним полом	—	—	—	—	Тургар II	—	—	без отв.
Базар, первый сверху пол	—	—	—	—	Тургар I 2 Тургар II	—	—	—
Базар, плотная глиняная забивка между первым и вторым сверху полами	—	—	—	2 пендж. царица (к)	—	—	—	—
Базар, второй сверху пол	—	—	—	Гурек II	Тургар I 9 Тургар II	фельс Самарканд 143/760— 61 гр.	Типа 734 3 типа № 747 № 747 (?)	3 без отв. 4 согд. с кв. отв.
Самаркандское литье								
Базар между вторым и третьим полами	—	—	—	—	Тургар II	фельс Самарканд 144/761— 62 гр.	—	—
Базар, третий пол сверху	—	—	Бидьян (?)	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Базар, глинобитная набивка под третьим сверху полом	—	—	—	—	—	—	—	согд. с кв. отв.
Базар при зачистке разреза по линии север-юг	—	—	Бидйан	—	—	—	—	—
Пандус вдоль крепостной стены вторая сверху уличная поверхность	—	—	—	—	—	—	—	согд. с кв. отв.
Пандус вдоль крепостной стены, третья сверху уличная поверхность	—	—	—	—	Тургар II	—	—	—
Южный раскоп (в 8,6 м к югу от южной стены базара в 0,2 м к востоку от крепостной стены), завал	—	типа № 301	—	пендж. царица	Тургар I (?)	—	—	—
Объект XVI								
2, западная стена, в закладке балки под наклонными гнездами, в 0,8 м от юго-западного угла помещения	—	Вархуман	—	—	—	—	—	согд. с кв. отв.
90. натек в 0,1 м над полом	—	Шишпир	—	—	—	—	—	—
90, завал пазухи свода	—	Вархуман	—	—	—	—	—	—
20, верх западной стены, подъем	—	—	—	—	пендж. царица	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Объект XXIII								
Улица, завал в 1,6 м над нижним полом помещения 67	—	—	—	—	Тургар I	—	—	—
Улица, третий пол снизу	—	—	—	Гурек II (?)	—	—	—	—
Улица, второй пол снизу	—	—	—	—	—	—	—	без отв.
Улица, отвал	—	—	—	—	Тургар I Тургар II	—	—	—
Улица, на тротуаре, у прохода в помещение на восточной стороне улицы	—	—	—	—	—	—	—	—
77, под пятой свода	—	—	Бидйан	—	—	—	—	—
77, в завале в 0,1 м от поверхности суфы	—	—	—	3 Гурек II (к)	—	—	Типа № 747 (к)	—
77, в завале в 0,1 м от поверхности суфы	—	—	Бидйан	—	—	—	—	—
78, завал сверху	—	типа № 301	—	—	—	—	—	—
78, пол	—	Пенджи кентского литья	—	—	—	—	—	—
79, пол	—	—	—	—	—	—	—	согд. с кв. отв.
79, отвал	—	—	—	пендж. царица	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Объект XXV								
34, завал	—	—	—	2 царица	—	—	—	—
34, верхний пол	—	—	Бидйан	—	—	—	—	—
34, в слое гумуса над нижним полом	—	—	—	пендж. царица	—	—	—	—
35, завал	—	—	—	—	—	—	типа № 741	—
35, завал	—	—	—	2 царица (к) 2 Тархун (?) (к)	—	—	—	—
36, русло арыка	—	—	—	—	—	—	Рамчитак	—
37, под просевшим полом помещения второго этажа	—	2 Вар-хуман	—	—	—	—	—	—
37, пол	—	Шиш-пир	—	—	—	—	—	—

Тип № указан по книге: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963
Сокращения: согд.— согдийская; кв.— квадратное; отв.— отверстие; пендж.— пенджикентская; к.— клад

**ЮЖНО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ**

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАРАТАУ-1 В 1985 г.

В отчетном году отряд по изучению каменного века ЮТАЭ провел 7-й полевой сезон раскопок нижнепалеолитической стоянки Каратау-1, расположенной на водоразделе хребта Яванский Каратау. В этом сезоне этими работами исследования каменного века и ограничились¹.

Как и в прошлом году, первозадачей, вставшей перед нами, было проведение работ по удалению осевшей после взрыва земли и незатронутого взрывом лёсса. За прошедшую зиму раскоп предыдущего года полностью заплыл. Было создано 4 ступени, заложенных в центральной и юго-восточной части раскопа. Первая ступень начата примерно в 10 м от верхнего края котлована. Размеры первых трех ступеней: 1-я — длина 8 м, ширина — 2,5 м, высота — 2,1 м (лёсс занимает 0,9 м); 2-я — 10,5 м, ширина — 1,7 м, высота — 2,1 м (лёсс занимает 1,4 м); 3-я — 12 м, ширина — 1,5 м, высота — 1,85 м (лёсс занимает всю толщину). Четвертой ступенью является палеопочва.

После расчистки хорошо обнажился участок почвы верхней площадки и зеркало скопления сдвинутой почвы, которая появилась примерно в 2-х метрах ниже². Много времени ушло на уборку отвалов 1984—1985 гг., без чего было бы трудно привязать новый раскоп к старым чертежам.

Общая площадь раскопа 1985 г. — 72 м². Раскоп неправильной конфигурации, охватывает линии квадратов МФ-3-18. На всей этой площади нижней площадки раскопа 6-я погребенная почва, датированная рисским интерстадиалом (200 тыс. лет), лежит, практически, горизонтально³.

Мощность палеопочвы нормальная, такая, как и на других участках стоянки, — 2 м, из них нижние — 1,5 м — почва климатического оптимума, содержащая каменные орудия и подстилаемая карбонатной коркой. Характерные черты палеопочв Южного Таджикистана неоднократно рассматривались в предыдущих отчетах. При вскрытии на значительной

¹ Отряд работал с 19.06 по 24.08 в следующем составе: А. Г. Амосова — начальник отряда, В. А. Ранов — ст. и. сотрудник, В. В. Радилюковский — ст. лаборант, руководитель группы школьников Малой Академии наук, Т. Г. Филимонова — мл. н. сотрудник, О. А. Артюхова — мл. и. сотрудник Института геологии АН Казахской ССР, В. И. Скачков — художник. Последняя публикация, посвященная работам отряда: Ранов В. А., Амосова А. Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1984 г. // АРТ. — Вып. 24. — Душанбе, Дониш, 1992. Работа авторов над статьей распределялась следующим образом: А. Г. Амосовой принадлежат все цифровые подсчеты (кроме процентов различных типов каменного инвентаря), предварительное описание каменных изделий, исполнение плана положения находок и диаграммы углов артефактов. Текст статьи написан В. А. Рановым.

² О верхней и нижней площадках раскопа на стоянке Каратау-1 см.: Ранов В. А., Жуков В. А. Работы отряда по изучению каменного века в 1974 г. // АРТ. — Вып. 14 (1974 г.). — Душанбе, 1979. — С. 9—14.

³ Счет почв по А. Е. Додонову. О дате стоянки Каратау-1 см.: Лазаренко А. А., Ранов В. А. Каратау-1 — древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии // Бюллетень Комис. по изуч. четвертич. периода. — 1977. — № 47. — С. 56.

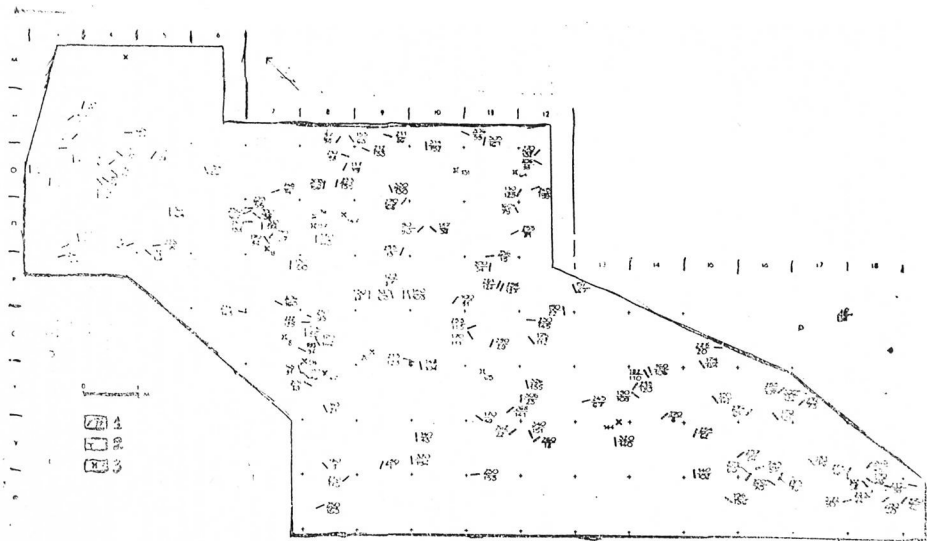
площади хорошо видно, что кровля красно-бурой почвы климатического оптимума неровная, местами она выпуклая, местами имеет западины, что отражает неровности поверхности древней почвы перед началом нового цикла почвообразования. Как обычно, на контакте почвы климатического оптимума и перекрывающей ее зачаточной почвы имеются потемнения, отдельные угольки. В центральной части раскопа прослеживается полоса интенсивно черного цвета, длиной 60 см (южнее пикета 12 полоса исчезает совсем), а также пятна и линзочки до 30 см длиной потемневшей земли (в отдельных случаях — пережженной). В отдельных случаях отмечены угольные примазки, плохо, но все же прослеживается затекание углистой массы по трещинам в почве. Долгое время этот феномен объяснялся лесными пожарами, однако сейчас почвовед С. П. Ломов предлагает другое объяснение — это естественное обугливание гумуса после его погребения новыми толщами⁴. Однако остается вопрос — почему эти явления всегда связаны с контактом почвы климатического оптимума, а не встречаются или, если встречаются, то в значительно меньшей степени, в других компонентах лёссово-почвенного разреза на стоянке Каратау-1. Кроме того, хорошо заметно, что нижняя часть почвы климатического оптимума сильно обывесткована и уплотнена по сравнению с верхней и нижней, в которой, как обычно, наблюдается комковатая структура (биолиты?). Но никакого различия в составе находок, условиях их позиции не наблюдается и в целом нет никаких новостей по сравнению с предыдущими сезонами.

На рисунке 1 представлен план расположения находок (указана и их ориентация по длинной оси, отмечаются скопления находок, хотя и небольшие по количеству артефактов, но достаточно хорошо прослеживаемые). Например, в кв. НО-3, 4; П-7; СТ-7, 8; ТУ-11, 12; УФ-17, 18 и т. д. Но здесь надо учитывать, что эта группировка соответствует 1,5 м почвы климатического оптимума и в случае разбивки на 20 или 40-сантиметровые плоскости, конфигурация скоплений находок и их количество по группам по всей очевидности будет другой⁵.

В качестве примера возьмем скопление в кв. СТ-7, 8. Отметки от репера здесь будут следующие: находки № 8 — 114, 46 — 191, 47 — 200, 89 — 199; 91 — 134, 93 — 195, 94 — 194, 95 — 194, 125 — 252, 146 — 252, 160 — 250. Таким образом, для 11 находок разница уровней составит 138 см. Группировка дает следующий разброс: 250 — 252 см. — 2 экз., 199 — 191 — 6 экз., 134 — 1 экз., 114 см — 1 экз. Такое же эшелонирование находок можно наблюдать и в других скоплениях. И только полный статистический подсчет может дать реальную картину по условным уровням. Тем не менее, положение находок в плане не производит впечатления хаотического. Конечно, концентрация находок на один квадрат не очень велика, но нельзя забывать, что речь идет о сравнительно древней нижнепалеолитической стоянке, причем не в базовом лагере, а скорее всего, в многократ-

⁴ Китайский специалист Гуо Ченг Танг также рассматривает угольки, присутствующие в лёссах и в меньшей степени в почвах, и считает, что они происходят от пожаров, хотя в описанном случае предусматривается их перемещение ветром: Guo Zheng Tang. Succession des paleosols et des loess du centre — ouest de la Chine: a Approche, micromorphologique. These de Doctorat de l'Universite Paris — 6. — Paris, 1990. — P. 96—97.

⁵ Ср. Ранов В. А., Амосова А. Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1982 г. // АРТ. — Вып. 22 (1982 г.). — Душанбе: Дониш, 1990. — С. 119.

Фиг. 1. Каратау 1. Раскопки 1985 г. Положение находок по отношению к сторонам света.

Условные обозначения: 1 — градусы наклона; 2 — номер находки отметки квадратов; 3 — незамеренные находки.

ных временных лагерях, существовавших в конце среднего плейстоцена около одного из источников водораздельной части хребта Яванский Каратау⁶.

Продолжалось измерение углов залегания длинной оси артефактов в палеопочве. При помощи геологического компаса замерено 133 предмета, находящихся *in situ* в почве климатического оптимума. Результат показан на диаграмме (рис. 2). В горизонтальном положении находилось 12 предметов (9,02%), в вертикальном — 8 (6,01%). Если объединить северную и южную части лимба компаса, то наибольшее количество имеют углы от 6 до 10° — 22 (16,54%), от 21 до 25° — 21 (15,79%) и от 11 до 15° — 19 (14,27%).

Углы от 46 до 55° — не зафиксированы. Углов 36—40° и 56—60° представлено 3 экз., 41—45° — 2, а 61—65° — 1 экз. В общем подсчете на углы до 25° падает 67—65%, а на углы 26—65° — 32—35%. Эти подсчеты показывают довольно устойчивое, повторяющееся положение угла наклона длиной оси по отношению к условной нулевой горизонтали (и тем самым с некоторой долей условности — к карбонатной корке) и тем самым не свидетельствуют о хаотичном положении перекатываемых предметов, тем более, что материнской породой палеопочв водораздельных пространств Южного Таджикистана являются лёссы золотого происхождения⁷ (рис. 2).

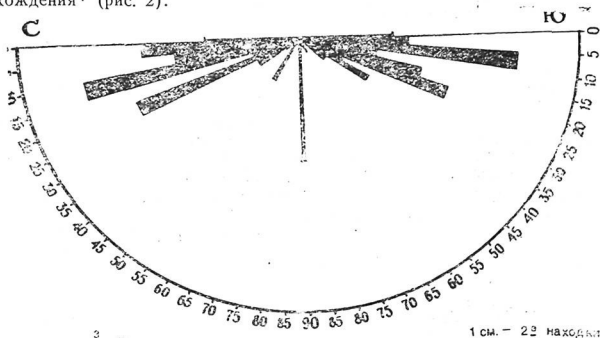

Рис. 2. Диаграмма распределения углов наклона

Направление длинной оси изделия по уже неоднократно описанной методике измерено в 135 случаях. По отдельным направлениям больше всего (10 экз.) ориентировано строго восток-запад (7,41%), в трех случаях имеется по 6 экз. (4,44% каждый), но они ориентированы по-разному. Для 7 случаев по 5 экз. (3,7% каждый) видно преобладание направления северо-восток-юго-запад. Меньше находок ориентировано в

⁶ Ранов В. А. Нижнепалеолитическая каратауская культура Южного Таджикистана //Тез. докл. XI Конгресса ИНКВА.—М., 1982.—С. 240—241.

⁷ Алексеев М. Н., Додонов А. Е. Происхождение лёссов (современное развитие идей В. А. Обручева) //Изв. АН АН СССР, серия геологическая.— 1989.— № 11.— С. 11—13.

других направлениях, хотя в целом разброс весьма значителен. Если брать по четвертям восточной половины компаса (западная будет иметь соответствующие градусные отметки, поскольку длинная ось изделия может определяться двояким способом), то получится, что большее число измерений падает на промежутки от 135 до 175° — 43 экз. (31,8%). На втором месте 95—130° — 34 экз. (25,1%), далее идет 0—45° — 32 экз. (23,7%) и 45—90° — 26 экз. (19,2%). Таким образом, подсчеты показывают, что ни одна из четвертей заметным образом не преобладает, а концентрация направлений длинных осей изделий по четвертям лимба компаса наиболее значительна по направлению ЮЮВ—ССЗ. Это не соответствует замерам 1981 г., где преобладало ССВ—ЮЮЗ направление, которое тогда условно интерпретировалось как возможное направление перемещения изделий по склону, что не подтверждалось никакими другими данными⁸. Замеры 1985 г. не говорят в пользу упомянутого заключения. Однако вопрос о характере погребения артефактов до сих пор не получил своего окончательного разрешения. Большую помощь, бесспорно, мог бы оказать ремонт, столь удачно осуществленный на материалах многослойной стоянки лёссового палеолита на Украине — Королево⁹ и очень удачно применяемый на многих памятниках Западной Европы¹⁰. Пока еще специальных попыток по выполнению ремонта на стоянке Каратау-1 не производилось. В 1985 г. собраны две части расколотой плитки серой окремненной вулканической породы, которые находились друг от друга на расстоянии 1 м по горизонтали и 13 см по вертикали¹¹. Возможно, что ремонт в условиях стоянок каратауской культуры не даст хороших результатов в силу, прежде всего, характера первичного материала — в значительном числе случаев при ударе происходило дробление гальки или обломка подходящей породы, что вызывало существенные изменения формы полученного продукта раскалывания. Не исключено, что часть заготовок и вообще конечного продукта, коль скоро он был удачно исполненным, уносился обитателями стоянки с собой, и мы теперь видим не целый комплекс, а только фракцию, далеко не отражаю-

⁸ Ранов В. А. Работы отряда по изучению каменного века в 1981 г. // АРТ.— Вып. 21 (1981 г.).— Душанбе: Дониш, 1988.— С. 207.

⁹ Усик В. И. Переход от раннего палеолита к позднему по материалам памятников Закарпатья (по данным ремонта). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук.— Новосибирск, 1990.— С. 6—7.

¹⁰ Roebrocks W. From find scatters to Early Hominid behaviour; A study of Middle Paleolithic riverside settlements at Maastricht-Belvèdère. (The Netherlands.— *Analecta praestorica Leidensia*.— № 21.— Р. 43—59). На этой стоянке проделана значительная работа, давшая большой процент склеенных изделий, в чем один из авторов мог убедиться во время посещения лаборатории Предыстории Лейденского Университета в Маастрихе (Голландия) в 1991 г.

¹¹ Ранее был составлен нуклеус со стоянки Лахуги-1; два обломка которого встречены в горизонте находок 5 палеопочвы на расстоянии 4 м, но на одном уровне. Это показывает, что как и на других палеолитических памятниках, ремонт демонстрирует значительное перемещение составляющих предметов (в том же Бельведере до 5 м. W. Roebrocks. *OP. cit.* Fig. 58), на стоянке в Северной Кении — 11 м (H. Brun et alii. FxYi 50: an Early Pleistocene site in Northern Kenya // *World Archaeology*.— 1980.— № 2.— Figs 7,8), на стоянке Кокорево в Сибири — 11 м (З. А. Абрамова, Т. Ю. Гречкина. Культурный слой как отражение определенной конкретно-исторической реальности. Кр. сообщ. Ин-та археологии.— Вып. 202.— М.: Наука, 1990.— Рис. 1).

щую всю полноту производимого на стоянке комплекса каменных изделий. Это тоже может быть причиной, затрудняющей ремонтаж. Наиболее легкое объяснение — отсутствие составляющихся блоков¹². Переотложение, как уже неоднократно отмечалось в предыдущих публикациях, нами не принимается.

В целом условия погребения артефактов в 6-й палеопочве стоянки Каратау-1, их распространение и связь с почвой климатического оптимума, судя по работам 1985 г., не дали никаких новых результатов, и полученные данные полностью соответствуют ранее сделанным наблюдениям. В то же время отчетный сезон подтвердил плакорное положение 6-й палеопочвы и ее нормальное распространение в глубь склона.

В полевом сезоне 1985 г. на стоянке Каратау-1 найдено 179 изделий и шесть неопределимых фрагментов трубчатых костей (мелких копытных?). Из них 162 экз. имеют точные данные своего местонахождения и отметку от репера. Они, согласно этим отметкам, распределяются следующим образом (все отметки со знаком минус):

60—80—1 (0,62%) — 1 (0,62%)	181—200—32 (19,76%)—18 (11,11%)
81—100—1 (0,62%) — 0	201—220—29 (17,90%)—17 (10,49%)
101—120—9 (5,55%) — 4 (2,47%)	221—240—19 (11,73%)—13 (8,02%)
121—140—9 (5,55%) — 8 (4,94%)	241—260—18 (11,11%) — 13 (8,02%)
141—160—7 (4,32%) — 1 (0,62%)	261—280—7 (4,32%) — 4 (2,47%)
161—180—28 (17,28%) — 20 (12,35%)	281—300—2 (1,24%) — 1 (0,62%)

162=100% 100 (61,73%)

В первом столбике отметки от репера через 20 см, во втором — общее количество находок, в последнем — количество артефактов. Отметки — 60—100 см примерно соответствуют кровле 6-й палеопочвы, а через 40—50 см, с отметок — 141—160 см начинается почва климатического оптимума. Исходя из этого расклада, подавляющее число находок — 66, (78%) падает на отметки — 160—260, т. е. на среднюю и нижнюю часть почвы климатического оптимума, и лишь самая нижняя часть этого образования опять дает небольшое число находок — 9 (5,56%). Так же заметно меньше находок в верхней части оптимума и в переходном слое (зачаточной почве) — 27 экз. (16,6%).

Следует отметить, что на вскрытом участке 6-я палеопочва начинается на разных отметках. По линии квадратов СТ-3-17 почва, примерная ее кровля, имеет отметки — 45—60—90, карбонатная корка по той же линии соответственно от 312 до 232. Эта разница объясняется общим уклоном корки с юго-востока на северо-запад и неровностью поверхности корки из-за глубоких трещин, вызванных тектонической (?) подвижкой¹³. Именно поэтому лучшим, более информативным подсчетом являются, как мы уже ранее говорили, измерения положения находок не от репера, а от галечной корки.

По типам 179 находок сезона 1985 г. группируются следующим образом: орудия — 21 (17,73%), отщепы — 37 (20,67%), дольки — 10 (5,58%), клинья — 8 (4,46%); нуклеусы и нуклеидные обломки — 8 (4,46%), обломки и осколки — 95 (53,07%). Таким образом, процент ар-

¹² Термин, используемый В. И. Усиком. Указ. соч.— С. 7—8.

¹³ Подробнее об этом см.: Ранов В. А., Амосова А. Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1982 г.— С. 163—164.

тефактов ко всем находкам сезона остается стабильным — 46,92% (в 1981 — 49%, 1982 — 47%, 1984 — 47%)¹⁴.

Орудия распределяются по типам в таком отношении (проценты к общей сумме артефактов — 84 экз.): чопперы — 4 (4,7%), унифас — 1 (1,19%), скребла — 4 (4,76%), нож — 1 (1,19%), скребловидные инструменты — 3 (3,57%), остроконечник — 1 (1,19%), острие — 1 (1,9%), скребки — 3 (3,57%), каренатные скребки — 2 (2,38%), долотовидные орудия — 1 (1,19%), отщепы — 37 (44,64%), дольки — 10 (13,09%), клинья — 8 (9,52%), нуклеусы и нуклевидные обломки — 8 (9,52%).

Чопперы-4. В отличие от последних двух сезонов раскопок стоянки Каратау-1 в 1985 г. чопперов мало и ни один из них не обладает достаточным количеством ярких признаков, характеризующих орудия этого типа, так что выделенные экземпляры в большой степени носят условный характер.

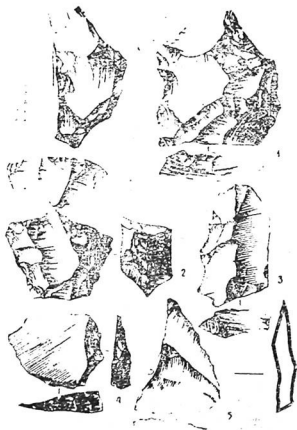

Рис. 3. Каратау 1. Каменные изделия: 1 — чоппер; 2 — нуклеус площадный; 3 — боковой скребок; 4 — скребло; 5 — нож

Лучший экземпляр представлен на рис. 3, 1. Он найден в отвале при разборке квадрата Ц-13. Для его изготовления использован крупный галечный скол (усеченный отщеп?). Изделие можно отнести к категории чопперов нуклевидного характера, поскольку его выпуклая часть («спинка») полностью покрыта мелкими сколами, вряд ли необходимыми для создания орудия типа чоппера. Это чоппер с выпукло-вогнутым рабочим краем. Галечная корка сохранена на небольшом участке тыльной стороны, и здесь она образует базовое основание для рабочего края ору-

¹⁴ Расхождение количества артефактов в системе реперных отметок, полученных в поле, при камеральной обработке (4 экз.) скорректировать невозможно, тем более, что оно не является сколько-нибудь существенным.

дия. Для других участков рабочего края основанием служила гладкая поверхность раскола. На отдельных участках выпукло-вогнутого рабочего края, помимо ретуши, преимущественно ступенчатой, отчетливо видны и следы работы, в виде смятости лезвия, забоин и вогнутости небольшого — 2 см — участка, который здесь напоминает края отбойников в изделиях гиссарской культуры. Размеры: $7,0 \times 7,4 \times 3,9$ см.

Два других чоппера выражены хуже. Первый — это расколывшаяся по трещине галька серого, довольно рыхлого песчаника. Созданная таким образом поверхность служит основанием для орудия, как это часто бывает в соанской культуре¹⁵. С этой плоскости сняты три крупных скола (угол скальвания — 60°). Поскольку поверхность всего предмета сильно коррадирована, нельзя установить, имелась ли дополнительная ретушь. Размеры орудия — $5,7 \times 7,3 \times 3,2$ см. Следующий чоппер представлен обломком гальки из черной породы, напоминающей андезит. Участок рабочего края, длиной 4,7 см образован тремя сколами, заложенными так же под углом, близким к 60° . По лезвию орудия прослеживается дополнительная мелкая подправка. Основанием орудия служит нетронутая поверхность гальки. Размеры: $6,8 \times 4,8 \times 4$ см.

Четвертый чоппер. Нельзя исключить, что это обломок более крупного орудия из кремнистого песчаника желтовато-зеленого цвета. Основанием является гладкая поверхность с незначительной выпуклостью (ударный бугорок?). Рабочий край высокий, один скол из трех проходит все сечение обломка — 2,5 см. В центральной части небольшой участок 2,7 см имеет дополнительную подправку. Две поверхности, образованные гладкой плоскостью раскальвания, соединяясь, образуют как бы резовую кромку, которая тоже могла употребляться в работе. Размеры: $7,2 \times 6,9 \times 2,5$ см.

Унифас (?) — сложное в плане определения функции и описания орудия треугольных очертаний. Поскольку нетронутым основанием является выпуклая поверхность гальки, а вся остальная часть орудия покрыта сколами и освобождена от галечной корки, то с большой долей условности можно назвать это орудие унифасом, несмотря на его высокое сечение. С другой стороны, оно напоминает нуклеусы «ладьевидного типа» с Кара-Буры¹⁶ или галечные нуклеусы с неустойчивым основанием типа «кресла-качалки», известные на стоянке Лахути-I¹⁷ и в неолитическом слое Туткаула, где подобные изделия (другой вариант названия «скребла с круговым рабочим краем») нередки¹⁸.

В очень отдаленном приближении, главным образом по своей форме, изделие напоминает крупный лимас. Размеры: $7,6 \times 5,1 \times 3,9$ см.

Скребла — 4. Наиболее выразительно скребло из светло-серой крупнозернистой изверженной породы. Прямой рабочий край длиной 1 см за-

¹⁵ Paterson T. T. and Drummond J. H. Soan — Palaeolith of Pakistan. — Karachi, 1962. — P. 54—55.

¹⁶ Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. — Душанбе: Дониш, 1965. — С. 72.

¹⁷ Ранов В. А. Палеолитическая стоянка Лахути-I. Межд. симпозиум: «Граница неогена и четвертичной системы». Путеводитель экскурсий. — М.: Наука, 1977. — Рис. 14, 2.

¹⁸ Ранов В. А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии. Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. — Новосибирск, 1985. — Рис. 6, 7; Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА. — 1958. — № 66. — Рис. 3, 2.

метно коррадирован, но подправка тем не менее прослеживается достаточно четко. С обратной стороны заготовки тонкого отщепла с очень плоским, едва заметным ударным бугорком, имеется неглубокая выемка длиной 2,4 см, тщательно обработанная мелкой ретушью. Размеры: $6,6 \times 4,9 \times 0,9$ см (рис. 4, 2).

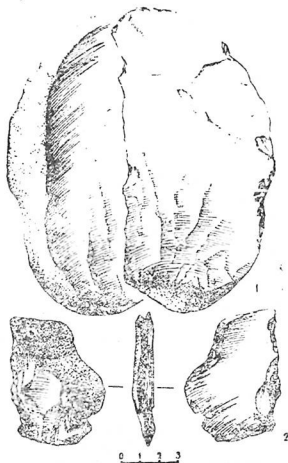

Рис. 4. Каратау I. Каменные изделия: 1 — «долька апельсина» — отщеп; 2 — скребло.

Второе скребло на массивном отщепе зелено-каменной породы, ударной площадкой которого была галечная поверхность. Спинка этого орудия отдаленно напоминает незаконченное обработкой скребло «Ла Кина», частично покрыта сколами и частично представляет собой поверхность рассечения гальки, произведенное до снятия отщепла, рабочий край образован на сечении отщепла, и поэтому он очень крутой, практически вертикальный с крупными заломами, и, по-видимому, со следами работы на краю. Примерно в средней части рабочего края, длина которого 7,2 см, имеется выступ. Размеры: $7,9 \times 4,5 \times 3,2$ см.

Третье скребло изготовлено на тонком отщепе темно-серого фельзит-порфира, ударная площадка повреждена, возможно, в процессе работы, сбит и ударный бугорок. Обработанная часть орудия, образованная на дистальной части, незначительна — 3,4 см. Ретушь мелкая, как бы стертая, без видимых заломов, угол ее заострения — 70° . В левой части рабочего края — небольшая выемка. Размеры: $4,5 \times 5,4 \times 0,6$ см.

Четвертое скребло несколько необычно. Основной рабочий край сделан на одной из длинных сторон и резко утончается от ударной площадки (? — если это отщеп, а не клиновидный обломок). Ретушь абсолютно вертикальная и можно сказать, что это аккомодационная подправ-

ка, а рабочим краем является противоположный — острый и режущий. Но все же, скорее, это скребло с мелкой пластинчатой подправкой по краю. Небольшой скребловидный участок отмечается и на площадке. Размеры: $4,4 \times 4,5 \times 1$, 2 см (рис. 3, 4).

Скребловидные инструменты — 3. Один — на дистальном конце обломка, дольки с прямой спинкой (или отщепе с обушком из галечной корки). Ретушь идет по всему длинному краю, но наиболее интенсивно она концентрируется на участке в 2,4 см. Ретушь имеет характер мелкозубчатый или, скорее, выемчатый. Размеры обломка: $5 \times 3,2 \times 1,1$ см. Второй — обломок кремневой осадочной породы с одной стороны покрытый галечной коркой, а с другой обработанный несколькими сколами. Одна из сторон этого треугольного обломка имеет обушок шириной 1,4 см, образованный несколькими снятиями. Обработка двух других краев прослеживается с трудом, за исключением некоторых бесспорных фасеток. Размеры: $4,4 \times 5,2 \times 1,3$ см.

Третий скребловидный инструмент на отщепе — долька. Небольшой участок рабочего края имеет хорошо выраженную однорядовую ретушь (2,9 см). Рабочий край сделан на острой грани, образованной галечной поверхностью и плоскостью скалывания. Размеры: $7,0 \times 4,2 \times 1,9$ см.

Нож — 1 (?). Орудие имеет условный характер. Изготовлено на клиновидном обломке, рассеченном на две части. Этот прием неоднократно описывался ранее.

В утолщенной части образовался хороший обушок и тогда противоположная сторона, имеющая мелкие зазубринки, может считаться рабочей. Тогда это изделие можно назвать ножом с обушком, размеры: $6,2 \times 4,4 \times 1$ см (рис. 3, 5).

Остроконечник (?) — 1 (или комбинированное орудие). Орудие названо остроконечником скорее по форме, чем по характеру обработки. Треугольный отщеп со сбитым бугорком или обломком такой формы имеет конвергентные стороны, с правой стороны на протяжении 3,4 см довольно крупной ретушью образован рабочий край. С этой же стороны, у самого острия двумя крутыми сколами сделано узкое — 1,6 см — лезвие (подчеркнутое мелкой ретушью), напоминающее рабочий край каренатных скребков. С левой стороны участок в 2,5 см совершенно прямой, лишь местами имеет мелкую подправку. Размеры: $6,4 \times 4,7 \times 2,2$ см.

Острие — 1. Образовалось, скорее, случайно, чем преднамеренно, из обломка кремневого песчаника серовато-зеленого цвета. В основании — галечная корка, которая снята в утолщенной части изделия, образуя удобный для пальца упор-пятку. Две трети выпуклой поверхности покрыты сколами, лежащими в разных направлениях. С правой стороны имеется обработка, образующая выемчато-щипастое лезвие. Особенно детально обработана небольшая (1,4 см) выемка, где, видимо, от работы, лезвие расплющено и как бы «подогнуто», как это бывает у отбойников или орудий, функция которых была связана с давлением на более твердый по материалу предмет. Другая сторона гладкая и образована плоскостью раскалывания гальки. Небольшой участок — 1,2 см имеет мелкие более свежие по патине сколы. Кончик орудия приострен. При увеличении видны очень мелкие фасетки — следы работы. Размеры этого комбинированного орудия: $5,7 \times 4,3 \times 2,5$ см.

Скребки — 3. Наиболее хорошо выражен скребок с округлым краем на небольшом утолщенном отщепе с широкой, сильно скошенной ударной площадкой (угол 110°) из темного кварцитовидного песчаника. Рабочий край, протяженностью 3 см и высотой 0,9 см, обработан высокой ретушью с заломами. Размеры: $2,8 \times 3,3 \times 1,6$ см.

Два скребка на отщепах. Первый на пластинчатом отщепе треугольного сечения. Рабочим является небольшой участок — 2,2 см, оформленный, по мнению крупных сколов, мелкими, пластинчатого характера. Размеры отщепа: $6,6 \times 3,6 \times 1,3$ (рис. 3, 3). Второй отщеп можно назвать клетонским. Он имеет систематическую огранку спинки, боковые сколы по краям, широкую ударную площадку, тупой угол скальвания — 120° . Однако от классических отщепов этого типа его отличает наличие корки на ударной площадке и плоский, едва заметный ударный буророк. Рабочий край занимает участок дистальной части изделия — 3,5 см. Максимальная высота обработанного края — 0,7 см, минимальная — 0,4 см. Ретушь с заломами, ступенчатого характера. Заметная стертость лезвия свидетельствует о том, что орудие было в работе. Размеры: $6,5 \times 5,2 \times 2,3$ см.

Каренатные скребки — 2. Оба на обломках галек (возможно, на специальных сечениях), причем выбрана часть перехода от одной плоскости к другой, так что если поставить обломок на грань перехода, получится эффект «кресла-качалки». Основание не имеет специального скола, который является почти обязательным атрибутом каренатного скребка «а тисеау». Тем не менее галечная корка, на которую опирается рабочая часть, очень ровная и гладкая, это может быть не случайно. Оба изделия примерно одного размера и по материалу принадлежат к обычным для каратауской культуры эффузивным породам. Если для верхнепалеолитических нуклеидных скребков имеются известные сомнения в их принадлежности к категории орудий, то в данном случае нет никаких причин сомневаться в том, что перед нами скребок, а не нуклеус. Опишем сначала более хорошо выраженный экземпляр. Сагиттальные части изделия образованы одним широким сколом, но с одной стороны имеются добавочные, относительно крупные сколы, которые дополнены мелкой подправкой. В нескольких местах рабочий край, длина которого 3,8 см, сплюснут в результате работы. К четкой грани, разделяющей две стороны орудия, приурочены несколько сколов, образующих выступающий доловидный рабочий край. Размеры орудия: $3,4 \times 2,9 \times 4$ см. Второе орудие представляет собой заготовку: всего на плоскость раскальвания нанесено с обеих сторон 7 сколов. Три из них доходят до центральной грани, круто срезая эту часть заготовки и подготавливая рабочий край, который, однако, дополнительной ретуши не имеет. Тем не менее, на некоторых участках лезвия как будто имеются следы работы. Размеры: $2,7 \times 3,3 \times 3,6$ см.

На существование в комплексе Каратау-I орудий, близких по своему характеру нуклеидным (каренатным) скребкам, внимание было обращено с первого года раскопок этого памятника. Они встречались и позднее, но всегда в единичных и не очень хорошо выраженных экземплярах, так что можно сказать, что существовало представление об «идее каренатных орудий», чем сами орудия. Первый из скребков, описанных выше, лучший экземпляр орудий этого рода в коллекции.

Долотовидное орудие — 1 (?). Обломок зелено-каменной метаморфизованной породы вытянуто-овальной формы, на одном из узких концов которого имеется желобовидное углубление, образованное несколькими сколами. Длина рабочего края — 2,9 см. Размеры: $5,9 \times 3,5 \times 2,3$ см.

Отщепы — 35. Группа хорошо выраженных отщепов дает знакомые образцы, характерные для каратауской культуры. Статистические показатели распределяются следующим образом: полупервичные отщепы — 8, со спинкой, образованной одним сколом — 6, продольной огранки с одним ребром на спинке — 5, спинка, образованная несколькими сколами — 13; по форме — подпрямоугольных отщепов — 4, листовидных — 3, ос-

тальные отщепы можно назвать бесформенными, т. е. такими, у которых ширина больше длины или же их конфигурация не может быть приближена к какой-нибудь геометрической фигуре; среди ударных площадок, достаточно хорошо выраженных, 21 — покрытых галечной коркой, 8 — образованных одним сколом, 4 — двухгранных и 2 — покрытых фасетками, причем фасетки в двух последних случаях очень невыразительные; изогнутых площадок мало — всего 5; из измеренных углов наибольшим распространением пользуется угол в 110° — 10, 90° и 120° — 5, меньше с измерением угла в 100° — 3, 130° — 2 и максимумом — 140° — 1. С разной степенью приближенности 7 из 33 можно назвать пластинчатыми отщепами. Особо утолщенных отщепов не так много — 5. По размерам выделяется крупная группа, например, $10,4 \times 8,2 \times 2,1$ см. Она количественно самая небольшая — 3. Средняя — $6,3 \times 3,8 \times 1,6$ см, наиболее многочисленна — 16, и мелкая — $3 \times 2,3 \times 0,9$ см — 14.

В целом, несмотря на грубость материала (преимущественно окремненные изверженные породы, в меньшей степени кремнистые песчаники), отщепы обычны для каратауской культуры, впрочем, как и для любой другой непластинчатой индустрии нижнего палеолита.

Дольки — 10. Из них 5 дольки — отщепы с хорошо выраженным бугорком, дорсальной и вентральной сторонами. Другие 5 долек этих признаков не имеют. Лучший экземпляр первой категории представлен на рис. 4, 1. Это крупная долька классической формы (действительно — «долька апельсина») из метаморфизованной зелено-каменной породы. Один длинный край этого пластинчатого отщепа тонкий и острый (он образован сходящимися на клин плоскостями дорсальной и вентральной сторон), другой расширенный (3,2 см в средней части), покрытый на всем протяжении, включая ударную площадку, галечной коркой. На вентральной стороне имеется выемка со сделами ретуши или работы. Размеры: $16,5 \times 9,1 \times 2,4$ см.

Где-то посредине определений «долька апельсина» и «клин» (которые, кстати, в зарубежной литературе не подразделяются) стоит следующее изделие этой категории — очень крупный отщеп с характерным сколом, рассекающим ударную площадку и проходящим всю длину изделия. Форма его не серповидная, как у дольки, а клиновидная. Это как бы долька, но рассеченная, так что этот артефакт можно отнести к любой из двух названных категорий. Размеры: $13,4 \times 9,7 \times 2$ см.

Два изделия приближаются к заготовкам типа «ломтик колбасы», но галечная корка в данном случае не охватывает более $3/4$ параметра. Это тоже отщепы с хорошо выраженными признаками преднамеренного расклевывания. Размеры: $6,8 \times 5,1 \times 1,7$ см и $7,5 \times 8,5 \times 1,6$ см.

Пятая долька — отщеп, маленькая, тонкая, расколота вдоль по оси половины ударной площадки с сильно изогнутым, покрытым галечной коркой обушком. Хорошо выраженный «*quartier d'orange*». Размеры: $4,1 \times 2,5 \times 0,4$ см.

Дольки второй категории более грубые, в трех случаях с широким обушком, а в двух случаях без режущего края. Иногда обушок сильно изогнут по длинной оси (англ. — *twisted*). Размеры самого крупного экземпляра: $9,3 \times 6 \times 2,8$ см, самого маленького — $2 \times 2,3 \times 0,8$ см. Не исключено, что крупная долька представляет собой обломок чоппера.

Клинья — 8. Сходство и различие долек и клиньев в нашем понимании рассматривалось ранее²⁰. Коротко: первое различие — это форма,

²⁰ Ранов В. А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути-1 в 1979 г. // АРТ. — Вып. 19. — Душанбе: Дониш, 1986. — С. 26—31.

второе — распространение галечной корки на обушке. В отличие от долек, среди этой категории нет клиньев — отщепов, все они представляют собой сечения, ограниченные по длинным сторонам или острым краям продольной плоскостью и имеющие обушок. Преднамеренный характер изготовления данной формы еще предстоит доказать, но так или иначе в Каратау-1 клинья составляют заметную категорию изделий. Специальной ретуши или следов работы ни на одном из восьми предметов незаметно, хотя три из них вполне могли функционировать в качестве ножей или резчиков. Размеры наиболее крупного: $5,9 \times 4,4 \times 2,6$ см, самого маленького — $2,4 \times 4,4 \times 1,2$ см.

Нуклеусы — 5. Нуклевидные обломки — 3. Четыре нуклеуса из кремня и один из метаморфизованной породы. Среди кремневых один нуклеус представляет собой комбинированное изделие — микродисковидный нуклеус, на одном из участков изломанного края которого имеются мелкие сколы, а по самому краю заломы, возможно, следы работы (на участке — 1,8 см). В целом получается, что это нуклеус-скребок, но индивидуального характера, поскольку основанием орудия является рабочая поверхность нуклеуса. Обратная сторона изделия покрыта известняковым налетом. Размеры: $3,7 \times 3,4 \times 2,1$ см. Второй микронуклеус также из кремня, имеет характер площадочного, с которого снят крупный (относительно общих размеров), овальный отщеп размером $2,3 \times 1,8$ см. Площадка гладкая, подготовленная одним ударом. Обратная сторона следов специальной подправки не имеет. Размеры: $3,2 \times 3,8 \times 2,4$ см.

Третий кремневый нуклеус из крупной жесды темно-серого, с желтыми и белыми прожилками, ломкого кремня плохого качества, свойственного местному кремню, имеет скошенную под углом 70° отбивную площадку и 5 сколов на рабочей поверхности. Фасетки снятых сколов имеют неправильные очертания. Заметна и краевая подправка, но только на рабочей поверхности нуклеуса, а не на обратной стороне, как это бывает у леваллуазских нуклеусов. Так что, исходя из строгой оценки, это не леваллуазский нуклеус или же, можно сказать, незавершенный леваллуазский нуклеус. Размеры: $6,5 \times 7,1 \times 4$ см.

Четвертый кремневый нуклеус сделан из обломка светло-серого кремня. Имеет вид хорошо выраженного площадочного нуклеуса. Площадка сильно скошенная (угол скальвания — 50°). Снята одна пластина с подпараллельными краями. В средней части получился залом, нарушивший ее правильные очертания. Ширина фасетки снятой пластины — 1,5 см, она проходит всю длину нуклеуса. Интересно, что подобных близких к призматическим, небольших пластин, в коллекции Каратау-1 нет. Размеры: $4,4 \times 3,3 \times 1,6$ см.

Пятый нуклеус сделан на обломке серой метаморфизованной породы. Он имеет укороченные очертания и основание, покрытое галечной коркой. Похоже, что нуклеус первоначально формировался на более крупном отщепе. Отбивная площадка заложена под углом 70° , образована двумя крупными сколами с подправкой. На рабочей поверхности нуклеуса имеется одна фасетка снятого четырехугольного отщепа размерами $3,9 \times 2,8$ см. Вся остальная поверхность покрыта мелкими сколами одинаковой степени выстрелости и патинизации. Края, особенно справа, имеют ступенчатую с заломами подправку и, очевидно, использовались как рабочий край грубого скребла. Размеры: $5 \times 5,1 \times 3$ см (рис. 3, 2).

Осколки, обломки — 70. Из них: 7 — обломки галек, 28 — обломки и осколки плитчатого кремня, 30 — метаморфизованные породы и 5 — жесды кремня со сколами. Размеры — наиболее крупного экземпляра для всех категорий — $6,9 \times 4,3 \times 2,3$ см, а одного из маленьких — $2,2 \times 2 \times 1,4$

см. На них имеются отдельные участки, 1,2—2 см длиной, на которых заметны следы подправки или работы. В двух случаях несколько сколов сформированы так, что здесь получаются изделия, напоминающие каренатный скребок, однако недостаточно ярко выраженный. Заметно, что многие обломки как-то использовались в трудовом процессе, о чем говорят отдельные несистематические сколы, забитость краев, отдельные зубчатые участки.

В целом полученные в 1985 г. материалы не вносят ничего существенно нового в коллекцию стоянки Каратау-1, но увеличивают ее количественно.

Отметим, что в сезоне 1985 г., помимо некоторого количества мелких обломков костей, имеются и два относительно крупных костных фрагмента, размерами: $4 \times 2 \times 1,2$ см и $6,6 \times 2,1 \times 2,1$ см. Это неопределимые обломки длинных костей, желтые в изломе, заметно патинизированные, с темной окраской поверхности, тяжелые по весу, покрытые известковой корочкой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОК
КАМЕННОГО ВЕКА НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА В 1985 г.

Вахшеко-Муминабадский отряд по изучению каменного века в отчетном сезоне проводил исследования на следующих территориях: по берегам Нурекского водохранилища, Дангаринской оросительной системы, в Советском и Муминабадском районах¹. Перед отрядом стояло две задачи: во-первых, повторно осмотреть разрушающиеся берега водохранилища с целью выявления новых стоянок и дополнительного сбора археологического материала на ранее найденных. Во-вторых, детально обследовать территории Советского и Муминабадского районов для составления археологической карты.

В 1985 г. уровень водной поверхности Нурекского водохранилища опустился незначительно — около 30 м. В результате этого большинство стоянок на поверхность не вышло, осталось под водой. Дополнительный материал собран только на палеолитическом местонахождении в районе Чилондары, Круская и мезолитическом местонахождении в Кулисуфиё-нском массиве.

Палеолитический материал представлен характерным для этого района сбором, в котором соединены крупные эффузивные отщепы и призматические пластины. По технике заполнения они ничем не отличаются от ранее найденных. Имеется один экземпляр двухстороннего дисковидного нуклеуса, вторично использовавшегося как отбойник.

Дополнительный материал с мезолитического местонахождения, расположенного по левому борту Кулисуфиёна, представлен одной ножевидной пластиной, тремя микропластинами, мелкими кремневыми отщепами, кремневой пластинкой с загупленной спинкой, концевым скребком на отщепе с дугообразным рабочим краем.

Новые стоянки открыты в следующих местах: пункт № 1 в 3 км к северо-востоку от I насосной станции, по правому борту водохранилища. Он приурочен к первому искусственному террасовидному уступу, образовавшемуся в результате размыва берегов. В целом это зона адыров у подножья отрогов хребта Гулизиндон. Высота уступа от поверхности воды 50—60 м. Находки связаны с верхним слоем уступа. Площадь сборов 40 м × 10 м. Всего найдено 23 каменных изделия, среди которых можно выделить следующие типы: 15 эффузивных крупных отщепов, 3 призматические кремневые пластины (средние размеры 7 × 2,5 см), одну из эффузивной породы, обработанную по краю мелкой приносящей ретушью (размеры 6 × 2,5 см), 3 скребла, 2 из которых расположены на массивных подчетырёхугольных отщепках с двумя рабочими краями, по боковой и концевой стороне обработанных крупной двухступенчатой ретушью и 1 на овальном отщепе (размеры 10 × 6 см), все скребла имеют обушок, 1 обломок шлифованного топора (лезвие).

Вероятнее всего, материал смешанный — пластинки типичны для мезолита и верхнего палеолита, обломок топора явно неолитический, скребла могут относиться ко всем вышеуказанным периодам.

Пункт № 2. Находится в 1,5 км к юго-западу от поселения Камышлы, по правому борту сая геологов. Позиция залегания материала ана-

¹ Состав отряда: А. Х. Юсупов — нач. отряда, Т. Г. Филимонова — мл. и. с., 8 маршрутных рабочих по найму. Автотранспортом обеспечено АТП № 29, водитель Ш. Набиев.

логична пункту № 1. Площадь сборов 30×10 м. Найдено 18 предметов. Типологический набор предполагает, что эти орудия можно отнести к неолиту. Среди находок — отщепы из эффузивной породы с торцовыми сколами (средние размеры: 7—6×4—5 см), 2 торцовых и 1 микропризматический кремневый нуклеус (размеры соответственно 3×2×2 см; 2,5×1,5×1,5 см; 1,5×1,4×1,4 см), боковой скребок на кремневом отщепе.

Пункт 3 расположен в Кулисуфиёвском массиве, по правому борту сая Кулисуфиён. Он также связан с верхним слоем террасовидного уступа. Площадь сборов 30×25 м. Обнаружено 46 предметов, материал смешан — основное количество орудий неолитического типа, но имеющих наконечник стрелы явно относится к более позднему времени. Наконечник изготовлен из кремня коричневого цвета. Форма миндалевидная, поверхность полностью обработана чешуйчатой ретушью. Остальной материал представлен эффузивными отщепами, типичными для гиссарской культуры. Имеется 1 листовидный отщеп, выполненный в технике, близкой к леваллуазской. Дисковидный двухсторонний нуклеус вторично использовался как отбойник (размеры: 8,5×8×6 см). Отметим галечный аморфный нуклеус. Скребловидное изделие на массивном отщепе первого снятия отличается двухсторонней оббивкой края крупными сколами по наиболее утолщенной части по типу дисковидных нуклеусов (размеры: 10,5×10×3 см). Скребок на кремневом отщепе с выпуклыми боковыми и вогнутым концевым рабочими краями, обработанными со стороны спинки приостряющими сколами, а со стороны брюшка — крупной приостряющей ретушью. Шлифованная галечка (размеры 2×2×2 см) утолщилась, скорее всего, как ложило.

Пункт № 4 в районе Сарикамара по правому борту водохранилища. Здесь сохранилась терраса с древними аллювиальными песчаными отложениями р. Вахш. Находки встречаются на размытой поверхности непосредственно над коренными породами. Найдено 4 предмета палеолитического типа: остроконечник — 1 экз., галечный нуклеус — 1 экз., чопинги — 2 экз.

К сожалению, в отчетном году ничего значительного и особо интересного район Нурекского водохранилища не принес. Обнаруженный материал в количестве 100 экземпляров дублирует ранее найденный.

По Дангаринскому массиву был обследован район строительства оросительных каналов, начиная от к. Худжарка до долины р. Тоирсу. Основное внимание было уделено долинам рек Тоирсу и Олимтай, где было обнаружено 4 пункта, материал которых относится к неолиту. Первый пункт находится возле к. Карагач-Чашма. Подъемный материал состоит из 15 крупных эффузивных отщепов, 1 галечного нуклеуса, 1 скола оживления рабочей поверхности кремневого нуклеуса для выработки микропластин. Второй пункт расположен в юго-западной части к. Турку. Обнаружено 10 эффузивных и 2 кремневых отщепа (средние размеры 4—5××2—3 см), 1 скребловидное орудие на отщепе аморфной формы с двухсторонней оббивкой края, выемчатое орудие на трапециевидном эффузивном отщепе с тремя рабочими краями, на которые нанесена крупная затупливающая ретушь со стороны спинки (рис.).

В Советском районе было обследовано верховье р. Тоирсу и её притоков — Обиталхак, Обиширин, высокие адыры по правому борту Кизилсу до к. Болдон. Здесь четко прослеживаются два уровня террас высотой 10—15 м (первая) и от 15 до 80 м (вторая). Все найденные пункты связаны с лёссовым покровом нижней первой террасы. Наиболее интересным является пункт, расположенный на стрелке рек Тоирсу и Оби-

ширин. Площадь мыса около 2 га, он также имеет две террасы высотой 20 и 50 м от современного дна рек. В настоящее время поверхность занята под кладбище. Каменные орудия и средневековая керамика встречались на поверхности в результате выброса земли при рытье могильных ям. Площадь сбора подъемного материала тянулась узкой полоской в 1—1,5 км на 40—50 м вдоль левого берега р. Обиширин. Первоначальное положение определяется только для средневекового материала. В восточной части к. Обиширин в речном обрыве прослеживается темный углистый слой длиной 20 м и толщиной 1 м, в нем найден обломок зернотерки ладьевидной формы.

Каменные предметы собраны в количестве 68 экз. Как и на всех гиссарских стоянках, преобладают эффузивные отщепы — 35 экз., нуклеусов — 3, один из которых торцовый, остальные типа односторонних дисковидных. Орудия представлены 6 боковыми скребками на отщепах, выполненных в типичной гиссарской технике, обломком шлифованного топора и кайраком из красного мелкозернистого песчаника.

Пункт второй расположен в западной части к. Ханабат (7 км к юго-западу от пос. Бальджуан). находки приурочены к первой террасе правого борта р. Кизилсу. Высота террасы от современного уровня Кизилсу 30—35 м. Площадь сборов 100×60 м. Всего найдено 17 экз., из которых 12 типичных для галечной культуры эффузивных отщепов, 1 торцовый кремневый нуклеус, проколка на пластинчатом отщепе с хорошо выраженным острием в дистальной части, боковое скребло на эффузивном отщепе; орудие типа узкого острья, обработанное сколами со стороны спинки.

Следующий пункт находится у к. Мулкон. Кишлак прорезается на две части одноименным саем, впадающим в Кизилсу. Террасовидный уступ, с которым связан подъемный материал, тянется вдоль правого берега сая (примерно 0,5 км выше по течению сая от кишлака) с северо-запада на юго-восток. Высота уступа — 8—10 м. Собранный материал представлен типичными для гиссарской культуры аморфными эффузивными отщепами в количестве 6 экз.

Кишлак Чинбулак находится в верховьях сая Холхоб, к северо-востоку от пос. Бальджуан. Каменные изделия собраны на последнем уступе адыра по левому борту сая, высота которого от дна сая 40—50 м. Каменные изделия характерны для гиссарской неолитической культуры. Среди них 10 эффузивных отщепов, 1 аморфный галечный нуклеус, 1 обломок, по-видимому, рубящего орудия, 1 обломок рабочей части отбойника, 1 скребло на первичном отщепе с круговой обработкой, боковые скребки на эффузивных отщепах средних размеров.

Левый борт сая Бог — притока Кизилсу, собрана небольшая коллекция, состоящая из 4 эффузивных отщепов, скребловидного орудия на овальном отщепе красного песчаника, типологически неопределенного орудия на массивном треугольном эффузивном отщепе, по одному краю которого нанесен торцовый скол, по выпуклому противоположному, нерегулярная крупная выщербленность (рис. 1. 1).

Еще один пункт находится в 1 км к северо-востоку от фермы к. Ханабат, на правом берегу р. Кизилсу. Подъемный материал составил 5 эффузивных отщепов (рис. 1, 2), 7 кремневых аморфных нуклеусов, 3 типичных скребловидных орудия на первичных эффузивных отщепах, обломок шлифованного топора из зеленокаменной породы, сохранившаяся средняя часть имеет прямоугольную форму.

Юго-восточная часть пос. Кангурт, правый берег р. Оби Калон. Материал представлен 15 эффузивными отщепами преимущественно подпря-

моугольной формы (средние размеры 5—6×3—4 см), 3 кремневыми (4—3×2 см). 1 кремневым торцовым нуклеусом на уплощенном обломке,

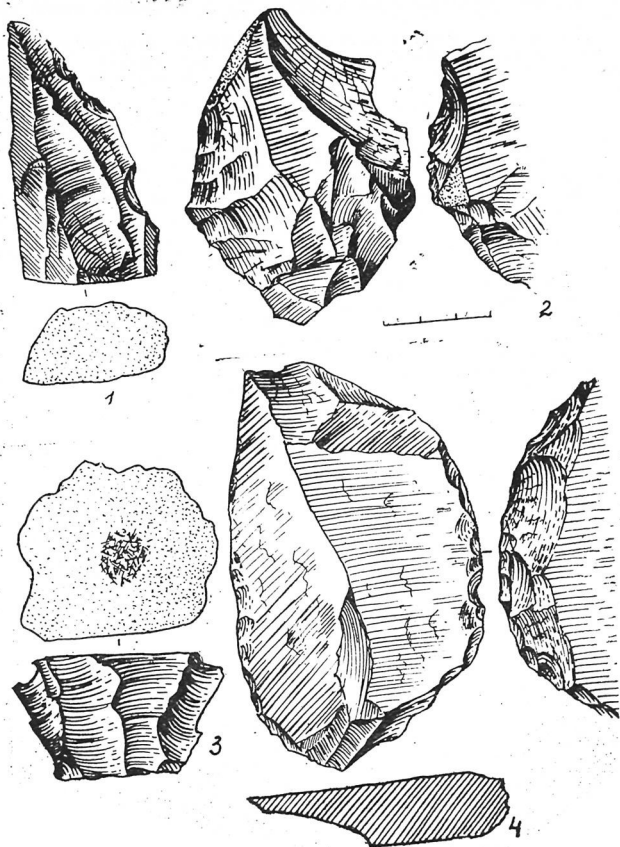

Рис. Стоянки Дангаринского и Муминабадского районов. Каменные орудия: 1, 2 — отщепы; 3 — нуклеус; 4 — скребло

скребком высокой формы, боковым скребком на четырехугольном эффузивном отщепе с выпуклым рабочим краем, вдоль которого нанесен уплощающий скол с доработкой крупной приотряхивающей ретушью, выемчатым орудием. Вероятнее всего, находки следует датировать эпохой неолита.

Напротив пос. Кангурт по левому борту Тоирсу обнаружен еще один пункт с незначительным количеством находок неолитического типа. Это обломок шлифованной гальки аморфной формы и непонятого назначения, кремневый призматический односторонний нуклеус, скребловидное орудие на первичном отщепе с круговой обивкой по типу дисковидных нуклеусов, нуклеус-скребок, выполненный по аналогии со скребками высокой формы, призматический нуклеус с круговым снятием укороченных пластин неправильной формы, основой для которого послужила галька, первоначально использовавшаяся в качестве наковальни.

После окончания исследования верховьев Тоирсу отряд продолжил свои работы в Муминабадском районе. Была обследована северная часть долины. Долина расчленена многочисленными саями, которые берут свое начало с хребта Хозратишо. Эта часть долины имеет около двенадцати уровней террасовидных уступов, возвышающихся друг над другом на 2—4 м. Площадки, как правило, засяяны люцерной.

Первые находки были сделаны по правому борту сая Чилоншахр, на девятом уступе. Они были рассредоточены на территории 100×30 м. Всего найдено 8 предметов. Из них 4 аморфных отщепла, 1 чоппинговидный нуклеус на плоской гальке, 7 скребловидных орудий на первичных овальных отщепах из зеленоватого песчаника, в сечении имеющих форму клина, с уплощенным обитым сколами обушком и острой рабочей частью.

Второй сбор произведен по левому борту того же сая на десятом уступе. Он состоит из 4 маловыразительных эффузивных отщепов, скребловидного орудия на овальном отщепе из красного песчаника (рис. 1.4). типологически неопределяемого орудия на первичном сильно вытянутом отщепе из зеленоватого песчаника, торцы которого приотряхены, боковые стороны уплощены, оббиты и слегка пришлифованы.

К юго-западу от десятого уступа, на уровне третьего, на вспаханном поле найдены скребловидное орудие и обломок пластины неправильной формы.

В пахатном слое второго уступа, находящегося к юго-западу от второй точки, обнаружены обломки керамики, зернотерка ладьевидной формы из мелкозернистого гранита, обломок статуэтки из обожженной глины, от которой сохранилось туловище, по-видимому, сидящей богини, а также массивный эффузивный отщеп.

У юго-восточной части Муминабадского водохранилища, в разрезе котлована, из которой брали грунт для перекрытия водохранилища, найдено 30 отщепов и скребловидное орудие на первичном отщепе красного песчаника, типичных для гиссарской культуры. Здесь же находились фрагменты раннесредневековой керамики. Местное население сообщило, что во время выемки грунта были обнаружены погребения в хумах, в настоящее время не сохранившиеся.

Остановившись на результатах разведывательных работ на территории трех районов, отметим следующее. Хотя в целом найдено значительное количество стоянок, прошедший сезон не следует считать достаточно успешным. Не было обнаружено ни крупных поселений с культурным слоем, ни оригинальных комплексов. Подъемный материал, основная часть которого датируется неолитом, представлен типичным набором маловыразительных предметов, характерных для мелких пунктов.

РАБОТЫ БАЙПАЗИНСКОГО ОТРЯДА НА ПОСЕЛЕНИИ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ДАХАНА (1985 г.)

В 1984 г. при строительных работах в Нуреке было открыто поселение бронзового века, которое получило название Дахана. В том же году там был заложен и небольшой шурф¹.

В текущем сезоне Байпазинский хоздоговорный археологический отряд продолжил работы на этом памятнике². Был заложен раскоп площадью 6 м×10 м, вытянутый по линии запад-восток (рис. 1).

Останец террасы Вахша, на котором расположено поселение, сильно разрушен современными строительными работами: срезана его южная часть, а поверхность спланирована для предполагавшегося здесь в 60-х годах сооружения стадиона. Спланированная поверхность залита сверху слоем плотной утрамбованной глины толщиной в 60—80 см, образующей своеобразную платформу для стадиона. На ней местами лежат земляные отвалы последующих строительных работ, так что общая толщина современных отложений над остатками древнего поселения достигает в некоторых местах около 1 м. Ниже располагается непересотложенный горизонт бронзового века. Максимальная глубина раскопа в текущем сезоне доведена до 1,4 м (рис. 2).

Строительные остатки обнаружены в западной части раскопа. Они имеют вид трех коридорообразных помещений, разграниченных каменными кладками, вытянутыми с северо-запада на юго-восток. Каменные кладки, как и на близко расположенном поселении Тегузак,³ напоминают фундаменты стен, однако, с той разницей, что в данном случае они местами имеют высоту не в один ряд камней, как в Тегузаке, а в два или даже три ряда, например, в южном помещении раскопа. Центральное помещение отделено от северного кладкой из камней, вкопанных ребром (в основном в один, местами в два ряда), что также ни разу не отмечено на Тегузаке. Все остальные стены помещений сложены из камней, лежащих плашмя в два-три ряда. Северное помещение раскопано частично: его западная стена уходит в борт раскопа. Длина помещений: северного — 4,2 м; центрального — 5 м; южного — 3 м; ширина центрального и южного помещений приблизительно одинакова — 1,3—1,4 м; северное пока вскрыто в ширину на 2,2 м. На восток все помещения открыты. Центральное, возможно, открыто и на запад: его западная стена пока не обнаружена. В северо-западном углу этого коридора расчищена небольшая загородка прямоугольной формы, вытянутая параллельно стенам и также открытая на восток. Ее длина — 1,2 м; ширина — 0,5 м. С запада загородка оконтурена двумя положенными плашмя камнями, а южная ее стена сооружена из одного ряда камней, вкопанных ребром. Если при последующих раскопках подтвердится, что центральное помещение не имеет западной стены, то в таком случае вскрытие конструкции

¹ См.: Пьянкова Л. Т. Отчет о работах Вахшского археологического отряда (эпоха бронзы) в 1984 г. // АРТ.— Вып. XXIV, 1993.

² Начальник отряда — Л. Т. Пьянкова. В работе отряда принимали участие м. л. н. с. Института истории им. А. Дониша Н. М. Симакова и учащиеся старших классов г. Нурека.

³ Отчеты Л. Т. Пьянковой о раскопках на поселении Тегузак опубликованы.

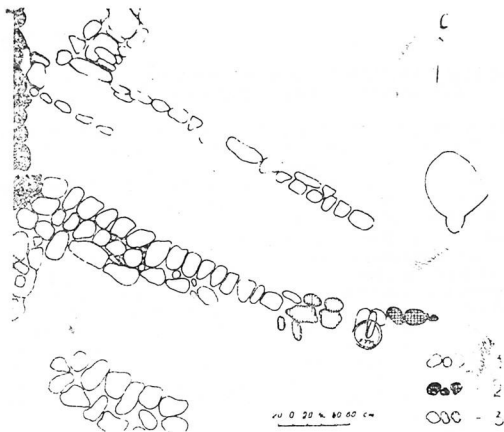

Рис. 1. Дахана. План раскопа: 1 — каменная кладка построек бронзового века (отметка основания кладки — 225 от репера); 2 — камни в основании «платформы стадиона» (-175 от репера); 3 — развал камней (-265 от репера)

относится к двум разным комплексам — северному и южному, разделенным незастроенным пространством.

Ответ на вопрос о назначении помещений пока представляется затруднительным. Утрабованный пол в них отсутствует. Условно в качестве пола (или горизонта) принята тянущаяся по всему раскопу на уровне верха каменных кладок узкая углисто-лессовая прослойка. Местами на этом же уровне прослежены и отдельные зольные пятна диаметром от 10 до 90 см и толщиной от 8 до 12 см. Все каменные кладки стен располагаются ниже этого горизонта, однако попытки найти пол на уровне основания кладок или ниже не привели к положительному результату. Зачистки проводились в центральном помещении, возле стен. У северной бровки раскопа был заложен шурф 3 м × 1 м. Он был пройден тешой на 45 см ниже углистого горизонта (и ниже основания кладок), однако пол не был обнаружен. Отсутствовала здесь и керамика. Наибольшие скопления керамики и костей сосредоточены над зольной прослойкой. Ниже находки единичны и встречены преимущественно в центральном помещении. До материка раскоп не доведен.

На незастроенном участке в восточной части раскопа обнаружена заглубленная в землю топочная часть гончарной печи. Она имеет неправильную, но в целом округлую форму, несколько вытянутую на юг, к устью (рис. 3). Размеры сохранившейся части: диаметр дна — 0,48 м; диаметр поверху — 0,9—1,2 м; глубина — 1,1 м. Заполнение — лёсс, фрагменты обгоревшей обмазки (вероятно, от перекрытия), фрагменты керамики. На дне — слой золы и мелких угольков толщиной в 20—25 см. Стенки топки ошлакованы до голубоватого цвета.

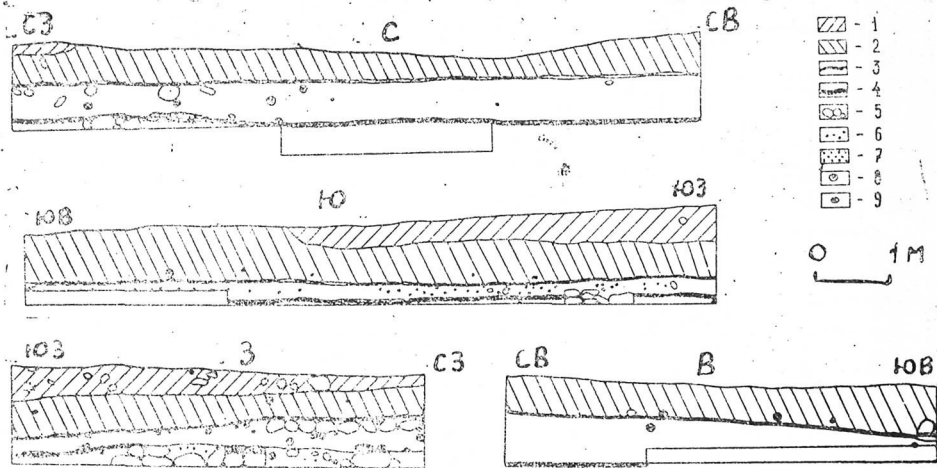

Рис. 2. Дахана. Разрезы стенок раскопа: 1 — насыпной слой; 2 — «платформа стадиона»; 3 — песчаная подсыпка; 4 — пол (темная прослойка лесса с размывами угля); 5 — камни; 6 — гравий; 7 — зольник; 8 — керамика; 9 — кость

Южнее печи, также на незастроенном пространстве, обнаружен вкопанный в землю горлом вниз и аккуратно срезанный наполовину гончарный хум. Около него расчищены камни, лежащие в виде развала на разной глубине. Среди камней — зернотерка, нижняя часть которой находилась внутри хума.

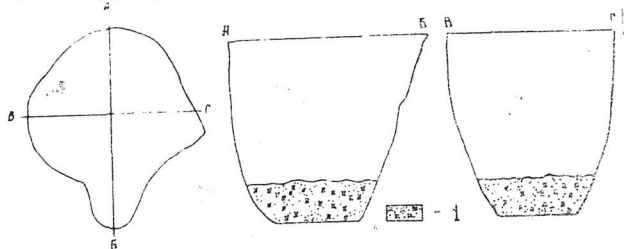

Рис. 3. Дахана. План и разрезы топки гончарной печи: 1 — зола с мелкими углями

Находки представлены преимущественно керамикой. Общее количество найденных в текущем сезоне фрагментов — 1140. Из них 16 (13 гончарных и 3 лепных) собраны на поверхности холма, в том месте, где был заложен раскоп; 517 фрагментов керамики (467 гончарных и 50 лепных) происходят из насыпного слоя; 519 фрагментов (446 гончарных и 73 лепных) найдены над полом в нетронutom горизонте эпохи бронзы; 58 фрагментов (46 гончарных и 12 лепных) извлечены из заполнения топочной части гончарной печи; ниже уровня кладок найдены лишь 30 фрагментов керамики (гончарных — 20, лепных — 10), причем все они происходят только из центрального помещения, которое, возможно, представляет собой пространство между двумя постройками, о чем говорилось выше. Отметим, что во всех слоях раскопа керамика представлена одними и теми же типами, относящимися к эпохе бронзы. Ни на поверхности памятника, ни в насыпном слое не обнаружено фрагментов сосудов других эпох, т. е. при планировке холма и сооружении «платформы» для предполагаемого стадиона здесь использован только местный грунт.

Большинство фрагментов керамики принадлежит гончарным сосудам. Над «полом» они составляют 86% от общего количества фрагментов, а лепные лишь 14%. Близко соотношение тех или других фрагментов и в целом по раскопу: 87% из них принадлежит гончарным сосудам и 13% лепным.

Основные формы керамики следующие:

1. Гончарные сосуды.

1. Хумы или хумча (рис. 4. 1, 2). Имеют воротничковый венчик. Тесто розовое или желтовато-коричневое⁴. Один из фрагментов покрыт белым ангобом снаружи, остальные не имеют ангобного покрытия. Диаметр венчика — от 23 до 35 см, толщина стенок — от 0,8 до 2 см.

2. Тагора в виде открытых сосудов большого диаметра (рис. 4. 3, 4).

⁴ Эти два оттенка характерны для фрагментов гончарных сосудов и всех последующих типов.

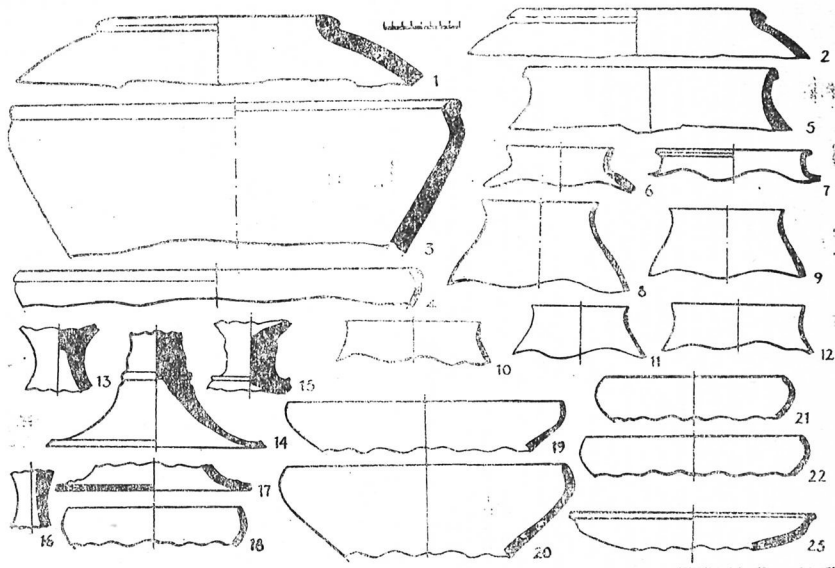

Рис. 4. Дахана. Гончарная керамика: 1—4, 6—12, 14, 17—23 — горизонт
 бронзового века; 5, 13, 16 — насыпной слой.

Венчик либо отогнут наружу — вверх, либо имеет вид воротничка. В том и другом случае под венчиком неглубокий желобок. Тулово конусовидно сужается к дну. О характере придонной части судить невозможно: она не сохранилась ни у одного из фрагментов. Большинство тагора не имеет ангобного покрытия. Лишь на внутренней поверхности некоторых сосудов отмечен белый ангоб (иногда густой, иногда очень жидкий). Диаметр венчика — от 46 до 56,5 см, толщина стенок — от 0,8 до 2 см.

3. Кувшины с невысоким, вогнутым в профиле горлом и отогнутым наружу — вниз венчиком, подтреугольным в сечении (рис. 4.5). Характерной особенностью кувшинов является орнамент в виде одного или нескольких поясков, состоящих из прямых концентрических линий (иногда слабо процарапанных, иногда глубоких) на плечиках. В раскопе на Дахане найдено большое количество фрагментов стенок кувшинов с таким орнаментом. Некоторые из них снаружи покрыты белым ангобом, большинство не ангобировано. Диаметр венчика — 25—26 см, толщина стенок — от 0,7 до 1,1 см.

4. Горшки представлены двумя вариантами:

а) с крутыми плечиками. Стенки горла расходятся наружу (рис. 4.6). Некоторые сосуды покрыты снаружи очень жидким белым ангобом, а в большинстве случаев не ангобированы. Диаметр венчика — 11—15,5 см; толщина стенок — от 0,5 до 1 см.

Среди фрагментов горшков с крутыми плечиками имеется один сероглиняный (рис. 4.7). Его горло в профиле вогнутое, а венчик отогнут горизонтально — наружу. Диаметр венчика — 16 см; толщина стенок — 0,5 см;

б) горшки с покатыми плечиками и расходящейся наружу — вверх горловиной (рис. 4.8—12). Некоторые экземпляры имеют снаружи красно-коричневую облицовку, более напоминающую краску, чем ангоб. Диаметр венчика от 8 до 14 см. Характерными особенностями горшков этого варианта являются изящность и очень тонкие стенки, чаще всего имеющие толщину всего в 3 мм. Эта форма является наиболее многочисленной над «полом» в помещениях. Особенно много фрагментов таких сосудов найдено в северном помещении, пока вскрытом частично.

5. Вазы. О полной форме их судить невозможно, так как все они, как и другие сосуды, обнаружены во фрагментарном состоянии. Что касается ножек ваз (рис. 4. 13—17), то следует отметить их массивность и большой диаметр основания. Ножки в значительной своей части являются полыми. Основания их обрамлены по краю одним или двумя выступающими ребрами. У некоторых на стволе ножки имеется валик, который делит ее на две неравные части: более короткую верхнюю и более длинную нижнюю, при этом в профиле ножка в верхней части является сплошной, а в нижней — полый. Обнаруженные фрагменты резервуаров в большинстве случаев имеют загнутый внутрь край (рис 4.18—22), лишь у некоторых экземпляров венчик отогнут горизонтально — наружу (рис 4.23). Конечно, у нас нет основания с полной уверенностью относить фрагменты резервуаров именно к вазам: в равной степени они могли принадлежать и крупным мискам. Целых экземпляров таких мисок на поселении не найдено, однако на памятниках, где имеются та и другая формы посуды, например в Нурекском могильнике, вазы и миски имеют аналогичную друг с другом профилировку резервуаров.

Поверхность этих сосудов тщательно обработана. В большинстве случаев они покрыты светлым или белым ангобом (густым или жидким). Чаще всего ангобное покрытие является двухсторонним; иногда оно отмечается лишь внутри сосуда, однако такие случаи редки, хотя в целом

внутри сосуда ангоб обычно несколько более густой, чем снаружи. Отдельные экземпляры имеют на внутренней поверхности следы вертикального полосчатого лощения. Некоторые вазы покрыты красно-коричневой облицовкой (окрашивание?). Размеры: диаметр венчика — 18,2—28,5 см; диаметр основания ножки — 20,5—23,2 см, высота ножки 12 см, толщина стенок резервуара — 0,5—1,1 см

6. Редкие формы:

а) фрагмент тонкостенной миски с расходящимися кверху стенками (рис. 5.1). Диаметр по верху — 18 см, толщина стенок — 3 мм;

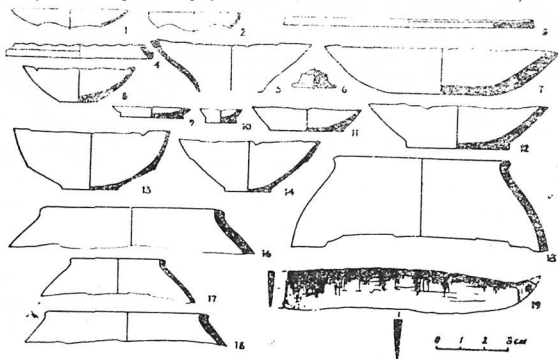

Рис. 5. Дахана. Керамика: 1—14—гончарная; 15—18—лепная; 1, 2, 7, 9, 13—18—горизонт бронзового века; 3—6, 8, 10—12—насыпной холм; 19—бронзовый нож из северного помещения.

б) фрагменты тонкостенной миски с незначительно отогнутым наружу краем и неглубоким желобком под ним (рис 5.2). Диаметр венчика — 14 см, толщина стенок — 3 мм;

в) фрагмент плоского блюда, имеющего вид подноса с очень невысоким вертикальным бортиком по краю (рис. 5.3). Диаметр по верху — 38 см, диаметр дна — 38,5 см, высота бортика — 4 мм, толщина дна — 1 см;

г) фрагмент керамической подставки с вертикальным бортиком по основанию (рис. 5.4). Диаметр основания — 22,5 см;

д) фрагмент педилки с хорошо обработанным отверстием в дне и расходящимися вверх — в стороны стенками (рис. 5.5). Нижняя часть сосуда выполнена на песчаной подсыпке. Диаметр отверстия — 9 см;

е) ножка кубка (рис. 5.6). Основание ножки плоское со следами снятия с круга с помощью вережки или проволоки. По краю основания ножки — вертикальный бортик. Ножка сплошная и очень короткая. Диаметр основания — 7 см, диаметр ножки — 4 см, высота — 2,5 см.

Среди фрагментов гончарной керамики значительную группу составляют донные части сосудов, чаще всего, по всей видимости, принадлежащие хумам или хумча, а также горшкам. Донца плоские (рис. 5.7, 8) или имеют вид плоского поддона (рис. 5.9—12). Также найдена значительная группа фрагментов сосудов, в нижней части корпуса которых

имеется четко выступающее ребро. Часть тулова, расположенная под ребром, выполнена на песчаной подсыпке. В некоторых случаях на наружной поверхности видны следы соскабливания неровностей. Дно плоское или в виде плоского поддона (рис 5.13, 14). Диаметр донца — от 5 до 15 см.

II. Лепные сосуды представлены исключительно фрагментами котлов очень сходной профилировки (рис. 5.15—18). Венчик отогнут наружу, тулово округлое с покатыми стенками. Тесто светлое или розоватое, лишь в нескольких случаях серое или черное. Стенки сероглиняных сосудов иногда украшены ребрами и желобками. Диаметр венчика котлов — от 14,5 до 26,5 см, толщина стенок — от 0,7 до 1,2 см.

Помимо керамики, в раскопе найдены биконическое каменное пряслице (южное помещение) и фрагмент однолезвийного бронзового ножа со слегка оттянутым назад концом (так называемого «хвостатого»). Он найден над «полом» северного помещения. Сохранилось лишь лезвие с несколько изогнутой рабочей частью и слабо выпуклой спинкой (рис. 5.19) Сохранившаяся длина лезвия — 10,5 см, ширина — 1,7 см, толщина спинки — 0,3 см.

Весь культурный слой поселения насыщен многочисленными костями животных. Зоологом Ш. Шараповым в Дахане определено 4 вида домашних животных: 1) козы и овцы; 2) быки или коровы; 3) лошади; 4) собаки. Преобладают кости мелкого рогатого скота. Среди них над «полом» мы нашли свыше 30 альчинок, которые могли использоваться для игры.

Дахана по своему облику близка поселениям позднебронзового века Южного Таджикистана. К настоящему времени здесь известно уже 6 таких поселений. Наиболее полно изучены пока Кангурттут⁵ и Тегузак,⁶ начато изучение Даханы, один шурф был заложен на поселении Каримберды⁷. Еще два поселения известны вблизи Кангурттута, но раскопки них пока не производились. Все поселения сосредоточены вдоль северо-восточной оконечности Афгано-Таджикской депрессии и расположены в сходных экологических условиях, на адырных склонах предгорий, по берегам саев. Общей чертой всех этих горных поселений является широкое использование камня в архитектуре⁸. В Дахане камни для строительства, очевидно, брались из расположенного рядом сая, где и сейчас они присутствуют в большом количестве. Каменные конструкции на всех поселениях имеют вид фундаментов стен, за исключением одной более высокой стены в Кангурттуте, которая принадлежит помещению, устроенному путем врезки в материковый грунт, и служит для укрепления его вертикального среза. Однако ни на одном из поселений пока не удалось установить, чем же были надстроены «фундаменты» свеху. Можно утверждать, что сырцовый кирпич в строительстве не использовался: в грунте поселений ни разу не было обнаружено его обломков. Не представляется возможным сделать заключение и о наличии стен, целиком сложенных из камня: в культурном слое отсутствует количество камней, достаточное для такой реконструкции. Нет явных свидетельств и о наличии столбовых построек. Может быть, стены были надстроены какой-нибудь пахсой не очень прочного состава, которая со временем была це-

⁵ Отчеты Н. М. Виноградовой о раскопках на поселении Кангурттут опубликованы.

⁶ Отчеты Л. Т. Пьянковой в АРТ.— Вып. XIX, XX, XXI и XXIV.

⁷ Отчет Н. М. Виноградовой в АРТ.— Вып. XIX.

⁸ Характер строительных остатков пока не известен лишь для поселения Каримберды.

ликом размыта? Вопрос пока остается открытым: все же трудно пред-
ставить, чтобы стена, даже очень плохого качества, не уцелела хотя бы
частично.

Что касается Даханы, то здесь, как на поверхности памятника, так
и в насыпном слое встречается довольно много разрозненных камней. В
некоторых случаях, как было сказано выше, «фундаменты» стен этого
поселения имеют высоту не в 1, как обычно, а в 2 или 3 ряда камней,
располагаясь при этом довольно близко к тому уровню, до которого был
срезан холм при его планировке. Этот уровень легко прослеживается по
всей площади раскопа: он отмечен тонкой песчаной прослойкой (рис. 2).
Такая подсыпка песком применяется в основании современных построек
в г. Нуреке. Возле западной стенки раскопа нами была расчищена вы-
кладка из камней непосредственно под песчаной прослойкой. Камни ле-
жат свободно, по сравнению с кладками фундаментов, располагаются вы-
ше последних на 30 см, никак с ними не связаны. Верхняя кладка имеет
и иную ориентацию, чем постройки Даханы бронзового века. По всей
видимости, эти камни положены современными строителями для большей
прочности основания «платформы стадиона» (рис. 1, 2). Нельзя исклю-
чить, что некоторые стены построек бронзового века Даханы срезаны
сверху при планировке холма, однако в большинстве случаев фундамен-
ты располагаются на 40—50 см ниже уровня планировки и не имеют
никаких следов разрушения сверху.

Пока представляется затруднительной и точная датировка исследуе-
мого поселения. Оно отличается от Тегузака и Кангурттута отсутствием
в керамическом комплексе фрагментов сосудов степной бронзы. Процент-
ное соотношение лепных и гончарных сосудов в Дахане близко к тако-
вому в Кангурттуте, сходство наблюдается и во многих формах керами-
ки, в частности, в профилировке ваз, имеющих полые ножки и широкое
основание, кувшинов с прочерченным орнаментом, конических сосудов⁹.
Но процент лепной керамики в Дахане все же несколько выше, чем в
Кангурттуте; формы лепных сосудов здесь очень просты и однообразны,
в то время как некоторые экземпляры по своей профилировке и некото-
рым деталям украшения поверхности¹⁰ уже близки ко времени Яз I и Ку-
чук I. Тонкостенные гончарные сосуды составляющие большую группу ке-
рамики в Дахане, в Кангурттуте отсутствуют. С другой стороны, у не-
которых гончарных сосудов Кангурттута отмечены «клювовидные» вен-
чики,¹¹ которые ни разу не встречались в керамическом комплексе Да-
ханы.

В Тегузаке процентное соотношение групп керамики иное. Здесь очень
высок процент лепной красно- и светлоглиняной посуды, составляющей
почти половину всей керамической коллекции. Это преимущественно
крупные кувшины, блюда и цедилки, а кухонные горшки в Тегузаке вы-
полнены из серого теста, по своему составу аналогичного тесту сосудов
степной бронзы. Многие формы гончарной керамики Тегузака и Даханы
близки друг другу. Однако имеются и различия, например, в профили-
ровке ваз, ножки которых в Тегузаке почти на всю высоту являются
сплошными, в то время как в Дахане они полые. В Тегузаке отсутствует
и тонкостенная керамика. Здесь ни разу не встречается красно-коричне-

⁹ См.: Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда по изучению
памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) //АРТ.— Вып. XVIII.—
1984.— С. 78.— Рис. 1, 2.

¹⁰ Там же.— Рис. 2, 14, 15, 17.

¹¹ Там же.— С. 78.— Рис. 1, 14, 16.

вая облицовка сосудов, характерная для керамики Даханы. Однако в Тегузаке обнаружены следы окрашивания красной краской поверхности лепного сосуда с носиком-сливом; здесь найден также фрагмент гончарного сосуда, украшенный прямой тонкой полоской, выполненной черной краской. Среди технологических различий в керамическом производстве Даханы и Тегузака можно упомянуть такие приемы, как способ изготовления нижней части сосуда в форме с песчаной подсыпкой, широко распространенный в Дахане и отсутствующий в Тегузаке, и применение матерчатого шаблона при изготовлении лепной керамики, что, напротив, отмечено в Тегузаке и не встречается в Дахане.

Конечно, все исследуемые комплексы Южного Таджикистана (Дахана, Кангурттут, Тегузак, Каримберды) в целом относятся к эпохе финальной бронзы, но представляется, что между ними существуют и некоторые, хотя и незначительные хронологические различия. Раскопки Даханы еще только начаты, и последующие работы, вероятно, помогут более точно определить место этого памятника среди комплексов позднего бронзового века юга Таджикистана и всей Бактрии.

При сопоставлении с материалами культуры Сапалли керамика Даханы имеет наиболее сходство с комплексом молодиллинского этапа¹².

В Дахане впервые для поселений Южного Таджикистана открыта гончарная печь. К сожалению, сохранилась только её топка, но, по всей видимости, печь принадлежала к типу двухъярусных. Топочная камера ее заглублена в грунт, не имеет ни опорного столба, ни деления на две части. Такая конструкция печей широко известна в Средней Азии в эпоху поздней бронзы и далее, в середине I тыс. до н. э., и принадлежит более прогрессивному типу, по сравнению с печами предыдущего этапа, имеющими опорный столб¹³.

Бронзовый «хвостатый» нож с поселения Дахана имеет наиболее близкие территориальные аналогии в Кангурттуте¹⁴, в могильнике Бешкент II¹⁵; фрагмент лезвия такого ножа найден при раскопках Нурекского могильника¹⁶; еще один целый экземпляр, аналогичный бешкентскому, является случайной находкой с территории г. Нурека. Можно утверждать, что эта форма ножей является характерной для памятников финальной бронзы Южного Таджикистана. По степени оттянутости конца лезвия эти ножи различны. У даханинского экземпляра и ножа из Нурекского могильника конец слабо оттянут к спинке, более четко этот признак вы-

¹² См.: Аскар о в А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана.— Ташкент, 1977. Рис. 32; Аскар о в А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана).— Ташкент, 1983.— Рис. 9.

¹³ Сарияниди В. И. Керамические печи древней Маргианы //КСИИМК, вып. 69, 1957; Масимов И. С. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане.— Ашхабад, 1976.— С. 54; Рахманов У. Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4 //ИМКУ.— Вып. 15, 1979.

¹⁴ Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) — Рис. 3, 5.

¹⁵ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. //АРТ.— Вып. XIII, 1977.— Рис. 4.

¹⁶ Пьянкова Л. Т. Отчет о работах Нурекского археологического отряда //АРТ.— Вып. XIV, 1979.— С. 86.

ражен у бешкентского и случайно найденного нурекского ножей, а у кангуртутского экземпляра наблюдается очень сильно вытянутый конец. При этом два крайних варианта имеют спинку выпуклой профилировки, а загнутый конец лезвия у них скруглен. Спинка ножей промежуточного варианта прямая, а конец лезвия у них является заостренным.

Даханинский экземпляр типологически наиболее близок ножам Приаралья конца II — начала I тыс. до н. э.¹⁷. Позже они приобретают кольцевые или зооморфные навершия и широко распространяются по всей степной Евразии. Е. Е. Кузьмина предполагает, что среднеазиатские «хвостатые» ножи могли быть промежуточным звеном между ножами со сходным лезвием из тепе Гиян I—II и евразийскими¹⁸.

Новое поселение позднебронзового века Дахана в Южном Таджикистане вновь свидетельствует о большой роли скотоводства в экономике его обитателей (обилие костей домашних животных, наличие цедилок). На поселении найдены и зернотерки, свидетельствующие о занятии земледелием. Но в целом горные поселения Южного Таджикистана отличны от типичных оседлоземледельческих памятников Бактрии. Они имеют более временный характер, специфическую архитектуру с широким использованием камня, различные варианты керамических комплексов с явной осевой Молали, и не исключено, что обилие таких поселений в Южном Таджикистане, как и их несколько дифференцированный характер, говорит о зарождении в эту эпоху у местных племен яйлажного способа ведения скотоводческого хозяйства, при котором место обитания менялось в связи со сменой пастбищ. Вследствие этого разные поселения могли иметь и различный период своего функционирования.

---

¹⁷ Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья //ТХАЭЭ.— Т. 10.— М., 1977.— С. 159.— Рис. 78.

¹⁸ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии //САИ.— Вып. в 4—9.— М., 1966.— С. 48—49.

**ОТЧЕТ О РАБОТЕ ЮЖНО-ТАДЖИКИСТАНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА ЮТАЭ В 1985 г.
НА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ КАНГУРТТУТ**

В 1985 г. отряд продолжил исследования поселения Кангурттут Дангаринского района Кулябской области¹. Памятник находится в горной долине на высоком мысу, образованном двумя саями с ручьями Кангурттут и Дугобоз, которые впадают в р. Шулюпту (приток р. Таирсу). С западной стороны поселение связано по ущелью с другими памятниками финальной бронзы. Для восстановления экологической ситуации этого района, существовавшей в середине II тыс. до н. э., могут быть привлечены данные, полученные для гиссарской культуры. Г. Н. Лисицина определила следующие древесные породы среди углей в Туткауле: можжевельник, ясень, тополь, липа. За исключением липы, все другие деревья произрастают в настоящее время на отрогах Вахшского хребта. Годовое количество осадков здесь колеблется от 350 до 500 мм в год. Этого вполне достаточно для произрастания злаков. Земледелие в основном неполивное, в некоторых случаях применяется оросительная система. Площадь мыса, на котором находилось поселение в прошлом, по словам местных жителей, обводнялась арыком, отведенным от ручья Кангурттут.

В 1985 г. работы проводились на трех раскопах — II, VI и VII.

Раскоп II. В предыдущие годы здесь был открыт большой жилой комплекс с двором и подсобными хозяйственными помещениями. Недоисследованной осталась восточная часть двора. Прирезка составила 6 м × 12 м. Поскольку весь комплекс остроен на склоне, то древним строителям пришлось применить террасирование. В лёссовой структуре в восточной части раскопа (кв. 4, А 2-1, 2,3) четко прослеживаются контуры подрезки террасы. На открытой площадке двора доколана яма № 2, расчищены ямы № 3, 4, 5 и каменная кладка (2 м × 0,6 м), сложенная из 2-х рядов камней (кв. А1-2). Яма — овальной формы (1,1 м × 1,4 м) суживается ко дну, глубина — 1,5 м. С западной и восточной стороны ямы по краям расчищены каменные кладки. Яма № 3 продолговатой формы — 1,1 м × 1 м, глубиной 0,9 м. На краю лежат два плоских камня. В северо-западной части ямы имеется небольшая приступочка высотой 0,15 м; на дне лежала каменная сланцевая плита (0,5 м × 0,34 м). В заполнении встречаются керамика и куски глины.

В кв. А1/1 открыта еще одна яма № 5, она частично уходит в подрезку материка террасы, размеры: 0,8 × 1,1 м, глубина — 1,2 м. В запол-

¹ Экспедиционные работы проводились с 15 августа по 15 октября в следующем составе: Н. М. Виноградова (начальник отряда), В. В. Радловский (м. н. с. Института истории АН ТаджССР), Н. Н. Май (лаборант), Н. Н. Константинова (художник) и маршрутные рабочие. См.: Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978) // АРТ.— Вып. XVIII, 1984.— С. 74—83; Она же. Новые памятники эпохи бронзы на юге Таджикистана // Центральная Азия и Индия (в печати); Она же. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангурттут на юге Таджикистана в 1980 г. // АРТ (в печати); Она же. Отчет о работе Южно-Таджикистанского археологического отряда ЮТАЭ на поселении Кангурттут в 1984 г. // АРТ.— Вып. XXIV, 1993.

нении расчищена керамика. фрагменты зернотерок и грузило. Яма № 4 — небольшая по своим размерам, круглой формы (0,7 м × 0,7 м), глубиной всего 0,2 м, постепенно суживаясь в нижней части. Функционально она могла служить углублением для столба. По всей площади открытой части двора в большом количестве найдены зернотерки, терочки, развалы керамики, встречаются фрагменты «степной» бронзы.

Раскоп VI. В восточной части поселения недалеко от раскопов I, III заложен новый раскоп VI (48 кв. м)². Выбор места был определен выходом в этом месте двух больших развалов камней (№ 1 — 2,8 м × 2,6 м; № 2 — 2,6 м × 2,4 м), относящихся к более позднему строительному периоду существования поселения. Толщина культурного слоя около 2 м. В результате раскопок вскрыт хозяйственно-производственный комплекс на открытой площадке, может быть, это часть двора, примыкающего к помещению³. В южной части раскопа расчищена хозяйственная яма № 1 округлой формы с вертикальными стенками (диаметр — 1,1 м, глубина — 1,35 м). На дне ямы лежали две зернотерки длиной 0,3 м и 0,5 м, два терочника. В стенке ямы имеется ступенька высотой 0,5 м (0,5 м × 0,8 м). В заполнении ямы найдена керамика, кости животных, угольки и куски пахсы. У северной стены раскопа (кв. А 1) расчищена печь, овальная в плане, диаметр в верхней части 0,9 м × 0,7 м, высота — 0,6 м. Стенки толщиной около 0,15 м, они слегка наклоняются в направлении ЮЗ—СВ (разрез II—II). Нижняя часть печи на 0,25 м заглублена в землю. Назначение печи не ясно. Судя по ошлакованности стенок, температура достигала более 900°. Предположительно, ее можно считать керамическим или кузнечным горном. Недалеко от печи у восточного борта раскопа расчищена «цемянка» прямоугольной формы (1,6 м × 1,8 м), высотой 0,15 м (кв. 4 1). Она сделана из раствора известки и гравия, в «цемянку» вмазана кружалая, керамическая подставка. «Цемянка» частично перекрывалась керамическим развалом⁴. В этом же квадрате найден нож бронзовый, хорошей сохранности, относящийся к типу так называемых хвостатых ножей (рис 1, 3)⁵. Он имеет прямое, слегка изогнутое лезвие с треугольным сечением; лезвие оттянуто назад. Нож сходной формы был найден во дворе жилого комплекса раскопа II⁶.

Рядом с раскопом VI заложена поисковая траншея № 4 (20 м × 1 м). Культурный слой прослеживается с самого верха, в южной части до глубины 1,2 м от дневной поверхности. В северной части траншея не докопана, глубина 1,5 от дневной поверхности. Стратиграфия слоев раскопа VI и траншеи идентична. В северной части траншеи открыт очаг типа сандала диаметром 0,5 м. В южной части и в прирезке, сделанной к траншее, расчищен человеческий скелет. Погребенный лежит на спине,

² На расстоянии 42,5 м к северу от раскопа III. Так как раскоп заложен на склоне, то перепад высот между С-В и Ю-З углами раскопа VI составляет 2,5 м.

³ Между камнями найдена керамика позднебронзового века. В культурном слое различается три строительных горизонта, полностью вскрыт лишь нижний; два верхних в результате смывов и расположения на склоне сохранились лишь частично.

⁴ Некоторые формы собираются полностью, среди них имеется хумча.

⁵ Н. М. Виноградова. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) //Арт.— Вып. 18, 1984.— С. 81.— Рис. 1, 5.

⁶ См. приложение.

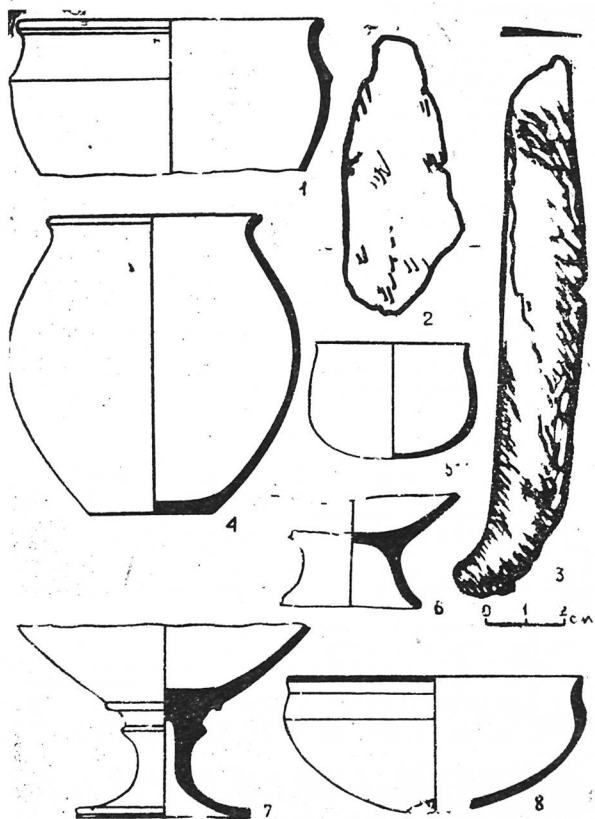

Рис. 1. 1, 4 — горшковидные сосуды; 2 — бронзовая бритва; 3 — бронзовый нож; 5 — миниатюрный сосуд горшковидной формы; 6, 7 — фрагменты ваз; 8 — миска

головой на запад лицом вниз. У головы лежали два терочника и фрагменты керамики эпохи бронзы. Яма не прослеживается⁷.

В траншее и на раскопках в большом количестве найдена керамика. Керамический материал (рис. 1, 1, 4—8) характерен для памятников поздней бактрийской бронзы⁸. Отмечено несколько фрагментов «степной» бронзы — посуда с гребенчатым штампом. Из каменных орудий следует отметить зернотерки, терочники, отбойники (рис. 2, 5, 6—8) и каменный предмет с фигурной грибовидной головкой (рис. 2, 1), назначение последнего не ясно.

Раскоп VII⁹. В юго-западной части долины напротив сада тутовника на высоком склоне заложен еще один раскоп (20 м × 6 м). В резуль-

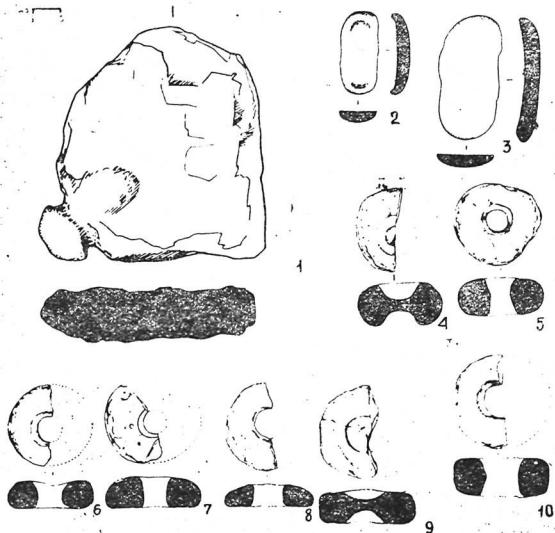

Рис. 2. 1 — каменный предмет с фигурной грибовидной головкой; 2 — отбойник; 3 — терочник; 4, 9 — двусторонние подпятки; 5, 8 — грузила

⁷ Обряд захоронения не характерен для памятников изучаемой культуры, и скорее всего само погребение относится к «мусульманскому» времени.

⁸ Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда. // АРТ. — Вып. XVIII. (1978 г.). С. 79. — Рис. 1.

⁹ Первоначально была заложена траншея № 1. Впоследствии шурф № 1 целиком вошел в новый раскоп VII. Шурф № 1 занимает в раскопе квадраты А-Ф/5—6.

тате исследования открыто 13 ям. Так как нулевая точка раскопа VII на 43,56 м выше нуля раскопа II и перепад высот между северным и южным бортами составляет около 3 м, нам пришлось снимать слои террасами, на которых очень плохо видны границы ям, выкопанных в лёссе. Заполнение ям — лёссовое, но немного более тёмного цвета¹⁰.

Яма № 1 ориентировочно открыта в кв. Ж-3/5—6, на глубине 0,63 м от нулевой точки раскопа. На дне ямы расчищены два небольших сосуда горшковидной формы, круговые (рис. 3, 6).

Яма № 2 предположительно находится в кв. А-Б/6. Здесь стояли три сосуда: два горшковидных и одна миска; все круговые с белым ангобом в верхней части (рис. 3, 4).

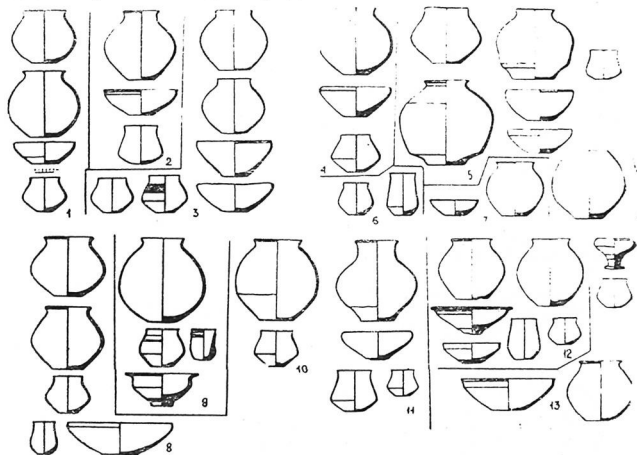

Рис. 3. Керамика из ям раскопа VII и траншей 2; 1 — яма 13; 2 — яма 11; 3 — яма 12; 4 — яма 2; 5 — яма 3 (траншея 2); 6 — яма 1; 7 — яма 4; 8 — яма 8; 9 — яма 9; 10 — яма 10; 11 — яма 5; 12 — яма 6; 13 — яма 7

Яма № 4 располагается на расстоянии примерно 1 м от ямы № 1. Расчищены горшковидный сосуд средних размеров и миска, кружальные с белым ангобом (рис. 3, 7). Рядом лежали два небольших камня.

Яма № 5 (кв. М, Н-5). На дне расчищено 5 сосудов: кувшин с подкосом в нижней части, 3 небольших горшковидных сосуда, верхняя часть вазы на высокой ножке, чаша и миска. Керамика кружальная, с белым ангобом и лощением (рис. 3, II).

Яма № 6 открыта рядом с ямой № 5, контуры частично прослеживаются в кв. Н-0/5,6. Сосуды стоят компактной группой: 3 горшковид-

¹⁰ В результате границы первых 7 ям не прослежены.

ных сосуда и 2 вазы без ножек. Все круговые (рис. 3, 12)¹¹.

Яма № 7 находится в кв. Р, С, Т/5,6. В разных частях ямы открыто 5 сосудов, некоторые лежат на боку¹². Выделяются 3 горшковидных сосуда один из них, в результате недостаточного обжига, сероглиняный. Интересна форма миниатюрной вазы на ножке, последняя лепная (рис. 6, 13).

Яма № 8 открыта в западной части раскопа. Она овальной формы (1,6 м × 1 м), глубиной 0,8 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В за-

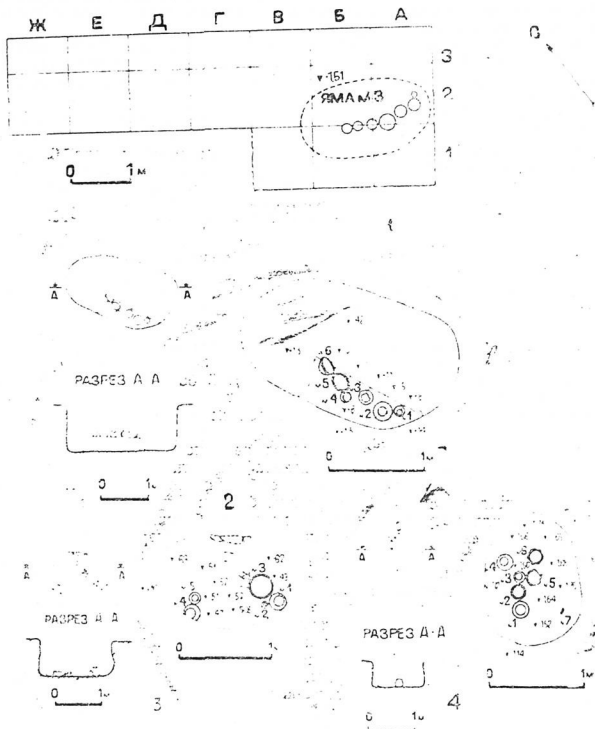

Рис. 4. 1 — План шурфа № 2 и ямы 3; 2 — план и разрез ямы 12; 3 — план и разрез ямы 8; 4 — план и разрез ямы 13

¹¹ Один сосуд небольшой горшковидной формы не сохранился.

¹² Один сосуд полностью расслоился из-за плохого обжига.

полнени на дне встречаются куски обработанной глины¹³. На дне стояло 5 сосудов (рис. 4, 8); в западной части — 2 горшковидных сосуда и в юго-восточной — 2 горшковидных, 1 миска. Все сосуды — кружальные с белым ангобом (рис. 3, 8).

Яма № 9 расчищена в кв. Т-V/1—2, округлых очертаний (1,4 м × 1,8 м), глубиной 0,5 м. Яма сверху (на дневной поверхности) отмечена двумя камнями и горшковидным сосудом. В заполнении встречаются куски обработанной глины. Все сосуды найдены в заполнении ямы в южной части (ваза без ножки и миниатюрный горшковидный сосуд) и у западной стенки (небольшой горшок). За исключением одного сосуда, все круговые, с белым ангобом (рис. 3, 9).

Яма № 10 открыта в западной части раскопа (кв. А/1,2), овальной формы (1,1 м × 1,6 м), глубиной 0,8 м ориентация СВ-ЮЗ. На дне в центре стояли 2 горшковидных сосуда (рис. 3, 10). В заполнении встречаются мелкие кусочки глины.

Яма № 11 открыта в кв. Е-Э/1—2, овальной формы (1,2 м × 0,8 м), глубина 0,4 м, вытянута по линии С-Ю. На дне стояло 3 сосуда — 2 горшковидных и 1 миска, круговые, с красным ангобом (рис. 6, 2).

Яма № 12 расчищена у южного борта раскопа, овальных очертаний (1,7 м × 1 м), глубиной 0,7 м, ориентирована по линии С-З/Ю-В. В южной части ямы на небольшой приступочке из лёсса стояло 6 сосудов (рис. 7,2); 2 горшковидных сосуда и 2 миски, круговые, с белым ангобом. В заполнении ямы встречаются комочки глины (рис. 3, 3).

Яма № 13 открыта в С-З углу раскопа, овальной формы (1 м × 0,8 м), глубиной 0,4 м; в заполнении встречаются большие куски глины. В центре ямы стояло 6 сосудов (рис. 3, 1)¹⁴. На дне найден небольшой фрагмент бронзовой пластины (рис. 4, 4). Керамика круговая, с белым ангобом.

Рядом с раскопом VII заложена траншея № 2 (7 м × 2 м), где расчищена еще одна яма (№ 3), контуры не зафиксированы, (рис. 7, 1). На дне в ряд стояло 7 сосудов (рис. 3, 5); 2 больших горшковидных с подкосом в нижней части, 3 небольших горшковидных сосуда и 2 миски. Все круговые, с белым ангобом. В одной из мисок лежала бронзовая бритва (рис. 1, 2).

Назначение раскопанного комплекса не ясно. Можно предположить, что раскопана часть могильника с кенотафами или же речь идет о культурных ямах с сосудами. Обращает на себя внимание тот факт, что часто в ямы кладутся сосуды с керамическим браком (плохой или недостаточный обжиг) или посуда, вышедшая из употребления (вазы без ножек). Материал не отличается от керамики поселения. Интересен набор сосудов из ямы № 11, где представлена керамика с красным ангобом, очень редко встречающаяся на поселении. Исследования на раскопе VII следует продолжить на следующий год.

Изучаемое поселение интересно и с исторической точки зрения. В исследуемом районе наблюдается тесный контакт земледельческих племен бактрийской оседло-земледельческой культуры с так называемыми «степными» культурами Средней Азии и Казахстана. На поселении Кангуртут были найдены литейные формы, бронзовые предметы, свидетельствующие о местном металлообрабатывающем производстве. Типологически и по химическому составу (довольно большой процент олова) южно-таджикистанская бронза сходна с казахстанской. По всей видимости, металло-

¹³ Некоторые довольно большие 0,4 м × 0,6 м.

¹⁴ Два сосуда расслоились во время зачистки.

обработка на южно-таджикистанских поселениях базировалась, как и в Семиречье, на привозном сырье в виде слитков металла и находилась под сильным влиянием казахстанских очагов металлургии. Тесные связи Казахстана и Южного Таджикистана в конце II тыс. подтверждают раскопки последних лет Урало-Казахстанской археологической экспедиции на поселении Павловка Кокчетавской области Казахстана, где в одном из андроновских жилищ была найдена керамика типа Намазга VI¹⁵.

---

¹⁵ Сообщение Г. Б. Здановича.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ С ПОСЕЛЕНИЯ КАНГУРТТУТ

Основным методом исследования была металлография, которая позволила определить примерный состав изделий и методику их изготовления. Измерение микротвердости отдельных участков давало возможность установить наличие или отсутствие преднамеренного упрочнения, а также косвенно свидетельствовало о составе металла. Исследовали следующие участки: нож — вблизи лезвия, в центре и в утолщенной части, бритва — в центре и вблизи лезвия. Шлиф готовили на поверхности изделий.

Нож изготовлен из бронзы, содержащей примерно 5—7% олова. Металл чистый, не содержит посторонних включений и окислов. Основой для изготовления ножа служила литая заготовка, о чем свидетельствует дендритная структура металла, которая выявляется при травлении. Эта заготовка после литья подвергалась ковке, основной целью которой было утонение краев ножа и придание им закругленной формы. Утолщенная часть была прокована с обжатием не более 40%, т. е. первоначальная толщина заготовки составляла примерно 3,5 мм.

Об отсутствии больших формообразующих деформаций свидетельствует ненарушенный рисунок дендритов в областях, удаленных от лезвийной части. Ковка велась, видимо, с одной стороны, что привело к появлению скоса на одной поверхности ножа и отсутствию его на другой (так называемая «ковка с оттяжкой»). Специального упрочнения лезвия методом холоднойковки не наблюдается, металл находится в мягком состоянии, т. е. имеет рекристаллизованную структуру во всех областях (как утолщенной части, так и на лезвии) и низкую микротвердость — 115 кг/мм². Зерно мелкое — 0,02—0,03 мм. Структура показывает, что металл отжигали послековки при температуре 600—800°C или ковали при этих же температурах. Вероятнее предположить, после холоднойковки, т. е. зернистая структура очень однородная. Возможно, нож использовали при таких операциях, где не была нужна высокая твердость и не было, следовательно, необходимости упрочнять лезвие холоднойковкой.

Бритва изготовлена из бронзы, содержащей меньшее количество олова — 2—4%. Металл чистый, включения и окислы отсутствуют. Изделие изготовлено путем нескольких цикловковки, следы литой заготовки не обнаруживаются. Специального упрочнения лезвия нет, металл мягкий, его микротвердость составляет 85—90 кг/мм². Вероятно, бритву после холодной деформации отжигали при температуре 600—800°C (размер зерна 0,03—0,04 мм).

Приложение 2
В. П. Данильченко

ВИДОВОЙ СОСТАВ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ КАНГУРТТУТ

Вид	число костей	число особей
Крупный рог.		
скот	57	3
Мелкий рог.		
скот	197	31
Лошадь	33	2
Осел	13	1
Сазан	1	1

ОТЧЕТ ПЯНДЖСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА ЗА 1985 г.

Пянджский археологический отряд проводил раскопочные работы с 1 сентября по 15 ноября. Целью отряда было продолжение раскопок № 1 на городище Байтудашт IV для выявления планировки и стратиграфии храмового комплекса и закладки нового раскопа на оборонительной стене.

В результате на раскопе № 1 были полностью расчищены коридор (помещение № 2), помещение № 3 и заложена стратиграфическая траншея.

Помещение № 2. Коридор вытянут по линии север-юг. Вход в него обнаружен в южной и в северной части, но северный проход сильно разрушен. Коридор имеет различную ширину. К северу от дверного проема в помещении № 1 ширина его — 1,8 м. Вдоль восточной стены проходит суфа шириной 80 см. Она сложена из кирпича. Поверхность обмазана саманной штукатуркой. Высота суфы — 0,3 м. У угла суфы поверхность пола обожжена. От края суфы на 30 см стена делает изгиб в сторону востока, образуя угол, далее она ровная. Длина ее — 9,4 м.

Южная часть коридора имеет ширину 2,3 м. После поворота восточной стены на 1 м открывается проход шириной 1,25 м. Толщина восточной стены — 1,9 м, южной — 1,5 м. В западной части прохода выступ отсутствует. Длина прохода — 2,5 м. Вдоль западной стены проходит суфа, аналогичная суфе в помещении № 1. Суфа занимает всю длину между проходами. Длина ее — 4,7 м, ширина — 1,05 м, высота барьера — 42 см, ширина бортика — 0,2 м. Суфа изнутри приподнята на 0,2 м. Поверхность бортика и пол хорошо обмазаны саманной штукатуркой. На полу коридора, в его юго-восточной части, найдены фрагменты большого хума. В этом же углу расчищена обгоревшая поверхность пола диаметром 0,5 м (рис. 1, 1).

Помещение № 3. Расположено к югу от помещения № 1. Между ними смежная стена шириной 1,3 м. Помещение вытянуто по линии запад-восток. Длина его 10 м, ширина западной части — 5,15 м, а восточной — 5,2 м. Проход в коридор расположен в восточной части. Ширина его — 1,25 м, длина вместе с суфами составляет 2,25 м, ширина восточной стены — 1,3 м. По всему периметру помещения проходят суфы, начинающиеся сразу у прохода. Суфы различной ширины. Справа от прохода ширина суфы — 80 см, слева — 90 см. Ширина северной суфы — 1,15 м, южной 1,05 м, западная суфа более широкая — 1,52 м. Суфы сложены из кирпича. Высота их — 0,75 м. Площадь между суфами составляет прямоугольник длиной 7,75 м, шириной — 2,95 м. Поверхность суфы и стен обмазана хорошей саманной штукатуркой. Обнаружено три слоя штукатурки. На полу у юго-восточного угла расчищена круглая обожженная яма диаметром 0,3 м, глубиной — 7—8 см. Горелый слой обнаружен также у прохода, на расстоянии 1,15 м от восточной суфы, диаметром 0,33 м. Ближе к западной суфе, в середине, расчищено прямоугольное углубление с обгорелой поверхностью, вытянутое по линии запад-восток, длиной — 1,35 м, шириной — 1,24 м. Больше всего обгорела южная часть углубления, а в северной части расчищен кусок кожаного полотна. Кожа очень плохой сохранности. Фрагменты кожи встречены на разных участках пола. Пол помещения ниже коридора на 0,25—0,3 м. При этом в проходе получается ступенька высотой 0,05—0,1 м, шириной 0,3—0,6 м. Ступеньки сглажены. Поверхность пола очень плотная. Прослеживается три слоя обмазки толщиной от 2 до 5 см.

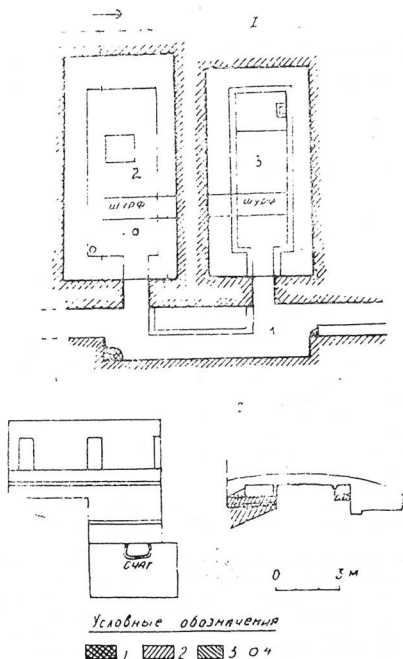

Рис. 1. Байтудашт IV. План храма II. План и размер оборонительной стены. Условные обозна-

чения: 1 — очажные пята; 2 — забутовка; 3 — материковый слой

В этом помещении стены сохранились очень плохо, особенно южная стена, которая прослеживается только на уровне суфы, суфа тоже разрушена. От нее сохранилось только 4 кирпича. Кирпичи сложены продольной и поперечной кладкой в один ряд. Швы между кирпичами очень толстые: вертикальные шириной до 0,1 м, горизонтальные — от 2 до 5 см, с очень хорошей связкой. Размеры кирпичей 45—46×22—23×8—10 см. Это основной стандарт. Стены сложены очень аккуратно в 1,5 кирпича, чередующихся продольной и поперечной кладкой и широкими вертикальными швами, что увеличивает ширину стены.

Стены помещения № 3, по всей видимости, были расписаны или покрашены, так как в западном углу помещения, над суфой, были обнаружены отдельные фрагменты штукатурки, окрашенной в черный, красный

и голубой цвета. А на северной стене, под слоем штукатурки обнаружена красная краска. Видимо, эта стена была окрашена в красный цвет.

В помещении собрано небольшое количество фрагментов керамики, фрагменты кожи, одно керамическое пряслице биконической формы с прорезанным желобком и бронзовая проволока, вероятно, браслет.

Для постройки сооружения были использованы пахса и кирпич размерами $45 \times 22 \times 9$, $46 \times 25 \times 10$ см. Восточная и западная стены коридора, а также северная и западная стены помещения № 1, видимо, были сложены из пахсы.

Второй строительный период прослеживается на незначительном участке под полом помещения № 3. Вдоль южной стены, на полу обнаружены очертания шва с остатками саманной штукатурки. Для выяснения назначения шва и структуры заполнения суфы была заложена траншея шириной 1,5 м, длиной 4,5 м, вытянутая по линии север-юг ближе ко входу. В результате выяснилось, что шов оказался остатками нижнего строительного горизонта, врытого в материковый слой ямного помещения, его длина — 8,15 м. За стенками суфы расчищена другая стена на расстоянии 3,2 м, параллельно южной. Западная стена не обнаружена. Она уходит за линию пола помещения под стены. А линия восточной стены зафиксирована на одной линии с восточной стеной помещения № 3. Проходы нижнего горизонта не фиксируются. Их высота 2 м. Как видно, стены верхнего горизонта поставлены прямо над стенами нижнего, только стена немного смещена. Северная стена верхнего горизонта более узкая. Здесь была продолжена линия разреза в помещении № 1, где под полом также обнаружены остатки раннего слоя. Под этой стеной продолжается монолитная стена, упирающаяся в боковые стенки траншеи. Ширина нижней стены — 2,35 м. При этом слой обмазки идет по линии барьера. Верхняя часть барьера наращена еще до перестройки. Пол между барьером и стеной углублен на 10 см. Пол нижнего слоя ниже верхнего на 50 см. В заполнении между полами обнаружены большие фрагменты глины с отпечатками камыша. Пока неизвестно, когда построена суфа с алтарем. По всей вероятности, она сложена во втором периоде.

В нижнем слое собрано большое количество фрагментов керамики, мало отличающейся от керамики верхнего слоя. Видимо, помещение № 1 имело более углубленный пол и иную форму алтаря. К югу от него имелося ямное помещение, по всей вероятности, в раннем периоде это было одно помещение, позднее же возведена южная стена и получилось два помещения со смежной стеной и выходом в коридор. После перестройки уровень пола помещения № 1 был приподнят, а весь строительный мусор забутован под полом верхнего слоя. Вопрос о планировке комплекса пока остается открытым. Судя по найденной глине с отпечатками камыша, в обоих помещениях перекрытие было плоским с широким использованием камыша. Ниши от опорных столбов применялись для уменьшения нагрузки на стены от перекрытия. Отношение длины помещения к ее ширине — 1 : 2. Эти параметры не позволяют перекрытие сводом, а скорее всего, перекрытие было плоским с применением камыша и дерева.

Назначение помещений.

По всей видимости, раскопанный комплекс являлся храмом огня. На это указывает наличие двухчастного прямоугольного алтаря с обожженной поверхностью и очажные пятна на суфах и на полу коридора.

Наличие двух изолированных помещений с коридором наводит на мысль, что существовало и третье помещение, расположенное, вероятнее всего, в северной части коридора.

Такая планировка храмовых построек в Южном Таджикистане и

Средней Азии, вообще, относящихся к периоду раннего железа, еще не была выявлена.

Раскоп № 2 заложен на восточной части возвышенного участка сохранившегося вала. Целью раскопа было проследить характер оборонительной стены и ее стратиграфию. Раскоп заложен по линии запад-восток длиной — 8,6 м, шириной — 3,4 м. Толщина дернового слоя — 53 см. Ниже, по центру вала, расчищаются пахсовые блоки стены. Она четко оконтуривается с двух сторон. Ширина стены — 3,2 м. По восточной стороне прослеживается пахсовая стена шириной — 1 м, а в западной части: ширина пахсовой кладки — 0,65 м. Заполнение между двумя стенами составляют куски пахсы и большое количество фрагментов керамики (рис. 1, II). Западная часть кожуха стены имеет высоту 0,4 м. Ниже него расчищена зольная прослойка, уходящая под пахсовые блоки. Под зольником — плотно утрамбованный слой, понижающийся к западу. Он прослежен на 2 м. В северо-западном углу этого слоя найден разбитый горшок. Сосуд плоскодонный, расширяющийся к устью, с рельефным ребром по средней части тулова, с закругленным вечником, слегка отогнутым наружу. Под утрамбованным слоем — зольная прослойка с угольками и большим количеством фрагментов керамики, понижающаяся с юга на север, толщина слоя — 0,4 м. Под ним — опять утрамбованный слой, понижающийся в том же направлении с юга на север. На этом уровне у стены расчищен прямоугольный очаг, приставленный к стене. Края его овальные стенки обожжены. Длина — 1,05 м, ширина 0,55—0,6 м. На дне очага — камышовая зола с угольками. Очаг перекрыт глиняной прослойкой натечного происхождения. В этом слое встречаются кусочки керамического шлака. Под очагом расчищен утрамбованный слой с зольными прослойками толщиной 14 см, встречаются фрагменты керамики.

С восточной стороны к основной стене приставлены перпендикулярно ей пахсовые блоки в виде выступа длиной — 1,55 м, шириной — 60 см и высотой — 1 м. Таких выступов, расположенных на расстоянии 2,55—2,6 м друг от друга, три. Они не связаны с основной стеной — виден шов шириной — 10—15 см. Между ними рыхлая прослойка с незначительным количеством фрагментов керамики.

Внизу выступы отходят от основной стены, где видны пять чередующихся натечно-надувных слоев.

Керамический материал оборонительной стены представлен сосудами цилиндро-конической формы, хумами, хумчами, кубками и бокалами, которые по форме не отличаются от керамики из храмовой части.

Датировать храмовый комплекс Байтудашт в настоящий момент трудно, в основном из-за отсутствия четко датирующего материала — наконечников стрел и монет. Датировать комплекс по архитектурной планировке невозможно. Основным датирующим материалом является незначительное количество керамики, при этом целые формы отсутствуют, следовательно, очень сложно восстановить набор керамических изделий. Керамика в нижнем слое намного меньше, и она не выразительна. В основном это фрагменты хумов и хумчей, сосудов для хранения жидкостей и зерна с различной профилировкой венчика и несколько фрагментов венчиков столовой посуды. Изготовлены они из глины хорошего промеса без видимой примеси. В изломе черепок красный или светло-розовый. Поверхность, как правило, розовая или серая. Встречаются черепки двухцветные в изломе — серый и светлокрасный цвет, поверхность их красная. Хумы представлены в основном прямоугольным разрезом венчика с округлой краевой, нижний край прямой, резе со слегка выделенным выступом размером 35—45 см (рис. 2, 1, 2, 6, 7). Имест-

ся отдельный фрагмент с овальным, выступающим наружным краем и выступающим ребром с внутренней стороны (рис. 2, 3, 4, 5).

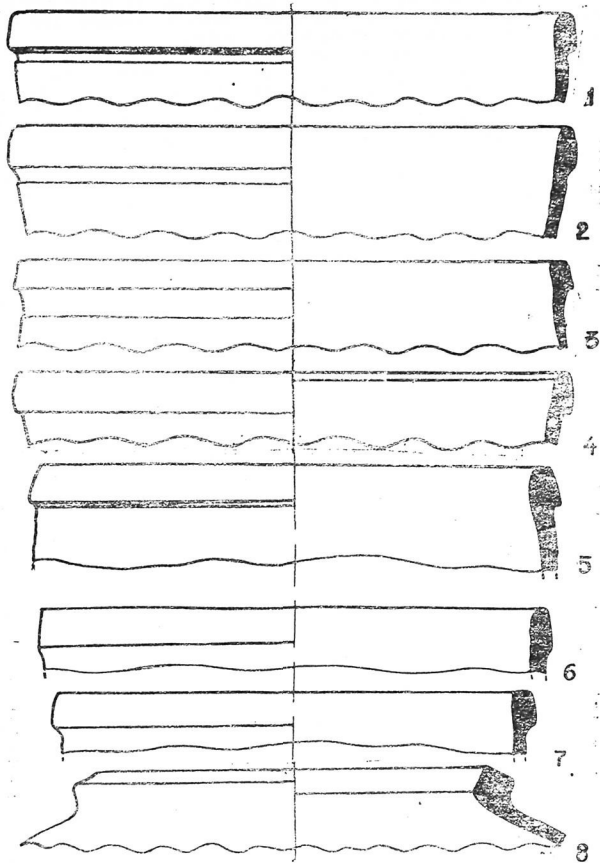

Рис. 2. Байтудашт IV. Керамика: 1—8 — хумы

Выделяется фрагмент хума, разрез венчика которого подпрямоугольный, с площадкой в горизонтальной части, слегка отогнутый наружу, с резким углом под венчиком и пологим плечиком. Диаметр устья—40 см (рис. 2, 8). Внутри горловины имеется выступ.

Эти две формы хума не характерны VI—V вв. до н. э. Они больше всего напоминают керамику греко-бактрийского периода. Хумы подпрямоугольной формы часто встречаются на городищах и поселениях Средней Азии, датированных VI—V вв. до н. э. Например: Кабадиан-1,¹ НБ-I и II,² нижние слои Тамоштепа³, ЯЗ-II⁴, Афрасиаб⁵, Кызыл-тепа⁶. Наши формы венчиков встречаются наиболее редко, и сопоставить их с каким-либо известным памятником затруднительно.

Хумчи однотипны с клювовидным или подтреугольным размером венчика, диаметр от 25—35 см до 45. Поверхность этих сосудов чаще светло-серая, реже розового цвета. Имеются также и фрагменты придонной части с характерным выступающим ребром. Эти формы наиболее устойчивы (рис. 3, 1—7). Они встречаются на разных памятниках, датированных от XIII—VII до IV в. до н. э.

Кубки и бокалы представлены фрагментами стенок и донцев с характерным ребром, плоским поддоном и изгибом в середине тулова (рис. 3, 8—10).

Керамика нижнего слоя представлена в основном стенками сосудов. Среди них имеется фрагмент венчика хума подпрямоугольного в сечении, светло-ангобированный. В одном экземпляре венчик с суживающейся закраиной, красно-ангобированный, в изломе розовый, диаметр—35—50 см.

Фрагмент хумчи с навесовидным или Г-образным разрезом венчика, с выступающим нижним наружным краем. Близок по форме к кувшинам. Миска с вертикально верхним и опущенным нижним краем, близка к подтреугольному размеру венчика, красного в изломе, со светлой поверхностью. Диаметр—17 см.

Фрагмент кубка или бокала. Венчик округлый, прямой, поверхность розовая. Диаметр—25 см. Имеется фрагмент нижней части кубка с плоским дном диаметром 15 см (рис. 3, 14—15). По стратиграфическому расположению эти формы керамики являются более ранними, но точно их датировать пока затруднительно. Возможно, они относятся к VII в. до н. э., так как встречаются стенки кувшинов гончарной формовки, близкие к мулаллинской и джаркутанской керамике.

Пряслице, найденное у прохода помещения № 2, имеет биконическую форму, с двумя прорезанными желобками на поверхности.

¹ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кободян) //МИА.— 1953.— № 37.— С. 280.

² Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Бальдо-Тепа //МКТ.— Вып.— Душанбе, 1981; Она же. Древние и средневековые каналы Вахшской долины //СНВ.— Вып. X.— М., 1971.— С. 51.

³ Абдуллаев А. Отчет о раскопках Тамоштепа в 1973 г. //АРТ.— Вып. XII (1973).— Душанбе, 1977.— С. 38—40.— Рис. 2.

⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы //МИА.— 1959.— № 73.— С. 204—209.— Табл. 37—52.

⁵ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-1).— Афрасиаб.— Вып. III.— Ташкент, 1974.— С. 46—49.

⁶ Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа.— Автореф. канд. дисс.— Ташкент, 1978.— С. 10.

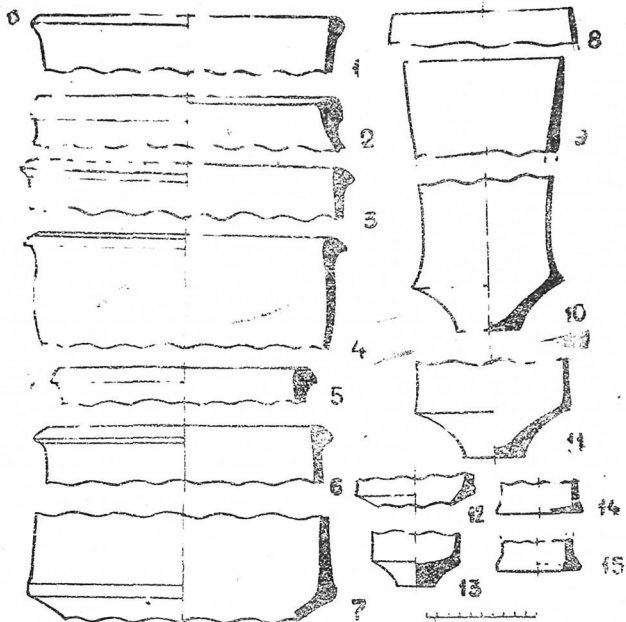

Рис. 3. Байтудашт IV; 1—6 — хумчи; 7 — донца хумчей; 8—11 — кубки; 12—15 — донца кубков и бокалов

Бронзовая проволока, округлая в сечении, с несомкнутыми округлыми концами. Возможно, это браслет.

На полу помещения собрано большое количество фрагментов кожи, не дающих какую-либо форму одежды или предметов быта. По всей вероятности, это был коврик, растеленный у прямоугольного очага.

Стекланный сосуд, найденный над суфой у южной стены, миниатюрный, шаровидной формы с высокой узкой горловиной. Венчик плоский, со слегка выступающим наружу ребром. Дно плоское, устойчивое. По тулову идет орнамент в виде вмятинок круглой формы в два яруса.

Сердоликовая бусина найдена в помещении № 1 на полу, четырехгранной биконической формы с каналом, сделанным двухсторонним сверлением.

Керамический материал верхнего слоя по своему облику может быть датирован VI—V вв. до н. э., но и эта дата пока ориентировочна. О датировке нижнего слоя пока трудно сказать что-либо определенное.

Храмовые постройки на территории Средней Азии древнебактрийской эпохи очень мало известны, поэтому очень трудно воспроизвести планировку храмов огня этого периода. Если обратиться к планировке и структуре храмовых построек Средней Азии, Афганистана и Ирана, начиная от эпохи бронзы до раннего средневековья, то вырисовывается несколько линий развития архитектурных планировок храмовых комплексов.

Выделяются три крупных группы круглой, открытой и прямоугольной форм. Каждый тип, в свою очередь, охватывает несколько подтипов и вариантов. К храмам с круглой планировкой можно отнести памятники в Афганистане, Дашли-3 и Ат-чапр 1, 2 в Дашлинском оазисе и Кутлугтепа в Фарухобадском оазисе, относящиеся к эпохе бронзы и Ахеменидскому времени⁷. Для них характерны круглый центральный двор, застроенный прямоугольными зданиями и отдельными помещениями с трехступенчатым алтарем, помещенным у стены одного из помещений, и круглый обводной коридор (Кутлугтепа), подобная планировка наблюдается в Кой-Крылган-Кала в Хорезме⁸.

Храмы открытого типа являются наиболее редкими и малоизученными в Средней Азии. К этой группе могут быть отнесены Пачмаг-тепа в Сурхандарьинской области⁹.

Наиболее распространенными, многочисленными и хорошо изученными являются храмы прямоугольные с обводным коридором. Это Алтын 10 — объект I и II в Афганистане¹⁰, Саксанохур в Пархаре¹¹, Тахти Сайгин в Кабадиане¹² и целый ряд памятников, для которых характерен центральный зал с обводным коридором, айванами и колоннадой.

В архитектурно-планировочном плане храм Байтудашт не находит прямых аналогий со среднеазиатскими храмовыми и дворцовыми постройками.

Необходимо отметить, что храмовые и дворцовые постройки, исследованные в Средней Азии, Парфии и Иране III в. до н. э. и III н. э., имеют иную систему планировки.

Для греко-бактрийских и кушанских культовых и дворцовых построек характерны, во-первых, центральное здание с обводным коридором, и, во-вторых, что наиболее важно, расположение на одной оси входов в центральное здание и коридор. Последнее, как связующая нить, прослеживается на всех трех типах дворцово-храмовых комплексов Средней

⁷ Сариянди В. И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы советско-афганской экспедиции 1969—1974 гг. — М., 1977. — С. 34—37. — Рис. 11, 12; С. 117. — Рис. 55, 56.

⁸ Воробьева М. Г. Археологическое описание памятника Кой-Крылган-Кала. Памятники культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э. — IV в. н. э. // Тр. хор. АЭЭ. — Вып. V. — М., 1967. — С. 22. — Рис. 7.

⁹ Пидяев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северный Бактрии // Древняя Бактрия. — Вып. I. — Л., 1974.

¹⁰ Сариянди В. И. Древние земледельцы Афганистана. — С. 121—127. — Рис. 59—60.

¹¹ Литвинский Б. А., Мухиддинов Х. Античное городище Саксанохур. (Южный Таджикистан) // СА. — 1969. — № 2; Мухиддинов Х. Городище Саксан-Охур // Каталог выставки «Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана». — М., 1983. — С. 30—31.

¹² Пичикян И. Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений. // Информационный бюллетень. — Вып. 12. — М., 1987. — С. 49—62.

Азии, Парфии и Ирана. Их генезис следует искать, как отмечает Г. А. Пугаченкова, «в жилом строительстве. Мировая архитектура дает немало примеров того, как при выработке типологии культовых сооружений за основу принимались уже сложившиеся формы гражданского зодчества, переработанные в соответствии с новым их назначением, где наблюдалась и переработка мотивов греческой архитектуры»¹³.

Храмы огня и известные культовые постройки Ахеменидского периода в Иране, Средней Азии и Индии коренным образом отличаются от храма Байтудашт IV как системой планировки, так и расположением алтаря и формой центрального здания.

Храм огня около Суз (V—IV вв. до н. э.) также имеет обводной коридор. Эта система наблюдается в храме Кух- и -Ходжа — VI—V вв. до н. э., храме Фратадара в Персеполе — III в. до н. э.¹⁴ и храме Канишки Победителя на холме Сурх-Котал, в Баглане¹⁵. Во всех этих храмах Ахеменидского и Кушанского времени неизменно расположение дверных проемов центрального здания и двора на одной оси и в центральной части здания — размещение алтаря.

Принципы построения храма огня, центральное здание и обводной коридор характерны и для буддийских храмов Средней Азии. Б. Я. Ставиский, рассматривая вопросы возникновения буддийской архитектуры, полагал, что она возникла в (Бактрии-Тохаристане) в кушанское время¹⁶. Б. А. Литвинский считает, что генезис буддийской планировки индо-буддийских и зороастрийских архитектурных идей мог быть усвоен буддийской архитектурой¹⁷. Принципы застройки храмов огня были заимствованы буддийскими архитекторами для постройки буддийских храмов как наиболее оригинальная архитектурная композиция, приемлемая для Бактрийского мира.

Исходя из вышеприведенных частичных аналогий, можно заметить, что храм Байтудашт IV имеет своеобразную планировку, отличающуюся коренным образом от храмовых построек Средней Азии, Ирана и Парфии. Вероятно, храм Байтудашт — это местный древний бактрийский храм огня, новый тип в системе архитектурно-храмовых комплексов. Возможно, он является одним из ранних или периферийных типов храмовых построек.

¹³ Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии //ВДИ.— 1973.— № 3.— С. 121—131.

¹⁴ Пичикян И. Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений.— С. 53.

¹⁵ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры.— М., 1977.— С. 178.

¹⁶ Там же.— С. 200.

¹⁷ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе.— М., 1979.— С. 145.

РАСКОПКИ ТАХТИКУБАДСКОГО ОТРЯДА ЮТАЭ В 1985 г. (ФАСАД ХРАМА ОКСА)

В задачи раскопчного сезона Тахтикубадского отряда в 1985 г. вошло раскрытие фасада храма Окса, точнее, его северо-восточного угла¹. Это предполагало большие земляные работы по снятию натечно-надувных слоев в северо-восточном участке площади 8×12 м. Эта задача была выполнена. Севернее храма, как и предполагалось, исходя из строгой симметрии планировочной композиции храма Окса, северо-восточный угол храма — зеркальное отражение юго-восточного и, соответственно, был фланкирован башней (№ 2), перед которой стоял алтарь (№ 2) — все это симметрично башне (№ 1) и алтарю (№ 1), открытым в юго-восточном углу в 1984 г.

Северо-восточная башня № 2 (раскоп Р. М. Юсупова, А. П. Керзум) служила продолжением стен коридора № 5 храма Окса. Первоначальные стены (северная и южная), продолжавшие стены коридора № 5, выступали с восточного фасада храма на длину около 6 м. Затем они сворачивали навстречу друг другу и образовывали его восточную стену с дверным проемом, обращенным на восток в сторону алтаря на площади. Первоначальные стены башни № 2 шириной около 3 м были сложены из кирпича $50 \times 50 \times 14$ см. От них сохранился всего один ряд кирпичей, врезанных в материк. Вход в башню, обращенный на восток, как и в башне № 1, показывает, что башни не несли оборонительных функций, а находящиеся в них хумы указывают на их связь с алтарной литературой, в которой они служили приалтарными хранилищами. От первого строительного периода квадратной башни сохранился юго-восточный угол, состоящий из сложенных впереплет и подходящих друг к другу под прямым углом южной и восточной стен. Ширина восточного отрезка — 2,7 м. Это близко к расчетной ширине стен храма — около 3 м. Кирпичи $50 \times 50 \times 14$ см по тесту, консистенции и цвету и по размерам полностью соответствуют стенам храма первого строительного периода. Однако тут мы впервые при раскопках храма встречаемся с практически полным уничтожением (сносением) строительных конструкций I строительного периода. Тем не менее ясна планировка «башни», а вместе с ней всего храма в целом. При подрезке материка платформы в северо-восточном углу был оставлен скальный останец 3×3 м, обстроенный со всех сторон стенами из сырцовых кирпичей 50×50 см. Материковая подрезка в ядре башни № 2 на 0,5 м выше, чем на большей площади перед храмом. Следовательно, перед выходом из башни в центре с восточной стороны должна была быть сооружена лестница, по крайней мере, из двух ступеней, следы которой не сохранились. Материковая подрезка

¹ Руководитель экспедиции академик АН Таджикистана Б. А. Литвинский, нач. отряда — И. Р. Пичикян. Начальники раскопок: А. П. Керзум, Н. В. Турлыгин, Р. М. Юсупов — сотрудники Института истории им. А. Дониша, И. Г. Узянова, (ГМИНВ), О. М. Никитина; архитекторы отряда Е. Куркина, Н. Талбакова, художники: А. П. Кузьмина, Д. М. Курзум, фотограф В. Иващенко. Им — раскопщикам, студентам-практикантам ТГУ им. В. И. Ленина — М. Амосову, О. Артемову, рабочему, постоянному участнику раскопок, А. К. Гафурову, сотрудникам ИВ АН СССР: А. М. Кабанову, С. А. Узянову, Т. В. Гармаш, А. А. Королевой, С. В. Кирюхиной, Н. Н. Агаповой, а также группе студентов Тульского Политехнического института, пользуясь случаем, приношу самую глубокую благодарность.

в ядре башни № 2 сохранила обмазку материка мощностью в 1 см (по реперу — 50—49 см). Находок, датирующих этот пол, не было.

Второй период связан с возведением монументального алтаря из известняковых, тщательно пригнанных друг к другу блоков высотой 67—68 см и общими размерами около 3 м в стороне. Алтарь был возведен на расстоянии около 2 м восточнее башни и стоял, несомненно, на месте своего более древнего предшественника на культурном слое мощностью до 18 см, состоящем из перегнивших органических остатков с включением большого количества костей жертвенных животных (мелкий рогатый скот), кусков обожженной глины, обломков прокаленного красно-желтого кирпича (остатки жертвенника предшествующего периода). По палеографическим данным букв древнегреческого алфавита на алтарях (№ 1 и 2) этот период должен быть датирован концом III — первой половиной II в. до н. э.²

Третий период связан с разрушением и трехкратным восстановлением разрушенной кирпичной (50×50×14 см) башни № 2 в виде установки на ее месте сырцовых стен на высоком каменном цоколе, в целом повторяющем планировку первоначальной башни. При этом башня I строительного периода, который датируется концом IV—III вв. до н. э., была скрыта почти полностью до материка. История башни III строительного периода, представленная каменным цоколем, сохранившимся на 1 м в высоту над материком, в свою очередь подразделяется на три строительных этапа. Все они датируются поздне-греко-бактрийским — раннеюзк-ийским периодами.

К одному из этапов третьего строительного периода относится вторичная подчистка материка и возведение стены на каменном цоколе севернее алтаря почти вплитык и параллельно с его северным фасадом. Этой стеной на 7 м была отгорожена с юга северная часть площади. Аналогичная каменная стена открыта за южным фасадом алтаря № 1. Этот период, как и последующие, представляет сложность для его подробной датировки. Ясно, однако, что многочисленные разрушения и восстановления, начатые еще во II в. до н. э., совпадают с падением греко-бактрийского царства и восстановлением уже на новой основе с новым кирпичным стандартом старой планировки, еще известной этим строителям — «реставраторам».

Следующие периоды строительства IV и V, сменяющие друг друга, относятся ко времени предшественников Канишки и выделяются унифицированностью кирпичного стандарта.

В VI строительный период, связываемый нами с периодом Канишки, башня № 1 перестает существовать, стратиграфический уровень 0 м по реперу соответствует верхней площадке алтаря. Жизнь, протекающая на этом стратиграфическом уровне, была связана с сильными перестройками и образованием над переставшим существовать алтарем и башней вытянутого надалтарного помещения, связанного с северным комплексом кушанских построек, с севера и юга приставленных к мощной северной стене ограде культового комплекса храма Окса, публикация которого будет осуществлена специально после полного его раскрытия А. П. Керзумом. VI строительный период выделяется применением алебастрового раствора, белой штукатурки, покрывающей стены, устройством лоханей, цистерн, наличием большого количества монет в слое и монетных кладов.

² Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян П. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии //ВДИ.— 1985.— № 4.— С. 100—101.— Рис. 6.

Последующие седьмой—девятый строительные периоды перекрыты громадными ямами второй половины IV в. н. э. с большим количеством характерной керамики с красным и сетчатым лощением, ойнохоевидными кубшинками, кружками и веретенообразными пухлыми сосудиками для благовоний.

Остановимся наиболее подробно на двух самых важных результатах раскопочного сезона, каждый из которых требует специального освещения; это, во-первых, монументальные каменные алтари, во-вторых, планировка храма Окса в ее завершенном виде.

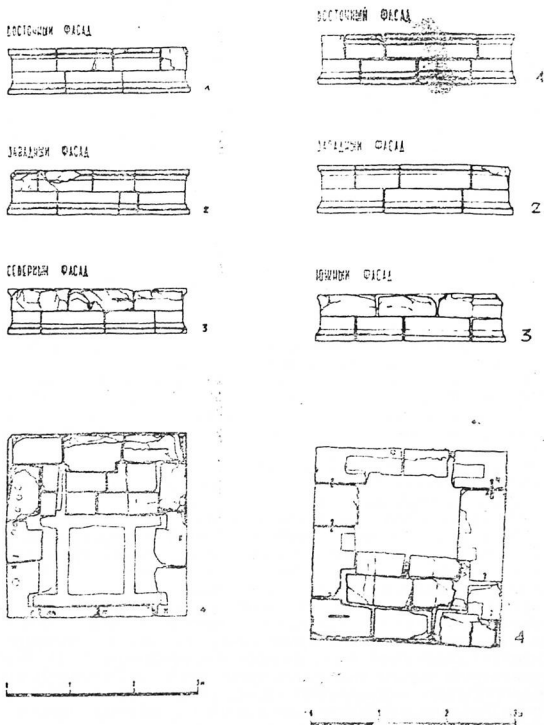

Рис. 1. Алтарь № 1: 1) восточный фасад; 2) западный фасад; 3) северный фасад; 4) план алтаря

Рис. 2. Алтарь № 2: 1) восточный фасад; 2) западный фасад; 3) южный фасад; 4) план алтаря

Алтарь № 2, открытый восточнее башни № 2 на расстоянии 2,06 м, совершенно идентичный по размерам и конструкциям алтарю № 1 (рис. 1), открытому в 1984 г. в юго-западном углу большой площади, был чрезвычайно монументальным. В плане он почти квадратной формы 2,86×2,75 м и высотой 67—68 см. Сверху и снизу алтарь украшен полочками по 6 см высотой, затем сверху идет выкружка — 7 см, снизу обратный каблучок — высотой 8,6 см. Центральная часть алтаря гладкая, высотой 36 см. Алтарь сложен из двух положенных друг на друга рядов блоков мелкозернистого мраморовидного известняка местных каменоломен по высоте приблизительно равных 34 см, по длине колеблющихся от 50 до 96 см, от 45 до 99 см (рис. 2).

На верхних поверхностях блоков алтаря нанесены метки каменотесов в виде букв древнегреческого алфавита. Отчетливо различимы на алтаре № 2 всего три буквы: «тета», «нота», «ню». Остатки еще одной буквы «каппа» едва различимы (камень раскрошился).

Идеальная сохранность алтарей и перед храмом Окса, так же, как и других миниатюрных и монументальных алтарей, открытых в этом храме, позволяет вписать в историю античной архитектуры эллинистического мира одну из ярких и достоверных картин. За всю историю отечественной античной археологии было издано несколько фрагментированных алтарей, найденных в Северном Причерноморье³ и лишь один монументальный алтарь был открыт в результате раскопок священного участка в Ольвии⁴.

Публикуемые, несомненно, греческие алтари храма Окса принадлежат еще более отдаленной, самой восточной окраине расселения греков — Северной Бактрии. Они представляют еще больший интерес, как первое свидетельство греческой строительной практики в Средней Азии.

Сопоставительный анализ профилировки алтарей привел к выводу о необходимости поисков аналогичных алтарей в Ионии и ионийской континентальной Греции, которые сильно отличаются от дорических алтарей с их триглифо-метопным оформлением⁵. К сожалению, типологии малоазиатских алтарей нет, они вообще не приводятся в специальной работе по архитектуре Ионии из-за их плохой сохранности⁶. Редко они представлены фундаментами и одним или несколькими фрагментами алтарных обрамлений. Вследствие этого алтари чаще всего упоминаются, но не иллюстрируются.

Самой лучшей сохранности до нас дошли колоссальные платформы алтарей Малой Азии IV—II вв. до н. э. Это алтарь Афины Полии в Приене, построенный архитектором Пифием и посвященный Александром Македонским Афине (13,20×7,12 м)⁷. По размерам открытые тахтисангинские алтари значительно уступают и колоссальным платформам алтарей

³ Пичикян И. Р. Алтарь Пасиана в Херсонесе //СА.—1976.— № 3.— С. 248.

⁴ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского темноса.— Ольвия. Темнос и агора.— М.; Л., 1964.— С. 73—102.

⁵ Durm J. Die Baukunst der Griechen.— Handbuch der Architektur. Bd. I.— Leipzig, 1910.— 440—441.

⁶ Akurgal E. Ancient civilisations and ruins of Turkey.— Istanbul, 1969.

⁷ Guarducci M. Epigrafia Greca.— Vol. I.— Roma, 1967.— P. 370.— Fig. 195; Yavis C. G. Greek Altars. Origins and Typology (An Archaeological Study in the History of Religion).— Sant Louis, 1949.— P. 198—199, 250.— § 74, 5.

Малой Азии III — начала II в. до н. э.: алтарь знаменитого святилища Асклепия на о. Косе (11,78×7,83 м)⁸, алтарь храма Артемиды Левкоприсны в Магнесии (23,15×15,8)⁹, гигантский пергамский алтарь (34,7×34,6 м)¹⁰. Однако не следует путать платформы с собственно алтарями. Так, тахтисангинские алтари по монументальности превосходят «исремонциальные» алтари общегреческих святынь и могут быть поставлены в один ряд с алтарями V—III вв. до н. э. Афин перед культовой статуей на Акрополе (2×1,5 м)¹¹, алтарь Афродиты и Харит на Акрополе (1,638×1,452 м), Агоры — (2,16×0,96 м)¹²; Делоса (алтарь храма Геры — 2,22×1,36)¹³ и Агоры (2,95×1,46 м)¹⁴, алтарь в Олимпии (2,45×1,48 и 2,77×2,25 м)¹⁵. Значительно более близки по пропорциям тахтисангинским алтарям алтари «недетерминированного» типа по К. Джевису IV—III в. до н. э.: Додекатейона на Делосе (4,65×3 м)¹⁶, Кастораки (3,4×2,4)¹⁷, Зевса Олимпийского в Приене (3,8×3,2 м)¹⁸. Профилированные части всех приведенных алтарей, в том числе и монументальных постаментов показывают большое сходство в наборе архитектурных обломов профиля с тахтисангинскими. В Малой Азии, правда, профили часто моделированы орнаментальными мотивами. Однако это различие связано с материалом: в Ионии — это чаще всего мрамор, в храме Окса — мелкозернистый белый известняк местных каменоломен.

Вопрос датировки тахтисангинских алтарей основывается на трех показателях: стратиграфии (не позже середины II в. до н. э.); форме букв, нанесенных на верхние плоскости алтарей (они выглядят несколько более ранними, чем votивная надпись на недавно опубликованном миниатюрном алтарике), т. е. должны быть датированы концом III — первой половиной II в. до н. э.¹⁹, форме алтарей, относящихся, судя по приведенным аналогиям, к раннеэллинистическому времени. Находка совершенно целых алтарей малоазиатского типа в Средней Азии представляет чрезвычайный интерес для всей истории античной архитектуры в целом, так как публикуемые алтари служат образцами прекрасно сохранившихся форм.

Центральноазиатские параллели тахтисангинским алтарям отсутствуют. С ними лишь сопоставимы поздние алтарные постаменты, открытые в храме «Диоскуров» в Дильберджине и храмах «А» и «Б» в Сурх Котале. Поскольку эти постаменты не имеют профилировки, сопоставление может быть произведено только по размерам и сходному назначению.

В каменную кладку постамента алтаря в Дильберджине были, как отмечает И. Т. Кругликова, включены профилированные блоки более древнего алтаря, обращенные профилированной частью внутрь кладки. Одна-

⁸ Yavis C. G. Op. cit.— P. 197, 250.— § 74, 2.

⁹ Ibid.— P. 197, 250.— § 74, 3.

¹⁰ Ibid.— P. 197—198, 250.— § 74, 4; Schmidt E. Der Grossealtar zu Pergamon.— Leipzig, 1961.— S. 8, 17, Abb. 3, Bildtaf. 4.

¹¹ Yavis C. G. Op. cit.— P. 178, 246.— § 69, 1.

¹² Ibid.— P. 178, 246.— § 69, 2, 3a.

¹³ Ibid.— P. 179, 246.— § 69, 6.

¹⁴ Ibid.— P. 179, 246.— § 69, 7, 8.

¹⁵ Ibid.— P. 180, 181, 246.— § 69, 12, 13.

¹⁶ Ibid.— P. 192—193, 249.— § 73, 5.

¹⁷ Ibid.— P. 193—194, 249.— § 73, 11.

¹⁸ Ibid.— P. 194, 249.— § 73, 15.

¹⁹ Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.

Указ. соч.

ко и их профилировка выглядит тоже достаточно поздней²⁰. Постамент, открытый на позднем этапе функционирования храма в Дильберджине, лишь незначительно уступает в размерах тахтисангинским алтарям (его размеры: 2,47×2,48 м, высота — 0,6 м). Некоторые датирующие данные, сообщенные исследователем: стандарт кирпичей сырцового пола, на котором стоял алтарь, 36×36×11 см; 37×37×10; 37×37×11; 35×35×11; 38×38×12 см, а также метки мастера на кирпичах в виде двух параллельных линий, позволяют сделать вывод о кушанском времени возведения алтаря. В пользу этого говорит и сходство алтарных постаментов храма Диоскуров (этого позднего периода) с аналогичным памятником в центре храма «А» в Сурх Котале.

В храме «А» Сурх Котала сохранился наиболее монументальный постамент алтаря в центральноазиатском регионе: длина сторон — 4,7 м, высота — 0,9 м. В храме «В» Сурх Котала — значительно меньший по величине: длина сторон — 1,52 м, высота — 1,52 м²¹. Датировка храма «А» в Сурх Котале, связанная с дискуссией эрой Канишки, во всех случаях говорит о том, что тахтисангинские алтари как минимум на три столетия предшествуют аналогичным сооружениям в храмах Диоскуров в Дильберджине и Сурх Котале.

Значительно более крупным вкладом в историю древней архитектуры будет введение в научный обиход плана самого храма Окса — наиболее совершенного по композиционному решению из всех известных храмов восточного типа. Кроме того, он, в отличие от остальных, полностью раскопан и вследствие этого наиболее достоверен, а также храм Окса — самой лучшей сохранности.

Внутренняя планировка храма Окса, состоящая из чередования мощных (около 3 м) стен и равных им по ширине длинных коридоров, при высоте стен, сохранившихся до 55 м, — создает впечатление необычайной монументальности.

В плане храм Окса обращен на восток прямоугольниками «крыльев» — это айван и примыкающие к нему комплексы приаиванных помещений, корпус в центре позади крыльев — квадратик — комплекс центрального зала с обводными Г-образными коридорами. Ядром храма был центральный четырехколонный зал с алтарем, жертвенными площадками. Стороны центрального зала близки 12 м, общая площадь — 144 м².

Центральный вход из четырехколонного зала обращен на восток и выходит в восьмиколонный айван. Два других монументальных дверных проема и центрального зала на севере и юге (все проемы шириной и глубиной около 3 м) ведут в Г-образные обводные коридоры, состоящие из короткого (на севере и юге по 12 м длиной) и длинного (на западе) отрезков (рис. 3).

В целом ядро храма, состоящее из центрального зала и двух, охватывающих его обводных коридоров по внешнему замкнутому периметру представляет собой в плане квадрат со сторонами, близкими 32×32 м. К этому квадрату с востока примыкает смежный с ним вытянутый с се-

²⁰ Кругликова И. Т. Дильберджин. Раскопки 1970—1972 гг. — Ч. I. — М., 1974. — С. 28—29. — Рис. 20—22.

²¹ Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane. — Vol. I. — Les Temples: architecture, sculpture, inscriptions // MDAFA. — Т. XXV. — 1983. — P. 24, Pl. 10 (24, 25), 13 (30—31); Fussman G. Surkh Kotal. Tempel der Kuschan. — Zeit in Baktrien — München, 1983. (MAVA. Bd. 19). — S. 7, 29—30, Abb. 3, 6; Fussman G. Op. cit. — S. 47, Abb. 20.

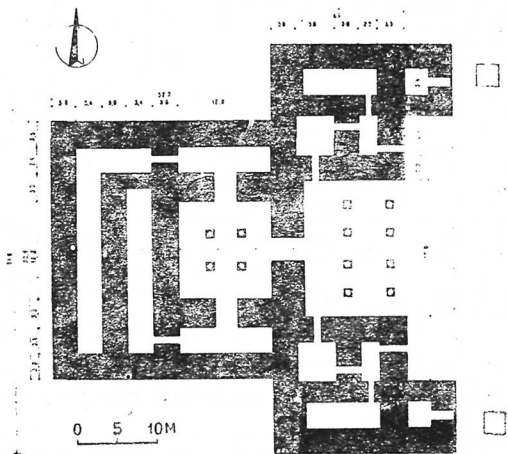

Рис. 3. План храма Окса

вера на юг прямоугольник, составленный из трех квадратов 17×17 м, в целом 51×17 м. Центральным квадратом этого прямоугольника был восьмиколонный айван, с севера и юга квадраты — комплексы приайванных помещений. Внутренняя планировка этих квадратов совершенно зеркальна по отношению друг к другу: в каждом из квадратов помещено по коридору ($9,5 \times 3$ м), приалтарному ($5,5 \times 2,5$ м) и алтарному ($5,4—5,5 \times 5,2—5,3$ м) помещению — атешгаха — насквозь прокаленному хранилищу вечного «царского» огня. Все помещения соединены между собой дверными проемами (около 1,2 м): алтарное с айваном и приалтарным помещением, приалтарное с коридором и выходом наружу в сторону площади. С крайних сторон, с фасадов к каждому из коридоров примыкают башнеобразные сооружения с внутренними помещениями около 3×3 м, образованные продолжением стен коридоров на восток. Однако выход этих башен обращен в противоположную коридорам сторону, к площади. Общая ширина храма по фасаду, как говорилось выше, 51 м. Она равна длине храма — 51 м ($32+9,5+3,5+6$ м).

Таков в самых общих чертах реконструированный нами первоначальный проект храма Окса, по которому строился храм. В настоящее время с внешних сторон он открыт неполностью, поэтому некоторые коррективы приведенных параметров, быть может, будут внесены при последующих раскопках. В процессе строительства первые отступления от «генерального» плана были внесены в проект практиками-строителями: был незначительно укорочен айван, несколько расширен и укорочен центральный четырехколонный зал, другие отступления, связанные с утоньшением отдельных внутренних стен от стандарта 3 м, менее существенны.

Планировка храма Окса, несомненно, относится к ахеменидским типам храма огня. Для этого типа храмов характерны: ядро — четырехколонный зал, окруженный обводными коридорами. Различия заметны в количестве дверных проемов, их местоположении, в соединяемости между собой и количестве обводных коридоров, обрамляющих целлу храма с боковых и торцовой сторон, наличие простазиса-адитона, пронаоса — помещения между целлой-наосом и айваном, местоположении атешгаха, и других строительно-планировочных и функциональных вариантах, единого по планировочному замыслу построения восточных храмов огня ахеменидского и постахеменидского периодов.

Храму Окса близки по планировочному решению более ранние ахеменидские храмы Кух-и Ходжа (VI—V вв.) и Суз (V—IV вв.)²², а также более поздний храм в северо-восточной части Дильберджина²³, в настоящее время до конца не раскопанный.

Еще более близок по композиции храму Окса храм огня, так называемый храм Фратадара, на нижней террасе Персеполя, открытый Э. Херцфельдом в 1923 и 1932 и дообследованной Э. Ф. Шмидтом в 1935—1939 гг.²⁴ Однако храм Фратадара в Персеполе — этот ключевой памятник ахеменидской архитектуры, предельно сложен для интерпретации из-за плохого качества и незавершенности раскопок, непонятной и неполностью выявленной планировки, хронологической и атрибуционной путаницы, усугубленной произволом ряда издателей (А. Годаром и К. Эрмманом)²⁵. Сходство храма Фратадара с храмом Окса проясняет принцип планировочного решения: 1) по плану Э. Херцфельда — Э. Ф. Шмидта, западный коридор вообще не связан с храмом Фратадара, что маловероятно; при исследовании мог быть снят заклад дверного проема и тем самым образовалась бы Г-образное продолжение и к южному и к северному обводному коридору с запада. Вероятнее всего, мы имеем здесь дело с двумя заходящими друг за друга на западе обводными коридорами или одним сомкнутым. К. Шиппманн уже высказывал предположение о связи боковых коридоров с западным²⁶; 2) северные приайванные помещения в Персеполе не раскопаны. Тем не менее уже самое начало раскопок показало наличие входа, соединяющего их с айваном. Аналогичный дверной проем на юге (из пом. 12) в айван совершенно несомненен — он просто не раскрыт или не показан на плане; 3) вопрос о количестве колонн в айване храма анскдотичен с самого своего возникновения: в прямоугольном айване (пом. 1) было 8 колонн, а А. Годар и вслед за ним К. Эрмманн дают 4. Дело в том, что Э. Ф. Шмидт заявил, что подобные трехступенчатые торовидные базы колонн первого ряда не

²² Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer.— В.— N.-Y., 1971.— S. 177—185, Abb.83.

²³ Кругликова И. Т. Дильберджин. Раскопки 1970—1972 гг.— Ч. I. С. 16. Перекрытия пролетов в 11-метровой целле, как показывают аналогии, должны опираться на четыре колонны. Базы или их следы будут открыты при доследовании этого храма.

²⁴ Herzfeld E. Reisebericht.— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Vol. 80, 1926, S. 249; E. Herzfeld. Recent Discoveries at Persepolis.— Journal of the Royal Asiatic Society, 1934.— P. 232; Schmidt E. F. Persepolis.— T. I.— Chicago.— P. 56; Schippmann K. Op. cit.— S. 177—185, Abb. 2.

²⁵ Godard A. L'Art de Iran.— P., 1962.— Pl. 156; Erdmann K. Das Iranische Feuerheiligtum.— Leipzig, 1941.— S. 29—32, Abb. 5.

²⁶ Schippmann K. Op. cit.— S. 184.

характерны для террасы Персеполя — они пасаргадского типа²⁷. Это привело к удивительно конструктивному решению: вместо того, чтобы обсудить хронологию этого совершенно определенного архитектурного сочетания А. Годар просто вычеркнул их из плана.

Эти трехступенчатые базы, действительно, служат ключом к хронологической проблематике храма Фратадара. Не вдаваясь в подробности, требующие специального рассмотрения, отмечу, что они могли быть как пасаргадского, так и айханумского типа в зависимости от того, был ли тор выбит отдельно от постамента (V—IV вв.) или вместе с ним (III—II вв. до н. э.). К. Шиппманн в каталоге указал господствующее ныне мнение о датировке храма Фратадара²⁸. Мнение это основано на рельефах, найденных не в оконном, а дверном проеме, и, кроме того, совершенно в другом здании. При всем при этом храм, по-видимому, датирован правильно — началом III в. до н. э., хотя не исключена и более ранняя дата, предложенная Г. Франковичем, — период Дария I²⁹.

В атрибуции храма как храма огня у исследователей нет сомнения. В заключение следует присоединиться к мнению К. Шиппманна, что «для прояснения всех этих вопросов крайне желательно повторное раскопочное исследование для уточнения назначения и взаимосвязи помещений этого большого комплекса.»³⁰

Датировка храма Окса определяется на основании строительных конструкций: кирпич (50×50×14 см), базы со съёмными торами более ранние, чем в Ай Ханум (III в. до н. э.), ионийская капитель конца IV — самого начала III в. Анализ стратиграфии всего комплекса находок (и в первую очередь скульптуры из необожженной глины местного производства) подкрепляет датировку храма Окса концом IV — началом III в. до н. э., как дату окончания строительства и оформления интерьеров храма. Постройка могла быть осуществлена архитектором, мыслящим в традициях восточной архитектуры, и соответствовала строго восточным строительным стандартам. Открытие этого эталонного комплекса представляет чрезвычайный интерес для расширения и уточнения разнообразных культурно-исторических аспектов археологии Средней Азии и Восточного Ирана ахеменидского и греко-бактрийского периодов.

²⁷ Ibid.— S. 183.

²⁸ Schippmann K. Op. cit.— S. 496.

²⁹ Francovich G. Problems of Achaemenid Architecture.— East and West.— Vol. 16, 1966.— P. 201.

³⁰ Schippmann K. Op. cit.— S. 183—184.

О РАБОТЕ РОГУНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОТРЯДА В 1985 г.

В отчетном периоде Рогунский археологический хоздоговорной отряд¹ проводил археологические работы на трех памятниках: Калаи Шохон, на цитадели городища Дарбанд и на могильнике Гури-Казакон.

Калаи Шохон. Замок расположен в 200 м северо-восточнее кишлака Магзори Сир, на краю второй надпойменной террасы реки Сурхоб. Впервые Калаи Шохон был исследован А. М. Мандельштамом². Памятник прямоугольной формы, вытянут с севера на юг на 34 м и с запада на восток — на 27 м. С трех сторон (западной, восточной и южной) обнесен стенами, которые сложены из камня и глины, и сохранились в виде вала, ширина которого 2,5—3 м, высота — до 2-х м. В северной части замка стена отсутствует, так как эта часть примыкает к обрыву. По всем четырем углам расположены квадратной формы башни, размер которых 4×4 м. Вход в замок находился в северо-западном углу. Самая высокая часть замка — северо-восточная, здесь был заложен шурф 3×3 м. Шурф попал в помещение 1 (рис. 1).

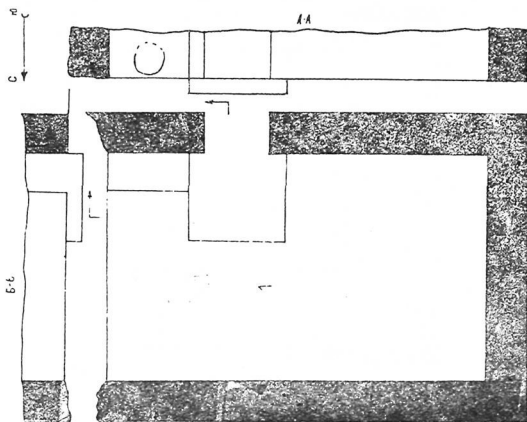

Рис. 1. Калаи Шохон.
План и разрезы поме-
щения № 1

¹ В работе отряда принимали участие: М. М. Муллокандов — нач. отряда, А. Л. Абдуллаев — м. н. с. сектора археологии, И. А. Маслов — ст. лаборант, В. И. Скачков — художник, 10 маршрутных рабочих.

² Мандельштам А. М. О работах Каратегинского отряда в 1955 г. // АРТ. — Вып. III. — 1956. — С. 87—92.

Помещение 1 — прямоугольное, вытянутое с запада на восток на 6×6 м, с севера на юг — на 4 м. Оно примыкает к оборонительной стене, которая является восточной стеной помещения. Стены помещения плохого качества, сложены из глины со значительной примесью мелкого щебня и золы, обмазаны ровным слоем штукатурки с примесью из глины светложелтого цвета, поверхность ровная, толщина штукатурки — 2 см. Стены толщиной 70 см, сохранились на высоту 0,8—1 м. Вход в помещение в южной стене, он смещен к востоку, его ширина — 1,1 м. Вход в помещение оформлен углубленной квадратной площадкой, размер её 1,65×1,65 м, глубина от уровня пола — 25 см. Пол в помещении поднят в виде большой суфы, обмазана так же, как и стены штукатуркой из глины, светложелтого цвета. В юго-восточном углу помещения 1, к южной стене, пристроена стена, длина которой — 1,36 м, ширина — 0,7 м. В стене был расчищен очаг с боковым топочным отверстием. Отверстие овальной формы, диаметр — 52 см, края оформлены ровными, наклонными вглубь бортиками, ширина которых — 12 см. Верхняя часть очага не сохранилась, но, по-видимому, она была открытой. Внутренняя часть очага полукруглая, заполнена золой и пеплом. Во время расчистки пола помещения было обнаружено около 30 фрагментов лепной керамики плохого качества, по которым датировать памятник невозможно.

Планировочная схема и внутренний облик помещения 1 имеют аналоги в Южном Казахстане на Отраре³. Отрарские жилища имеют, как

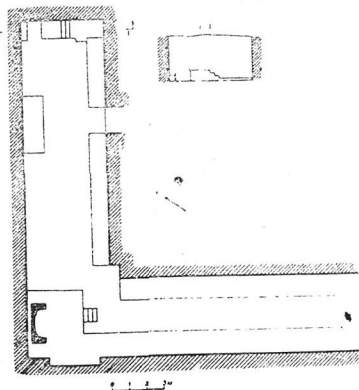

Рис. 2. Дарбанд. План и разрез помещения № 1

³ Ермакович Л. Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII—XVIII вв. // Средневековая культура Казахстана и Средней Азии.— Алма-Ата, 1983.— С. 85.— Рис. 72—4; Егорова Н. П. Жилые дома Отрара XIV—XVII вв. // Национальное своеобразие зодчества народов СССР.— М., 1972.— С. 92.— Рис. 2.

правило, один-два очага-танура и дымоход, встроенный в стену. Помещение 1 Калаи Шохон имеет, как отмечалось выше, один очаг с боковым топочным отверстием, эта деталь нетипична для Отрара, но в остальном помещение 1 повторяет композиционно-планировочные схемы жилищ Отрара XVI—XVII вв.

Цитадель городища Дарбанд. В отчетном периоде были продолжены работы на цитадели городища Дарбанд. Раскопки велись в восточной части помещения 1. В результате работ помещение вскрыто полностью (рис. 2).

В 1984 г. в южной стене, в 12,05 м от западной стены, был полностью расчищен проход в помещение 2. Ширина проема — 1,5 м, он оформлен порогом, сложенным из пахсы и обмазанным ровным слоем штукатурки, со следами ремонта, толщина штукатурки — 4 см, высота порога от уровня пола — 20 см. Завал прохода плотный, сильно утрамбованный, состоял из больших кусков пахсы и битого кирпича-сырца, красного цвета. Длина прохода — 2 м. Напротив прохода в помещении 2, к северной стене была пристроена суфа, сложенная из кирпича-сырца и обмазанная глино-саманной штукатуркой. Она расположена на расстоянии 8,15 м от суфы «каён», длина её — 3,3 м, ширина — 1,26 м, высота от уровня пола — 25—30 см.

Вдоль южной стены расчищены суфы, разделённые проходом в помещении 2. Длина суф — 7,6 м и 5 м, ширина их — 1,2 м. Они сложены из кирпича-сырца и в центре заполнены утрамбованным строительным мусором: кусками пахсы, битым кирпичом-сырцом, и обмазаны глино-саманной штукатуркой. Высота суфы в западной части — 35—40 см, в восточной — 25—30 см.

В северо-восточном углу помещения 1 был расчищен очаг, представляющий собой аркообразную нишу. Стены очага сложены из кирпича-сырца и обмазаны толстым слоем штукатурки. Северная стена очага сохранилась на высоту 0,65 м, южная — на 0,75 м. Ширина северной стенки очага — 30 см, она расширяется книзу, длина — 1,05 м. Пол очага на 15 см ниже уровня пола помещения. Во время расчистки очага обнаружен слой золы и пепла в 30 см. Стенки очага сильно прокалены, красного цвета. В южном углу к суфе южной стены пристроена невысокая площадка 0,6×0,25 м, высота от уровня пола — 10 см. Она примыкает к платформе, являющейся площадкой сырцовой лестницы, ведшей некогда на второй этаж. Сохранились три сырцовые ступеньки, длина их — 1 м, ширина — 26 см, высота — 20 см. Лестница вела к проходу на второй этаж, который был расчищен над очагом, на высоте 1,8 м от уровня пола помещения, ширина его — 65 см и сохранился на высоту 70 см. Проход на второй этаж встроен в оборонительную стену цитадели.

Помещение 1 возведено из пахсы и кирпича-сырца. Пахса использовалась хорошего качества, без примесей. Кирпич-сырец (размеры: 50—52×25—28×8—12 см) использовался при постройке второго этажа, кладки суф, а также применялся как элемент комбинированной кладки стен: между блоками пахсы пущен вертикальный ряд кирпича-сырца, по-видимому, такой строительный приём обеспечивал эластичность кладки, которая была необходима в условиях сейсмичности. Толщина стен была 2—2,3 м. Они были тщательно оштукатурены глино-саманной штукатуркой.

Во время расчистки завала помещения было встречено большое количество фрагментов бревен-балок, диаметр их — 10—14 см, овального сечения, сохранились в виде трухи. Одна из поперечных балок лежала вдоль суфы у южной стены, сохранившаяся длина её — 1,3 м, диаметр —

14 см, овальной формы. В восточной части помещения 1 в 6,5 м от восточной стены между суфами расчищено место колонны, оно круглой формы, углублено на 10 см от уровня пола, диаметр 40 см. На дно был положен плоский камень.

Исходя из сказанного выше, помещение имело плоское балочное перекрытие дополненное стойками-колоннами. По всей вероятности, в углах, где помещение делает поворот, стояли колонны. Место этих колонн зафиксировано в восточном углу, в специально вырубленной четверти; вторая колонна стояла в углу ниши встроеной западной стенки, напротив первой колонны. Следы колонн прослежены в виде истлевшего дерева и углублением на полу. Похожее плоское перекрытие встречено в помещениях 1 и 2 замка Джумалактепа, но с той разницей, что там обе колонны стояли в угловых, специально вырубленных четверть-нишах, тогда как одна из колонн стояла в углу ниши⁴. Сопоставляя реконструкцию плоского перекрытия помещений 1 и 2 Джумалактепа, предложенную В. А. Нильсеном⁵, реконструкцию помещений 4 и 14 цитадели городища Кафыркала⁶ с помещением 1 Дарбанда, мы пришли к выводу, что последнее имело аналогичное перекрытие. Есть и отличия: в помещениях 4 и 14 Кафыркалы отсутствуют какие-либо колонны, помещение 1 и 2 Джумалактепа имеет две колонны, стоящие по углам четвертей, помещение же 1 Дарбанда в восточной части дополнено колоннами, идущими по центральной оси и поддерживающими несущие потолочные балки, что придает интерьеру элементы парадности.

Теперь обратимся к функциональному назначению помещения 1. Если помещения 4 и 14 цитадели Кафыркалы рассматриваются как Г-образный коридор, связывающий все основные постройки двора, то помещение 1 цитадели Дарбанд, на наш взгляд, имело двойное назначение. Во-первых, помещение 1 служило коридором, связывающим постройки с предполагаемым залом, проход в который расчищен в южной стене. Во-вторых, его назначение, по нашему мнению, идентично функциональному назначению помещений 1 и 2 замка Джумалактепа.

Таким образом, помещение цитадели городища Дарбанд можно предположительно считать аудиенц-залом правителя города. Дальнейшие раскопки цитадели позволят внести коррективы как в планировку помещения, так и в его функциональное назначение.

В отчётном периоде продолжены работы на территории строительства промбазы Комсомолабада. В 1984 г. здесь был заложен шурф 3×8 м. Из-за плохой погоды работы были приостановлены, а в 1985 г. шурф был расширен и доведён до материка. Во время работ в северо-западной части расчищена каменная стена. Длина её — 2,1 м, сохранилась она на высоту 1,1 м, ширина стены уходит за линию раскопа. В 3 м севернее стены расчищена еще одна каменная стена, идущая перпендикулярно первой, образуя угол. Сохранность ее плохая, сложена из больших камней на глиняном растворе, длина — 3,2 м, ширина — 60 см.

Расчищен пол помещения или двора, глубина его от дневной поверхности — 1,2 м. Пол выложен мелким камнем. В 1984—1985 гг. в центре шурфа были расчищены 2 хума, расположенные в 15 см друг от друга. Их диаметр по венчику — 50 см, диаметр тулова — 1,15 см, высота —

⁴ Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии в V—VIII вв.— Ташкент, 1966.— С. 145.— Рис. 52.

⁵ Там же.— С. 143.

⁶ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана.— М., 1985.— С. 27.

1,8 м. Хумы стоят на плоских камнях и вкопаны в пол. Поверхность во-круг хумов желтого цвета, ровная, сильно обгоревшая, ширина слоя жел-того цвета — 30—40 см. Хумы заполнены камнями и глиной.

Завал помещения плотный с большой примесью крупного камня и золы. В завале и на полу встречено большое количество керамики, изго-товленной на гончарном круге.

Хумы. Венчик прямоугольный в сечении, с выступающей частью на-ружу, верхняя площадка уплощена, шейка высокая, четко выраженная. Диаметр по венчику — 32 см. Изготовлен из глины с незначительной при-месью мелкодробленного сланца.

Кувшины. 2 фрагмента верхних частей. Венчик прямоугольный в се-чении с выступающей частью наружу, нижняя закраина выделена в виде козырька, верхняя площадка скруглена. Диаметр по венчику — 12—14 см.

Чаши представлены фрагментами верхних и нижних частей. Можно выделить два типа:

I. Венчик является прямым продолжением стенок, слегка отогнут наружу, верхняя площадка округлена. Стенки чаш утолщаются к донцу, толщина стенок — 0,5—0,9 см.

II. Венчик трехугольный в сечении с выступающей частью наружу, верхняя площадка округлена, внешняя часть венчика оформлена тремя концентрическими желобками, нижняя закраина выделена заостренным валиком в виде «козырька». Диаметр по венчику — 14 см. Толщина сте-нок — 0,3—0,5 см.

Все чаши изготовлены из хорошо отмученной глины. Внутренняя по-верхность у части фрагментов покрыта красным ангобом. Судя по фраг-ментам нижних частей, чаши были плоскодонными и с выделенным под-доном.

Керамический материал из шурфа № 9 и из шурфа № 1 имеет широ-кие аналогии как на юге Таджикистана, так и в Узбекистане, на Даль-верзинтепа, в верхних слоях Еркурган и датируется I—II вв. н. э.⁷

К сожалению, функциональное назначение раскопанного помещения пока не выяснено, но, бесспорно, оно связано с ремесленным производ-ством древнего Каратегина.

В 100 м к северу от шурфа № 9, во время нивелировки площадки бульдозером, разрушена группа сосудов типа хумча. Нами была расчи-щена данная площадка. Во время работ была обнаружена стена, сло-женная из плоских крупных камней, длина ее — 3 м, ширина — 50 см, и сохранилась в высоту на два камня — 30—25 см.

Стена стоит на материке, глина красного цвета. К сожалению, куль-турный слой сохранился лишь у стены на незначительную высоту, в ос-тальной части уничтожен полностью.

Судя по керамическому материалу из шурфов, территория «рабада» городища Дарбанд была обжита с II—I вв. до н. э. и вплоть до начала VIII в. н. э.

Во время исследований окрестностей городища Дарбанд был иссле-дован холм, расположенный в 300 м от городища. Холм, вытянутый с севера на юг на 40 м и с запада на восток на 20 м, невысокий (пример-но, 3—4 м); южная его часть пологая, северная, восточная и западная стороны крутые. Местное население называет данный холм Гури Каза-кон, т. е. «кладбище казаков», которые пришли с востока. В южной его

⁷ Иса миддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. (Стра-тиграфия и периодизация).— Ташкент, 1984.— С. 47.— Рис. 23. 7, рис. 24; 14; 12.

части обнаружено более 10 могил, выложенных камнем в виде ящика: 2,5—3×1—1,5 м. Могилы ориентированы по оси С—Ю и являются, по всей вероятности, мусульманскими захоронениями. В северной части холма, в разрезе, на глубине 1,5 м от дневной поверхности было обнаружено 2 частично сохранившихся захоронения, ориентированных по оси З-В, головой на восток. Было решено заложить траншею через весь холм, с севера на юг, длина траншеи — 10 м, ширина — 1,5 м. К сожалению, захоронений на данном участке обнаружить не удалось. По-видимому, захоронения с ориентацией З-В группировались в северной части холма, которая была снесена мощным селевым потоком, и являлись, по всей вероятности, домусульманскими. Можно допустить, что данный холм являлся городским некрополем.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ШИРКЕНТ В 1985 г.

Во время раскопок поселения Ширкент в 1984 г. вскрыты частично два строения, располагающихся недалеко друг от друга. Необходимо было выяснить их планировку и назначение, что и явилось задачей работ 1985 г.¹ Наиболее интересные результаты получены на раскопе № 2, где полностью раскопан жилой дом, состоящий из двух комнат. В плане дом имеет вид вытянутой с севера на юг постройки длиной 7,2 м и максимальной шириной 5,55 м. Западная длинная стена дома оказалась неровной — недалеко от южного торца она под тупым углом «ломается» и идет на юго-восток. Это обстоятельство вызвало у нас предположение о том, что здание имеет шестиугольную форму и является культовым. Однако дополнительные раскопки данное предположение не подтвердили. Здание представляет собой жилой дом, а искривление стены было вызвано тем, что на ее пути при возведении стояла торцовая стена коридоробразного помещения соседнего дома, построенного раньше. Это придало дому вид пятиугольника. Кожух, образованный наружными стенами, разделен в южной части поперечной приставной стеной на два помещения (пом. 1 (4,8×5,55 м), пом. 2 (4,65×1,5—1,85 м), связанных между собой входами шириной 0,75—1,15 м.

Внешние стены на высоту 1,5 м от основания возведены из камня, выше шла кирпичная кладка. Так как площадка террасы, выбранная для дома неровная, понижающаяся к северу, нижние ряды каменной кладки северной стены уложены с чередованием толстых (до 33 см) слоев глины. Это позволило выровнять кладку кожуха и вести ее на одном уровне. Внутренняя стена имела каменную кладку высотой 0,4 м, выше она сменялась кирпичной. Стены выложены аккуратно, в основном из каменного плитняка, уложенного вперевязку. Кое-где плитняк сменяется булыжником. В том месте, где уложено подряд несколько булыжников, их обязательно перевязывает плита. Изнутри стены были оштукатурены глино-саманной штукатуркой толщиной около 3 см. Через какое-то время после постройки дома северный участок восточной стены «сехал» в обрыв. Затем ремонтом он был восстановлен из мелких камней. Отремонтированный участок стены выделяется еще и тем, что он выступает за линию остальной части стены наружу на 30 см. Ремонт сделан довольно небрежно, в частности, при кладке не всегда делалась перевязка между рядами камней.

Помещение 1 было основным в изучаемом доме. Вход в него, соответственно вход в дом, располагался в северной стене, ширину его установить не удалось, ясно только, что он имел высокий порог. Пол в помещении ровный, хорошо утрамбованный. У южной стены на нем устроен очаг, он возвышается над полом на 10 см. Ширина топки очага — 55 см, длина — 65 см. Снаружи она ограждена бортиком шириной 22—24 см,

¹ Работы на поселении велись в течение июля. В них принимали участие: В. С. Соловьев — нач. отряда, А. П. Керзум, Н. М. Смакова и члены археологического кружка МАН, возглавляемые В. В. Радилловским. Результаты работы археологического кружка публикуются отдельно.

высотой 5 см; бортик плавно выкруживается к полу². Все внутреннее пространство топки заполнено золой; здесь же лежал фрагмент очажной глиняной подставки. Толщина культурного слоя в помещении — 5—6 см, состоит он в основном из золы и мелких костей. На последнем этапе жизни в доме у западной стены помещения недалеко от входа в пом. 2, в лёссовой подсыпке, был устроен еще один очаг — углубление неправильной формы. Вытянут он с запада на восток на 60 см, ширина его — 52 см; края очага ограничены бортиком высотой 6 см. Кроме золы, в топке очага найден фрагмент стеклянного сосуда. В 40 см к востоку от очага лежит песчаниковая плита округлой формы, диаметр ее — 61—72 см, толщина 5—7 см. Она служила столиком для хозяйки, готовившей пищу. Недалеко от очага найдена и верхняя половинка каменного жернова, диаметр ее — 37 см, толщина в центре — 6 см, диаметр центрального отверстия — 6 см, диаметр углубления для рукояти — 3 см, глубина — 2 см.

Помещение 2 меньше помещения 1. Пол его ровный, хорошо утрамбованный, у южной стены, на полу — красное пятно обожженной земли полукруглой формы длиной 65 см, шириной 43 см. Прямой стороной это пятно обращено к стене, полукруглой — внутрь помещения. Создается впечатление, что на его месте стояла жаровня. Слева от пятна лежала челюсть, справа — череп коровы. Характер и мощность культурного слоя в помещении 2 такие же, как и в помещении 1.

На первом раскопе завершены раскопки крупного помещения в истории которого насчитывается три этапа. Первый этап охватывает время от сооружения помещения до разрушения его южной и частично восточной и западной стен в результате оплыва края холма, видимо, во время сильных дождей. Второй этап связан с капитальным ремонтом помещения, который свелся к возведению новой южной стены, кровли. Стена была возведена с уровня пола без фундамента из сырцового кирпича, при этом размеры помещения уменьшились примерно в два раза; вход в помещение сделали в юго-западном углу, выбрав из первоначальной западной стены крупные камни. Под западным торцом кирпичной стены в землю были зарыты кости не менее двух баранов, зарезанных, видимо, для участников ремонта. Интересно в этой связи привести этнографические данные для долины Хуф, связанные со строительными работами. «Необходимым условием созыва помощи было и является хорошее угощение работающих, обязательно хлебом и мясом, для чего обычно сохраняется часть животного, заколотого при закладке фундамента. Но это недостаточно, и ко дню созыва помощи по возведению стен хозяин дома закалывает еще животное, если позволяет достаток — быка»³.

В Хуфе же существовал обычай, «призванный, обеспечить обитателям дома благоденствие и богатство»⁴. При установке ха-сетана (цар-

² Ширкентский очаг похож на ташеки третьего типа поселения Гардани Хисор в Верхнем Зеравшане и на некоторые бытовые очаги Пенджикента. См.: Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор. Жилище народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1982. — С. 114—115; с. 112. — Рис. 1, 8, 9; Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента // МИА. — № 124. — М.; Л., 1964. — С. 65. — Рис. 10.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). — Вып. II. — Сталинабад, 1958. — С. 433.

⁴ Там же. — С. 445.

ского столба) под него зарывали ножку барана. В богатых хозяйствах по одной ножке барана закапывали под все 4 столба. Видимо, примерно такой же смысл имело и захоронение остатков мясной еды (среди костей могли быть и кусочки мяса) под одной из стен жилого дома на раннесредневековом поселении Ширкент.

Третий этап в истории помещения относится ко времени, когда оно было заброшено обитателями, западный его торец использовался для сбрасывания мусора из соседних домов. Этот этап связан с угасанием жизни на поселении, вызванным арабским завоеванием.

Находок во время раскопок обнаружено мало, в основном это пряслица (10 экз.). Они преимущественно лепные, крупные, некоторые из них орнаментированы елочным орнаментом. Эти пряслица служили для изготовления шерстяных нитей. Имеются и небольшие пряслица (3 экз.), которые служили для изготовления хлопковых нитей. Из остальных находок следует отметить два фрагмента стеклянного сосуда, фрагменты бронзового зеркала, 3 бусины из камня, пасты и стекла (глазчатая). В обоих изучаемых домах найдены кусочки железной руды.

Таким образом, после раскопок 1985 г. стало совершенно ясно, что поселение Ширкент было местом постоянной жизни небольшой группы людей, которые занимались добычей железа, земледелием, скотоводством, ткачеством. В теплое время года они поддерживали связи с Гиссарской долиной, привозили оттуда все необходимое для жизни в обмен на производимую продукцию. Стратиграфия поселения еще полностью не выяснена; не исключено, что оно двухслойное. Дальнейшие раскопки помогут выяснить это.

О РАБОТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА
В ВЕРХОВЬЯХ р. ШИРКЕНТ В 1985 г.

В 1985 г. Юношеский археологический отряд секции археологии Малой Академии наук и Института истории им. А. Дониша АН Таджикистана провел разведочные и раскопные работы в верховьях долины р. Ширкент. В задачу поисковых работ входило выявление объектов ранне-средневекового времени, пространственно-экономический анализ поселенческой структуры.

Сложный горный рельеф верховьев р. Ширкент, наличие нескольких вмещающих ландшафтов создавали специфические условия для развития поселенческой структуры. Поселенческая структура была связана с хозяйственной деятельностью проживавшего здесь населения. Развивающийся в этом районе в период раннего средневековья социальный организм необходимо рассматривать как относительно автономную экономическую структуру с наличием производящего хозяйства на базе местной экологии¹.

Хозяйственно-производственная деятельность населения верховьев р. Ширкент в эпоху раннего средневековья определялась: а) наличием источников железнорудного сырья и полиметаллов; б) интенсивным использованием террас с посевами зерновых на левобережье р. Ширкент и Хазорхона с искусственной системой орошения; в) благоприятными условиями для развития скотоводческого хозяйства (богатая разнотравная растительность, дающая возможность делать запасы кормов на зимний период времени, наличие альпийских лугов для выпаса скота в летний период. Пример летнего стойбища скотоводов на высоте около 2500 м над ур. м. дают урочища Челтурсай и Яхоб).

Исходя из общих результатов археологического обследования, проведенных ранее, а также в указанный полевой сезон, выясняется, что антропогенному воздействию в раннесредневековый период времени более всего подверглись:

- а) левый приток р. Ширкент — долина р. Харкуш;
- б) левобережье долины р. Ширкент от места слияния с р. Харкуш до её истоков;
- в) левобережье р. Хазорхона;
- г) урочище Челтурсай;
- д) долина р. Сандал и ее притоков.

Для более полного определения содержания всего хозяйственно-производственного комплекса в верховьях р. Ширкент в эпоху раннего средневековья необходимо определить его структурные элементы. Такими являются выявленные нами поселения, располагающиеся в различных природных зонах. В совокупности они представляют собой небольшое территориально-административное объединение. Хозяйственно-производственная деятельность жителей верховьев р. Ширкент находит отражение в выполнении различных производственных задач отдельными поселениями. Каждое из сельских поселений этого горного оазиса выполняло одну из хозяйственно-производственных функций:

¹ Новиков В. П., Радилиловский В. В., Смирнов Ю. М. Комплексное геолого-археологическое обследование южного склона Мачетлинских гор // Республ. научно-теоретич. конфер. молодых ученых и специалистов ТаджССР (Тез. докл.) Секция общественных наук.— Душанбе: Дониш, 1982.

- а) поселение, связанное с горно-металлургическим производством;
- б) поселение, связанное с сельскохозяйственной деятельностью;
- в) поселение, связанное с выполнением оборонных функций;
- г) поселение, связанное с выполнением административно-хозяйственных функций.

Указывая на монофункциональную производственную предопределенность каждого из поселений, входящих в территориально-экономическую социальную систему горного оазиса, мы тем не менее склонны предполагать полифункциональный характер хозяйственно-производственной деятельности, но с преобладанием какой-либо одной из сторон этой деятельности.

Мы должны особо отметить, что, кроме поселений, в которых проживало население, существовали и отдельные производственные пункты, связанные с горно-металлургической деятельностью. Такие пункты приближены к выходам источников сырья. Производственный пункт в качестве отдельных производственных единиц включал комплекс металлургических печей связанных с выплавкой руды, и ряд производственных помещений, связанных с первичной переработкой руды, получением металла. Такие пункты, как правило, располагались вблизи поселений.

К настоящему времени в верховьях р. Ширкент нами выявлено три поселения, каждое из которых включает комплекс из жилых, хозяйственных и производственных помещений. Два поселения выявлены нами в долине р. Харкуш. Одно из них располагается в среднем течении р. Харкуш на левом берегу ниже её слияния с р. Аксу. Здесь визуалью на поверхности высокой надпойменной террасы прослеживаются остатки хозяйственно-жилого комплекса. Подъёмный археологический материал, собранный нами, представлен фрагментами керамической посуды станкового и лепного производства. Технология изготовления керамической посуды, анализ форм позволяют датировать выявленные хозяйственно-жилой комплекс ранним средневековьем. Раскопочные работы на поселении проведены не были.

Ниже по течению р. Харкуш в 2 км на правом берегу на высокой террасе располагается производственный пункт, носящий название Чуянкутан. На поверхности террасы выявлено большое количество металлургических шлаков, фрагменты футеровки печей, обломки стен печи с сильно ошлакованной поверхностью.

Второе поселение в долине р. Харкуш располагается в 4 км ниже по течению реки на высокой надпойменной террасе, образованной в месте слияния с р. Ширкент. Площадь поселения составляет не более 1,5 га. На поверхности южной и северо-восточной части террасы визуалью прослеживаются, по остаткам оплывших стен помещений, три планировочно обособленные постройки. Первые две постройки располагаются в южной части террасы. Они приурочены соответственно к двум естественным платформам — южной и северо-западной, разделённых между собой глубоким искусственным рвом — место, где брали строительный материал и глину для постройки помещений хозяйственно-жилого комплекса. Искусственный ров возник, вероятно, на месте небольшой естественной промоины. Платформы сложены речными наносами, перекрытыми плотным лёссовым грунтом небольшой мощности. Третий хозяйственно-жилой комплекс располагается в северо-восточной части террасы вдоль её края.

Раскопочные работы, проведенные на поселении Харкуш в 1980 и 1983 г., были сконцентрированы в южной части горного поселения Харкуш, где располагается один из хозяйственно-жилых комплексов. В результате проводимых работ выявлены остатки помещения № 1, опреде-

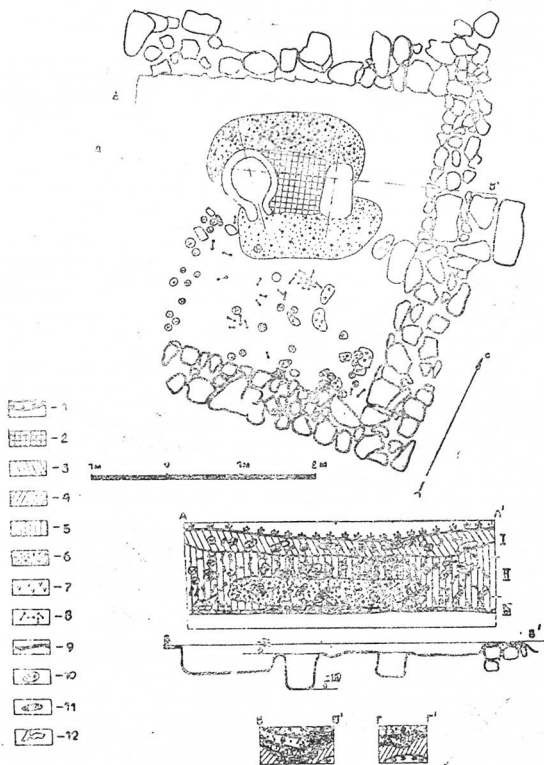

Рис. 1. Горное поселение Харкуш. Помещение № 2. План и стратиграфия заполнения: 1 — дерновый слой; 2 — поверхность паховой платформы между очагами; 3 — рыхлый грунт светло-серого цвета; 4 — пахсовая прослойка в основании очагов; 5 — рыхлый грунт темно-серого цвета; 6 — зольник; 7 — фрагменты керамических изделий; 8 — остеологический материал; 9 — уровень пола верхнего жилого горизонта; 10 — уровни пола очагов; 11 — речные валуны; 12 — обломки песчаных плит; 13 — аморфные обломки жженой кирпичей

лена стратиграфия верхнего жилого горизонта, собран вещественный материал, относящийся к периоду V—VII вв. и раскрывающий различные стороны жизни и деятельности проживающего здесь населения. Оказалось целесообразным, на наш взгляд, не проводить вскрытие более ранних культурных напластований помещения № 1, а продолжить изучение слоев верхнего жилого горизонта других помещений выявленного нами хозяйственно-жилого комплекса.

Раскопочные работы были сконцентрированы в месте расположения помещения № 2. Это помещение расположено западнее помещения № 1. Оба помещения связаны единой стеной. Для помещения № 1 она является западной, для помещения № 2 — восточной. Внешняя западная стена помещения № 2 не сохранилась в результате обрушения верхнего западного края платформы. Длина сохранившейся южной стены помещения — 3,6 м при ширине — 0,7—0,8 м; восточной: длина — 6 м, ширина — 0,7—0,8 м; северной стены: длина — 5,2 м, ширина — 0,7—0,8 м (рис. 1).

Южная стена помещения сложена из трёх рядов валунов и песчаниковых плит. Крупными валунами и песчаниковыми плитами укреплен внешний край стены, тогда как средний и внутренний ряды стены сложены из камней небольших размеров.

Восточная стена сложена из трёх рядов валунов и песчаниковых плит различных размеров. Пространство между валунами заполнено глиняным раствором, включающим речную мелкую гальку. Северная стена помещения сложена также из трёх рядов валунов и песчаниковых плит. Внешний край северной стены частично разрушен. Общая площадь помещения составляет 30 м². В плане оно имеет почти квадратную форму. В центральной части помещения расчищены остатки глиняной платформы с двумя впадинами по краям очагами. Длина платформы — 1,8 м, ширина — 1 м. Между очагами на поверхности платформы отмечены остатки дна кухонного керамического сосуда с прокопченной поверхностью.

Очаг в западной части платформы эллипсоидной формы, вытянут по направлению СЗ—ЮВ. Длина очага — 1 м, ширина — 0,75 м, глубина — 60 см. Внутриочаговое пространство заполнено золой, фрагментами лепной керамики кухонного типа (2 экз.) и костями животных. Выявлено три уровня пода очага. Первый уровень пода очага располагается на глубине 25 см, второй — 40 см, третий — 50 см. Последний уровень пода очага укреплен плоскими камнями, обмазанными огнеупорной глиной.

Восточный очаг по размерам и форме отличается от западного. Он вытянут по направлению С—Ю. Имеет подпрямоугольную форму. Длина очага — 0,7 м, ширина — 0,4 м, глубина — 35 см. Стены очага покрыты огнеупорной глиной толщиной 2—3 см. Выявлено два уровня пода очага. Первый уровень находится на глубине 25 см, второй — 35 см. Внутреннее заполнение очага составил слой золы, включающий остатки жженных костей, фрагментов керамической посуды лепного производства с сильно прокопченной поверхностью. Большое количество костей животных, древесных угольков, фрагментов лепных керамических сосудов отмечено на полу вокруг платформы с очагами (рис. 2).

Поверхность выявленного пола помещения неровная, слегка утрамбованная, в ряде случаев нарушена обломками песчаниковых плит и валунов. В заполнении помещения и при расчистке пола наряду с большим количеством фрагментов керамической посуды лепного и станкового производства найдены и железные предметы — скоба для скрепления деревянных конструкций, наконечник стрелы, перстень. Стены помещения сохранились на высоту 1,1 м. Штукатурка, покрывающая внутренние стены помещения, не сохранилась. Следы штукатурки, покрывающей стены

Рис. 2. Помещение № 2. Заполнение поверхности пола верхнего жилого горизонта у платформы с очагами: 1 — обломки песчаниковых плит; 2 — зольник; 3 — кости животных; 4 — обломки пахсы; 5 — фрагменты керамических изделий.

помещения, прослеживаются ниже поверхности выявленного нами верхнего пола помещения. Однако раскопные работы в помещении ниже уровня пола не проводились. Выявленный нами уровень пола помещения связан с наиболее поздним этапом функционирования всего хозяйственно-жилого комплекса. Помещение использовалось в качестве кухни.

Вещественный материал, собранный в заполнении помещения № 2, может быть разделён на три категории: остеологический материал, изделия из керамики, изделия из железа и цветных металлов, каменные изделия.

Среди выделенных категорий наиболее значительный по объёму остеологический материал. Собрано более 1,5 тыс. костей животных. Достаточно полно морфологически определены 800 экз. Исследуемые фрагменты костей представляют типичные кухонные отбросы. Предварительный анализ показал, что здесь представлены следующие виды домашних и диких животных: коза, овца, свинья, медведь, олень, собака*. Основную массу костей составляют кости овец — 65% и кости коз — 25%. Остальное количество костей приходится на других животных.

Изделия из керамики в зависимости от характера выполняемых функций и морфологии можно разделить на две небольшие подгруппы: а) керамические изделия хозяйственно-бытового назначения; б) керамические пряслица.

Первая подгруппа представлена фрагментами различных типов керамических сосудов лепного и станкового производства. Более 80% составляют фрагменты лепных керамических сосудов. Среди сосудов лепного производства выделяются котлы с широким устьем (рис. 3, 3). Сосудов таких форм выделено 5 экз. Изготовлены из хорошо промешанной глины с включением значительного количества инородных включений — речного песка, кварца. Поверхность заглажена и сильно закопчена. Диаметр устья составляет 20—25 см. Толщина стенок 0,5—0,7 м. Венчики прямые, вер-

* Видовое определение животных по наличию остеологического материала из помещения проведено Г. Н. Сапожниковым. Необходимо отметить, что оно отражает результат первичной классификации.

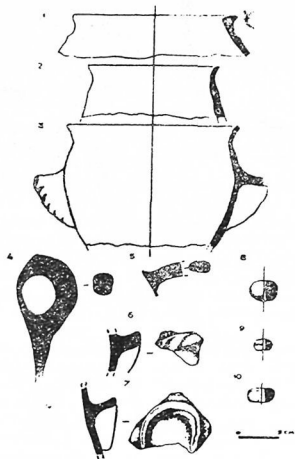

Рис. 3. Помещение № 2. Керамические изделия: 1—3 — венчики кухонных котлов; 2 — венчик лепного горшка; 4, 5 — ручки петлевидной формы; 6, 7 — ручки подковообразной формы; 8—10 — пряслица

тикальные и отогнутые наружу, высотой около 2 см. Верхняя плоскость венчиков горизонтальная. Тулово округлой формы, сужается ко дну. По бокам симметрично располагаются две подковообразные напелные ручки. В ряде случаев на краях ручек сделаны вертикальные насечки. Дно котлов было плоское, и диаметр его меньше диаметра устья.

Выделяются венчики горшков (рис. 3, 2). Изготовлены из хорошо промышленной глины, формованные от руки. Венчик прямой, слегка отогнут наружу. Диаметр устья — 15 см.

Среди форм керамических сосудов, изготовленных на круге, выделяется венчик кухонного котла (рис. 3, 1). Диаметр устья 20 см. Венчик с плоской поверхностью и подтреугольной в сечении формой. Изготовлен из хорошо промышленного теста с включением речного песка; черепок в изломе тёмно-красного цвета.

Значительное место в комплексе керамических изделий из помещения занимают ручки. Они подразделяются на два основных вида. Первый вид представлен подковообразными ручками (рис. 3; 6, 7), второй петлевыми ручками (рис. 3; 4, 5).

Большой объём среди собранных фрагментов керамических сосудов занимают донца (рис. 4; 1—7). Выделяются варианты с вогнутым дном (рис. 4, 1), плоским (рис. 4; 2, 3, 6, 7) и небольшим выступом наружу (рис. 4; 3, 5). Диаметр донцев варьирует в широких пределах от 15 до 35 см.

Выделяется группа светильников-плошек (рис. 4; 8—15). По форме подразделяются на два типа, каждый из которых представлен двумя ва-

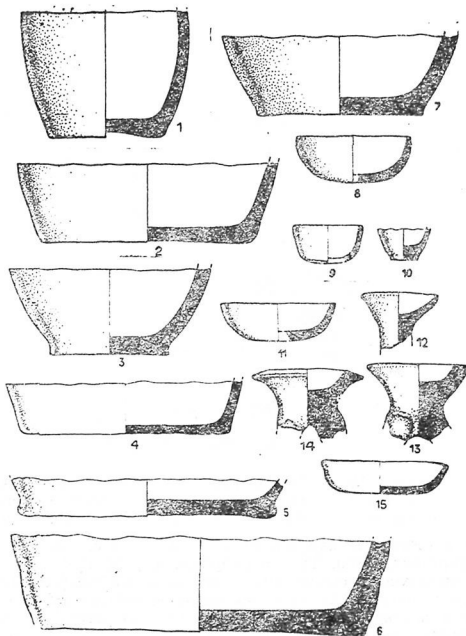

Рис. 4. Помещение № 2. Керамические изделия:
1—7 — донца керамических сосудов, 8—15 — светильники-плошки

риантами. Первый тип представлен тонкостенными сосудиками с низкими, изящно закругляющимися или прямыми стенками (рис. 4; 8, 9, 10, 11, 15). Второй тип представлен светильниками высокой формы — с тремя ножками (рис. 4; 13—14) или с одной ножкой-подставкой (рис. 4, 12). Целых форм светильников на ножках в помещении не встречено. Края ножек отбиты.

Светильники описанных форм имели широкое распространение на территории Северного Тохаристана в V—VII вв. В частности, они отмечаются на раннесредневековых поселениях Кучуктепа, Хосияктепа, Зар-

тепа, Кувкургане², городище Кафыркала³, Дальверзинтепа⁴, Аджина-тепа⁵.

В помещении найдено три пряслица (рис. 3; 8—10). Они отличаются по форме и размерам, а также по весу. Поверхность одного из округлоплощенных пряслиц украшена двумя параллельными линиями.

Изделия из железа и цветных металлов.

Железный наконечник стрелы. По форме бипирамидальный. Длина черешка — 4,5 см, Ширина головки у основания — 1,8 см. Конец жальца обломан. Черешок в сечении квадратный.

Скоба железная одинарная, изготовленная из толстой проволоки, конец которой заострен и отогнут под прямым углом.

Бронзовый бубенчик из помещения. Сферической формы с ушком на корпусе, состоит из двух полусфер, диаметр — 1,5 см. Граница между полусферами обозначена невысоким перпендикулярным валиком. Длина ушка — 6 мм, ширина — 5 мм. В ушке имеется отверстие. Бубенчик изготовлен литьем. Внутри него находится маленький камешек-ударник. Бубенчики такого типа встречены на многих раннесредневековых памятниках Средней Азии⁶.

В целом результаты раскопочных работ в помещении № 2 оказались более результативными с точки зрения вариантности вещественного материала, найденного в заполнении помещения, отражающего различные стороны хозяйственной деятельности проживающего здесь населения. Помещение по функциональному назначению на позднем этапе функционирования использовалось в качестве кухни. Об этом свидетельствует наличие очагов в центральной части помещения. В дальнейшем помещение могло служить местом сброса костей, битой керамической посуды и других изделий, обнаруженных в заполнении верхнего жилого горизонта помещения. Собранный материал, отражающий последний этап функционирования помещения, может быть датирован концом VII — нач. VIII в.

² См.: Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана.— Ташкент: ФАН, 1988.

³ См.: Соловьев В. С. Керамика Кафыр Калы //АРТ.— Вып. X (1970 г.).— Душанбе, 1973.

⁴ См.: Тургунов Б. А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение) //Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана.— Ташкент: Фан, 1989.— С. 81—85.

⁵ См.: Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе.— М.: Искусство, 1971.

⁶ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана.— М., 1985.— С. 101.— Рис. 36/13.

Т. М. Атаханов

ОТЧЕТ О РАБОТЕ НИЖНЕКАФИРНИГАНСКОГО
ОТРЯДА В 1985 г.

В 1982—1983 гг. Нижнекафирниганским отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции было проведено обследование долины реки Кафирниган по обоим берегам ее среднего течения, в месте

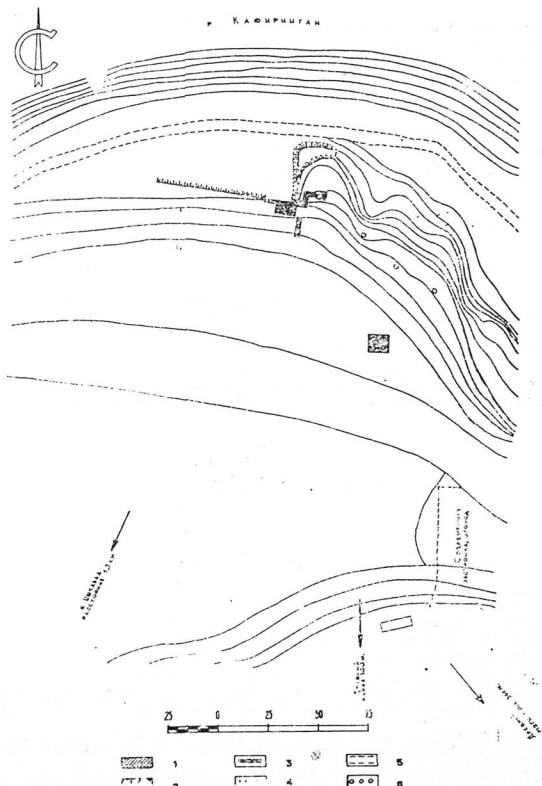

Рис. 1. Схематический план поселения Ишкбад и расположение шурфов и раскопов: 1, 3 — раскоп 1983 г.; 2 — раскоп 1985 г.; 4 — разрез, образованный в результате выемки грунта; 5 — дорога; 6 — деревья

сооружения будущего водохранилища. В результате исследования здесь было выявлено 20 археологических памятников¹.

В 1985 г. исследование было возобновлено. Проведены разведка и рекогносцировочная поездка по всем памятникам, расположенным на правом и левом берегах среднего течения и подлежащих затоплению.

Основная раскопачная работа проведена на средневековом поселении Ишкабад, где в 1983 г. было обнаружено крупное поселение, существовавшее в IX—XVI вв., культурный слой которого потревожен и смещен в результате современного планирования площади в целях строительства.

Поселение Ишкабад (рис. 1) находится на территории совхоза им. Калинина северо-восточнее кишлака Ишкабад кишлачного Совета к. Сардарова Ленинского района. Оно занимает площадь более 40 га и расположено на второй надпойменной террасе реки Кафирниган на высоте около 5 м выше уровня воды с уклоном к реке. Как говорят старожилы, несколько лет тому назад здесь был холм площадью по основанию 50×50 м, высотой — 4—5 м. Однако этот холм в недавнее время спланирован и с тех пор эта площадь ежегодно распахивается и засеивается. В северной стороне имеется выемка площадью около 30 м², образовавшаяся в связи с вывозом грунта для хозяйственных нужд. Здесь в разрезе просматривается культурный слой более 2 м с гумусной, зольной прослойками и керамикой.

В 1985 г. мы расширили раскоп 1983 г., заложенный на самой окрестности террасы (рис. 2).

Раскоп I, размер — 10×4,4 м². Первый ярус содержит дерновую прослойку, II—IV ярусы состоят из твердого, значительно утрамбованного светлого перемешанного слоя с незначительными осколками керамики, камней, обожженной глины. На восточном крае на расстоянии 1,25 м от юго-восточного угла на глубине 1,26 м найдены 3 медных монеты. На западной и восточной сторонах прослежена зольная прослойка толщиной 1—0,5 м, которая, сужаясь, уходит за южный предел раскопа. На уровне конца IV яруса выявилась плохо прослеживаемая поверхность жилого горизонта; V—VI ярусы состоят из темного слоя сероватого оттенка. На западной половине на уровне VI яруса на отметке 2,75 м имеется зольная прослойка. Толщина зольной прослойки составляет от 30 до 50 см. Она залегает над полом — в конце VI яруса. В центральной части раскопок пол понижается до IX яруса, он покрыт этой же золью толщиной 50 см. В результате расчистки зольи и нижнего пола в восточной части раскопок обнаружено основание печи, по-видимому, предназначенной для обжига керамики. Топочная и обжигательная камеры не сохранились. В зольных прослойках и над полом найдены керамические треножки, применявшиеся при обжиге керамических сосудов.

Раскоп II имеет Г-образную форму, размером 4,7×2 м, вытянутый с юга на север с понижением до 1 м от нулевой отметки. Верхние пласты соответствуют I—II ярусам, они имеют толщину от 30 до 40 см, III и IV ярусы — твердая утрамбованная перемешанная прослойка, образованная в результате земляных работ, отмеченная на первом раскопе. На

¹ Пьянкова Л. Т. Разведки в среднем течении р. Кафирниган //1982 г.— М., 1984.— С. 501—502; Она же. Археологические разведки по среднему течению р. Кафирниган в 1982 г. //АРТ.— Вып. 22 (1982 г.)— Душанбе, 1990.— С. 225—237; Атаханов Т. М. Работа Нижнекафирниганского археологического отряда в 1983 г. //АРТ.— Вып. 23 (1983 г.)— Душанбе, 1991.— С. 273—283.

расстоянии 3 м эта зольная прослойка сужается. Грунт содержит мелкие осколки керамики, камней, костей животных. Ниже этих прослоек прослеживается гладкая поверхность предполагаемого жилого горизонта. С конца IV яруса до отметки 2,75 м отмечается серый плотный слой толщиной 1,25 м, сужающийся к югу. В нем попадаются камни, обож-

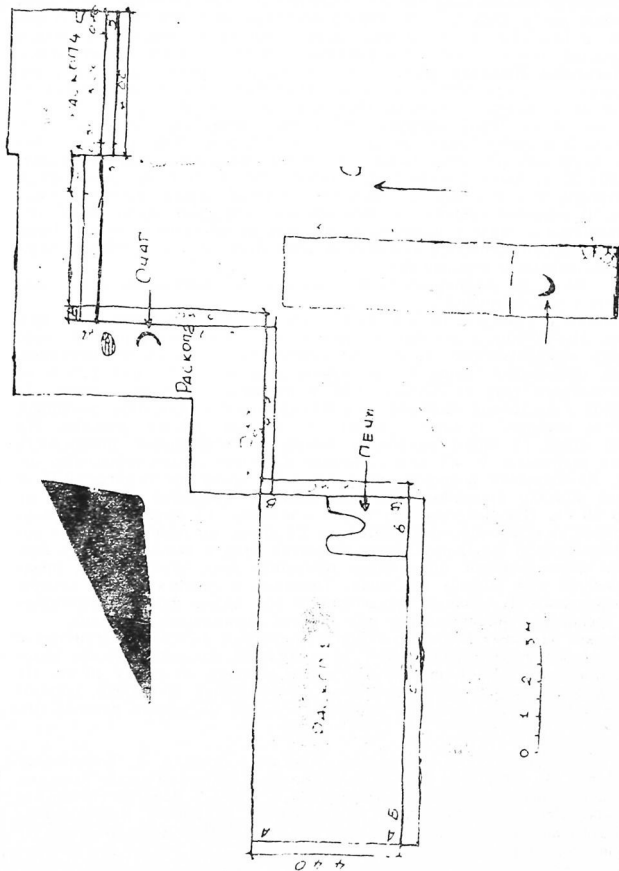

Рис. 2. План шурфов и раскопов

женная глина, отдельные осколки керамической посуды. На уровне конца VIII яруса обнаружен первоначальный жилой горизонт, он на 3 м ниже современной дневной поверхности и перекрывается темно-серым плотным слоем. Над полом обнаружены камни, железная бляшка и очаг диаметром 0,5 м.

Раскоп III. Размеры: 4×2 м и 4×3 м. Вытянут с запада на восток. Поверхность раскопа от репера — 0,8—1 м. III и IV ярусы состоят из перемешанного утрамбованного слоя. Раскоп углублен на 2—3 м до поверхности первого жилого горизонта. Он перекрывается серой рыхлой прослойкой. Работы на половине раскопа приостановлены на уровне второго (снизу) последнего жилого горизонта. Здесь первоначальный пол и материк не достигнуты.

Раскоп IV размером 3×4 вскрыт до глубины 7 м, материк не достигнут. Стратиграфия аналогична предыдущим раскопам.

Шурф. Размер 2×10 м вытянут с юга на север, юго-восточнее раскопа II, южная сторона III. Юго-западная отметка шурфа на уровне 45—40 см ниже нулевой отметки, с конца I яруса начинается и II ярус составляет дерновая прослойка. На уровне отметки 85—90 см культурный слой состоит из плотных комков паховых блоков. Прослеживаются также натечные и надувные прослойки почти до конца IV яруса. Мощность этого слоя — 1 м. На отметке 1,85 м прослежена гладкая, хорошо расчищенная поверхность пола, где в квадрате 1 Б обнаружены камни — остаток фундамента, а в квадрате 2 Б расчищена очажная яма диаметром 0,75 м заполненная золой. Находки из этого слоя незначительны, представлены только фрагментированными осколками керамики. На расстоянии 3 м от северного края в квадрате 2—5 Б шурф углубили до отметки 2,6 м. Грунт состоит из завала, как и в верхних ярусах. На этой глубине обнаружена гладкая поверхность — жилой горизонт. На этом работе в шурфе прекратились, материк не достигнут (рис. 3).

Таким образом, тремя раскопами и одним шурфом охвачено 116,7 м² площади и изучен культурный слой в объеме 34,3 м³. В результате раскопок обнаружены два жилых горизонта. Однако отложения обоих строительных периодов перемешаны и перетолжены и поэтому на раскопках строительных остатков не обнаружено, за исключением основания печи — на первоначальном строительном горизонте, а в шурфе остатки фундамента, хаотично расположенных камней, возможно, остатки разрушенного фундамента здания, относящегося к последнему этапу обживания помещения.

В перемешанных и перетолженных культурных слоях найдены фрагменты керамических предметов, в основном посуды, изготовленной на станке, и лепной: хумы (рис. 4, 1, 2, 3), хумчи, (рис. 5, 4, 6, 7, 9, 5, 25—26), кувшины (рис. 5, 1—10, 27, 30), горшки (рис. 5, 29), и печные припасы — треножки (рис. 5, 15—23), штыри (рис. 5, 24), корчаги (рис. 4, 5, рис. 5, 31—32) и другие предметы. Всего более 60 находок.

Найденные монеты, по предварительному определению ст. научного сотрудника отдела археологии Д. Довутова, являются монетами, выпущенными Тимуридами, дата 939 г. х. /1428—1429 гг., чеканом Бухары и с надчеканами Самарканда. С учетом этих монет последний второй этап обживания поселения можно датировать XIV—XVI вв. Для этого периода характерны найденные великолепные образцы глазурованных мисок (рис. 6, 14—9), чаш (рис. 6, 19, 18) на кольцевидном и дисковидном поддоне, орнаментированные завитками, ромбами, треугольниками, растительным орнаментом, полихромной росписью на белом фоне. Среди них есть чаши и корчаги с монохромной поливой серого, зеленого и

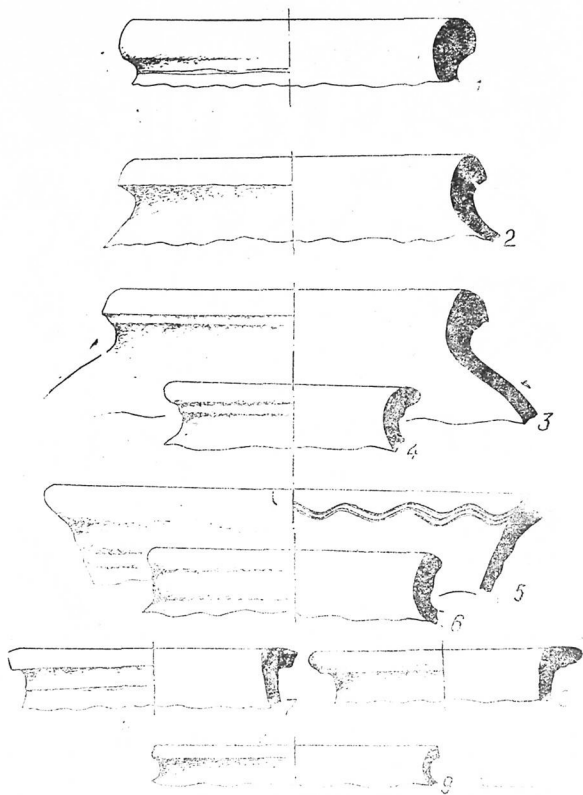

Рис. 4. 1, 2, 3 — хумы; 4, 5, 7—9 — хумчи; 5 — корчага

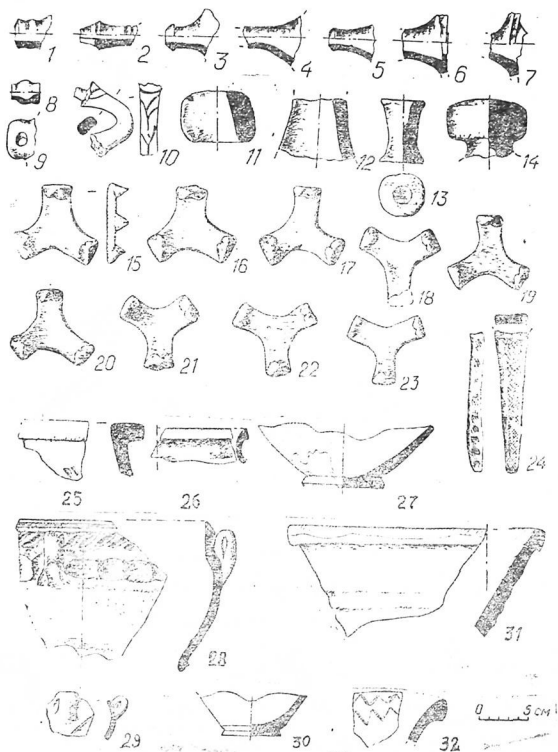

Рис. 5. 1—8, 10 — фрагменты кувшинов; 9 — ручка расписного кувшина; 11—13 — грузики керамические; 14 — ручка крышки; 15—24 — печные приспособы: треножки и штырь; 25—26 — хумчи; 27, 30 — кувшины; 28 — горшок с темно-зеленой поливой; 29 — миниатюрный горшочек; 31—31 — корчаги

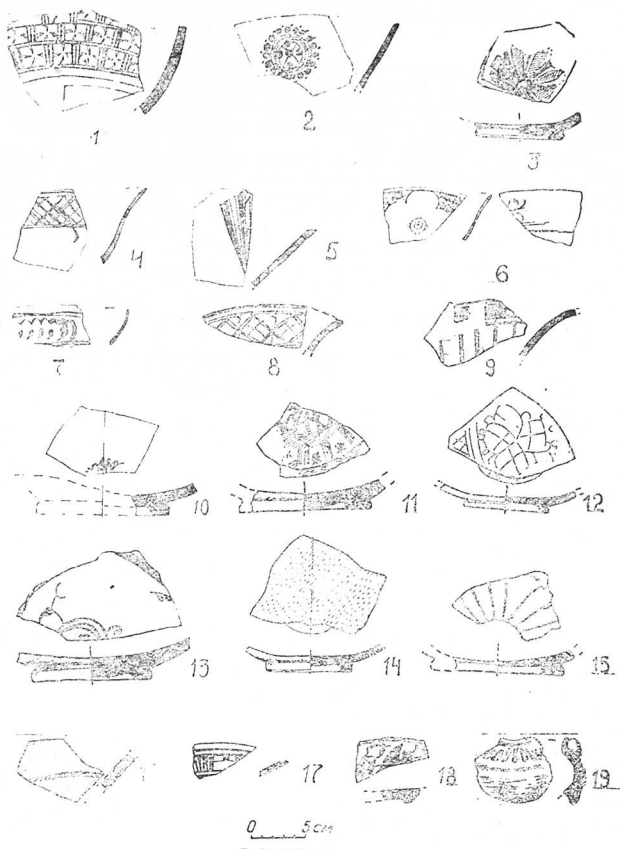

Рис. 6. 1—19 — фрагменты мисок и чаш, глазурованных с полихромной и монохромной росписью

О РАБОТАХ ХОВАЛИНГСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОТРЯДА В 1985 г.

Ховалингский археологический отряд ЮТАЭ работал в 1985 г. в августе и октябре¹. В задачи отряда входило производство раскопочных работ на тепе Чепак I, которое открыто в 1982 г.², исследование на кургане, обнаруженном в отчетный период, и на вновь обнаруженном небольшом поселении Хишт-тепа.

Объект № 1. Тепе Чепак I. Работы начаты в 1984 г.³ В отчетный период на тепе был заложен раскоп 10×3 м, ориентированный с СВ на ЮЗ. На глубине 30—35 см от поверхности по всей площади раскопа расчищена кирпичная кладка. По мере углубления на 1 м кирпичная кладка продолжалась. Размеры кирпича 50×25×9—10 см. Видимо, в VIII в. (?) здесь готовилось строительство крупного сооружения, поэтому и был сооружен стилобат под здание. Самих строений не найдено (рис. 1). Подобное тепе нами исследовалось в 1984 г. Это тепе Дороби Узбеко⁴. По данным Б. И. Маршака, на памятниках раннесредневекового времени, в древнем Пенджикенте подобная картина встречается довольно часто⁵.

С тепе Чепак I было собрано небольшое количество керамического материала, состоящего из фрагментов венчиков и донцев, хумов, хумчи, кувшинов, котлов, имеются фрагменты ручек, также небольшое количество различных по форме пряслиц (рис. 2).

Хумы. Всего найдено 8 фрагментов верхних частей хумов. Наименьший диаметр хумов—21 см, наибольший—46 см. 5 фрагментов венчиков хумов изготовлены на гончарном круге и 3 фрагмента—лепным способом. Имеются венчики с уплощенной верхней частью, прямоугольные в сечении, некоторые из них под венчиком имеют валик или бороздку (рис. 2, 1, 5).

Хумчи. 10 фрагментов верхних частей. Все изготовлены на гончарном круге. Диаметр—от 18 до 22 см. Формы венчиков разнообразны. Под венчиком нанесен орнамент в виде волнистых линий, валиков и борозд (рис. 2, 6—9).

Кувшины. Они представлены 16 фрагментами верхних частей сосудов, из них 8 фрагментов изготовлены на гончарном круге, 7 фрагментов—лепные. Верхние части кувшинов имеют разнообразную форму. Среди найденных фрагментов имеются венчики квадратные и треугольные в сечении с уплощенной площадкой в верхней части. Верхняя площадка округлена. Встречаются венчики, которые являются продолжением стенок сосудов (рис. 2, 10—17).

¹ Ховалингский археологический отряд работал в составе: М. Муллокандов—начальник отряда, Н. Турлыгин—ст. лаборант реставрационно-технологической лаборатории, студенты ТГУ им. В. И. Ленина, учащиеся школ г. Душанбе и Ховалингского района, М. Ахмедов—шофер.

² Муллокандов М. О работах Ховалингского отряда в 1982 г. АРТ.— Вып. 22.— Душанбе, 1990.— С. 349—351.

³ Муллокандов М. Археологические работы в долине р. Обимазар Ховалингского района в 1984 г. //АРТ.— Вып. 24.— Душанбе, 1992.

⁴ Там же.

⁵ Информация докт. истор. наук Б. И. Маршака.

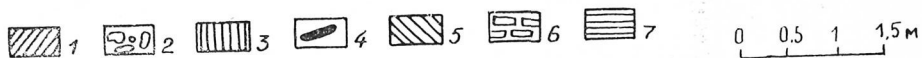
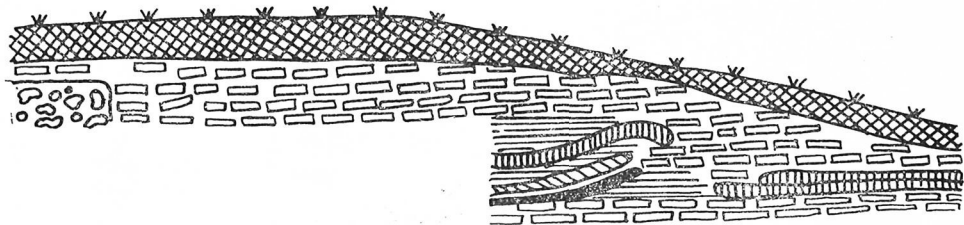

Рис. 1. Тепе Чепакo 1. Разрез раскопа: 1 — лёсс; 2 — галька; 3 — обгоревший слой; 4 — зольная прослойка; 5 — серый слой; 6 — кирпичная кладка; 7 — натечные слои

Среди найденного керамического материала — донца нескольких форм, с выступающим наружу краем и с невыступающим, но все фрагменты нижних частей сосудов имели плоское дно (рис. 2, 18—25).

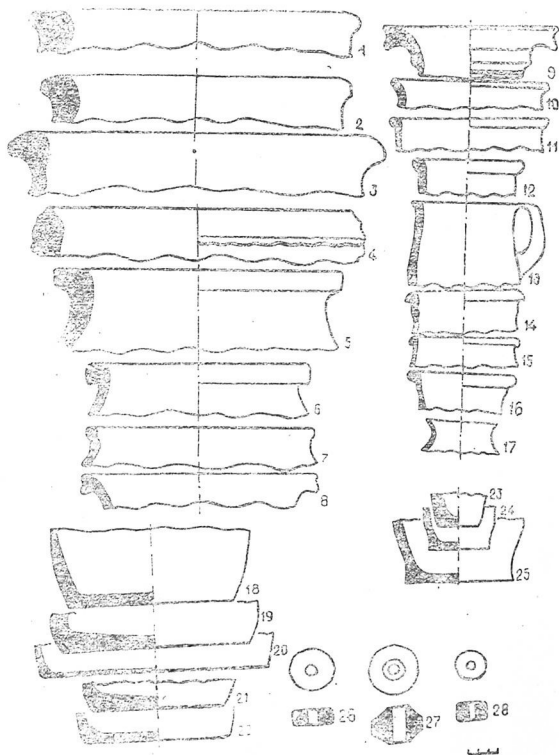

Рис. 2. Тепе Чапако. Керамика: 1—5 хумы; 6—9 хумчи; 10—17 кувшины; 18—20 донца хумов; 21—22 — донца хумчи; 23—25 донца кувшинов; 26—28 — пряслица

Ручки. Представлены 15 фрагментами. В основном это ручки кувшинов и котлов. В сечении они круглые, квадратные, дугообразные, плоские, трапециевидные, подковообразные. На внешней поверхности ручек нанесены две-три бороздки, параллельно друг другу.

Пряслица. Этот вид керамических изделий представлен 10 экземплярами. Все пряслица разнообразны по форме: шаровидные, биколические, бочонкообразные, конические, сферические. Они разных диаметров — от 2 до 4 см. В центре имеется отверстие диаметром 0,1—0,2 см, иногда центр смещен. Имеются пряслица, орнаментированные прочерченными и концентрическими линиями (рис. 2, 25—28).

Анализ керамического материала, проведенный методом типологического сравнения, показывает что аналогии для всего керамического материала, найденного за отчетный период при раскопках на тепе Чапак I, выявляются в керамическом материале Кафыр-Калы⁶ и Уртабоза⁷. Датировать весь материал можно с IV—V вв. н. э. и до конца VII—начала VIII в. н. э.

Чепивол. Одиночный курган (рис. 3, 4). Расположен ЮЗ кишлака Чепивол, в 100 м. Курган представлял собой до раскопок небольшой холмик с земляной насыпью с торчащими в нескольких местах камнями почти квадратной формы. Высота насыпи — 30—40 см, длина — 5,5—5,6 см. Углы (слоя) кургана располагались по сторонам света. После снятия дернового слоя была расчищена каменная квадратная насыпь. В центральной, в северо-восточной и в северо-западной частях камней оказалась гораздо меньше, чем в юго-западной и юго-восточной частях кургана. Камень был выложен аккуратно, образуя ряды. После снятия каменной верхней части насыпи был снят грунтовый слой светло-коричневого цвета толщиной 20—30 см. В слое было найдено несколько фрагментов стенок керамических сосудов и мелкие фрагменты трубчатых костей. Под грунтовым слоем расчищена еще одна каменная ограда, которая, видимо, имела первоначально прямоугольную форму, северо-восточная часть, как видно, сохранилась лучше. Ее толщина — 2,51 м. В северо-западной части толщина ограды — 2,75 м. В юго-восточной части ограды сохранилась хуже, в целом о толщине можно судить по внешнему и внутреннему ряду камней. Она равна 2,5 м. В северо-восточной части внешняя сторона ограды сохранилась хуже, и судить о ее существовании можно также по противоположной стороне. Ее толщина почти 3,5 м. Для выяснения толщины ограды были прокопаны траншеи, в юго-восточной и в северо-западной сторонах такой толстой кладки нет. В центральной части была заложена траншея для обнаружения могильной ямы. Траншея доведена до глубины 2,3 м от уровня верхней части кургана. Но могильная яма не обнаружена. Был ли курган воздвигнут как поминальный, судить трудно. Датировать его не представляется возможным, так как на территории нет подобных сооружений, а в самом раскопчном кургане датирующий материал отсутствует.

Хишт-тепа. Поселение. Расположено на землях совхоза Восе на северо-западной окраине кишлака Чепивол, на первой террасе правого берега р. Обимазар. Направо от дороги расчищена площадка 10×10 м и разбита на четыре части. В юго-западной части этой площадки был за-

⁶ Соловьев В. С. Керамика Кафыр-Калы (раскопки 1969—1970 гг.) // АРТ.— Вып. 10—1970 г.— М., 1973.— С. 299—301.

⁷ Зеймаль Т. И. Раскопки крепости Нижний Уртабоз в 1978 г. // АРТ.— Вып. 18.— Душанбе, 1984.— С. 161—163.

ложен шурф, где на глубине 20—30 см обнаружен угол стены помещения. Раскопана половина помещения. С западной стороны ширина помещения — 7 м. В той же стороне имеется дверной проем шириной более 3 м. Высота сохранившихся стен от поверхности суфы около 1,5 м. Стены помещения сложены из одного слоя пахсовых блоков, их размеры: 90×70 см, а в верхней части стены выложены сырцовым кирпичем. Размер кирпича: 50×25×9—10 см. Поверхность стен была оштукатурена и покрыта слоем обмазки из коричневой глины; на поверхности стены сохранились следы живописи. Нами снято несколько фрагментов, позволяющих судить о том, что основной фон был красный. Но имеются фрагменты с белым фоном, на который нанесен зеленоватый растительный орнамент, а на красном фоне имеются коричневые, темные и желтые линии.

Судя по размеру кирпичей, памятник относится к раннесредневековому времени.

Рис. 3. Чепивол. Курган.
1. План первой насыпи

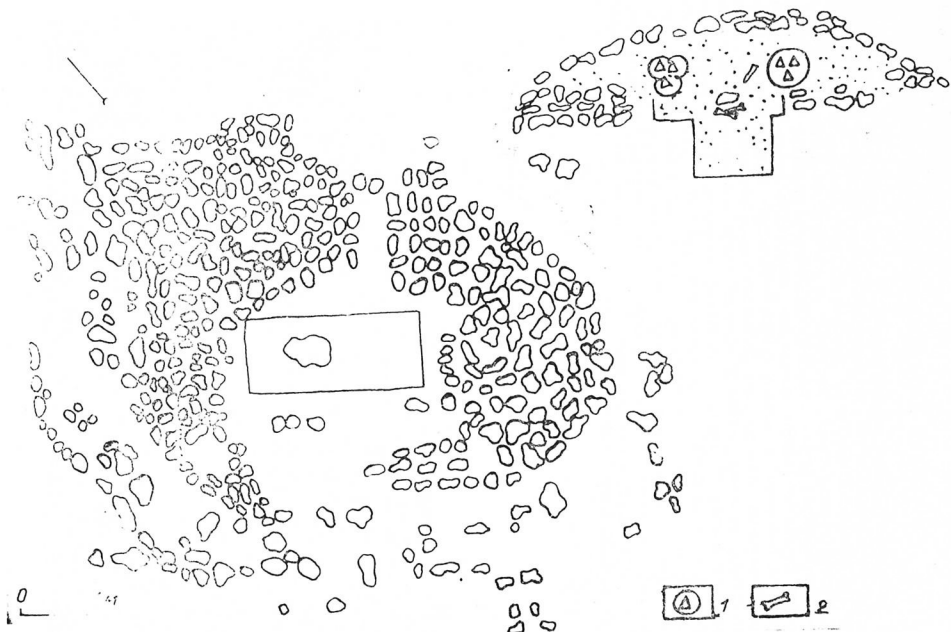

Рис. 4. Чепивол. Курган
 План и разрез второй насыпи: 1 — кости; 2 — керамика

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ ХУЛЬБУКА В 1985 г.

Городище Хульбук расположено в 11 км к западу от райцентра Восток. До последнего сезона на цитадели велись раскопки дворцовых построек. Площадь (200×600 м) застроек состояла из трех частей. На южной располагались жилые, парадные и хозяйственные помещения. Постройки северной части — это преимущественно парадные апартаменты, где помещения обращены входом во внутренние дворы. Между постройками северной и южной сторон — большой двор с крытой галереей. Пандусный вход во двор располагался на западной стороне. Первоначально постройки южной и северной части располагались на одном уровне на высоте 10 м над окружающей местностью. После пожара постройкам южной части на сивелированных остатках прежних стен была возведена платформа, на которой были построены помещения. Это увеличило высоту южной части цитадели до 15 м, и планировка новых помещений отличалась от плана первоначальных построек, что четко обозначило два строительных периода. Последний период функционирования дворцовых построек датируется находками серебряных монет с именем Маусуда — 1040 г.¹

Работы пятнадцатого сезона на цитадели городища Хульбук проводились вдоль западной стены цитадели².

Западная стена цитадели состоит из трех архитектурных членений. Каждая из этих трех плоскостей декоративно решена индивидуально. Северная — на плоскости кирпичной кладки с интервалом в 16 м прямоугольные пилоны (ширина — 4 м, длина — 2 м). Плоскость южной украшена колоннами. Интервал между ними 10 м. Между частями находится фасад с порталом, богато декорированный кирпичной кладкой.

Стены сохранились на высоту от 0,8 до 3 м. Общий контур внешних стен поддерживает ритмику трехчастного плана построек. От угла на протяжении 40 м стена обнаруживает ритмическое построение: на расстоянии 16 м от угла на плоскости стены, с выносом на 2 м два пилон шириной 4,4 и 4,5 м. Расстояние между ними 16 м. Остальная часть стены на протяжении 26,4 м заглублена с северной стороны на 6 м, с южной — на 12 м.

Выявление внешней плоскости западной стены вносит ясность в план северной части построек. В частности, сохранившаяся вымостка пола помещений 10 и 14 и расширенное расстояние до 7 м предполагает еще один ряд помещений или построек другого характера. Кроме того, по вымостке пола и зачистке плитуса внешней стены появилась возможность определить высоту внешних стен — до 12 м. Зафиксированные остатки построек здания на северной стороне позволяют воссоздать первоначальный облик дворца.

Северо-западный угол оформлен круглой башней (сохранилась на высоту 1,5 м), далее на плоскости стены на расстоянии 16 м друг от друга расположены прямоугольные пилоны.

¹ Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. — М., 1978. — С. 140—143.

² Отряд работал в составе: Э. Гулямова — начальник отряда, В. Бажутин — художник, И. Маслов — ст. лаборант, Н. Ермаков — шофер, рабочие.

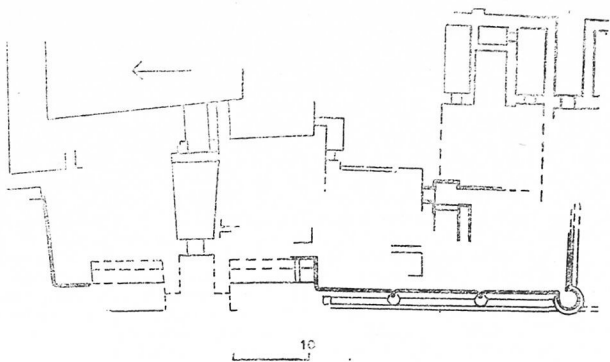

Рис. 1. План раскопок. Жирной линией показана раскопанная часть стены

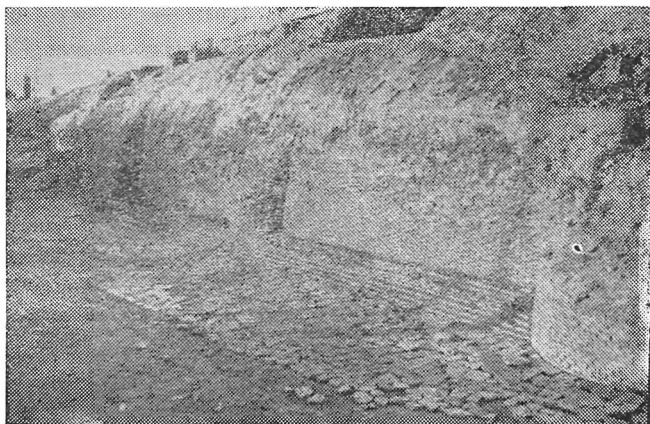

Рис. 2. Построение колонн на западной стене цитадели Хульбука

Фасад здания (71 м) находится в центре западной стены, из плоскости которой выдвинут на 12 м. Пандусный вход вымощен жжеными плитками, поставленными на ребро. Остатки рухнувшего вниз портала сохранились на незначительную высоту. Найдены фрагменты пилонов (длина — 4 м, ширина — 2 м), по сторонам проема шириной 5,8 м.

Раскопки затруднены разбором большого завала фрагментов жженных плиток (60×47 см) с вырезанными по сырой глине куфическими буквами (высота 6—8 см). Их обнаружено свыше 500 фрагментов, некоторые из них состыкуются. Скопление фрагментов приходится на проем. Можно думать, что портал проема был оформлен «лентой» из надписи. Почерк относится к типу «куфи простое» — X—XI вв. «Характеризуется строгим и стройным начертанием букв. Стволы высоких букв относятся к высоте низких букв как 4 : 1. Толщина основных линий всех букв одинакова»³. Наиболее близкой аналогией может служить надпись термезского минарета (1023 г.)⁴. Находка фрагментов оформления портала с буквенным орнаментом куфи принципиально важна в датировке входных маршей лестниц и помещений, где мало находок, тем более монетных. Выдвинутая плоскость входной части предполагает позднюю застройку и оформления орнаментом, которая на основании вышеприведенных аналогий может быть датирована первой половиной XI в. (рис. 1).

Южная сторона (47 м) западной стены покоится на плинтусах (высота — 0,6 м, ширина — 0,9 м). Плинт состоит из восьми рядов кирпичей. Четыре нижних ряда на 2/3 выдвинуты из плоскости плинта в сторону двора. Образующаяся «лесенка» создает дополнительную площадь опоры основания.

Стена в основе пахсовая, есть частичные закладки сырцовым кирпичом. Внешняя поверхность стены облицована жженым кирпичом (29—25×29—25×4,5 см).

На плоскости стены с интервалом 10 м выдвинуты две полуколонки. У основания ширина 2 м, на сохранившейся высоте 3,5 м — 1 м. Таким образом ствол полуколонки кверху утоньшается и утопает в плоскости стены. До высоты двух метров колонка примыкает к стене вертикально, выше прислонена наклонно (угол равен 12°). Из плоскости стены профиль колонки выступает на ширину плинта, т. е. на 0,9 м, а в верхней части до 0,3 м — таким образом, стена как бы прихвачена двумя скобами. Отступ стены от вертикали в верхней части равен 0,5 м (рис. 2).

Угол юго-западной стены закреплен угловой башней (диаметр — 4,6 м). Сохранилась на высоту 3 м. Башня круглая монолитная. Внешний ряд выложен из специальных трапециевидных кирпичей (29×26×4,6 см), которые положены к внешней стороне широкой частью. Внутреннее заполнение из башни покоится на уровне последнего кирпича кладки плинта (рис. 3).

Над плинтотом у полуколонки в теле стены на глубину 0,5 м расположено прямоугольное отверстие (0,6—0,8 м) с пандусным подъемом в основании пахсовой части стены. Нужно думать, что это один из водоотводов, причем, его завершающая часть — выходит за пределы цитадели.

³ Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. //Эпиграфика Востока.— Вып. XII.— М.; Л., 1958.— С. 24—25.

⁴ Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии //Эпиграфика Востока.— Вып. III.— М.; Л., 1959.— С. 16.

Примеры вертикальных водоотводов отмечались и раньше. Это сложенные из жженого кирпича колодцы (глубина — 6—8 м), которые располагались в центре световых двориков и в некоторых помещениях. Количество их больше десяти. Служили они для поглощения атмосферных вод, для чего пол помещения или открытого дворика делался покатым в сторону колодца. Сточные воды, собираясь на глубине 2 м и в условиях сырцовых построек, для сохранности должны были иметь окончательный отвод из массива платформы. По всей видимости, инженерное решение было заложено строителями с самого начала. Пока перед нами есть два этапа этой конструкции — начало и выход.

Кроме того, получены данные по горизонтальному отводу сточных вод. За правым крылом портала в стене открыт наклонный желоб канала, сложенного из жженных кирпичей. Стекая по основному каналу, вода затем распределялась в два крытых желоба тоже из жженных кирпичей, откуда она попадала в колодец, на дне которого обнаружен наклонно вырезанный в глине «сифон». Отвод сифона находился ниже уровня пола у основания внешней стены на 1,5 м. Этот пример, в свою очередь, предполагает наличие еще одного отвода, но уже под стенами, полами и улицами города.

Основание площадки перед башней и стеной глиняное, и только местами сохранилась кирпичная вымостка в виде плоско положенных кирпичей. Находки на полу двора — это упавшие сверху фрагменты резного ганча с растительным орнаментом, фрагменты поливной керамики и кирпичей с надписью куфи.

Рис. 3. Кирпичная кладка стены

Раскопана лишь часть внешней стены цитадели. Окончательные выводы станут возможны при большем объеме раскопок. Но уже можно говорить, что открытая стена с парадным входом решена фундаментально, сообразно дворцовому характеру построек. Портальный вход с пандусным въездом характерен для решения средневековых цитаделей Самарканда и Бухары⁵. Такое же парадное решение было у входа цитадели Хульбука. Впереди находился портал с обрамлением из кирпичных плиток с надписью куфи. Двое ворот: у портала и перед выходом во двор. Оба входа оформлены прямоугольными пилонами. Ворота были обрамлены рамой, нижняя балка сохранилась в глубокой поперечной борозде в полу. Эта борозда (диаметр — 15 см) круглым отверстием уходит под стену. Парадный марш лестницы сложен из жженого кирпича, поставленного по 5—6 штук на ребро (для особой прочности). Лестница шириной 4 м, длина ее — 10 м. Длина марша лестницы продолжается за пределами строения. К сожалению, эта часть цитадели сильно повреждена современными постройками.

Еще при раскопках помещений дворца была отмечена в некоторых случаях асимметрия планировки построек южной и северной половины, что приводит к мысли о одновременности сооружения различных частей. Имеется в виду не последовательность, а то, что обе половины здания могли быть построены отдельно, а потом соединены большим двором. И если это так, то это должно найти какое-то отражение на внешней стене.

Предварительно северную часть построек с прямоугольными пилонами можно отнести к более ранним постройкам, а южную часть с округлыми башнями — к последнему периоду обживания дворца. Также предположительно может быть решен вопрос о кирпичной «рубашке» стен цитадели. В одном случае это может быть дань новому материалу — жженому кирпичу, который начинает широко применяться в строительстве на Хульбуке, что подтверждается фразой ал-Истахри: «постройки Хульбука были из жженого кирпича»⁶.

Из находок сезона нужно выделить фрагменты панно резного ганча, обнаруженного на южной части дворца при зачистке площади над стенами с полуколонками.

Среди большого количества фрагментов резного ганча особо выделяется рисунок зооморфного стиля. В бордюре обрамления (высота 20 см) изображена сцена охоты гепардов на горных баранов. Гепард прыгнул на спину одного животного, который упал под тяжестью хищника, второй козел еще бежит, а третий впереди него распластался в полете. Характеристика ситуации и фигур животных, с одной стороны, имеет самостоятельное значение, но, с другой стороны, они органически вписаны в растительную ориентацию всего панно, и здесь не мешают такие элементы, когда рога оказываются за границей обрамления. Линии бордюра или нога животного или хвост хищника бывают спущены на центральную часть панно. Следует отметить живую наблюдательность художника-ремесленника, запечатлевшего сцену охоты. Это первый фрагмент с изображением гона, где участвуют крупные хищники и травоядные. Ранее встречавшиеся фрагменты изображали мелких животных — лисицу, зайца и птиц (рис. 4).

⁵ Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль Бухары). — Душанбе, 1972. — С. 13—14.

⁶ Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // Тр. СТАЭ. — Т. 1. — М.; Л., 1956. — 121.

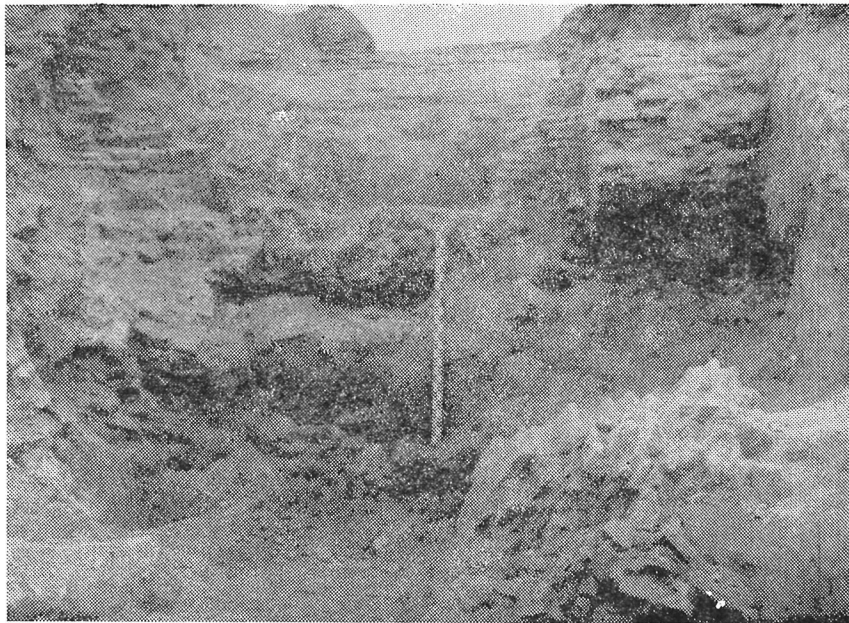

Рис. 4. Фрагмент ганча со сценой охоты

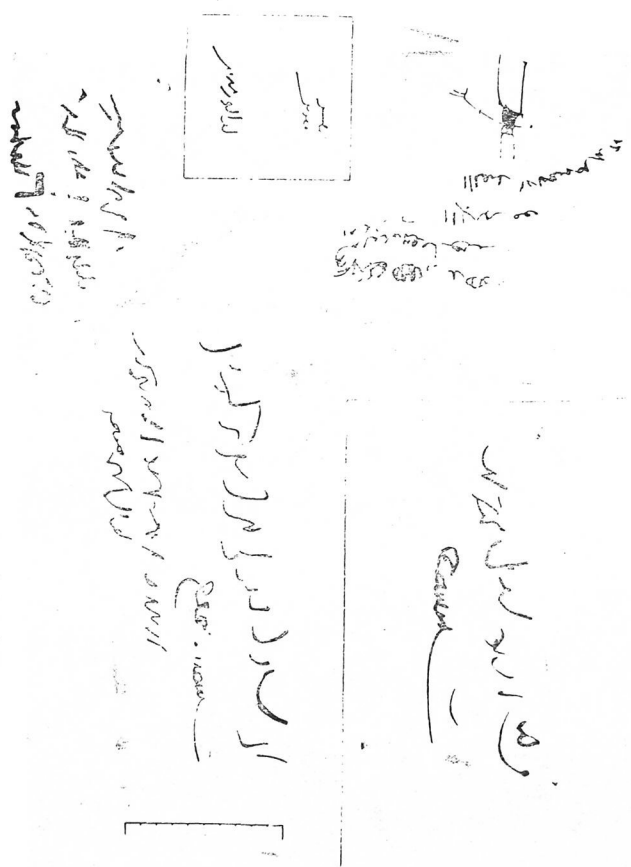

Рис. 5. Надпись на штукатурке в комнате 34

Еще об одной находке следует сказать особо. Под слоем верхней штукатурки, которая обнажилась после дождей, в ранее раскопанной 34 комнате обнаружилось горизонтальная надпись и схематическое изображение человека. Туловище квадратное, залито черной краской, две белые точки — глаза, руки, ноги «палочкой». Письмо напоминает пробу пера: несколько линий арабских букв, нанесенных вертикально и горизонтально (рис. 5).

В свете находки надписи на живописи с изображением музыкантов эта находка может представлять интерес для изучения эпиграфических особенностей. Конечно же, большой интерес представляет содержание этих надписей, находящихся в процессе обработки (рис. 5).

Одновременно с раскопками была предпринята разведка в долине Воейского района, главной задачей которой было выявление источников водоснабжения Хульбука.

В долине Сурхоб и Ях-су расположено несколько крупных городищ с большой площадью обживания — Манзара, Гулистон, Имом-Али, Дашти-Дили и др. Их обследование показало, что в конфигурации внешней границы этих памятников отсутствуют, за редким исключением, атрибуты фортификационных элементов, но присутствуют одиночные прямоугольные и круглые башни, выступающие из плоскости стены. Издревле враг приходил в долину с юга. Башни же в каждом случае обращены в разные стороны. Если провести линию мимо башен этих городищ, то окажется, что шесть городищ, в том числе Хульбук размещены в цепочку.

Попытка осмысления этого факта привела к такому наблюдению. Башни располагались в той части городища, где близко проходил источник воды: Например, маленькая речушка Кафтархонинка, которая питалась родниковыми водами, бравшими начало близ городища Кайнар. Здесь сохранились водозабор у родникового озера и выход ложа канала (10 м ширина, протяженность — 800 м) по направлению север-юг. Речка Кафтархонинка протекала мимо всех упомянутых городищ. По рельефу в местах ее прохождения в поле обзора башен находился путь реки, вероятно, и канала. Поэтому башни городищ ориентированы в сторону прохождения воды, дабы охранить источники питьевой воды. Наличие пресной родниковой воды для этой долины играло немаловажную роль. Фека Сурхоб к началу лета сильно мелеет, из-за близкого расположения выходов соли вода ее становится горькой. Поэтому источники пресной воды так тщательно охранялись. Интересны в этом плане две фразы арабского географа ал-Истахри из сочинения «Книга путей государств» (930—933 гг.): «Все города Хутталя имеют каналы» и что Хульбук пользовался питьевой водой из «реки с пресной (сладкой) водой и других (источников)»⁷. Таким образом, функциональным назначением башен на одном из этапов существования средневековых городов является охрана источников питания пресной воды. Упоминание города Хульбисса в сочинениях Птоломея⁸ предполагает обживание в этих местах в течение многих веков.

---

⁷ Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя.— С. 121.

⁸ Там же.— С. 119.

О РАБОТЕ КОБАДИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В 1985 г.

В 1985 г. во время строительных работ в райцентре Носир Хосров Кобадиянского района, на территории колхозного рынка, в южной его части была вскрыта стена, сложенная из жженого кирпича. Работы в котловане были остановлены. В августе была создана Кобадиянская археологическая группа Пянджского археологического отряда¹.

На первом этапе работ были вскрыты ворота, длина которых — 5,47 м, ширина — 3,7 м, ориентированы по оси С-Ю. (рис. 1).

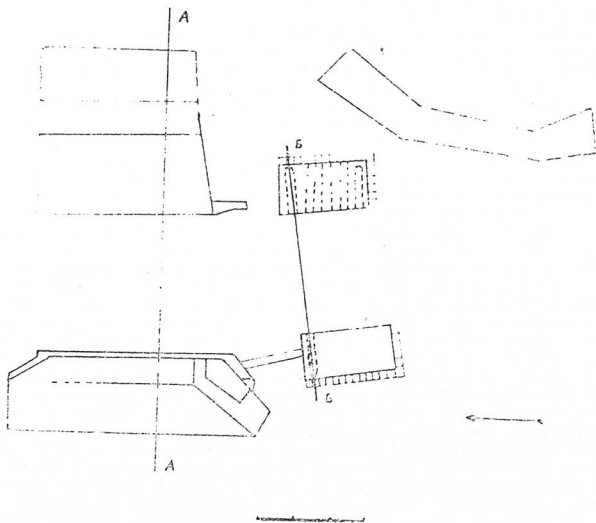

Рис. 1. План северных ворот средневекового Кобадиянского базара: А—А разрез щеки восточной стены; Б—Б — разрез тумб

¹ Группа работала с 6 августа по 15 ноября в следующем составе: И. А. Маслов — нач. группы, Г. Ф. Кравченко и А. А. Зарипов — временнo-сезонные рабочие. Графические работы выполнены И. А. Масловым.

Щеки ворот сложены из жженого кирпича на гипсовом растворе и сохранились на высоту: западная — на 2 м; большая часть восточной щеки разрушена бульдозером и сохранилась на высоту 35—40 см. Размеры кирпича 26×26×6 см.

Западная щека ворот наиболее сохранившаяся, частично разрушена северная ее часть. Нижняя часть щеки оформлена выступом, который тянется по всей длине, высота его — 32 см от уровня пола, ширина — 18 см, в южной части расширяется до 30 см. Южная часть щеки поворачивает на юго-запад под углом 50°, длина ее — 1,9 м, здесь расчищена ниша, длина которой — 1,2 м, ширина в западной части — 0,4 м. Пол ниши — трапецевидная площадка со сторонами 1,2 м и 0,4 м, расположен на высоте 0,5 м от уровня пола. Северная часть щеки ворот поворачивает на северо-запад под углом 45°, длина ее — 1,12 м.

Верхняя площадка западной щеки ворот плоская. В 1,65 от уровня пола вскрыто основание арки, толщина ее — 0,7 м и сохранилась в длину на 1,5 м, северная часть разрушена. Западная поверхность сохранилась на высоту 36,5 см (6 рядов жженных кирпичей), восточная на 18 см. К арке пристроен бортик, который тянется вдоль края южной части щеки ворот и сложен из половинок жженого кирпича. Он сохранился на высоту 36 см, ширина его — 30 см, длина — 1,2 м. По всей вероятности, распорные ворота были перекрыты аркой.

Первоначально пол ворот был вымощен жженым кирпичем, который сохранился у западной и восточной щек на ширину два кирпича (60 см). Кирпич лежал на песчаной подсыпке, толщина которой — 10 см. Во второй строительный период пол из жженого кирпича был разобран и забутован. Забутовка состояла из песка и большого количества битой поливной и неполовной керамики, утрамбована. Пол второго периода толщиной 20—25 см, неровный, местами разбит, во время расчистки его было найдено более 70 монет.

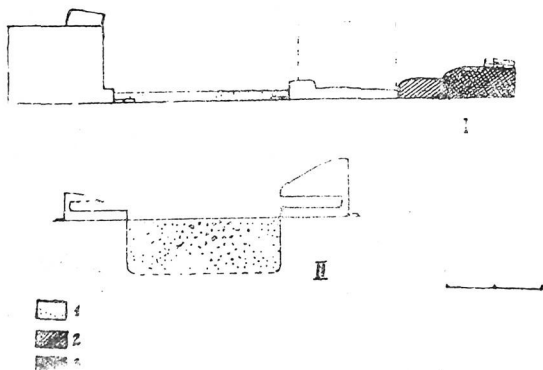

Рис. 2. Разрезы ворот и тумб: I — разрез ворот и восточной стены; II — разрез тумб. Условные обозначения: 1 — пол второго периода; 2 — плотный слой из щебня темного цвета; 3 — пахса

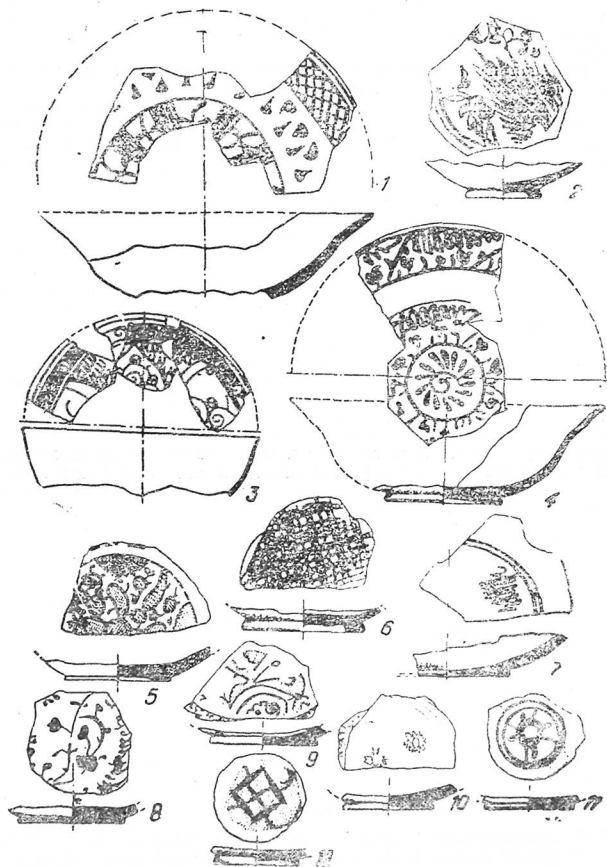

Рис. 3. Керамика: 1—12 блюда и чаши

На втором этапе работ раскоп был расширен к востоку на 6 м. Здесь была расчищена стена, примыкающая к воротам. В результате раскопок была выявлена конструкция стен. К восточной щеке ворот, сложенной из жженого кирпича примыкает плотный слой в виде зацементированного щебня, темного цвета, толщиной 1,1 м. Он сохранился на высоту 0,6—0,7 м. К этому слою пристроена пахсовая стена из красной глины, высотой 0,8 м, на которой была расчищена кладка из жженого кирпича. По всей видимости, нижняя часть стены была сложена из пахсы, а верхняя — из жженого кирпича (рис. 2, 1).

В 20 м к востоку от раскопа, во время нивелировки дороги Кобандан — Шаргуз была обнаружена стена, сложенная из жженого кирпича, ширина ее 5 м. Направление данной стены совпадает с раскопанной нами стеной.

В 2 м южнее ворот были раскопаны две стоящие друг против друга прямоугольные тумбы, сложенные из жженого кирпича размером 26×26×6 см (рис. 1). Восточная тумба сохранилась полностью, длина ее по оси С—Ю—2,52, ширина в северной части—1,4 м, в южной—1,3 м. Верхняя часть тумбы скошена к западу, высота ее восточной части—1,2 м, западной—0,6 м. В 25 см от уровня пола расчищено пять горизонтальных отверстий, диаметр которых—22—25 см. Два отверстия, расположенные по краям тумбы, не сквозные, три других, расположенных посередине, были сквозными, заполнены истлевшим деревом. Пол вдоль восточной и южной стен выложен жженым кирпичом, шириной в один кирпич.

Западная тумба сохранилась частично, длина ее по оси С—Ю—2,5 м, ширина—1,3 м. Верхняя поверхность скошена к востоку, высота ее в западной части—0,6 м, в восточной—0,2 м. В 10 см от уровня пола расчищено три горизонтальных отверстия, два из них сквозные, крайнее, северное—не сквозное, диаметр их—22—25 см, были заполнены истлевшим деревом. Южная часть тумбы была разобрана до уровня пола. Пол у западной и южной стенок был выложен жженым кирпичом. От северной стенки западной тумбы к южной части щеки ворот тянется стена, сложенная из жженных кирпичей, положенных на ребро, ширина ее—30 см, длина—1,94 м, сохранилась на высоту 26 см.

Здесь было выявлено два строительных периода. Первоначально, в первый строительный период, между тумбами, по их длине, была яма, которая в дневное время перекрывалась мостиком, который образовывался выдвиганием бревен. В ночное время бревна задвигались, обнажая яму, и тем самым закрывали проход (рис. 2, 11). Во второй строительный период тумбы утратили свое функциональное назначение. Яма была засыпана до уровня пола ворот, западная тумба наполовину была разобрана до уровня пола.

К востоку от восточной тумбы, на расстоянии 1,08 м от юго-восточного угла была расчищена стена. Северная ее часть поворачивает на северо-восток, южная—на юго-восток, длина ее в северной части—3 м, ширина—1,2 м, длина в южной части—1,7 м, ширина—1 м, длина центральной части—3,75 м, ширина—1 м. Стена сложена смешанной кладкой: западная и восточная стороны сложены из жженого кирпича, внутри заполнена пахсой. Западная поверхность стены просевшая, к ней была пристроена ремонтная пахсовая стена толщиной 30 см. По всей вероятности, напротив расчищенной стены существует такая же симметрично стоящая стена, которая расположена за линией раскопа, под современным зданием.

Находки

Монеты. Как отмечалось выше, во время расчистки пола второго периода было найдено более 70 монет, определить можно лишь 30 монет.

1. Караханидская или Джагатайдская монета, медь, датируется XII—XIII вв. Найдена в завале, на глубине 1,5 м от дневной поверхности, представлена одним экземпляром. По-видимому, была завезена с другого места вместе с песком и глиной (стронтели к приезду археологов засыпали обнаруженный памятник песком и глиной).

2. Хорезмийские, медь, найдено 3 экз., датируются XIV в.

3. Тимуридские, Бухара 832 г. х. (1428—1329 гг.), медь, найдено 2 экз.

4. Могольские, медь, найдено 3 экз., датируются XVI в.

5. Джанидские, серебро, найдено 2 экз., датируются XVII в.

6. Позднесредневековые, плохой сохранности, медь, датируются XVI—XIX вв.

7. Китайская, бронза, по всей вероятности, позднесредневековая².

Монеты, найденные в одном слое, имеют широкие исторические рамки, с XVI в. по XIX в. и не позволяют датировать ремонтные периоды.

Обратимся к массовому материалу, полученному во время раскопок, керамическому.

Блюда и чаши представлены тремя археологически целыми и большим количеством фрагментов верхних и нижних частей. Вся керамика изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины.

1. Археологически целое блюдо полусферической формы с развернутыми бортиками. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую в верхней части нанесен рисунок в виде стилизованных побегов и бутонов, заключенных в две concentрические линии, дно оформлено рисунком в виде многолепестковой вихревой розетки. Между рисунком в верхней части и вихревой розеткой нанесен рисунок в виде стилизованных побегов. Рисунок нанесен бирюзовой поливой. Блюдо на кольцевом поддоне. Диаметр по венчику — 48 см, диаметр поддона — 11 см, высота — 9 см. По цвету поливы и рисунку блюдо можно датировать XVI—XVII вв. (рис. 3, 4).

2. Большая часть чаши, дно не сохранилось. Имеет полусферическую форму с развернутыми бортиками. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую нанесен рисунок в виде заключенной в две concentрические линии сетки, ниже — рисунок в виде стилизованных бутонов и ряда вертикальных линий. Рисунок выполнен бирюзовой поливой. Диаметр чаши по венчику — 34 см. Датируется XVI—XVII вв. (рис. 3, 1).

3. Фрагмент нижней части. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую нанесен рисунок в виде двух стилизованных побегов и бутонов, дополненных штрихами. Ниже — рисунок в виде стилизованных побегов-усиков с бутонами. Рисунок нанесен синей поливой. Дно на кольцевом поддоне, диаметр его — 10 см. Аналогичная керамика найдена в шурфе № 29 на Ходжентской цитадели и датируется XV в.³ (рис. 3, 8).

4. Фрагменты нижней части чаши. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую нанесена четырехлепестковая вихревая розетка, дополненная тонкими штрихами. Вокруг розетки нанесен рисунок вви-

² Определение монет провел Д. Довутов.

³ Беляева Т. В. О работе Ленинабадского отряда в 1976 г. // АРТ.— Вып. XVI (1976). Душанбе, 1982.— С. 277.— Рис. 4а, б.

де стилизованных бутонов, дополненных тонкими штрихами. Рисунок выполнен темной поливой. Дно на кольцевом поддоне, диаметр его — 10,5 см. Судя по цвету поливы и рисунку, можно датировать XVI—XVII вв. (рис. 3, 5).

5. Нижняя часть чаши. Внутренняя поверхность покрыта светлой, зеленоватой поливой, на которую нанесен рисунок в виде четырехлепестковой вихревой розетки, дополненной тонкими штрихами. Вокруг розетки нанесен рисунок в виде стилизованных побегов и бутонов, дополненных тонкими штрихами. Рисунок выполнен темной поливой. Дно на кольцевом поддоне, диаметр его — 7 см. Датруется XV—XVII вв.⁴ (рис. 3, 2).

6. Фрагмент верхней части чаши сферической формы, с прямыми краями. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты голубой поливой. Рисунок выполнен тонкой темной линией в виде крупных завитков, заключенных в две концентрические линии. Ниже растительный орнамент в виде крупных завитков — обобщенный свободный рисунок побега. Внешняя поверхность орнаментирована волнообразными линиями, спускающимися сверху вниз. Аналогичная керамика найдена в верхних слоях Калаи Мир, датруется XVIII—XIX вв. (рис. 3, 3)⁵.

7. Фрагмент нижней части чаши. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую нанесен рисунок в виде вихревой розетки, заключенной в две концентрические линии. Весь рисунок оконтурен широкой полосой, нанесенной бирюзовой поливой. Весь рисунок выполнен темной поливой. Дно на кольцевом поддоне. Диаметр его — 8,5 см. Датруется XVIII—XIX вв. (рис. 3, 11).

8. Фрагмент нижней части чаши. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую нанесен рисунок в виде двух пересекающихся сеток, выполненных бирюзовой и темной поливой. Дно на кольцевом поддоне, диаметр его — 11,5 см. Можно датировать XVIII—XIX вв. (рис. 3, 6).

9. Фрагмент нижней части чаши. Внутренняя поверхность покрыта белой поливой, на которую нанесен рисунок в виде заключенных в широкую концентрическую линию небольших розеток. Рисунок выполнен бирюзовой поливой. Дно на плоском, слегка вогнутом поддоне, диаметр его — 10 см. Похожая керамика встречена на Ходжентской цитадели и датруется XVIII—XIX вв.⁶ (рис. 3, 10).

10. Фрагмент нижней части чаши. Внутренняя поверхность покрыта светло-коричневой поливой, на которую нанесен рисунок в виде коротких, чередующихся зигзагообразных линий, заключенных в две концентрические линии. Рисунок выполнен темно-коричневой поливой. Дно плоское, с выделенным поддоном диаметром — 10 см. Датруется XVIII—XIX вв. (рис. 3, 7).

11. Археологически целая пиала конической формы. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты темно-коричневой поливой. Дно на кольцевом поддоне. Диаметр по венчику — 14 см, диаметр дна — 7 см. Можно датировать XVIII—XIX вв. и, возможно, началом XX в.

12. Фрагмент верхней части пиалы конической формы. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты бирюзовой поливой. Аналогичные пиалы встречены в верхних слоях Калаи Мир и датируются XVIII—XIX вв.

⁴ Беляева Т. В. Раскопки на Ходжентском арке 1979 г. // АРТ.— Вып. XIX (1979).— Душанбе, 1986.— С. 381.— Рис. 2.

⁵ Денисов Е. Раскопки в Дангаринском и Кобадиянском районах. // АРТ.— Вып. XIX.— Душанбе, 1986.— С. 155.

⁶ Беляева Т. В. О работе Ленинабадского отряда в 1976 г.— С. 286.— Рис. 4, 1.

встречены в верхних слоях Калаи Мир и датируются XVIII—XIX вв.⁷

Широкогорлые кувшины представлены пятнадцатью фрагментами верхних частей. Все кувшины изготовлены на гончарном круге из хорошо промешанной глины. Обжиг хорошего качества. Среди них можно выделить три типа:

1. Кувшины, венчики треугольные в сечении, верхние и нижняя закраины округлены. Шейки высокие. На плечико нанесен орнамент в виде концентрических желобков.

2. Кувшины, венчики прямоугольные в сечении, с выступающей частью наружу, верхняя площадка плоская, шейки высокие.

3. Кувшины, венчики прямоугольные в сечении, с выступающей частью наружу, нижняя закраина оформлена заостренным валиком. Внутри, по венчику тянется высокий желобок.

Большая часть фрагментов покрыта белым ангобом и орнаментирована двумя концентрическими линиями. К венчику и плечуку кувшина крепились ручки. Все они эллипсоидные в сечении, широкие, дугообразные. По верху и центру тянется широкий валик.

Тагора представлены одной археологически целой и фрагментами верхних частей. Все они изготовлены на гончарном круге из глины высокого качества. Можно выделить два вида:

1. Археологически целая тагора. Венчик прямоугольный в сечении с выступающей частью наружу в виде козырька. Внутренняя поверхность покрыта толстым слоем темно-зеленой глазури. По венчику нанесен орнамент в виде двух концентрических вдавленных линий. Дно плоское, поддон не выделен, диаметр по венчику — 50 см, диаметр дна — 22 см. Аналогичные тагора встречены в Гиссарской крепости, в верхних слоях и в верхних слоях Калаи Мир и датируются XVII—XIX вв.⁸

2. Фрагменты верхних частей тагора. Все они неполные. Венчики треугольные в сечении, с выступающей частью наружу. По венчику нанесен орнамент в виде волнообразных и зигзагообразных линий. Диаметр их 50—60 см. Тагора такого типа встречены на цитадели Гиссарской крепости, раскоп 3, ярус 8 и датируются XVII—XIX вв.

Рассмотренный выше керамический материал представляет относительно широкие хронологические рамки, начиная с XVI в. и заканчивая XIX в.

Как отмечалось выше, во время раскопок данного памятника, было выявлено два строительных периода, которые можно датировать нумизматическим и керамическим материалами. Первый строительный период предварительно можно датировать XVI—XVII вв. Второй строительный период датируется XVII—XIX вв.

Теперь обратимся к функциональному назначению раскопанного объекта. По словам местных жителей, на территории раскопок до 1964 г. существовал холм, название которого, к сожалению, неизвестно. Холм был сnivelирован. В настоящее время на данном участке в рельефе местности прослеживается возвышенность, длина ее по оси С—Ю—200—250 м, ширина — 70—80 м. В наше время здесь построены Дом быта, кинотеатр и два магазина и южная часть колхозного рынка. Раскопки проводились в северной части возвышенности.

А. П. Колпаковым, исследовавшим Кобадиян в XIX в., был составлен схематический план расположения кварталов Кобадияна, по которому

⁷ Денисов Е. Указ. раб.— С. 155.

⁸ С материалами раскопа 3 цитадели Гиссарской крепости нас любезно ознакомил Т. М. Атаханов.

базар в XIX в. находился к северу от квартала Ябуз и восточнее квартала Чармгар, на территории которого в наше время размещается больница. Большая пятничная мечеть Мачити-Калон находилась около базара⁹. В настоящее время здесь помещается районное управление водного хозяйства. Как известно, Мачити-Калон находилась у южной окраины вышеупомянутого холма в 40—45 м на территории нынешней ХПМУ (Колхозабадсельстрой), где в прошлом находилось отделение Минводхоза, в 90—100 м к юго-западу от раскопа. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что современный базар расположен на месте базара XIX в., но немного смещен к северу. По всей вероятности, раскопанный нами объект являлся северными воротами Кобадиянского базара XVI—XIX вв. и был обнесен стеной из жженого кирпича.

П. Т. Самойлик

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ В ЗОНЕ РЕГИСТАНА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГИССАРА В 1985 г.

Одновременно с ходом реставрационных работ Гиссарским реставрационным участком, СНРПМ по воссозданию облика медресе «Нав» и консервации «Тахоратхоны» в 1985 г. были продолжены и археологические изыскания по изучению топографии и стратиграфии южной части — Гиссарского городища (Гиссар-тепе).

Шурф № 7 был заложен в 31,3 м к югу от медресе Кухна, размером 6×3,5 м, длинной стороной ориентирован по оси север—юг. Нулевая точка шурфа — верхняя его граница северо-восточного угла, ниже основания западной гурдаста медресе «Кухна» на 164 см, линия восточной стороны шурфа совпадает с отметкой 13,8 м, при отчете по южному фасаду медресе от юго-восточного угла к западу. Заложен он был в 1984 г., завершен в 1985 г. (рис. 1).

Под 20 см пахотным слоем, по всей площади шурфа до глубины 110 см, прослеживался слой плотного грунта темно-серого цвета, насыщенного золой. В юго-восточном углу определилась яма диаметром более 1 м, уходящая за границы стен шурфа. Закончилась она на глубине 218 см. В заполнении ямы было обнаружено незначительное количество фрагментов поливной и неполливной бытовой керамики, среди которой выделяются кувшины для воды, тагора, бортик поливной мисочки с цилиндрикоконической формой корпуса, фрагмент корпуса чернильницы, покрытой светло-зеленой поливой. Обнаружена также медная монета плохой сохранности, не поддающаяся определению. На остальной части площади шурфа с глубины 110 см до 250 см прослеживался слой плотного грунта темно-серого цвета. На глубине 260 см характер слоя меняется. Это разложившиеся строительные остатки, состоящие из комков, глины, обломков кирпича-сырца толщиной 4 см. В северной половине площади шурфа, ближе к восточной стенке, отмечается слой плотного грунта светлого цвета. На глубине 320 см он зафиксирован по всей площади шурфа. У южной стенки шурфа на этой глубине выявлена яма № 2, которая прослеживалась до глубины 540 см.

В VI—VII ярусах и в заполнении ям № 2, 3, 4, заложенных в низлежащие слои с отмеченных ярусов, обнаружена поливная керамика, которая относится к IX—XI вв. н. э.

⁹ Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кобадияна // МПА.— № 37.— М.; Л.— С. 302, 304.

Ямы № 3 и 4 были зафиксированы только в нижних ярусах шурфа. Слой плотного грунта светло-серого цвета прослеживается до глубины 345 см. На этой глубине характер вынимаемого заполнения меняется. Оно темно-серого цвета, насыщено кухонным сбросом костей животных и ке-

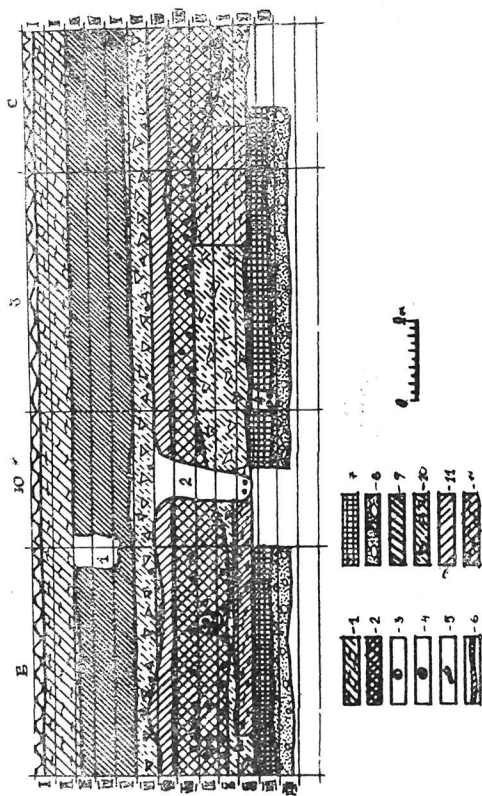

Рис. 1. Шурф № 7. Профили стенок. 1 — темно-серый грунт насыщенный золой; 2 — заполнение свалки; 3 — стекло; 4 — керамика; 5 — кости; 6 — обмазка пола; 7 — грунт плотный коричневый; 8 — галечник с песком; 9 — грунт плотный темно-серый; 10 — разложившиеся строительные остатки; 11 — грунт плотный светло-серый; 12 — забутовка суфы и стены

рамическим материалом. Условно это слой назван «свалкой». По мере углубления определялся характер образования «свалки». На глубине 400 см слой «свалки» у западной стены шурфа заканчивается, его подстилают разложившиеся строительные остатки, состоящие из комков глины и обломков кирпича-сырца толщиной 10—12 см. Наклонно к востоку слой «свалки» на глубине 480 см заканчивается. В заполнении «свалки» было обнаружено значительное количество фрагментов тарной, столовой, кухонной посуды и других хозяйственных керамических изделий. Остановимся на их рассмотрении.

I. Большеёмкая тарная посуда — хумы, представлена фрагментами венчиков от 5 экземпляров. Один из них лепной, остальные сформованы на гончарном круге или доработаны на нем.

Венчик лепного сосуда представляет собой утолщающееся к краю продолженное плечико без выраженности шейки. Грани края сглажены. (рис. 2; 4)

Сосуды станковой работы по форме венчика все индивидуальны. Один венчик представляет собой плавный отгиб верхней части стенки горловины наружу; грани края заовалены. Горловина высокая (рис. 2; 3). Другой венчик подпрямоугольный в сечении. Горловина невысокая четко выражена (рис. 2; 7). Третий венчик округлый в сечении. По нижнему наружному краю сформован валик. Горловина невысокая, четко выражена (рис. 2; 1). Последний венчик представляет собой утолщающееся к верхнему краю стенки горловина (подтреугольный). Грани края заовалены (рис. 2; 2). В изломе стенка одного экземпляра имеет ближе к

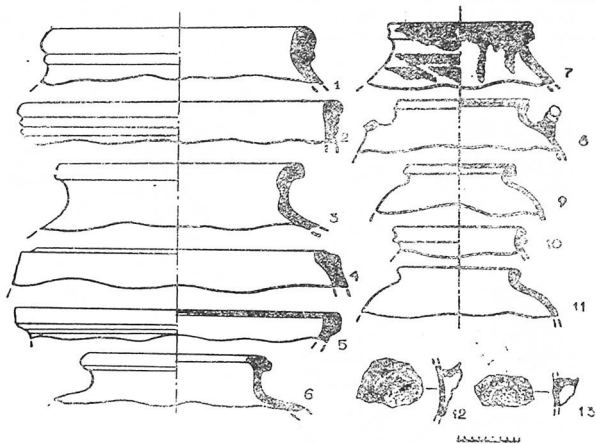

Рис. 2. Шурф № 7. Тарная и кухонная посуда из свалки: 1—5 и 7 хумы и хумча; 6 и 8—13 котлы

внутренней поверхности темно-серую полосу, у остальных цвет поверхности и излом красный. Тесто без примеси грубых инородных включений.

II. Тарная посуда средних емкостей — хумча, представлена фрагментами корпусов и венчиками. Все они гончарного изготовления. По форме выделяется два типа венчиков: подпрямоугольный в сечении венчик с образованием полочки для крышки по внутреннему краю. Шейка невысокая, четко выражена (рис. 2, 6). Второй подпрямоугольный в сечении с высокой горловиной (рис. 2; 7).

Цвет поверхности в изломе красный, различных оттенков. В тесте в качестве примеси во всех случаях наблюдается незначительное количество измельченной дресвы.

Кувшины для воды (11 экземпляров) представлены фрагментами горловины, венчиков, тулова. Все кружального изготовления (рис. 3; 1—11). По форме венчика, горловины, корпуса различны:

1 Венчик подпрямоугольный в сечении. Горловина коническая, расширяющаяся кверху. Корпус грушевидной формы. Сосуд снабжен носиком-сливом, прикрепленным к плечу. Ручка в сечении призматическая с желобком по внешнему краю. Верхняя часть покрыта коричневым ангобом. По плечу, в технике гравировки нанесена четырехлинейная горизонтальная полоса. Вокруг носика-слива налеп, он изображает вихревидную розетку (рис. 3; КП).

2. Венчик подквадратный в сечении с прямой горловиной. Венчик расписан мазками ангоба коричневого цвета (рис. 3; 3, 7).

3. Манжетовидный в сечении венчик (рис. 3; 2).

4. Манжетовидный в сечении венчик со сдвинутым сливом, с чередованием трех валиков и двух желобков по внешней стороне.

5. Воронкообразная по форме горловина. По внешней стороне чередование в одном случае трех валиков и двух желобков, в другом — двух

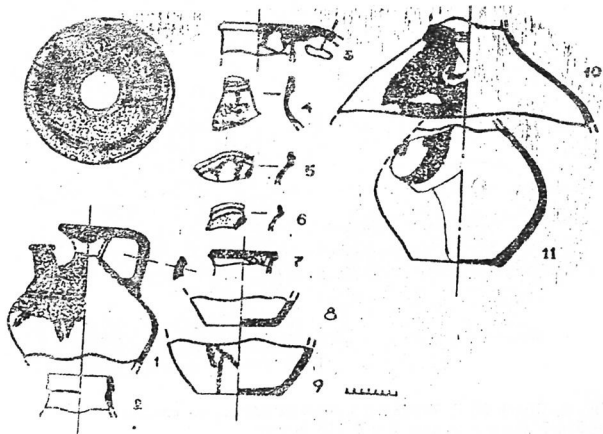

Рис. 3. Шурф № 7. Кувшины для воды из свалки

валиков и одного желобка. Сосуды оформлены сдавленным сливом (рис. 3; 5; 6).

В одном случае изделие по плечу расписано широкой полосой «гирлянды», подчеркнутой горизонтальной прямой, красителем красного цвета (рис. 3; 10), в другом случае нарисован коричневой краской овал с несомкнутыми краями (рис. 3, 11).

Судя по имеющимся экземплярам, все кувшины были плоскодонными и снабжены ручкой. Цвет поверхностей и изломов красный, различных оттенков. В тесте в качестве примеси наблюдается незначительное количество измельченной дровы, а в отдельных случаях — редкие включения крупных обломков кальцитов.

III. Столовая посуда представлена одним археологически целым кубковидным сосудом и двумя фрагментами бортиков мисок.

1. Кубковидный сосуд кружалного изготовления, с конической формой корпуса, расширяющейся кверху. Венчик слабо профилирован. При вторичной обработке донной части снаружи, обточкой, при ровном длительном вращении, смоделирован поддон-щиток. Поверхность покрыта клейким красителем красного цвета, смываемым теплой водой. В изломе цвет также красный, однотонный. Тесто с примесью измельченной дровы. Размеры изделия: высота — 10 см, высота поддона — 0,5 см, диаметр венчика — 16 см, диаметр его — 8 см, толщина стенки корпуса — 0,5—0,6 см (рис. 4, 3 КП).

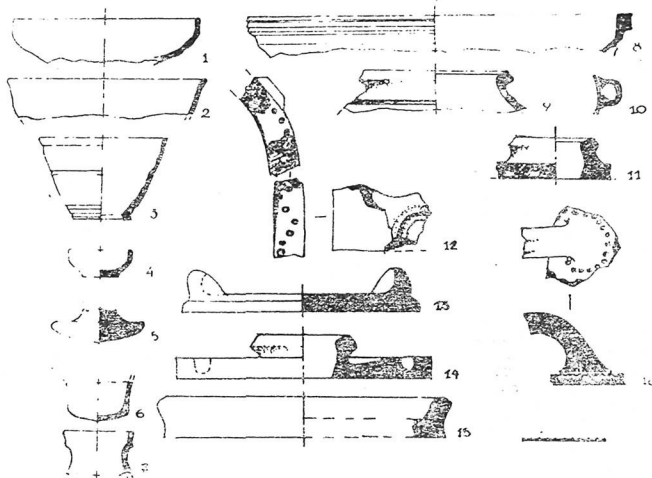

Рис. 4. Шурф № 7. Керамические изделия из свалки — 1, 2, 3, 8 — столовая посуда; 4 — чирог; 5 — наковаленка; 6 — сосудик баночной формы; 7 — кувшин; 9 — хумча; 10 — кружка; 11, 14 — очажные подставки; 12 — переносной очажок; 13, 16 — крышки для очагов; 15 — сковорода

2. Фрагмент верхней части миски кружального изготовления. Венчик представляет собой прямое продолжение бортика. Край заovalен. Поверхности покрыты красновато-коричневым ангобом. Цвет в изломе красный, однотонный. Тесто с незначительной примесью, наблюдается измельченная древесина. Размеры: сохранившаяся высота — 4,6 см, диаметр венчика — 24 см, толщина бортика — 0,5 см (рис. 4, 2)

3. Фрагмент верхней части миски кружального изготовления. Венчик профилирован вверх. Грани выражены. Цвет поверхностей и сколов красный, однотонный. В тесте примесь измельченной древесины. Размеры: диаметр венчика — 22 см, сохранившаяся высота — 16 см, толщина бортика — 0,5—0,6 см (рис. 4; 1).

По выявленным выше признакам, кувшины для воды, образцы кубковидных сосудов имеют близкие аналоги в слое Тали-Барзу II—III¹ и, следовательно, являются если не синхронными, то очень близкими по времени. Принимая во внимание известные комплексы, материал из заполнения свалки в IX ярусе шурфа № 7, в зоне Регистана, датируется V—VI вв. н. э.

IV. Кружки изготовлены фрагментом корпуса от одного экземпляра (рис. 4; 10). Сосуд изготовлен на гончарном круге и снабжен петлевидной ручкой. Верхняя часть сосуда покрыта коричневой краской, давшей после нанесения потеки. Цвет поверхностей и сколов красный, однотонный. Тесто со значительным количеством измельченной древесины.

V. Кухонная утварь представлена фрагментами котлов, очажных подставок, разного рода крышками для очагов, жаровнями.

Котлы представлены фрагментами верхних и донных частей от 25 экземпляров. Семь из них лепные, остальные кружального изготовления. По форме венчиков выделяется два типа.

1. Венчик профилирован вверх. Грани края выражены. Шейка невысокая, четко выражена (рис. 2; 11).

2. Венчик представляет собой прямое продолжение стенки относительно высокой горловины, край заovalен.

Судя по имеющимся фрагментам, сосуды первой группы были плоскородными и снабжались налпными ручками-защепами подковообразной формы (рис. 2; 12; 13), с пальцевыми тиснениями и защипами по краю.

Цвет поверхности и излом местами красный, серый, различных оттенков. В тесте в качестве примеси большое количество древесины.

Вторая группа изделий изготовлена на гончарном круге. По форме венчика выделяются три типа: 1) подпрямоугольный в сечении венчик. На верхней части формовкой выражено чередование трех валиков. Шейка невысокая, четко выражена (рис. 2; 8); 2) венчик представляет собой продолжение стенки. Грани края выражены в разной степени. По внутренней поверхности горловины выражено чередование трех валиков и двух желобков (рис. 2; 9); 3) клювовидный в сечении венчик (рис. 2; 10). Сосуды с таким венчиком представлены 10 фрагментами.

Отдельные котлы снабжались скобовидными ручками, прикрепленными к плечу сосудов горизонтально. Ручки в сечении круглые и имели по внешней поверхности тиснения нешироким тупым предметом. Наружные поверхности в большинстве случаев закопчены, как результат длительного пребывания на огне. Цвет поверхности и излома красный, однотонный. Тесто с примесью большого количества измельченной древесины.

VI. Переносные очажки представлены фрагментом от одного экземп-

¹ Тереножкин А. И. Согд и Чач //КСИМК.— Вып. XXXII.— М.; Л., 1950.

ляра (рис. 4; 12). Он лепной, подковообразной формы, снабжен двумя ручками-защепами дугообразной формы. По верхней границе передних, нешироких щитков имелись выступы-упоры для установления котлов. По фасадным щиткам и верхнему поясу в технике штампа нанесен орнамент. Цвет поверхностей и излома местами красный, серый, различных оттенков. Тесто с большим количеством примеси дресвы. Размеры: диаметр — 16 см, ширина щитков — 4 см, высота изделия — 9 см, диаметр отснуженого инструмента — 1 см.

VII. Очажные подставки представлены фрагментами от трех экземпляров (рис. 4; 11; 14); одна из них археологически целая. Они лепные, квадратной формы, с отверстием в центре. Вокруг отверстия, с одной из сторон плитки, на круге сформован относительно массивный венчик подквадратной в сечении формы. По углам поверхности с венчиком, в формовочной массе, до обжига, проделаны углубления. Цвет поверхностей и излома местами красный, серый, различных оттенков. Тесто с большим количеством примеси дресвы. Размеры: длина стороны квадрата плитки — 38 см, толщина изделия — 2,3—3,5 см, диаметр отверстия в центре — 8 см, высота венчика — 4,2 см, диаметр углубления по углам плитки — 2 см, их глубина — 2,7 см.

VIII. Жаровня представлена фрагментом от одного экземпляра (рис. 4; 15). Она лепная, круглой формы, с невысоким бортиком. Цвет поверхности и излома красный, однотонный. Тесто с примесью большого количества шамота. Размеры: диаметр жаровни — 46 см, высота — 5,2 см, высота бортика — 2,2 см, высота плоской части — 1,8 см.

IX. Очажные крышки представлены фрагментами от двух экземпляров. Обе лепные, круглой формы. В одном случае ручка скобовидная, орнаментирована двумя полосами в круговую, в технике гравировки (рис. 4; 16). Второе изделие снабжено двумя ручками-защепами, помещенными у края, симметрично с двух сторон (рис. 4; 13). Цвет поверхности и излома красный, серый, различных оттенков. Тесто с примесью дресвы, шамота.

X. Тагора представлены фрагментами верхних частей от двух экземпляров. Оба кружального изготовления (рис. 2; 5 и 4; 8). Форма венчика у них подквадратная в сечении. Цвет поверхности и излом красный, однотонный. Тесто с примесью измельченной дресвы.

XI. Плосковидной чирюжок представлен фрагментом от одного экземпляра (рис. 4ё 4). Он кружального изготовления. Цвет поверхности и сколов красный, однотонный. Тесто без примеси грубых инородных включений. Размеры: диаметр поддончика — 0,4 см, толщина бортика — 0,3 см, диаметр венчика — 8 см, высота изделия — 5, 4,5 см, толщина — 0,3 см.

XII. Инструментарий гончара представлен фрагментом лепной наковаленки в форме гриба, довольно редкое керамическое изделие (рис. 4, 5). Цвет поверхности и излома красный, однотонный. Тесто с примесью измельченной дресвы. Диаметр наковаленки — 11 см, толщина «рибка» — 2,8 см, диаметр ручки — 5 см. Наличие наковаленки в составе описанного керамического комплекса, свидетельствует о производстве в округе Гиссар в V—VI вв. н. э. болееемкостной тарной посуде, при изготовлении которой с целью уплотнения формируемой массы использовались такие наковаленки.

XIII. Изделие, форма которого и сфера хозяйственного использования неясны, представлено фрагментом нижней части сосуда с цилиндрической формой корпуса и неустойчивой, слабоокругленной донной частью. Сосуд кружального изготовления (рис. 4; 5). Цвет поверхности и излома красный, однотонный. В тесте имеется примесь дресвы. Размеры: диа-

метр дна — 7,4 см, сохранившаяся высота корпуса — 4,2 см, диаметр развода корпуса по сохранившемуся краю — 8 см, глубина скругления дна — 0,5 см, толщина стенки корпуса — 0,5 см, толщина дна — 0,6—0,7 см.

Заканчивая систематизирование керамического материала, собранного в свалке, прослеженной в VIII—X ярусах, необходимо отметить, что при шурфовке внутридворового участка медресе «Кухна», в шурфе № 13, были собраны аналогичные изделия. Полученный материал был отнесен Т. М. Атахановым к VII—VIII вв. Однако он не рассматривал, к какому из периодов упомянутого многослойного памятника относится комплекс из Гиссара².

Как уже отмечалось, изделия, извлеченные из заполнения свалки, тарная, столовая и кухонная посуда шурфа № 7, имеют самые близкие аналогии в слоях Тали-Барзу II—III³. Наблюдаемые сильные изменения в традициях керамистов, в сравнении с более ранними комплексами, заставляют искать причину этих изменений. В технологическом отношении здесь мы новшества не замечаем. Изменяется только моделирование форм или отдельных их частей. Распространяется нововведение в орнаменталистике изделий, изменяются художественные представления. С чем это связано? Изменяются ли стороны историко-культурных взаимосвязей или то миграция части народов с перенесением элементов своей материальной и духовной культуры? Эти вопросы ожидают своего решения.

Под свалкой, с глубины 400 см в западной ее части, начал проследживаться новый археологический горизонт с архитектурными остатками, пол которых зафиксирован на глубине 530 см. В восточной части шурфа в X—XI ярусах выявлена часть глиняной суфы. Поверхности суфы были покрыты многослойной саманной штукатуркой. В северной части шурфа на отмеченной глубине проследживается забутовка стены. Раскопанный участок стены и суфа представляют сплошную забутовку. Кирпичных кладок, сырцовых блоков или поясов не выявлено. В забутовке расчищен один кирпич размером 40×40×10×12 см. В заполнении помещения — разложившиеся строительные остатки. На уровне суфы и на полу помещения обнаружено незначительное количество керамических изделий, на рассмотрении которых мы остановимся.

На полу помещения расчищен хум, на дне которого обнаружена монета Великих Кушан⁴.

Тарный сосуд лепной, круглодонный, с высокой горловиной, венчик является прямым продолжением стенки горловины (рис. 5; 1). Грани края сглажены. По нижней части наружной поверхности горловины сформован валик. Корпус яйцевидной формы. Цвет поверхности и излома красный, однотонный. В изломе стенки корпуса, ближе к его внутренней поверхности имеется полоса серого цвета. Тесто с незначительным количеством измельченной дресвы. Размеры: высота сосуда — 190 см, высота горловины — 10 см, глубина дна — 11 см, диаметр горловины — 52 см, диаметр венчика — 58 см, диаметр дна — 62 см, толщина стенки горловины — 2,8—3,2 см, толщина стенки корпуса — 1,7 см.

Кроме описанного сосуда, в данном горизонте найден фрагмент ана-

² Атаханов Т. М. О работах Гиссарского археологического отряда в 1970 г. АРТ.— Вып. 10.— М., 1973.

³ Тереножкин И. Т. Указ. соч.

⁴ Монета передана в Институт истории АН Таджикистана.

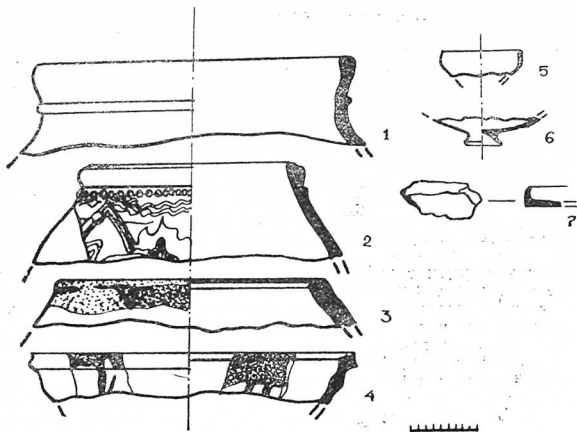

Рис. 5. Шурф № 7. Керамические изделия из X—XI ярусов; 1, 2, 3 — хумы; 4 — тагора; 5 — мисочка; 6 — ваза; 7 — чирог

логичного сосуда. Он также лепной и для данного вида является высокохудожественным. Форма венчика в сечении подтреугольная. Шейка невысокая, четко выражена. Наружная поверхность корпуса и венчика покрыта красным ангобом. Сосуд богато орнаментирован в технике гравировки, оттисков штампа, наклепами и пальцевым тиснением. Орнаментальная полоса скомпонована следующим образом. По шейке горловины во время формовки был выражен валик, по которому произведены частые пальцевые тиснения. Под ним — горизонтальный многолинейный зигзаг, нанесенный четырехзубой гребенкой. Ниже — горизонтальный зигзаг с широким шагом и с острыми узлами, нанесенный также четырехзубой гребенкой. На его фоне налеп в виде пуговицы и оттиск штампа с изображением «трилистника». Здесь же отдельные отрезки разнонаправленных зигзагов (рис. 5; 2). Цвет поверхности и излома — красный, однотонный. Тесто с незначительным количеством примеси мелких обломков дресвы и шамота. Размеры: диаметр горловины — 26 см, сохранившаяся высота — 22 см, толщина налепа — 0,3 см, толщина стенки корпуса — 1,2—1,5 см, диаметр налепа — 1,8 см. Хумы, близкие по размеру, в данное время снабжались двумя ручками.

Столовая посуда представлена фрагментами чашечки и вазы. Ваза станковой работы, имеет высокий кольцевой поддон (рис. 5; 6), выточенный при вторичной обработке данной части снаружи, при длительном ровном вращении. Внутренняя и наружная поверхность покрыты красным ангобом. Цвет поверхности и излома красный, однотонный. Тесто без примеси грубых инородных включений.

Размеры: сохранившаяся высота — 3,2 см, высота поддона — 4,7 см, толщина стенки корпуса — 0,5—0,8 см.

Чашечка представлена фрагментом бортика-закрайны (рис. 5; 5). Изделие станковой работы. Венчик представляет собой прямое продолжение стенки. Край заovalен. Корпус биконической формы. Верхний скос покрыт красным ангобом. Цвет поверхности и излома сколов красный, однотонный. Тесто без примеси грубых инородных включений.

Размеры: диаметр венчика — 11 см, наибольший развод корпуса — 12 см, сохранившаяся высота — 4 см, толщина бортика — 0,5—0,7 см.

Другие хозяйственные изделия представлены фрагменты тагоры и чирого. Тагора с полусферической, скорее сегментовидной формой корпуса. Изделие станковой работы. Венчик подпрямоугольной формы в сечении. Он украшен отдельными широкими мазками ангоба красного цвета, давшего потеки. Цвет поверхности из излома красный, однотонный. Тесто без примеси грубых инородных включений (рис. 5; 4). Размеры: диаметр венчика — 59 см, сохранившаяся; высота — 5 см, толщина бортика — 1,3 см.

Чирог обнаружен в заполнении суфы, лепной, удлиненный, овальной формы, с невысоким бортиком. Аналогичные чирогы обычно снабжались ручкой в виде «хвостика» и хорошо известны в археологических комплексах рубежа до н. э.— н. э. на Халчае.

После фиксации границ пола, поверхности суфы и стены, на площади шурфа, работы были продолжены. Под полом, начался слой темно-серо-коричневого цвета, который прослеживается до глубины 580 см. Ниже отмеченного уровня, по всей прокапываемой площади, начался слой мелкой гальки, с песком, без включения культурных остатков. На глубине 630 см углубление шурфа приостановлено, работы окончены.

В результате проведенных работ в зоне Регистана средневекового Гиссара выявлен четкий слой IX—XI вв., указывающий на существование здесь в отмеченное время, если не города, то по крайней мере поселения с едиными традициями в керамическом производстве Самарканда и Хульбука. Был обнаружен керамический комплекс V—VI вв. н. э., указывающий на значительное изменение во всем облике культуры среднеазиатских народов. Установлено, что площадь обживания Гиссарского городища V—VI вв. н. э. расширилась, фиксируемая ранее заложенным шурфами № 1, 2, 3, 6 на Регистане и шурфом № 1 во внутриворотовом пространстве «Караван Сарая» и составляет 1,1 га. Накоплен значительный керамический материал IX—XI вв. н. э., V—VI и I—III вв. н. э. Увеличилась также фиксируемая ранее площадь города первых веков н. э. Она составила 2,5 га на территории нижней площади Гиссарского городища.

Д. Довутов

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1980—1985 гг.

Кабинет нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикистана по инициативе его основателя Е. А. Давидович систематически с 1953 г. проводит регистрацию монетных находок на территории республики. Находки ряда лет опубликованы в серийном сборнике «Архе-

логические работы в Таджикистане»¹. Настоящая статья содержит список монетных находок за 1980—1985 гг. В нее не вошли монеты с городища Тахти Сангин, исследуемые Е. В. Зеймалем, монеты с городища Пенджикент и ряда других памятников. Монеты распределены по территориальному признаку, по древним городищам, а внутри — в хронологическом порядке. На наш взгляд, для монет, место находки которых точно известно, территориальное распределение представляется более целесообразным. Оно позволяет выявить динамику развития денежного обращения поселения или города, а археологам представляет дополнительный материал для определения возраста и продолжительности жизни памятника.

Большинство монет, в том числе кладов, включенных в данный список, происходит из археологических раскопок. Имеются и случайные находки, место обнаружения которых точно известно. Определены и краткое описание монет даны ниже. Здесь же считаем необходимым упомянуть ряд монет, редких для территории Таджикистана. К ним относятся: согдийская монета Ертегина (№ 839)², омейядский дирхем Истахра 93 г. х/711—712 г. (№ 136), фельс Тахира б. Абдаллаха (№ 827), саманидский фельс чекана Ходжента (№ 828), фельс газневида Масъуда (№ 96), караханидский дирхем чекана Уструшаны 40(3?) г. х. (№ 838). Монеты Ертегина в Таджикистане обнаружены впервые. Однако, как любезно сообщил нам В. А. Лившиц, такие монеты (2 экз.) найдены на городище Хонабад Ташкентской области. Омейядские дирхемы на территории республики представлены в Вашанском³ и Пенджикентском⁴ кладах, имеются также отдельные находки (3 экз.) на городище Пенджикент. В упомянутых двух кладах чекан Истахра представлен по одному экземпляру — 97 г. х. в Вашанском и 91 г. х. в Пенджикентском. Наш омейядский дирхем открывает новый пункт их распространения — Гиссар-

¹ Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. // Доклады Академии наук Таджикской ССР. — Вып. 11. — Сталинабад, 1954. — С. 69—79; Она же. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. — Вып. II. — Сталинабад, 1956. — С. 95—103; Она же. Монетные находки в Таджикистане, зарегистрированные в 1955 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. — Вып. III. — Сталинабад, 1956. — С. 113—121; Она же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. — Вып. IV. — Сталинабад, 1959. — С. 171—179; Она же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. — Вып. V. — Сталинабад, 1959, с. 153—161; Она же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. // Археологические работы в Таджикистане. — Вып. X (1970 г.). — Душанбе, 1973. — С. 249—281; Довутов Д. Новые монетные находки на территории Таджикской ССР // Археологические работы в Таджикистане. — Вып. XV (1975 г.). — Душанбе, 1980. — С. 200—209; Она же. Монетные находки в Таджикистане. — Вып. XVI (1976 г.). — Душанбе, 1982. — С. 185—193.

² Номера в скобках соответствуют порядковым номерам монет в статье.

³ Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. — М., 1979. — С. 92—117.

⁴ Беленицкий А. М. Клад серебряных монет из Пенджикента // ЭВ. — Вып. XVII. — 1966. — С. 92—100.

ская долина. Весьма редким является саманидский чекан Ходжента, кроме нашего известны всего лишь 3 экз., обнаруженные в Узбекистане⁵. Газневидский фельс Масъуда интересен металлом. Дело в том, что в Таджикистане и особенно на городище Хульбук часто находят газневидские серебряные монеты, а фельсы до сих пор не были найдены. Из тимуридских особый интерес представляют: монета с именем «Амир Тимур», найденная в городе Ленинабаде⁶ (№ 2190), фельс, чеканенный в городе Бадахшане (№ 177)⁷, и серебряная монета Хусайн Бахадура, чеканенная в 895 г. х. /1488—89 г. (№ 102). Следует отметить, что на упомянутой монете Хусайн Бахадура в центре поля о. с. в фигурном картуше находится слово به بود — «Бехбуд». Это же слово в сочетании с названием города.— «Бехбуди Хирот», «Бехбуди Балх» имеется на монете названного тимуридского правителя и на надчекане на монете Шахруха⁸. На нашей монете название города отсутствует, хотя не исключено, что по примеру ряда тимуридских серебряных монет оно находилось в конце легенды о. с. и осталось за монетным кружком. С другой стороны, слово «Бехбуд» встречается отдельно в надчекане на тимуридской серебряной монете⁹.

К числу редких относится джанидская (?) монета с именем Абу... Мухаммад Баходур-хана (№ 97). К сожалению, нам не удалось прочесть второе слово имени, хотя оно обозначено отчетливо. Также остается неизвестной личность этого хана, так как среди джанидов, выпускавших монеты, нет правителя с таким именем. Следует также упомянуть группу тяжеловесных монет (в.— 18—19 г) с толщиной кружка в 6—8 мм, обнаруженных в Гиссарской долине, а также еще в нескольких пунктах Южного Таджикистана (№ 15—17; 88, 176—177). Чтение надписей на этих монетах затруднено тем, что они не помещались полностью на монетном кружке, который был меньшего размера, чем диаметр штампея. Вес этих монет, а также характер надписи (крупные очертания букв) позволяет предположительно отнести их к моголам Индии (?). На выпуск их в XVI в. указывает дата (?) цифрами, сохранившаяся на одном экземпляре. Следует отметить, что тяжеловесные могольские монеты, чеканившиеся в Индии в правление Акбара, описаны в книге Абу-л-Фазла Аломи «Оини Акбари»¹⁰. Самой же поздней среди находок 1980—1985 гг.

⁵ Шишкина Г. В. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда // ИМКУ.— Ташкент, 1965.— С. 44; Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д., Ртвеладзе Э. В., Федоров М. Н. Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1972 г. /ОНУ.— 1978.— № 3.— С. 65—68.

⁶ Это уже вторая находка таких монет в названном городе, о первой находке см.: Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. // АРТ в 1954 г.— Сталинабад, 1956.— С. 101, № 17.

⁷ Подробное описание данной монеты см.: Довутов Д. Первая тимуридская медная монета чекана города Бадахшана // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе (философия, история, право).— Душанбе, 1987.— С. 169—172.

⁸ Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана.— С. 276—277.

⁹ Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г.— С. 277.

¹⁰ Абу-л-Фазл Аломи. Оини Акбари. Цилди дуввум. Лакхнаув, 1981, с. 18—19.

является медная танга, чеканенная в 1337 г. х. /1918—19 г. в Бухаре (№ 2196)*.

(В статье приняты следующие сокращения: л. с.—лицевая сторона; о. с.—оборотная сторона, в.—вес, д.—диаметр; м. н.—место находки; г. н.—год находки; м. хр.—место хранения.)

І. ЮЖНЫЕ РАЙОНЫ ТАДЖИКИСТАНА КУРГАН-ТЮБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Пянджский район

1. Сасанидская, Хосров I. На л. с. за ободком знак $\frac{O}{\Lambda}$. Знак монетного двора KR = Керман. Дата чекана — 31-й год правления царя = 562 г. н. э. Серебро. М. н.—Могильник Байтудашт, погребение № 7. Г. н.—1982. Шифр — H459¹¹.

2. Сасанидская, Хосров II. Знак монетного двора MR = Марв. Дата чекана — 3-й год правления царя = 592/93 г. н. э. Серебро. М. н.—Могильник Байтудашт, погребение № 7. Г. н.—1982. Шифр — H459.

Рис. 1. Монеты, найденные в Таджикистане в 1980—1985 гг. Номера монет соответствуют порядковым номерам в статье.

¹¹ Все монеты этого списка, в шифре которых обозначена буква Н, хранятся в кабинете нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикистана.

* Автор благодарит археологов Абдуллаева А., Маслова И., Соловьева В. С., Филимонову Т., Гулямову Э., Самойлика П. Т., Муллокандова М., Атаханова Т. М., Денищеву Г., Пулатова У., Эшонкулова У., Абдуллаева Д., Негматова Н., Джумаева В., Беляеву Т., Рахимова Н., Мирбабаева А., Талбакову Н. и Никитину О., а также Мухтарова А. и Юсупова Ш., которые представили нам монеты для публикации.

Шаартузский район

3. Джанидская, надписи сильно стерты. Серебро; в.—3,71 г; д.—24—27 мм. Случайная находка. Г. н.—1982. М. хр.—находится у Ш. Юсупова.

4. Позднесредневековая (?) (рис. 1, 4). Надписи не прочтены. время и место чекана не установлены. Медь; в.—7 г, д.—22 мм. Случайная находка. Г. н.—1982. М. хр.—находится у Ш. Юсупова.

Кобаднианский район

5—34. Средневековые, разновременные. Караханидская (?) (конец XII в.) или Джагатайдская (?) (XIII в.), надписи стерты. Медь (посеребряная) — 1 экз. Хорезмийские (XIV в.), на двух экземплярах обозначено название Хорезма — 3 экз. Тимуридская, Бухара, 832 г. х., на о. с. надчекан квадратной формы с надписью «Донги Зарби...» Тимуридские (?), надписи стерты (XV в.) — 2 экз. Джанидские (2 экз.). одна с именем Имамкулихана, на другой имя правителя стерто; серебро. Позднесредневековая (?) (1 экз.) с надписью «Зарби Ум ал-билад»? Балх на л. с., на о. с. изображение сабли; медь (рис. 1, 10). Великомогольские (?), 3 экз., на одном экземпляре дата цифрами ۹۸۸ — 988 (?) г. х. /1580—81 г. и на о. с. слово «ал-султон» (?), на других экземплярах надписи стерты, (рис. 1, 15), медь; в.—18,5 г, 18,5 г, 18,8 г, 18,1 г; д.—19—21 мм; толщина кружка — 6—8 мм. Китайская, иероглифы полустерты; 1/2 монеты; бронза (рис. 1, 18). На остальных 17 экземплярах надписи полностью стерты, относятся к XVI (?)—XIX вв. (?). Среди них есть мелкие монетки весом 0,2 г. М. н.—обнаружены в райцентре при раскопе входного портала в слое завала толщиной 20 см на площади 7×3,5 м². Г. н.—1985. Шифр — Н504.

Колхозабадский район

35. Кушанская, Канишка (рис. 1, 35). На л. с.—царь перед жертвенником, на о. с.—Митра (?) (ср. Е. В. Зеймаль. 1967, с. 67, рис. 7/1). Медь. Случайная находка в райцентре. Г. н.—1984. М. хр.—находится у Зубкова В. А.

Коммунистический район

Клады

36—87. Тимуридские, анонимные — 52 экз. (XV — начало XVI в.). Представлены монеты Бухары 832 г. х.; Бухары и Самарканда (1 экз.) второй половины XV в., Хисара 907 г. х. с изображением газели (1 экз.), Хорезма 771 г. х. /1369—70. Имеются монеты крупного, среднего и мелкого номинала. Большинство монет имеют надчеканы с надписью Донги, зарби (и наименование монетного двора). В надчеканах зафиксированы названия Самарканд и Хисор. Медь; м. н.—к-з К. Маркса, участок Юлдуз. Обнаружены россыпью в посевном поле после вспашки. На месте находки много фрагментов керамики. Г. н.—1983. Шифр — Н527.

Ильичевский район

88. Великомогольская (?), XVI в. (?). Надписи не уместились на мо-

нетном кружке, на л. с. «Фулус, зарби Дехли (?)». (рис. 1. 88). Медь; в.—19,8 г; д.—20 мм, толщина кружка—8 мм. М. н.—к-з Рассвет, к. Обикийк, случайная находка. Г. н.—1985. Доставлена для определения В. С. Соловьевым.

Яванский район

89. Тимуридская, Бухара, дата стерта (вторая половина XV в. (?). На о. с. надчекан. Медь, в.—3,6 г, д.—21—26 мм. М. н.—к. Дастчирोगи поён. Г. н.—1977. Шифр—Н443/2.

90. Тимуридская, Хи(сар). На о. с.—орнамент; дата не обозначена (начало XVI в. (?)) (ср. Е. А. Давидович, 1979, рис. 6/12). Медь; в.—4,4 г, д.—23—25 мм. М. н.—к. Дастчирोगи боло. Г. н.—1977. Шифр—Н443/1. Случайная находка.

91. Тимуридская, надписи стерты. На о. с.—орнамент, дата не обозначена (вторая половина XV—нач. XVI в. (?)). Медь; в.—4,5 г, д.—24—25 мм. М. н.—крепость Навобод. Случайная находка. Г. н.—1977. Шифр—Н443/3.

Дангаринский район

Поселок Кангурт.

92. Тимуридская, анонимная. Название города и дата стерты. (XV в. (?)) Медь; в.—4,6 г, д.—13—15 мм, первая терраса к востоку от поселка. Г. н.—1980 годы. Шифр—Н505.

Кулябская область Восейский район

Городище Хульбук (Хульбак)¹².

93. Саманидская, Нух б. Мансур. ал-Хутал (чтение названия монетного двора предложено Б. Д. Кочневом), 366 г. х. /976—77 г. Медь; в.—1,8 г, д.—24 мм, м. н.—помещение 33, в проходе во двор, над полом. Г. н.—1983. Шифр—Н506.

94. Газневидская, Масъуд. 1/2 монеты. Серебро; в.—13 г, д.—16 мм, м. н.—помещение 33, над полом. Г. н.—1983. Шифр—Н506.

95. Газневидская, Масъуд. На о. с. «ал-Каим би амри Аллах». От даты сохранилась сотня—4... г. х. Край обломан. Серебро; д.—20 мм. Случайная находка, находится у Мирзоева Ш.

96. Газневидская, Масъуд. На л. с. сверху—«ал-Каим». внизу «би амри Аллах». На о. с. внизу «Носир ад-дин Аллахи». Круговые легенды стерты и срезаны. Медь; в.—3,3 г, д.—25 мм. М. н.—на кирпичной вымостке пола двора. Г. н.—1978. Шифр—507.

---

¹² Название Хулбак представляется нам более правильным, чем принятый в литературе Хульбук. На это указывает написание этого слова в сочинении «Худуд ул-Олам», а также название современного кишлака (Хулбак), расположенного в 12 км от городища.

Московский район

Городище Сайёд

97. Джанидская (?). ابو محمد بهادرخان «Абу... Мухаммад Баходурхон. (рис. 1, 97). Круговые надписи стерты, с краю пробито отверстие. Медь; в.—3,2 г, д.—29—32 мм. М. н.—верхний слой двора. Г. н.—1973. Шифр — Н509.

Ленинградский район (бывший Муминабадский)

Мавзолей Шохи Хомуш в селении Лангар

98. Тимуридская. Самар(канд), дата стерта (начало XVI в. (?). Медь; в.—4,2 г, д.—23—25 мм. М. н.—поисковая траншея № 1, на глубине 1 м. Г. н.—1980. М. хр.—Специальные научно-производственные реставрационные мастерские при Министерстве культуры Таджикистана (далее: Реставрационные мастерские).

99. Тимуридская (?). Название города и дата стерты (вторая половина XV в. (?). Медь; в.—3,88 г, д.—23 мм. М. н.—в закладке северной стены. Г. н.—1982. М. хр.—Реставрационные мастерские.

100. Тимуридская, надписи стерты. Медь; в.—4,13 г, д.—21—22 мм. М. н.—поисковая траншея № 1. Г. н.—1980 годы (?). М. хр.—Реставрационные мастерские.

101. Позднесредневековая (?), надписи стерты. Медь; в.—0,46 г, д.—11—13 мм. М. н.—поисковая траншея № 1, на глубине 1 м. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские.

Ховалингский район

102. Тимуридская, «Хусайн Баходур, ал-султон ал-а'зам абу ал-гози султон». В центре в фигурном картуше слово «به بود» — «Бехбуд», дата цифрами — 895 (или 4?) г. х. /1488—89 г. Серебро; в.—4,5 г, д.—20—23 мм; случайная находка. Г. н.—1983. Шифр — Н491.

Городище Шахри Минг

103. Караханидская с именем халифа ал-Кадир би-Аллахи. Надписи полустерты, края выщерблены, кружок тонкий, имеет три маленьких отверстия (видимо, монета была использована в качестве украшения). Серебро; в.—0,27 г, д.—16 мм. М. н.—могильник, в отвале. Г. н.—1981. Шифр — Н447.

104. Чагатайдская (?). В центре поля знак — Ф; надписи сильно стерты. Бухара (?). XIII—XIV в. (?). Серебро; в.—6,9 г, д.—30 мм; случайная находка. М. хр.—Музей средней школы в кишлаке Дороби Ховалингского района¹³.

105. Хорезмийская. Хорезм, дата цифрами — 771 г. х. /1369—70 г. Медь; в.—2,5 г, д.—19 мм. Г. н.—1980.

106. Хорезмийская, XIV в. Медь; в.—1,8 г; д.—17—18 мм; случайная находка. Г. н.—1980. Шифр — Н427.

¹³ В этом же школьном музее хранятся все нижеперечисленные монеты из Ховалинского района, кроме тех, которые имеют шифр.

107. Тимуридская, Султон Махмуд. Кум (μ^5), дата стерта. Серебро; в.—5,8 г, д.—25—28 мм; случайная находка. Г. н.—1980.
108. Тимуридская, анонимная. Бухара, 832 г. х. (1428—29 г.). На о. с. надчекан прямоугольной формы со словом «Донги». С краю пробито отверстие. Медь; в.—4,9 г, д.—23—27 мм. Случайная находка. Г. н.—1980.
109. Тимуридская, анонимная. Самарканд, дата стерта (вторая половина XV в. (?)). На о. с. надчекан со словом «Адл». Медь; в.—4 г, д.—23—24 мм; случайная находка. Г. н.—1980. Шифр—Н444.
110. Тимуридская, анонимная. Самарканд, дата стерта (конец XV—нач. XVI в. (?)). Медь; в.—2,7 г, д.—25 мм. Г. н.—1980.
111. Тимуридская, анонимная. Название города и дата стерты (вторая половина XV в. (?)). На о. с. надчекан с надписью «Адл Хисор». Медь; в.—2,7 г; д.—25 мм. Случайная находка. Г. н.—1980.
112. Тимуридский двойной динар с изображением газели, Термез (?), дата стерта (907 г. х. /1500—1501 г. (?)). Медь; в.—8,5 г, д.—25 мм. Случайная находка. Г. н.—1980.
113. Тимуридский двойной динар с изображением газели. Название города и дата стерты (907 г. х. (?). /1500—1501 гг.). Медь; в.—7,6 г, д.—25 мм; случайная находка. Г. н.—1980.
114. Тимуридская (?), надписи стерты. Медь; в.—5,6 г, д.—24—25 мм; случайная находка. Г. н.—1981. Шифр—Н445/1.
115. Джанидская (?), надписи стерты. Серебро; в.—3 г; д.—20—23 мм; случайная находка. Г. н.—1980.
116. Позднесредневековая (?) (рис. 1, 116). Время и место чекана не известны. Медь; в.—3,2 г, д.—13—15 мм; случайная находка. Г. н.—1980. Шифр—Н427.
117. Позднесредневековая (?) Тип, как № 116. Медь; в.—2,8 г, д.—13 мм; случайная находка. Г. н.—1980.
118. Позднесредневековая (?), на л. с. шестиконечная (?) звезда. Медь; в.—1,8 г, д.—17 мм, случайная находка. Г. н.—1980.
119. Позднесредневековая (?) (рис. 1, 119). Время и место чекана не известны. Медь; в.—1,1 г, д.—15 мм; случайная находка. Г. н.—1980.
120. Средневековая (?), надписи стерты. Медь; в.—0,5 г, д.—11 мм; случайная находка. Г. н.—1980.
- 121—122. Две медные пластинки без следов надписи, возможно, заготовки для монет; в.—3,96 г, д.—25—27 мм; в.—2,68 г, д.—25 мм; М. н.—средневековый могильник, в погребении. Г. н.—1980. Шифр—Н447.
123. Серебряная пластинка, без следов надписи, возможно, заготовка для монеты; в.—2,5 г, д.—17 мм. М. н.—средневековый могильник, в погребении. Г. н.—1980. Шифр—Н447.
124. Позднесредневековая (?), надписи стерты. 1/2 монеты. Медь; в.—3 г, д.—22 мм. М. н.—средневековый могильник, раскоп I, в завале. Г. н.—1981. Шифр—Н446.
125. Русская, Александр I. 1810 г. На л. с. надпись «1 копейка», внизу под чертой знаки Колпинского монетного двора «к» и «м». На о. с. двухглавый орел. В центре пробито отверстие—1 мм. Медь; в.—5 г, д.—23 мм, случайная находка. Г. н.—1981. Шифр—Н449.

II. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ТАДЖИКИСТАНА

Турсунзадевский район (бывший Регарский)

Клады

126—129. Тимуридские, анонимные. (4 экз.— часть клада). Бухара, 832 г. х. /1428—29 г. На трех экземплярах надчеканы с надписью «Донги, Зарби Самарканд». Медь; м. н.—к. Гулхас, случайная находка. Г. н.—1984. Шифр — Н508.

Отдельные находки

Городище Культеппа

130. Хорезмшахская. Мухаммад б. Текеш. Чаганиян, 616 г. х./1219—20 г. На о. с. сверху слово «Санджари». (тип, как № 5, см. Е. А. Давидович, 1979, табл. 12/5). Медь (посеребренная); в.—3,9 г, д.—32 мм, случайная находка. Г. н.—1983. Шифр — Н510.

131. Тимуридский двойной динар с изображением газели. Название города стерто, дата цифрами — 907 г. х. (или 901 (?) г. х. /1501—1502 г. У края пробито отверстие = 1,5 мм. Медь, в.—7,17 г, д.—25—27 мм; случайная находка. Г. н.—1983. Шифр — Н510.

132. Тимуридский двойной динар. Надпись на л. с. стерта. О. с.—анэпиграфная. Дата не обозначена. (начало XVI в.) (тип, как № 2, табл. 20, см. Е. А. Давидович, 1979) Медь; в.—6,91 г, д.—29—31 мм; случайная находка. Г. н.—1983. Шифр — Н510.

Городище Узбеконтеспа

133—135. Тимуридские, анонимные. 3 экз., возможно, часть клада: 1) двойной динар с изображением газели, Хисар, 907 г. х.; 2) как предыдущий, дата стерта, 3) надписи л. с, стерты. о. с.—анэпиграфная. Медь; в.—9,4 г; 7,6 г, 8,4 г; д.—24 мм; 25 мм; 26—27 мм. М. н.—к-з Коммунизм, случайная находка. Г. н.—1980. Шифр — Н511.

Поселение Ширкент.

136. Омейядская. Истахр, 93 г. х. /711—712 г. Серебро, м. н.—объект I, пом. 7. Г. н.—1985. Шифр — Н 494.

Гиссарский район

Клады

137—146. Двойные медные динары с изображением газели — 10 экз. Хисар, 907 г. х. /1501—1502 г. (дата сохранилась на 3-х экз.). М. н.—совхоз «Дружба», недалеко от к. Нилу; случайная находка. Г. н.—1983. Шифр — Н489.

Отдельные находки

147. Кушанская. «Сотер Мегас», Медь; в.—6,9 г, д.—18 мм, случайная находка. Г. н.—1982. Находится у Юсупова Ш.

Территория средневекового Хисара

148. Кушанская, «Сотер Мегас». Медь; случайная находка. Находится у Курганова Н.

149. Хорезмшахская (?) На л. с.—надпись «...ад-дунье /ва ад-дин Мухаммад /бин Султон». На о. с. надпись «Зарби Хворазм (?)». (рис. 1, 149). Медь; в.—2,5 г, д.—15 мм, случайная находка. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр — КП 1/430.

150. Тимуридская, анонимная, 832 г. х. Название города стерто. Три сильно стертые надчекана — один на о. с. и два на л. с. Медь; в.—5,4 г. д.—24 мм, случайная находка. Г. н.—1979. Шифр — Н452.

151. Тимуридская¹⁴, надписи стерты. (XIV в.). (рис. 1, 151). Медь; в.—3,8 г, д.—23—25 мм, случайная находка. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские.

152. Джанидская. Абдулазиз (хан). Серебро; в.—3,8 г. д.—17 мм. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр — КП 1/429.

153. Мангытская с именем покойного Амир Хайдара. Бухара, 1312 г. х. /1894—95 г. Серебро; случайная находка. Г. н.—1984. М. хр.—находится у Н. Курганова.

154. Мангытская, с именем покойного Амир Хайдара. Бухара, 1301 г. х. /1883—84 г., с ушком. Надписи искажены, возможно, позднейшая подделка для украшения. Серебро; в.—2,6 г., д.—15 мм. М. н.—приобретена в Гиссарском поселке. Шифр — Н512.

155. Мангытская. Бухара. Имя правителя и год чекана стерты (XIX в.). Серебро, случайная находка. Г. н.—1984. Находится у Н. Курганова.

156. Мелкая монетка без следов надписи (пули сиёх). Медь; случайная находка. Г. н.—1984. Находится у Н. Курганова.

157. Неопределенная. Надписи стерты. Медь; в.—7,18 г, д.—18—19 мм. М. н.—зона строительства ср. школы, котлован «Блок». Г. н.—1984. М. хр.—Гиссарский историко-архитектурный заповедник.

Площадь Регистан

158. Кушанская, Канишка I. На л. с.—стоящий царь (рис. 1, 158), о. с. попорчена коррозией. (ср. Е. В. Зеймаль. 1983). Медь; в.—6,6 г, д.—20—21 мм. М. н.—площадь Регистан. Г. н.—1984. М. хр.—Реставрационные мастерские.

159. Кушанская, подражание монетам Канишки III (рис. 1, 159). (ср. Е. В. Зеймаль. 1983, табл. 29). Медь; в.—6,3 г, д.—18—20 мм, М. н.—шурф № 7. глубина — 470 см. Г. н.—1984. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр — КП 4/232.

160. Тимуридская, анонимная. Бухара, 832 г. х. с надчеканом. Медь; в.—3,2 г, д.—24 мм. М. н.—уровень зольного слоя. Г. н.—1982. М. хр.—Реставрационные мастерские.

161. Тимуридская, анонимная. Бухара. 832 г. х., с надчеканом. (Этот тип надчекана Е. А. Давидович (1953 г.) датирует 917—918 г. х. /1512—1513 г. Медь. М. н.—уровень зольника. М. хр.—Реставрационные мастерские.

162. Тимуридская. Термез (?), дата стерта (XV в. (?)). Медь; в.—3,9 г, д.—22 мм. М. н.—в желобке тахаратханы. Г. н.—1982. М. хр.—Реставрационные мастерские.

163. Тимуридская. Надписи стерты. Медь; в.—2,8 г, д.—20—23 мм.

¹⁴ Аналогичная монета лучшей сохранности (№ 2190 настоящего списка) имеется среди находок из г. Ленинабада (Худжанда). На её л. с. располагается надпись «Амир Тимур».

М. н.— на уровне Мадрасаи Кухна. Г. н.— 1984. М. хр.— Реставрационные мастерские. Шифр — КП 4/233.

164. Позднесредневековая (?). Надписи стерты. Медь; в.— 3,39 г. д.— 16—18 мм. М. н.— 20 см выше уровня основания подпорной стены (зачистка № 1). М. хр.— Реставрационные мастерские.

165. Позднесредневековая (дата чекана не установлена) с изображением сабли (рис. 1, 165) (ср. с № 14 настоящего списка). Медь; в.— 4,4 г, д.— 15 мм. М. н.— зачистка к востоку от подпорки стены, 20 см выше основания. Г. н.— 1981. М. хр.— Реставрационные мастерские.

166—167. Позднесредневековые (2 экз.). Надписи стерты. Медь; в.— 3,2 г, д.— 15—17 мм; в.— 1,48 г; д.— 12 мм. М. н.— средний слой. Г. н.— 1981. М. хр.— Реставрационные мастерские. Шифр — КП 4/212; 4/213.

168. Позднесредневековая (?) (рис. 1 168). Медь; в.— 4,8 г; д.— 14—15 мм. М. хр.— Гиссарский историко-архитектурный заповедник.

169. Позднесредневековая (?) (рис. 1, 169). Медь; в.— 3,9 г. д.— 14—20 мм. случайная находка. Г. н.— 1984. М. хр.— Гиссарский историко-архитектурный заповедник.

170. Позднесредневековая. Бухара (?), дата чекана неизвестна (рис. 2, 170). Медь; в.— 4,3 г, д.— 14 мм, случайная находка. Г. н.— 1984. М. хр.— Гиссарский историко-архитектурный заповедник.

171. Позднесредневековая (?), надписи стерты. Медь; в.— 2,7 г, д.— 15 мм; случайная находка. Г. н.— 1984. М. хр.— Гиссарский историко-архитектурный заповедник.

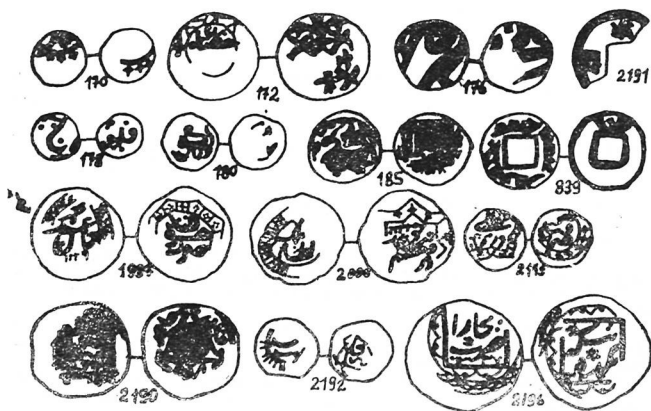

Рис. 2. Монеты, найденные в Таджикистане в 1980—1985 гг. Номера монет соответствуют порядковым номерам в статье.

Ворота Арк

172. Тимуридская. Хисар, 918 г. х. /1512—1513 г. На о. с. орнамент (рис. 2, 172). Медь; в.—4,2 г, д.—22 мм. М. н.—у основания правой стороны. Г. н.—1981. М. хр.—Реставрационные мастерские.

173. Тимуридская, с надчеканом треугольной формы. Надписи стерты. (конец XV—начало XVI в. (?)). Медь; в.—2,6 г; д.—19—20 мм. М. н.—старые ворота, в кладке. Г. н.—1984. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр — КП 4/234.

174. Джанидская (Мухаммад Рахимхон). Определена по остаткам картуша. На л. с. двойной, а на о. с. тройной чекан. Серебро; в.—2,2 г; д.—27—29 мм. М. н.—мазар у ворот Арк, верхний слой. Г. н.—1982. М. хр.—Реставрационные мастерские.

Медресе Чашмаи Мохиён

175. Тимуридская, анонимная. Бадахшан, без обозначения даты¹⁵. Медь; в.—5,2 г, д.—23 мм. Г. н.—1982. М. хр.—Реставрационные мастерские.

176. Могольская (?), XVI в., надписи полустерты (рис. 2, 176). Медь; в.—18 г, д.—19 мм; толщина кружка — 8 мм. М. н.—пом. I, на уровне фундамента. М. хр.—Реставрационные мастерские.

177. Могольская (?) XVI в. (?). Надписи стерты. Медь; в.—17,5 г, д.—20 мм, толщина кружка — 6 мм. М. н.—северо-западная часть здания, на глубине 0,5 м от поверхности. Г. н.—1983. М. хр.—Реставрационные мастерские.

Мадрасаи Нав

178. Позднесредневековая (?). На л. с. слово «Фулус», на о. с. знак или буква г (рис. 178). Медь; в.—1,9 г, д.—12 мм. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские.

179. Позднесредневековая (?) (Самарканд?) Надписи стерты. Медь; в.—0,66 г, д.—15—16 мм. Г. н.—1981. М. хр.—Реставрационные мастерские.

Мечеть Сангин

180. Средневековая. На л. с. изображение льва, о. с. стерта (рис. 2, 180). Медь; в.—1,3 г, д.—14—15 мм. М. н.—на уровне основания здания. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские.

Караван-Сарай

181. Неопределенная, надписи стерты. Медь; в.—1,6 г, д.—14—16 мм. М. н.—на уровне отметки северного фасада. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр — КП 3/20.

182. Неопределенная, надписи стерты. 1/2 монеты. Медь. М. н.—на уровне отметки северного фасада. Г. н.—1981. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр — КП 3/21.

¹⁵ Ввиду редкости данной монете посвящена отдельная статья.

г. Душанбе

183. Кушанская, Куджула Кадфиз. На о. с. стоящий Геракл (тип, как № 1, с. 56, см; Зеймаль Е. В., 1967). Медь; в.—5,3 г, д.—20—22 мм. М. н.—точно неизвестно, приобретена в г. Душанбе. Г. н.—1985 (?). Шифр — Н514.

184. Чагатайдская с именем Насир ли-дин (тип, как монеты Отрара третьей четверти XIII в., см.: Давидович Е. А., 1972, с. 19). Медь (посеребренная); в.—6,3 г, д.—41 мм. М. н.—при рытье карьера. Г. н.—1983. М. хр.—находится у Д. Рябовалова.

185. Хорезмийская, анонимная. Дата не обозначена (рис. 2, 185) (60—70 гг. XIV в.) Тип ср. Федоров-Давыдов, 1965, с. 194, табл. V, рис. 44. Медь. М. н.—при рытье фундамента в районе автовокзала. Г. н.—1985 г. На определение доставлена Э. Гулямовой.

186. Тимуридская, анонимная. Бухара, 832 г. х. /1428—29 г. Медь; в.—4,4 г, д.—21—24 мм. М. н.—при земляных работах в окрестностях города. Г. н.—1980 годы. Шифр — Н513.

187. Тимуридская, анонимная. Бухара, 832 г. х. /1428—29 г. Медь; в.—7,2 г, д.—27 мм. Г. н.—1984. М. н.—точно неизвестно, приобретена в г. Душанбе. Шифр — Н514.

188. Тимуридская (?). Название города и дата стерты (вторая половина XV в. (?)). На л. с. шестиконечная звезда и надчекан с надписью «Донги, зарби Самарканд». Медь; в.—3,9 г, д.—21—22 мм. М. н.—при земляных работах в окрестностях города. Г. н.—1980. Шифр — Н513.

189—230. Позднесредневековые — 42 экз. (XVI в. (?) — XVIII в. (?)). На большинстве экземпляров надписи полностью стерты. Имеется одна тяжеловесная монета, как № 88 настоящего списка. Медь. М. н.—Душанбинское городище (расположено на территории воинской части, на террасе слева от р. Душанбинка), объект II. Г. н.—1983. Шифр — Н526.

Орджоникидзебадский район

231. Кушанская, Хувишка. Л. с.—царь, сидящий на тахте. О. с.—Божество Михр, справа остатки легенды. Медь; в.—10,3 г, д.—21—24 мм. М. н.—случайная находка на территории к-за Коммунизм. Г. н.—1983. М. хр.—доставлена для определения Гаджиевой А. А.

232. Сасанидская, Ковад I. Знак монетного двора RD—Рей (по Р. Гёбл). Год чекана — 17 (?) или 37 (год правления царя). Серебро. в.—3,7 г, д.—28 мм; случайная находка Г. н.—1981. Шифр — Н451.

233. Караханидская. Узгенд, 395 г. х. /1004—1005 г. На о. с. в поле имя халифа ал-Кадир а би Аллахи и титулы правителя Носир ал-Хак-хон, ал-Муайид ал Адл, Илек. Внизу по-уйгурски — Наср. Серебро; в.—2,8 г, д.—25 мм. М. н.—случайная находка на территории к-за Ленинград, к. Окчагман, в местности Теппаи Кози. Г. н.—1981. Шифр — Н454.

234. Тимуридская, 832 г. х. Название города стерто. На л. с. надчекан квадратной формы. Медь; в.—4, 2 г, д.—22—26 мм; случайная находка в Орджоникидзебадском (?) или Файзабадском (?) районах. Шифр — Н. 453.

Файзабадский район

Городище Вашгирд

235. Саманидская, 24. г. х. (между 855—864 гг.) Имя правителя

и название города стерты. Медь; в.— 4,6 г, д.— 25—26 мм; с краю пробито отверстие. Шифр — Н515.

Ленинский район

Клады

236—285. Караханидские, Чаганиан, вторая четверть XI в. (общее количество — 132 целых и 56 обломков монет). Монеты чеканены от имени халифов ал-Кадир и ал-Каим между 1014—1026 г. х. 1023—1035 г. Есть почётные титулы Насир ал-хак хан и ал-Малик ал-Адил. Серебро низкопробное (по внешнему виду). М. н.—к. Гоzi Малик, случайная находка. Г. н.— 1984. Шифр — Н544.

Городище Ишкобод

386—804. Тимуридские, анонимные (общее количество 419 экз.). Рассмотрено 309 экз. Из них: чекан Бухары — 186 экз., Самарканда — 2 экз. и Карши — 1 экз. с датой 832 г. х. На 21 экз. сохранились только дата 832 г. х. Представлены также чекан Хисара (1 экз.— дата не обозначена, на о. с. орнамент), Урду (1 экз.) с датой 861 (?) г. х. Есть монета с датой 852 г. х., название города на ней и еще на двух экземплярах пока не прочтено, хотя и обозначено отчетливо. На 80 экз. дата и название города стерты. 180 монет клада имеют надчеканы (от 1 до 3-х) с названиями Самарканда (27 экз.), Бухары (3 экз.), Шахрухи (4 экз.), Андигана (2 экз.) и Хисара (7 экз.). Медь. Г. н.— 1983. Шифр — Н488.

Отдельные находки

805. Караханидская с именем халифа ал-Кадир би-Аллахи. Круговые легенды стерты. Серебро (низкопробное по внешнему виду); в.— 3,7 г, д.— 28—29 мм; случайная находка. Г. н.— 1985. М. хр.— доставлено для определения Н. Кургановым.

Городище Ишкобод

806. Тимуридская, анонимная. Бухара, 832 г. х. Медь; в.— 4,8 г, д.— 25 мм; случайная находка. Г. н.— 1983. Шифр — Н516.

СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ ТАДЖИКИСТАНА

Ленинабадская область

Пенджикентский район

Городище Пенджикент¹⁶

807—810. Согдийские: Тургар, деградировавший тип (1 экз.); Бидкан (1 экз.), Нана, тип как № 412 по каталогу О. И. Смирновой, 1963 (1 экз.)

¹⁶ Ежегодные находки монет с этого городища исследуются В. И. Распоповой. В настоящий список включено лишь несколько экземпляров, представленных нам на определение.

неопределенная, надписи стерты (1 экз.). Бронза; в.—1 г, 2,3 г, 2 г, д.—16 мм, 20 мм, 19 мм. Случайная находка. Г. н.—1982. Шифр—Н517.

Селение Зебон

811—812. Согдийская. Гамакйан, Панч (Пенджикент), VII в. (1 экз.) Неопределенная монета (или заготовка для монеты?) без следов надписи (1 экз.). Бронза; в.—4,4 г, д.—25 мм; в.—3,3 г, д.—25 мм, случайная находка. Г. н.—1980. Шифр—Н503.

Мавзолей Мухаммада Бошаро

813. Шайбанидская с надписью «Зарби Самарканд, ширмард». На л. с. и на о. с. двойной чекан. Серебро; в.—4,1 г, д.—21—26 мм. М. н.—скилп, в завале. Г. н.—1980. М. хр.—Реставрационные мастерские. Шифр—КП 4/68.

Город Пенджикент

814. Русская царская монета достоинством «2 копейки» чеканена в 1866 г. Медь; в.—9,3 г, д.—28 мм; случайная находка. Г. н.—1981. Шифр—Н450.

Айнинский район

Поселение Кум

815. Согдийская, Тархун (700 (?)—710 гг.) Бронза; в.—1 г, д.—20 мм. М. н.—пом. 18 (зал), в слое пожараща, в 25 см выше пола. Г. н.—1980. Шифр—Н448.

Уратюбинский район

Шахристан

Клады

816—820. Караханидские—5 экз., низкопробное серебро (XI в.) и «бухархудатская» (1 экз.). Караханидские с именем халифа ал-Кадир би-Аллахи. На одном экземпляре имя Кадир-хан. на другом Чагри-тегин. Титулатура-хон, малик ал-машрик, умод ад-давла. «Бухархудатская» с именем халифа ал-Махди, посеребренная (местами отчетливо проглядывает медная основа). М. н.—случайная находка в поселке. Г. н.—1976. Шифр—Н518.

Калаи Қахқаха I

821—824. Караханидские (4 экз., слипшиеся в один комок), Ибрахим Арслан-хакан, Уздженд. 570 г. х. /1174—75 г. Медь (посеребренная). М. н.—объект VII, пом. 3. на полу. Шифр—Н519.

Отдельные находки

Калаи Какхаха II

825. Согдийская, Тархун (700?—710 гг.). Бронза, М. н.—объект I—II, пом. № 3, на полу у прохода. Г. н.—1985. М. хр.—находится в фондах Северо-Таджикистанской комплексной экспедиции.

Калаи Какхаха III

826. Тахиридская, Тахир б. Абд аллах—Шаш (?) 233 г. х. /847—48 г. Медь; в.—2,1 г, д.—22—23 мм; у края пробито отверстие; случайная находка. Г. н.—1976, Шифр—H497.

827. Саманидская, Худжанд. В поле внизу на о. с. имя Нух, в круговой надписи имя... б. Асад, на л. с. внизу имя Баба (?) Мухаммад; (2) 77 г. х. 890—91 г. Медь; в.—3,4 г, д.—26 мм; случайная находка. Г. н.—1976. Шифр—H497.

828. Саманидская (?), надписи стерты. Медь; в.—1,5 г, д.—20—21 мм. М. н.—случайная находка на территории поселка. Г. н.—1982. Шифр—H521/1.

829. Саманидская, Наср б. Ахмад, Бинкет, 306 г. х. /918—19 г. В поле внизу о. с. имя Нух. Медь; в.—3,1 г, д.—25 мм. М. н.—случайная находка у подножия городища Калаи Какхаха, на расстоянии 100 м от него. Г. н.—1982. Шифр—H521/2.

830. Караханидская. 405 г. х. /1014—15 г. На о. с. имя халифа ал-Кадир би Аллахи, внизу «ка'н» (?). Медь; в.—2,1 г, д.—27 мм; случайная находка. Г. н.—1976. Шифр—H497.

831. Тимуридская, надписи стерты (XV в. (?)). Медь; в.—4,7 г, д.—23—24 мм., случайная находка. Г. н.—1976. Шифр—H497.

Сойи гургхона (Квартал гончаров)

832. Саманидская, Нух б. Наср. Карят?... 334 г. х. /944—945 г. Медь; в.—2,5 г, д.—23 мм. М. н.—пом. № 4. Г. н.—1976. Шифр—H500.

833. Саманидская, Наср б. Ахмад. Кашгар, 305 г. х. /917—918 г. Медь; в.—1,8 г, д.—24 мм. М. н.—пом. № 4. Г. н.—1976. Шифр—H500.

834. Саманидская. Внизу на л. с. имя Мансур. Название города и дата стерты. Медь; в.—1,7 г, д.—23—24 мм. случайная находка. Г. н.—1984. Шифр—H522.

835. Саманидская (?) или Тахиридская (?), выпускные данные стерты. Медь; в.—1,8 г, д.—21—23 мм. М. н.—шурф III, на полу помещения. Г. н.—1982. Шифр—H521/3.

836. Саманидская, надписи стерты. Медь; в.—1,6 г, д.—22 мм; с двух сторон следы литников? М. н.—шурф № 2. Г. н.—1982. Шифр—H521/4.

837. Караханидская. Уструшана, 403? г. х. /1012—13. Шамс ад-даула, хан, Мухаммад б. Али. илек. Внизу имя Наср уйгурским письмом. Серебро; в.—1,8 г, д.—26 мм. случайная находка в жилищно-производственном комплексе. Г. н.—1982. Шифр—H521/5.

838. Караханидская, Худжанд, 404 г. х. /1013—14 г. Надписи полу-стерты, внизу имя Наср уйгурским письмом. Серебро; в.—1,6 г, д.—25 мм. М. н.—жилищно-производственный комплекс, квартал гончаров, найдена на тамбуре. Г. н.—1980. Шифр—H520.

Поселение Қалаи Сар

839. Согдийская¹⁷. Л. с.— согдийская надпись «
«ппсв (или псв) 'угткуп w Нанчу (Банчу?) Ертегин государь». О.
с.— слово Фарн (чтение В. А. Лившица). Слово Нанчу является либо
частью имени, либо нисбой от названия местности (рис. 2, 839). Бронза;
в.— 1,5 г, д.— 20 мм. М. н.— пом. 19, пол. Г. н.— 1982. Шифр — Н501/1.

840. Саманидская, Наср б. Ахмад. Самарканд, 274 г. х. /887—888 г.
Медь; в.— 4 г, д.— 25 мм. М. н.— пом. 19, на полу. Г. н.— 1982. Шифр —
Н490.

841. Саманидская, Бухара. Имя правителя и дата стерты. Медь; в.—
1,9 г, д.— 23 мм. М. н.— пом. 15. Г. н.— 1982. Шифр — Н501.

Калъаи калон

842. Саманидская, Мансур б. Нух. Бухара? 354 г. х. Медь; в.—
2,7 г, д.— 21 мм. Шифр — Н523.

Ганчинский район

Клады

843—1991. Тимуридские, анонимные (1194 экз.). Основную массу со-
ставляют монеты Бухары с датой 832 г. х. Единичными экземплярами
представлены чекан Урду 861 г. х., Самарканда 854 г. х. и Термеза. Боль-
ше половины монет надчеканены в Самарканде, Бухаре, Хисаре, Шахру-
хии и Термезе. (Монеты клада не очищены, определение предваритель-
ное). Медь. М. н.—к. Нурияк, случайная находка на глубине 5 м при
выемке земли экскаватором. Г. н.— 1981. Шифр — Н441.

Новский район

Клады

Городище Ширин

1992—1995. Тимуридские, анонимные (4 экз.), Бухара, 832 г. х. (1
экз.) мелкие монетки с надчеканами (3 экз.). Медь; в.— 3,3 г, д.— 22 мм,
в.— 1,9 г, д.— 17 мм; в.— 1,6 г, д.— 17 мм; в.— 1,2 г, д.— 17 мм. М. н.—
в завале на глубине 1,7 м от поверхности. Г. н.— 1979. Шифр — Н524.

Отдельные находки

1996. Саманидская, Исмаил б. Ахмад. Название города и дата стер-
ты. Медь; в.— 2,9 г, д.— 25 мм; обнаружен в Новском районе в шурфе.
Г. н.— 1973. Шифр — Н525/1.

г. Ленинабад

Клады

---

¹⁷ Две такие монеты найдены на городище Ханабад Ташкентской об-
ласти (устное сообщение В. А. Лившица). Предварительную их публика-
цию см. в книге «Древности Ташкента». — Ташкент, 1976. — С. 24, № 22—
23, рис. 8/6.

Мавзолей Шайх Муслихиддина

1997—2182. Кокандские XIX в. Клад, 185 экз. Представлено 7 типов монет, из которых 3 относятся к чекану кокандского хана Мухаммада Алма (1800—1809 гг.) и два к чекану Мухаммада Умархана (1810—1822 гг.) Монеты Олим-хана: 1-й тип (1 экз.)— на л. с. «Зарби/Хуканд», на о. с. «Дирхам», вокруг полустертая надпись; дата не обозначена; посеребренная (?). 2-й тип (3 экз.)— на л. с. «Зарби»; на о. с. «Хуканд», дата не обозначена, медь. 3-й тип (1 экз.)— на л. с.— «Зарби/Хуканд»; на о. с.— «Оли/Дирхам» или «Дирхами Оли»; дата не обозначена; посеребренная. Монеты Умар-хана: 1-й тип (2 экз.)— На л. с.— «Мухаммад/Умар-хан»; внизу дата цифрами — 1229 г. х. (или 1226 (?) г. х.): на о. с.— «Зарби Хуканд» (см. рис. 2); низкопробное серебро (?) или посеребренная (?). 2-й тип (174 экз.)— на л. с.— «Низоми Малик», вверху слева дата цифрами — 1232 г. х. (на 24 экз.), 1233 г. х. (на 23 экз.), на 28 экз. дата сохранилась фрагментарно; на о. с.— «Дирхам/Хуканд» или «Дирхами Хуканд», посеребренная (серебряное покрытие сохранилось на многих экземплярах). 6-й (1 экз.) и 7-й (1 экз.) типы являются медными монетками с полустертыми надписями. В кладе имеется русская медная монета с датой 1866 г., которая, по всей вероятности, случайно присоединена к монетам клада. М. н.— пом. 3, у западной стены на глубине 50 см от современного уровня пола. Г. н.— 1982. М. хр.— Рестаурационные мастерские. Шифр КП 6/-187.

Отдельные находки

Мавзолей Шайх Муслихиддина

2183. Караханидская. (Ибрахим Арслан-хакан), Узденд 570 г. /1174—75, надписи полустерты. Медь; в.— 2,7 г, д.— 33 мм. М. н.— в подовке фундамента западного портала. Г. н.— 1984. М. хр.— Рестаурационные мастерские. Шифр — КП 10/344.

2184. Тимуридская (начало XVI в.). Надписи полустерты. Медь; в.— 1,9 г, д.— 18—19 мм. М. н.— траншея, на глубине 102 см. Г. н.— 1983. М. хр.— Рестаурационные мастерские. Шифр — КП 10/342.

2185. Джанидская. Имя правителя стерто. Серебро; в.— 3,6 г, д.— 27—31 мм. М. н.— северный фасад, шурф 2, на глубине 190 см. Г. н.— 1983. М. хр.— Рестаурационные мастерские, шифр — КП 6/1.

2186. Джанидская. Бухара (?). Имя правителя стерто. Серебро; в.— 3,8 г, д.— 27 мм. М. н.— северный фасад, шурф № 2, на глубине 190 см. Г. н.— 1983. М. хр.— Рестаурационные мастерские. Шифр — КП 6/2.

2187. Неопределенная, надписи стерты. (XIX в. (?). Медь; в.— 1,1 г, д.— 11—12 мм. М. н.— найдена при расчистке в подколе стены. М. хр.— Рестаурационные мастерские

На территории Арка

2188. Караханидская, XI в., надписи сильно стерты, край обломан. Медь; в.— 2,3 г, д.— 10 мм; случайная находка. Г. н.— 1981. Шифр — Н526.

2189. Караханидская (?) или Чагатаидская (?) XII—XIII в., надписи сильно стерты. Медь; в.— 2 г, д.— 21—25 мм; случайная находка. Г. н.— 1981. Шифр — Н526.

2190. Тимуридская, Амир Тимур. Самарканд, 78 5 г. х. /1383—84 г.

(рис. 2, 2190). Медь; в.—3,9 г, д.—д.—25 мм. М. н.—раскоп I, горизонт III. Г. н.—1981. Шифр—H526/1.

2191. Китайская, XIV в. (?). 1/2 монеты. (рис. 2, 2191). (ср. табл. XV/103, Быков А. А., 1969). Медь. Г. н.—1981. Шифр—H526.

2192. Кокандская, Умар-хан (1810—1822). На л. с. «Хуканд», на о. с. «Амири». Медь, в.—3,3 г, д.—16—17 мм. М. н.—раскоп I, III-й горизонт. Г. н.—1981. Шифр—H526.

2193. Неопределенная монетка, без следов надписи. Медь; в.—0,35 г, случайная находка. Г. н.—1981. Шифр—H526.

2194. Неопределенная, надписи полностью стерты. Медь; в.—5,2 г, д.—20 мм; случайная находка. Г. н.—1981. Шифр—H526.

На территории города

2195. Хорезмийская, XIV в. На л. с.—«Зарби Хворазм»; на о. с.—изображение птицы в полете. Медь; в.—2,1 г, д.—20 мм; случайная находка. Г. н.—1976. Шифр—H531.

2196. Мангытская. Бухара, 1337/1918—19 г. На о. с. таджикская надпись «Тангаи як дахи»—Тенга одна десятая. (рис. 2, 2196). Медь. М. н.—неизвестно, приобретено в г. Ленинабаде. М. хр.—находится у О. Панфилова.

Исфаринский район

Клады

2197—2242. Караханидские—46 экз.¹⁸ Из них: с именем Ибрахим Арслан-хакана—29 экз., Узденд, 570 г. х.; с именем Кадыр-хана—17 экз., Узденд (582 г. х.—1 экз., 594 г. х.—10 экз., 596 г. х.—7 экз.). Даты сохранились фрагментарно. Медь (посеребренная). М. н.—к. Ворух, случайная находка при земляных работах. Г. н.—1985. Шифр—H529.

2243—2398. Тимуридские, анонимные—156 экз. Большинство монет клада составляет чекан Бухары с датой 832 г. х. Также представлены монеты Самарканда (1 экз.), Андигана (1 экз.). Хисара (1 экз.) и Термеза (1 экз.). На 80 монетах имеются надчеканы—Самарканда (72 экз.), Бухары (7 экз.), Хисара (7 экз.). (Монеты клада не зачищены, определение предварительное). Медь. М. н.—к. Чорку, случайная находка при земляных работах. Г. н.—1985. Шифр—H530.

Т. М. Атаханов, М. Х. Мамадназаров.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЫ В 1984—1985 гг.

В течение 1984—85 гг. авторами статьи были исследованы районы Гиссарской долины для введения в научный обиход ряда неизвестных или малоизвестных памятников архитектуры.

Памятники монументального зодчества

Мечеть Мавлоно Якуби Чархи. На юго-восточной окраине Душанбе

¹⁸ Большая часть монет этого клада не поступила в Институт истории.

в местности Гулистон расположена одна из древнейших сохранившихся средневековых построек города Душанбе мечеть Мавлоно. Неподалеку от мечети захоронен известный ученый-богослов, полное имя которого Мавлоно Якуби Чархи ибн Усмон Султон Махмуд Газнави, уроженец афганского селения Чарх, жившего в XV в. Имя это упоминает и Бабур при описании тумана Лаухагар, «где — самое большое селение его — Чарх. Досточтимый Мулла Якуб родом из этого Чарха»¹. Получив образование в Басре (Сирия), он переезжает в Бухару. Последние годы жизни он проводит в Гиссарской долине, где и скончался в 851 г. хиджры (1447 г.). Спустя полвека по приказу Абдулло Шейбани над его могилой были сооружены усыпальница и мечеть, которые затем пришли в ветхость. К сожалению, археологическое обследование территории мечети не проводилось, а поздние постройки и частые ремонты (1941, 1956, 1960 и 1972 гг.) заметно исказили ее внешний облик. Несмотря на поздние пристройки, еще можно выявить старую часть мечети, интерьер которой сохранился без изменения.

Мечеть представляет собой вытянутую с севера на юг прямоугольную постройку (20×8 м), выложенную из обожженного кирпича. Зал мечети разделен пристенными выступами и двумя широкими стрельчатыми арками на три части: центральную с углубленным в западной стене михрабом и два боковых отсека. Каждая часть перекрыта куполом на ложно-сферических парусах. Такое трехчастное разделение хорошо организует пространство вытянутого зала, не нарушая цельности его восприятия. Утяжеленные пропорции арок и устоев придают залу монументальность, а стены, покрытые ганчем, вносят в его восприятие мягкую пластичность с плавным переходом от арок через паруса к куполам.

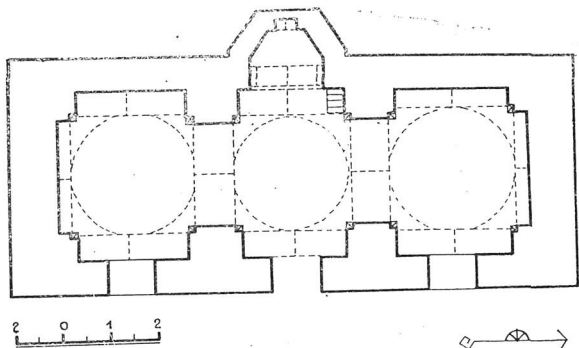

Рис. 1. Мечеть Мавлоно Якуби Чархи (XV в.) г. Душанбе. План

¹ Бабур-наме.— Кн. 2.— Ташкент, 1982—С. 96.

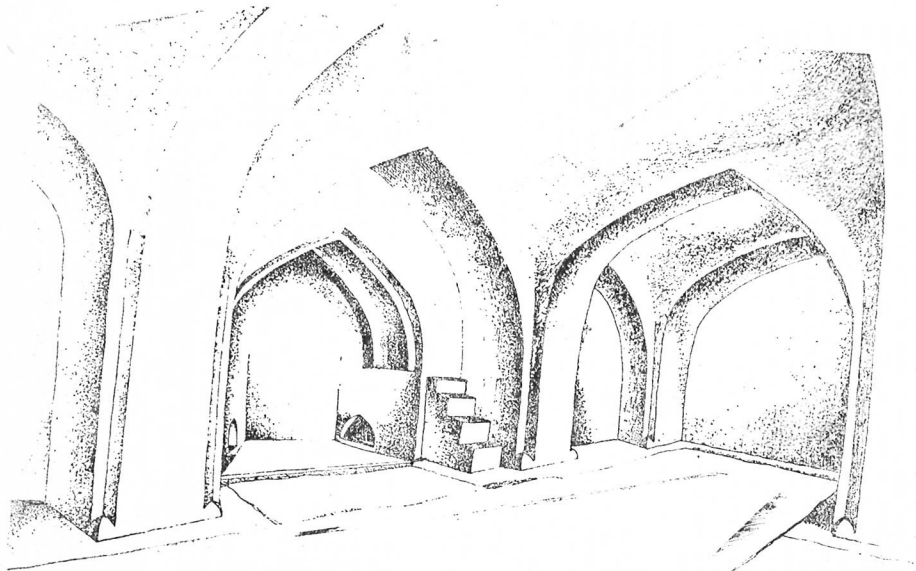

Рис. 2. Мечеть Мавлоно Якуби Чархи (XV в.) в г. Душанбе (Гулистон).
Интерьер

Композиционный акцент сделан в центральной части зала, где в задней стене в сводчатой нише заглублен граненый михраб, который выступает пятигранником за плоскость внешней стены. Справа к щековой стене арки примыкает четырехступенчатый обмазанный ганчем минбар.

В настоящее время вход в мечеть расположен в центре, но еще 10 лет назад на его месте располагался ориентированный наружу внешний михраб с ганчевой резьбой, а вход располагался сбоку. Боковое расположение входов в трехчастную мечеть, как утверждали исследователи, явление характерное, и внешний михраб в центре как бы уравновешивает композицию фасада. Но в результате опроса старожилов нами было выявлено, что вход в мечеть располагался именно в центре, т. е. соответствуя современному местоположению. что, на наш взгляд, в большей степени уравновешивает композицию фасада с главной осью симметрии — вход — михраб.

Мечеть Мавлоно Якуби Чархи относится к широко распространенным в зодчестве Средней Азии и Среднего Востока мечетям трехчастного типа, среди которых можно упомянуть мечети: Фахр-ад-Дина (1264 г.) в Сомали, при мавзолее Султана Олджейту Худобанде (1305—1313 гг.) Султанье в Иране, Талхатан-Баба (XII в.) в Туркмении. В ансамбле Шахи-Зинда подобная планировка встречается трижды: в мавзолеях Кусам ибн Аббаса (1460 г.), Туман-ака (1405 г.) и во входной группе.

В Таджикистане сохранился ряд мечетей трехчастной композиции, входящих в комплекс мавзолеев Мухаммада Башоро (XI—XIV вв., Мазори Шариф близ Пенджикента), Амир Саида Хамадони (XV в., Куляб) и расположенных отдельно сырцовых мечетей в кишлаке Лайлак-Уя (XIV—XV вв.) Шаартузского района и в Саёде близ Канибадама. Подобные мечети имели либо одинаковое покрытие во всех частях (купола или своды) или представляли собой более развитую структуру с выделением центральной части (купол на барабане) и боковых отсеков, перекрываемых сводом или меньшими куполами. Все зависело от того, какая роль отводилась этой постройке в ансамбле (мавзолеем, медресе, хонако), главенствующая, если рядом находились незначительные постройки, и, наоборот, второстепенная, если она включалась в уже сформировавшееся архитектурное окружение со значительными монументальными постройками. При Тимуре и тимуридах трехчастные сооружения выполняли функцию поминальной мечети при мавзолеях наиболее почитаемых шейхов, но три мечети Таджикистана (Мавлоно Якуби Чархи, в Лайлак Уя и Саёде), не связанные с комплексами и ансамблями, вроде бы выпадают из общей классификации².

Определяя происхождение того или иного архитектурного типа, исследователи тяготеют к одному первоисточнику, из которого они путем анализа выводят его возникновение. Но нередко в процессе формообразования, как в химической реакции, участвуют несколько компонентов, обуславливающих получение исходного материала. По всей вероятности, это имеет отношение к исследуемому нами архитектурному типу.

Широкое распространение подобных типов мечетей связано в первую очередь с удобством включения их в различных комбинационных сочетаниях как в конгломерат построек, так и возможность вписать в замкнутую дворовую и линейную композиции, ориентируя входом в сторону двора, а глухой стеной наружу. Возникновение трехчастных мечетей, во-пер-

² Мухтаров А. М., Хмельницкий С. Г. Средневековое зодчество Кобадана // По следам древних культур Таджикистана. — Душанбе, 1978.

вых, можно связать с универсальной структурой купольной ячейки и многокупольных мечетей с дворовой композицией, из которых она выделилась и получила самостоятельное развитие первоначально как трехчастная постройка с одинаковыми куполами или сводами, а затем с выделением центральной доминирующей и боковых кулис.

Трехчастные композиции можно обнаружить и в архитектуре народного жилища таджиков Северного Таджикистана (ферганский тип). Дома эти состоят из центрального прохода пойма, отделенного невысокими перегородками от двух боковых жилых комнат по сторонам от него (хона, мехмонхона). Да и сам принцип расчленения вытянутой в плане комнаты посредством многочисленных ниш, перегородок связан с народной архитектурой, в которой, как неоднократно было доказано, формировались архитектурно-конструктивные приемы, закрепленные затем в монументальных образцах.

Принцип формирования трехчастных композиций мог быть позаимствован также из планировки ранних среднеазиатских мечетей типа намазгох (мусалла, идгох). Расположенная со стороны кыблы михрабная часть намазгох оформлялась как трехчастная галерея, замкнутая с торцевых фасадов и раскрытая тремя арочными проемами в сторону обширного двора. Средняя часть — главная с михрабом, перекрывалась куполом, а боковые приделы выполняли как бы второстепенную роль: туркменистанские намазгох, в Дахистане (XI—XII вв.), Талхатан-Баба (XI—XII вв.) и в Нисе (XIII—XIV вв.). Возникновение подобных строений у михрабной стены связано, по мнению Б. Д. Кочнева, с «устройством у михраба максуры для правителя вначале, по-видимому, временной, а затем уже и более основательной»³.

В мечети Талхатан-Баба связь арочных проемов со двором уже не так четко выражена (позднее проемы были заложены), что еще больше изолировало зал от двора. Мечеть Талхатан-Баба, как и в Мавлоно Якуби Чархи, возникла у почитаемой могилы. Из таджикских мечетей типа намазгох с трехчастной, но более усложненной планировкой, следует называть мечеть XII—XIII вв. в селении Берляш (Шаартузский район), трехарочный фасад которой раскрыт в сторону обширного двора.

Заслуживает внимания и тот факт, что мечеть Мавлоно причисляется местными жителями к намазгох. В таком случае мы сталкиваемся с универсальным использованием одной мечети и как поминальной, и как намазгох. Вероятно, для этой цели на фасаде и был заложен средний проем, и его место украсил резной ганчевый михраб, ориентированный на обширный двор, а два боковых входа вели в зал, выполнявший функцию поминальной мечети при могиле почитаемого старца. Если это так, то и две другие мечети Таджикистана (в Лайлак Уя и Саёде) с подобной планировочной организацией отчасти связаны генетически с мечетями намазгох.

Правда, наличие внешнего михраба еще не довод в пользу нашего предположения, но подчеркивание его роли в композиции фасада и ориентация именно на двор не случайны. Дальнейшее археологическое изучение территории мечети позволит раскрыть этапы развития этого, безусловно, интересного памятника таджикского зодчества.

Мавзолей Холбойкор. В 10 км от г. Қофарнихона на территории большого сада, принадлежавшего колхозу «XX партсъезд», расположен

---

³ Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии.— Ташкент, 1976.— С. 74.

интересный памятник таджикского зодчества — мавзолей Холбойкаро.

Памятник находится на небольшом возвышении, что делает его хорошо обозримым. Композиция мавзолея основана на сочетании большого монументального портала и расположенного за ним купольного объема. Мавзолей состоит из одного небольшого квадратного помещения, расширенного за счет четырех ниш и получившего крестообразную в плане форму.

Величавый монументальный портал-пештак ограничен с двух сторон круглыми угловыми башнями-гулдаста. Разрушенные в верхней части башни даже сейчас поднимаются выше портала. П-образное заглабление арки портала сохранилось лишь в боковых частях. Над входом виден прямоугольный заложенный кирпичами проем.

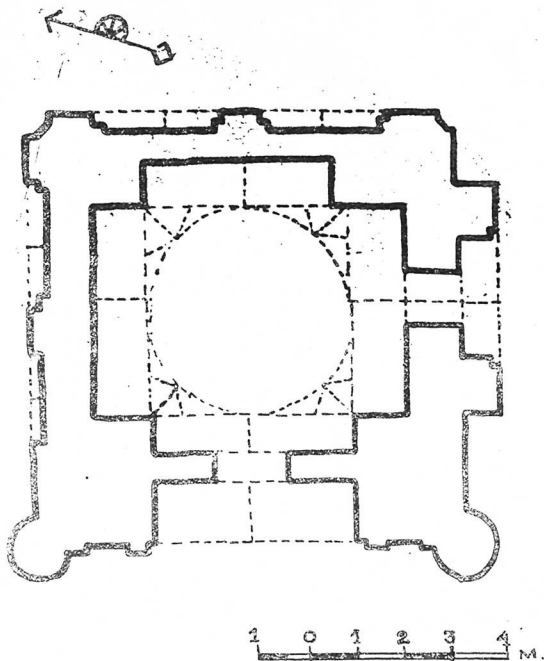

Рис. 3. План мавзолея Холбойкаро. (сер. XIX в.) Кофарнихонский р-н

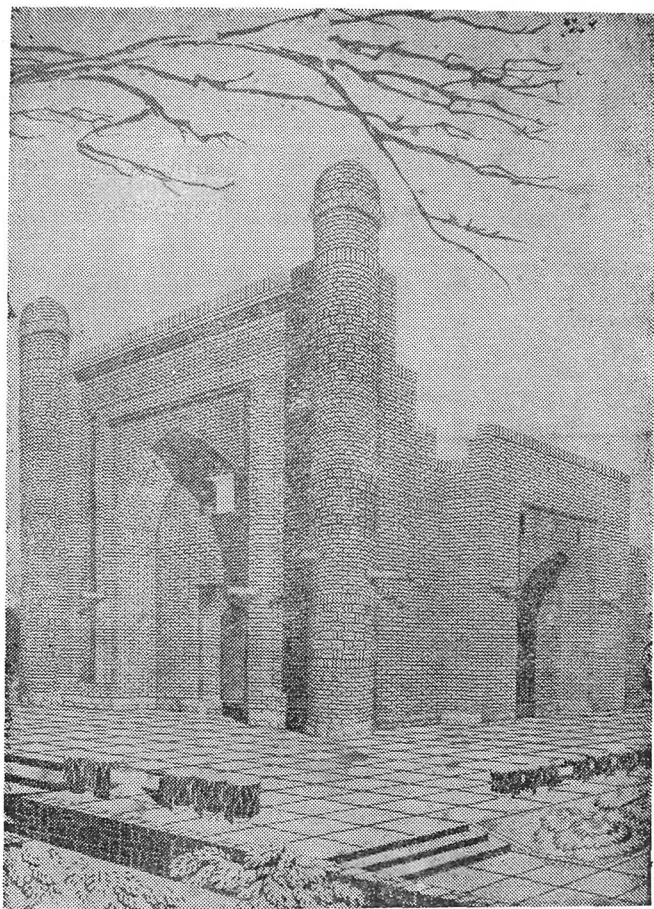

Рис. 4. Общий вид мавзолея Холбойкаро близ Кофарнихона сер. XIX в.
Реконструкция

Остальные фасады мавзолея выполнены по-разному, что вносит в его внешний облик асимметрию и некоторую динамику. Неожиданным кажется наличие второго меньшего портала, пристроенного к правому боковому фасаду. Этот портал не выступает за верхнюю линию стен. Свод стрельчатого очертания опирается на два прямоугольных пилона. Два других глухих фасада оформлены одинаково традиционными архитектурными членениями в виде неглубоких декоративных ниш, по две на каждом фасаде, разделенные широкими выступами.

Открытая взору тщательно выполненная кирпичная кладка на его плоскостях служит источником художественного эффекта. Своеобразие памятнику придает и характер кладки: широкие или обычно глубокие швы между рядами способствуют созданию богатой игры света и тени на его фасадах. Даже при беглом знакомстве с внешним обликом мавзолея обращает на себя внимание сходство его декоративного убранства с классическим зодчеством XI—XII вв. Это отчетливо видно по кладке башен главного портала, декорированных в виде поясов горизонтальной «парной» кладки с «парными» вертикальными вставками, окаймленных бордюрами из коротких вертикальных кирпичей. Вертикальные вставки из коротких резных кирпичиков в виде бантиков между спаренными кирпичами — древний декоративный прием, также встречающийся в классических таджикских памятниках IX—XII в. мавзолеях Ходжа Нахшон (Турсунзадевский район) и Ходжа Машад (Шаартузский район). Но при детальном изучении памятника, в особенности его интерьера, становится ясным, что это стилизация «под старину» — характерный прием позднего средневековья.

Интерьер однокамерного мавзолея лучшее подтверждение тому. Купол опирается на шитовидные паруса, которые в зодчестве Средней Азии стали применять после XVI века. Кирпичная кладка стен в интерьере скрыта штукатуркой. Кладка с затертыми швами не отличается особой тщательностью и свидетельствует о том, что с самого начала интерьер был рассчитан под штукатурку, что также не соответствует зодчеству XI—XII вв., в котором кладка была открытая взору как на фасадах, так и в интерьере. В основании стен интерьера проложены толстые брусья, скрепленные между собой кованными железными скобами. Этот прием также появляется в зодчестве Средней Азии в XVI в. и еще чаще в XVIII—XIX вв. В толще правого пилона малого портала расположен небольшой вход, за которым начинается винтовая лестница, ведущая вверх, затем в виде горизонтального низкого и узкого сводчатого коридорчика проходит над малым порталом и доходит до задней стенки главного портала, где завершается под тупым углом. Освещение этого коридора осуществлялось через теперь разрушенные оконца, расположенные над малым порталом. Для чего был предназначен этот маленький казался бы нефункциональный коридор, высота которого не превышает и 1,5 метров? Некоторые исследователи полагают, что это отживший элемент обходной галереи-равок, венчающей верхнюю часть среднеазиатских мавзолеев. Но тогда почему эта галерея расположена лишь с одной стороны? Возможно, остальные части галерейки мавзолея Холбойкаро заложены в результате поздних ремонтных работ, выполненных местными жителями также неизвестными с подобной конструктивной системой, которая скрывала соединение купола с четвериком, облегчала с одной стороны верхнюю часть стены, с другой погашала распор купола, а в мавзолее Саманидов, помимо всех названных функций, осуществляла дополнительную вентиляцию помещения.

Великолепный, величественный портал мавзолея в особенности его

высокие башни, по всей вероятности, навеяны духом тимуридского стиля, узорная кирпичная кладка и очень удачно найденные пропорции свидетельствуют о широком творческом диапазоне мастера, возводившего это сооружение. Так, С. Г. Хмельницкий считает, что план мавзолея вписывается в прямоугольную сетку, состоящую из квадратов со стороной 63 см, который составил единицу измерения используемую строителями⁴. Все измерения плана подчинены этой закономерности, что создает неразрывное гармоническое единство. Необычный вид придают мавзолею далеко выступающие из фасада деревянные брусья, которые при строительстве служили помостом для лесов. Деревянные брусья в толще стен выполняли и антисейсмические функции. Так для большей крепости их вкладывали в радиальном направлении и в круглые башни ворот и минаретов. В интерьере мавзолея Холбойкаро торцы толстых брусев видны и в кладке стен под угловыми парусами. Они уходят в толщу кир-

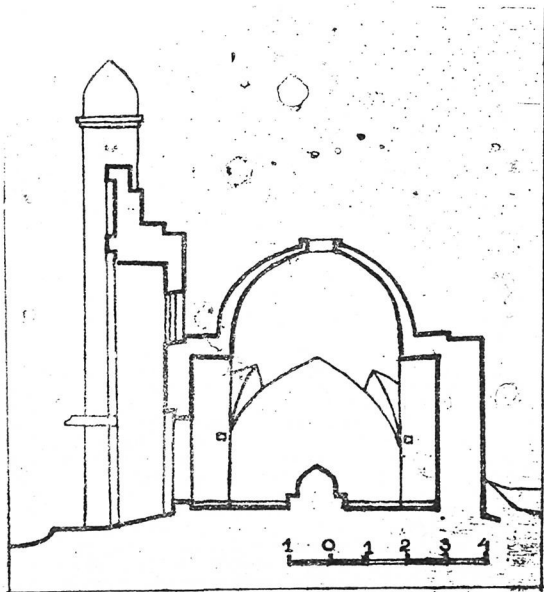

Рис. 5. Мавзолей Холбойкаро близ Кофарнихона (сер. XIX в.) Разрез

⁴ Хмельницкий С. Г. Метрические метки в памятниках архитектуры Таджикистана //Тр. ТПИ. Вопросы строительства и архитектуры.— Вып. 9.— Душанбе, 1974.

пичной кладки, в очень важной конструктивной части воспринимающей через паруса нагрузки мощного купола.

В целом, анализируя планировочно-конструктивные и художественно-декоративные приемы, можно с полным основанием отнести строительство мавзолея Холбойкаро к XVIII — нач. XIX в. Это подтверждается и результатами опроса старожилов, которые называют более точную дату. Мавзолеем сооружен в 1840—1860-е годы над погребением некоего Халифы Нурмахмада, жившего во времена правления в Бухаре эмира Насрулло, а в Гиссаре — Абулькаримбека, т. е. ок. 1866 г.

Знакомство с таким интересным памятником, как Холбойкаро, а также рядом других сооружений Гиссарской долины позволяет несколько пересмотреть установившееся мнение об упадочности позднесредневековой архитектуры.

Караван-сарай в Гиссаре. Обширные торговые связи Гиссарского бекства с другими областями Средней Азии и повышение его роли в позднем средневековье требовали строительства постоянных дворов — караван-сараяв, являющихся местом ночлега, оптовых сделок и розничной торговли. К таким постройкам можно отнести караван-сарай, расположенный у подножья гиссарского арка. Здание располагалось в нескольких метрах восточнее медресе Кухна и было полностью разобрано в 1925 г. На фотографии, выполненной Р. Рикмерсом в начале XX в., отчетливо видны монументальные объемы караван-сарая с изящным порталом и аркадой по обе стороны от него. Археологическое обследование участка позволило выявить остатки фундаментов. По плану это сооружение представляет собой прямоугольник (51,5×34,5 м) с двором, по периметру которого располагалось 36 небольших худжр. Главной осью караван-сарая является тщательно вымощенная камнем дорога, которая начиналась от главного северного портала и проходила к южному выходу. Дорога разделяет двор симметрично на две части и заметно понижается к югу, углубляясь ниже уровня двора, что делало удобным выгрузку товаров с арбы непосредственно на двор с различных уровней.

Северная часть караван-сарая, выходящая на оживленную базарную площадь, состояла из группы торговых лавок, расположенных по обе стороны от портала и примыкающих к дворовым помещениям. Открытые в одну сторону лавки были оформлены в виде непрерывной аркады, которая контрастно воспринималась на фоне затененных помещений. Создавалась симметричная устойчивая композиция с доминирующим в центре высоким и изящным порталом с мощными пилонами, несущими арку в П-образном обрамлении. Стены караван-сарая были возведены из квадратного обожженного кирпича (24×24×4 см). Под стены помещений в качестве антисейсмических поясов были заложены толстые деревянные брусья, скрепленные в углах металлическими скобами.

В жилых, выходящих во двор помещениях устроены небольшие прямоугольные углубления — сандали для обогрева в зимнее время.

На основании археологических раскопок, архивных изысканий, фотоматериалов составлен проект реконструкции караван-сарая.

В настоящее время воссоздана планировка здания и подняты на высоту 1 м стены.

Тахоратхона — специальное помещение для ритуального омовения, расположенное на площади между двумя гиссарскими медресе у западного крыла медресе Кухна, было раскопано и обмерено в 1981—1982 гг. специалистами СНРПМ*.

* Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры Таджикистана.

Южная часть стилобата сильно разрушена. В середине северной и восточной части подпорных стенок устроены лестницы, возможно, еще одна лестница существовала и в южной части, обращенной в сторону медресе

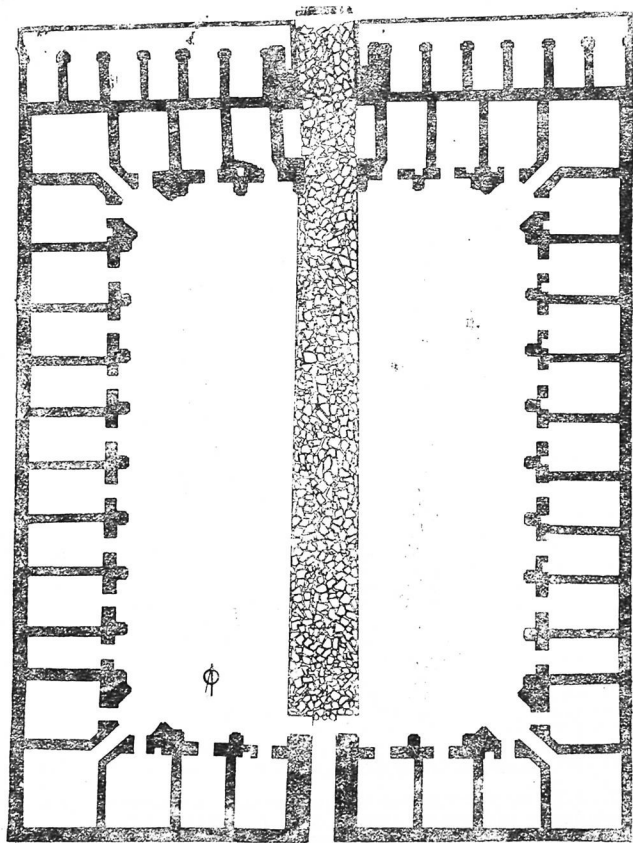

Рис. 6. Караван-сарай в Гиссаре (XV—XVI вв.) План

Здание располагалось на прямоугольном (30,5×35,5 м) стилобате, обнесенном тесаными блоками мергелистого известняка (25×20 и 45×20 см). Кухня. В центральной части платформы располагалось квадратное здание, состоящее из большого южного помещения и примыкающих к нему с севера трех небольших комнат. К восточной стене большого помещения примыкают разделенные перегородкой пять кабин, расположенные на 13 см выше уровня пола. В полу каждой кабин устроены прямоугольные углубления (20×50 см). Все углубления объединены между собой водосток из керамических труб-кубуров, проложенных в полу, по которым вода через среднюю кабину стекала в расположенный в центре большого помещения «бассейн» (280×225 см) глубиною 30 см.

Края бассейна имели деревянную обвязку из брусьев (10×12 см). В северо-западном углу был устроен водосброс, через который вода также по керамическим трубам выводилась в водосливной колодец.

Тахоратхона — редкий из сохранившихся типов сооружений, возводившихся при мечетях и медресе. При кварталных мечетях она решается как простое однокамерное сооружение во дворе, через которое протекает арык. Монументальные же образцы, к которым относится тахоратхона в Гисаре, встречаются редко. Расположение здания на облицованной камнем платформе, торжественные лестницы, ведущие к центральному зданию, указывают на значение этого сооружения среди окру-

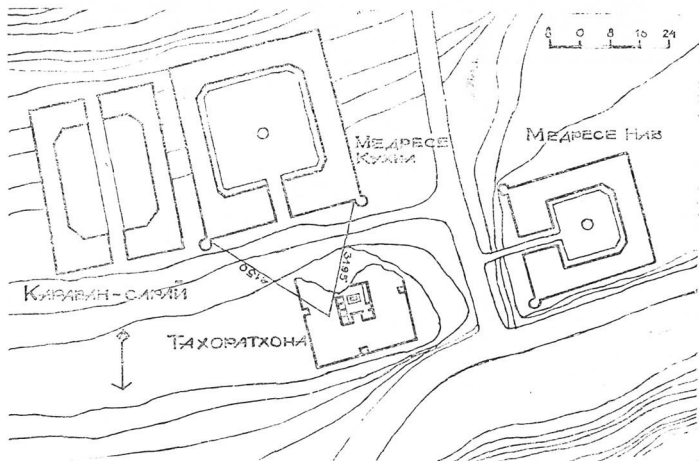

Рис. 7. Тахоратхона в композиции II Гиссарского ансамбля. Генплан

жения. Причем тахоратхона построена намного раньше (I пол. XVI в.), чем окружающие его медресе. Безусловно, что в то время оно было включено в архитектурную среду, а не существовало изолированно. Ориентированное по странам света оно, вероятно, повторяло ориентацию существовавших на месте поздних медресе строений.

Датировка памятника подтверждает мнение о наиболее интенсивном обживании Гиссара в XV—XVI вв.—сохранилось несколько археологических и архитектурных объектов: тахоратхона, мавзолей Махдуми Азам и старые ворота арка, основания которых обнаружены недавно археологами. Дальнейшее археологическое изучение территории заповедника может принести немало интересных открытий.

Тошмечеть (Масджиди Сангин) расположена в горной местности на северных отрогах хребта Рангон, в 2 км от одноименного селения, в 5—6 км от райцентра Ленинский на террасе, с которой хорошо обозреваются Гиссарская долина и город Душанбе.

Строительство этой оригинальной для среднеазиатского региона мечети, судя по надписи над входом, началось в 1906 г. Строительство велось на месте некогда существовавшей постройки, от которой остались следы обширного двора, обстроенного по периметру сырцовыми худжрами, напоминающей композицию медресе. Начатое с большим размахом строительство так и не было завершено. В настоящее время мечеть представляет собой полуразрушенный комплекс, но оригинальное планировочно-конструктивное и архитектурное решение заслуживает внимания. Во время нашего первого посещения мечети в 1972 г. еще существовали резные ворота, мощные каменные опоры айвана.

Мечеть возводилась в основном из прямоугольных каменных блоков, тщательно отесанных из местного красновато-розового камня (26×12,5 см) на ганчевом растворе. Квадратные и одна круглая колонны также составлялись из каменных блоков.

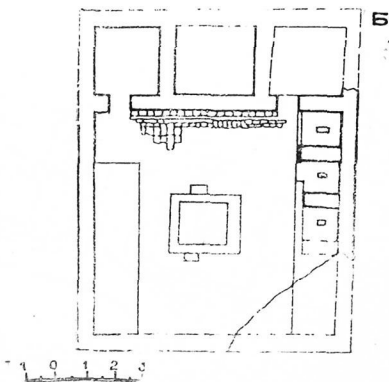
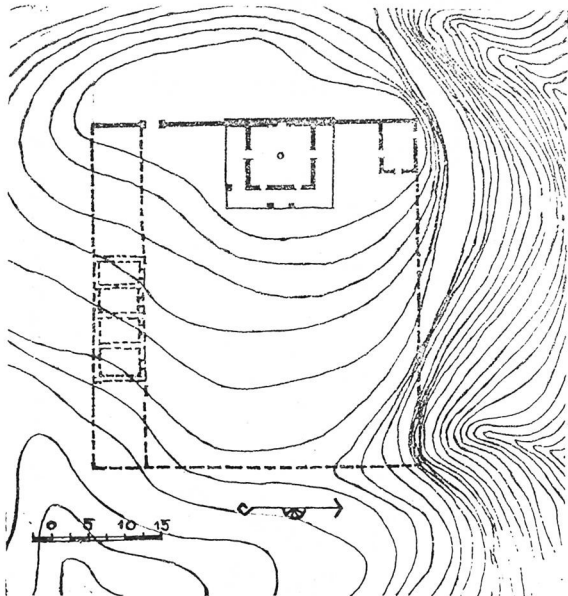

Рис. 8. Тахоратхона в Гиссаре (нач. XVI в.) План.

Комплекс, расположенный на небольшом холме, ориентирован на запад глухим каменным фасадом, оживленным двухстворчатыми резными воротами (ширина — 2,4 м). Здание мечети примыкает к этой стене со стороны двора квадратным одностолпным залом, обращенным в сторону двора П-образным айваном, от которого сохранились (в 1972 г.) лишь три выложенные из каменных блоков квадратные колонны. Зал и айван слегка возвышаются над двором на трехступенчатом каменном стилобате. Четыре входа (по одному на северном и южном и два на восточном фасаде), перекрытые низкими, не традиционными для Средней Азии арками, вели в зал мечети, (7,3×6,05 м), в интерьере которого доминировали круглая, из тщательно подогнанных каменных блоков колонна (диаметр — 1,45 м) и трехчастная композиция михраба. Стены изнутри не облицованы и, вероятно, были рассчитаны на ганчевую штукатурку. Перекрытие, к возведению которого видимо так и не приступали, при данном конструктивном решении могло быть плоским, но не исключено и многокупольное решение как для покрытия зала, так и для айвана.

В северо-западном углу располагалось полуразрушенное прямоугольное помещение, облицованное камнем.

Фиг. 9. Тошмечеть (Масджиди Сангин) близ Ленинского р-на. Генплан.

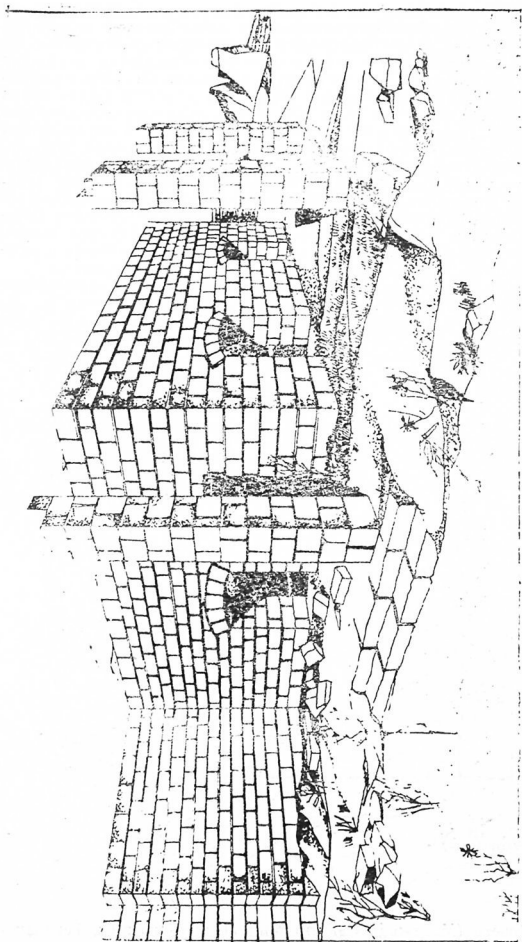

Рис. 10. Общий вид Тошмечети (Масжиди Сангин) близ р-на Ленинский

Тошмечеть, на наш взгляд, является еще одной оригинальной, после гиссарской Масджид Сангин, попыткой монументализировать архитектурные приемы народного зодчества. По существу, это единственная из сохранившихся до нач. XX в. целиком каменная постройка Таджикистана.

Памятники народного зодчества

Географическое положение Гиссарской долины между севером и югом республики сказалось на формировании народной архитектуры, которую можно рассматривать, как одно из переходных звеньев между различными архитектурно-строительными школами. Так, объемно-пространственная композиция равнинных селений Гиссара внешне схожа с ферганскими, с различной плотностью застройки с преобладанием дворовых композиций. Дома ориентированы айваном в сторону застроенного с 2-х или 3-х сторон двора. В предгорных и горных районах в планировочной композиции гиссарских селений много общего с селениями Каратегина, Дарваза и Верхнего Зарафшана. Это либо ступенчатые, предельно компактные структуры, или имеющие вытянутую композицию вдоль рельефа с длинным, объединяющим весь дом айваном, ориентированным в сторону понижения местности.

Горные селения обладают богатством визуального восприятия и органично связаны с окружающим ландшафтом. Тем не менее в планировке и в организации интерьера жилищ нет элементов типизации. Главной особенностью старого гиссарского жилища является наличие скатной камышовой кровли (чердачная и бесчердачная). В селениях расположен-

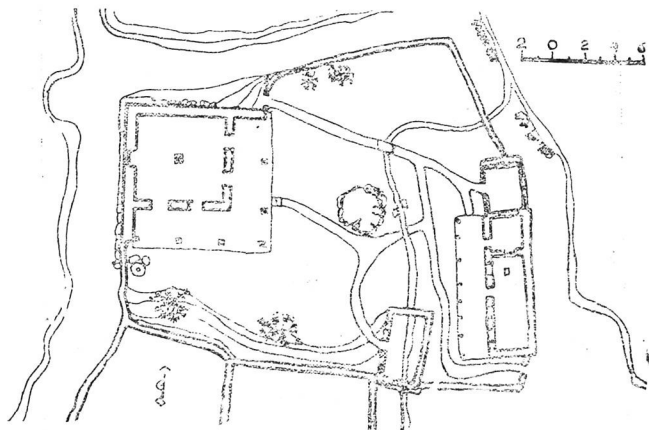

Рис. 11. Мечеть в селении Ноджи, Генплан

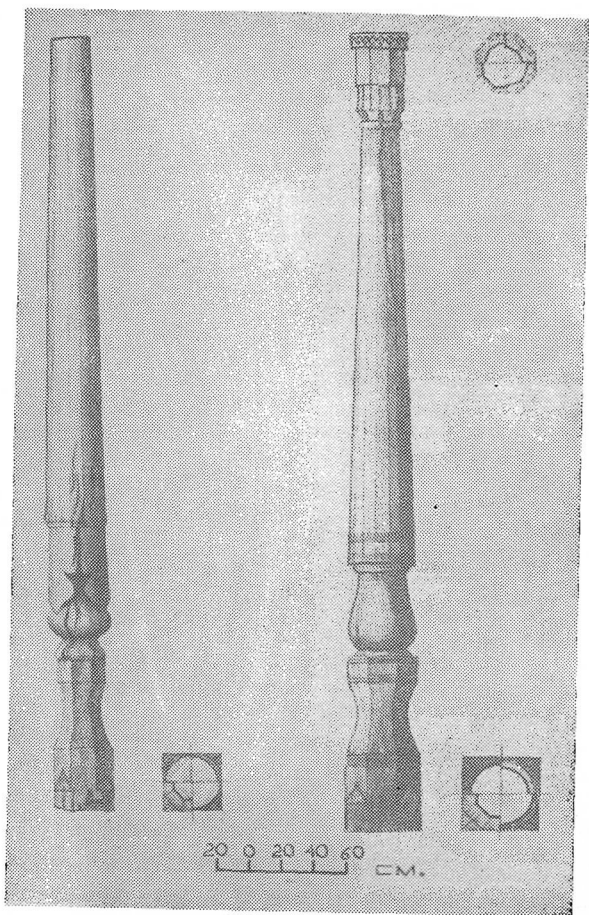

Рис. 12, 13. Мечеть в Ноджи. Қолонны айвана

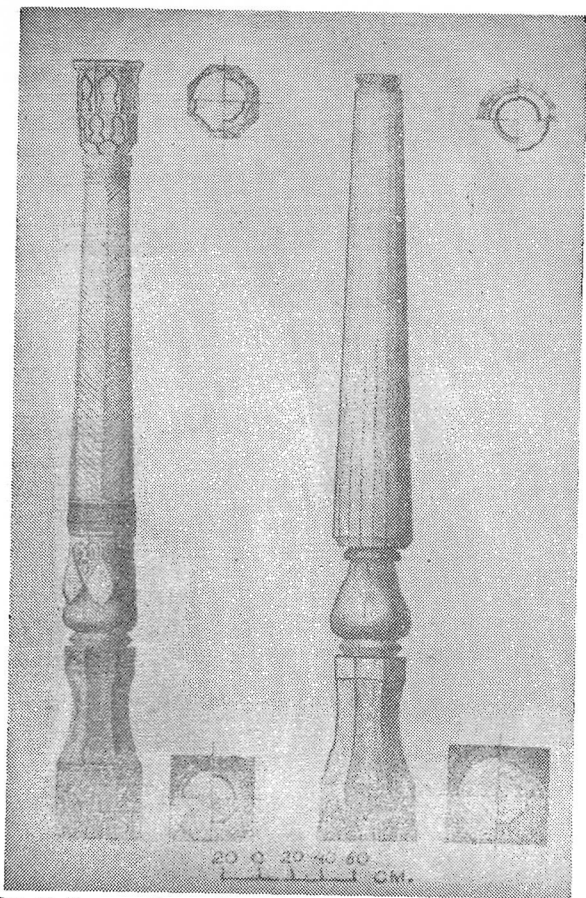

Рис. 14. Мечеть в Ноджи. Центральная колонна зала

ных в долине, функции общественного центра нередко выполняла небольшая мечеть с обширным озеленением и обводненным двором. Мечети Гиссара, как правило, каркасные, чаще всего однозальные (с одной или четырьмя колоннами), с различными вариациями айванов, среди которых предпочтнее отдавалось Г-образной композиции.

Мечеть в кишлаке Ноджи. Небольшая с двойным каркасом стен мечеть расположена в кишлаке Ноджи на месте существовавшей здесь до начала XX в. мечети. Основанием для сооружения послужила искусственная платформа, укрепленная каменными подпорными стенами, высотой 2,5 м с запада и около 1 м с востока.

Мечеть представляет собой однозальную композицию с квадратным в плане помещением (6,86×6,86 м) с двухсторонним, примыкающим с востока и запада Г-образным айваном.

Айваны раскрываются на небольшой, обнесенный дувалом, хорошо озелененный двор. Крона большого чинара дает тень всему двору, придавая ему уютный вид.

Все колонны айвана схожи по конструкции и лишь отличаются друг от друга характером резьбы. Наиболее интересно оформлена хорошо сохранившаяся, угловая юго-западная колонна. Ствол ее покрыт орнаментом, вершину завершает хорошо сохранившаяся резная подбалка с волютообразными ответвлениями. Колонны айвана различны по длине, и там, где недоставало до нужной высоты, устраивалась дополнительная подпорка. Почти все колонны имеют резные ответвленные подбалки. Основания колонны квадратные, за исключением восьмигранной базы второй южной колонны. Перекрытие потолка айванов состоит из тщательно подогнанных балочек вассы, окрашенных в синий и красный цвета.

По две двери с юга и с востока ведут в зимнее помещение мечети. На дверями устроены прямоугольные световые проемы, забранные декоративной деревянной панджарой.

Со стороны двух пересекающихся улиц хорошо виден глухой лаконичный объем всей мечети, доминирующей среди жилой застройки. Интерьер производит впечатление монументальности и уравновешенности. Все перекрытие мечети опирается на крупную деревянную колонну, которая играет главную роль в организации интерьера.

Колонна имеет восьмигранную резко профилированную базу, которая поднимается на четверть высоты ствола. Выше базы колонна заметно утончается и разбивается на многочисленные канелюры. Двухступенчатая капитель оформлена резьбой в виде небольших трехлопастных арочек. Четыре широко расходящиеся подбалки колонны поддерживают прогоны перекрытия, деля плоскость потолка на четыре больших квадрата, расписанные яркими сочными красками.

Заслуживает внимания история постройки этой мечети. Все деревянные архитектурные детали мечети в Ноджи (колонны, подбалки, двери, перекрытие) были перевезены из мечети-хонако Ходжи Нарзулло, выстроенной у цитадели Гиссарской крепости.

Мечеть Ходжи Нарзулло в Гиссаре, по словам очевидцев, также была каркасной с двухсторонним Г-образным айваном, обхватывающим одностолпный зал. Деревянные детали этой мечети были проданы муллою Кудратулло (сыном Ходжи Нарзулло) некоему Турсуну из Ноджи. Перевозка конструкций осуществлялась при участии нашего информатора Гафура Абдуллоева в 1925—1926 гг. Мечеть восстановлена усто Каландаром Голибовым при участии гилькора усто Хусейна.

В этом же селении существует вторая мечеть подобного типа, возведенная после 1926 г., которая повторяет планировку и конструктивное

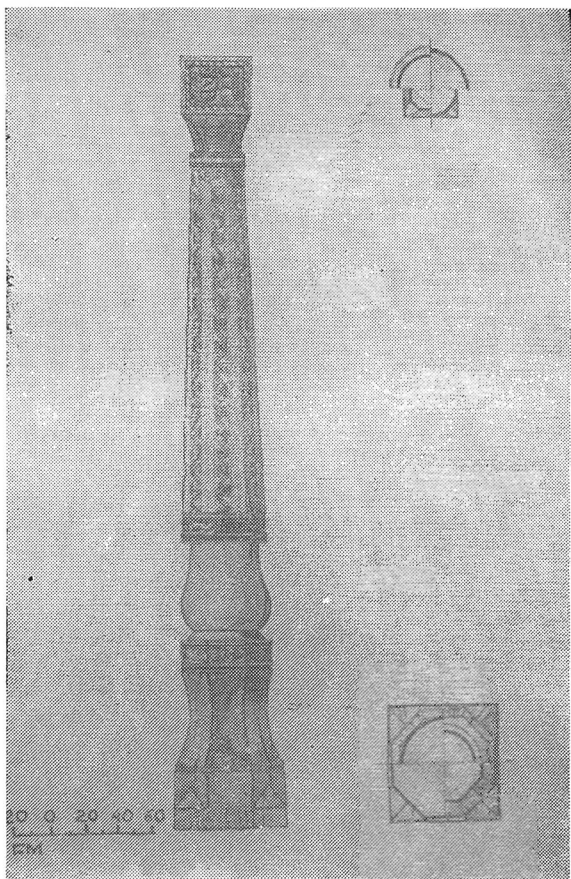

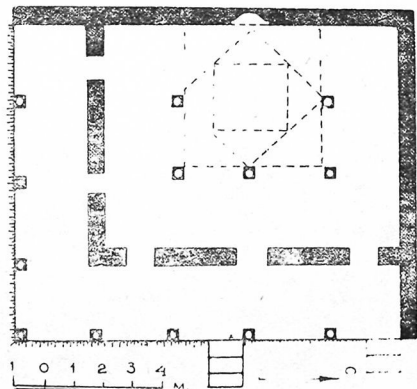
Рис. 15. Мечь в селении Поджи.
Центральная колонна зала

решение перевезенной из Гиссара мечети. Перенос деревянных деталей и повторение планировочно-конструктивных решений способствовали выработке «типовых» схем. По данной схеме выстроены многие квартальные мечети Гиссара (в кишлаках Чинор, Файзабаде и др.).

Мечеть в селении Рохати — одна из крупных мечетей Гиссарской долины. Здесь применено традиционно планировочное решение: зал зимней мечети с двухсторонним, ориентированным на обширный двор, айваном поднят на платформе. Но просторный зал рохатинской мечети не квадратный, а прямоугольный (10,5×12,5 м). Пять мощных и высоких колонн несут перекрытие, которое также необычно для гиссарской и вообще южно-таджикостанской школы. Над колоннами, опираясь одной стороной на западную михрабную стену, расположен двухступенчатый глубокий плафон, состоящий из двух квадратов, повернутых по отношению друг к другу на 45°, напоминая ступенчатые потолки «чорхона» в бадахшанских жилищах. Соответственно размерам зала пристроен просторный восьмиколонный айван.

Отличительной особенностью мечети является многокрасочная роспись на потолке айвана и зимней мечети, выполненная уратюбинским усто Дадобоем с учениками в характерной для ферганской школы манере. Так же, как и в уратюбинских мечетях в Савристоне (селение Ругунд), Хавзи Сангин, исфаринской мечети Калъа и др., в интерьере художественный акцент сделан на центральном, опирающемся на колонны ступенчатом плафоне. Росписи представляют собой сложное переплетение гиреха в виде многолучевых звезд, крестов, многоугольников в обрамлении растительных мотивов. По словам старожиллов, усто Дадобой остался с семьей жить в Рохати. Им построена и расписана еще одна мечеть в селении Вистон в прилегающем к Гиссарской долине Рамитском ущелье.

Вместе с характерными чертами в архитектуре Гиссара встречаются

Фиг. 16. Мечеть XIX в. в селении Рохати

оригинальные произведения, которые можно расценивать как индивидуальный почерк мастера. В качестве примера можно привести декоративное убранство мечети в Окчаман близ Рохати. Одностволбная, расположенная на невысоком стилобате мечеть ориентирована Г-образным шестиколонным айваном в сторону живописного двора, оживленного водоемом. В интерьере доминирует мощная центральная колонна с тяжелой граненной базой, переходящая через кувшинообразную кузаги в многогранный ствол, утончающийся в верхней части. Квадратная капитель поддерживает подбалки, направленные во все четыре стороны. Прогоны со стеной также опираются на выступающие подбалки.

Оригинально решено декоративное убранство стен. Тщательно оштукатуренные ганчем, они расписаны отдельными композициями в виде крупных розеток, чередующихся с мотивами цветов, деревьев, поднимающихся из кувшинов, или слитных орнаментальных композиций и каллиграфических надписей. Каждая стена расписана по-разному. Объединяющим для всего интерьера является ганчевая, высотой в 1 м панель, раскрашенная в синеватой гамме. Несколько наивный, лишенный какой-либо каноничности орнамент воспринимается контрастно на фоне белой ганчевой поверхности. В верхней части сети проходит пояс крестообразного орнамента, характерного для искусства резьбы по дереву в южных районах республики и Бадахшана. В целом орнаментальные и изобразительные мотивы близки декоративному убранству интерьеров айванов и жилищ. Такое взаимопроникновение мотивов декора из жилой архитектуры

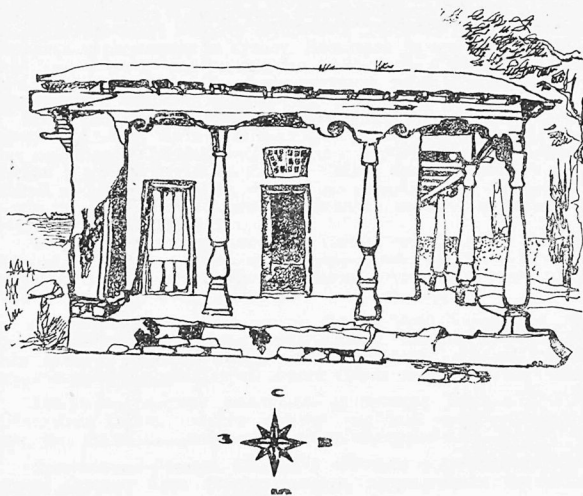

Рис. 17. Мечеть в селении Чинор Кофарнихонского района. Детали колонн айвана (сер. XIX в.)

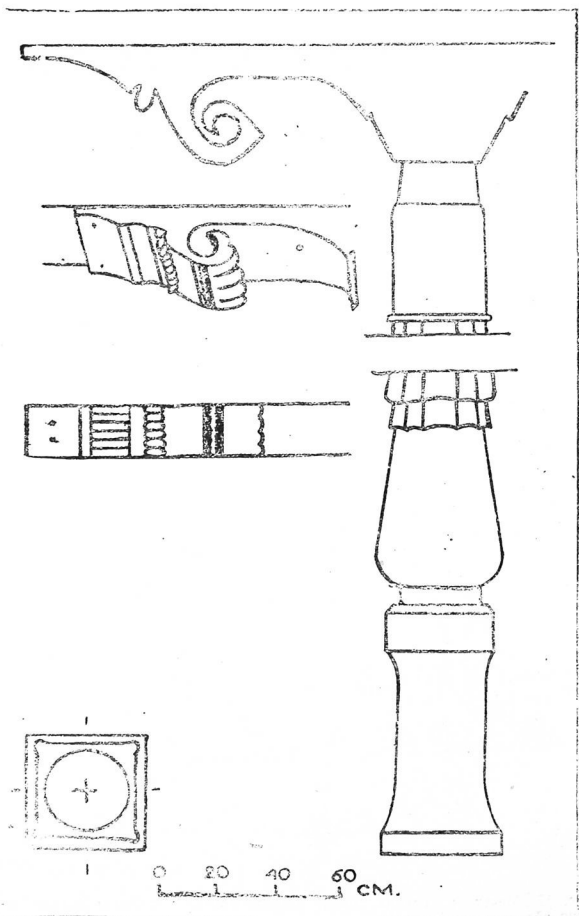

Рис. 18. Мечеть в селении Чинор, детали резных колонн

в культовую, безусловно, свидетельствует о демократической основе народного зодчества.

Анализируя зодчество Гиссарской долины на примере нескольких неизвестных и малоизученных объектов монументальной и народной архитектуры, можно отметить черты, связывающие ее с основными течениями среднеазиатской архитектуры. Сказывается влияние старых культурных центров Бухары и Самарканда, отразившееся в большей степени на монументальном зодчестве и в меньшей — на народной архитектуре. С другой стороны, срединное расположение Гиссарской долины между севером и югом Таджикистана также нашло отражение в конструктивных и художественно-декоративных решениях. Переплетение традиций севера и юга дало основу для выработки локальных приемов, хотя в целом зодчество Гиссара в большей степени тяготеет к южной архитектурно-строительной школе с элементами влияния юго-восточных горных районов Каратегина, Дарваза и Куляба, откуда в XIX — нач. XX в. шло активное переселение в Гиссар.

Заслуживает внимания то, что в архитектуре Гиссара выработались оригинальные планировочно-конструктивные и художественно-декоративные решения, порой не имеющие аналогий в среднеазиатской архитектуре, заставляющие несколько изменить отношение к зодчеству этого региона как к провинциальному подражанию столичным образцам, лишенному якости творческих исканий.

Монументальная архитектура классического периода Гиссара представлена первоклассными памятниками XI—XII вв. — двумя мавзолеями Ходжа Нахшон, безусловно, построенными блестящими мастерами. Внешние глухие уступчатые объемы хорошо сохранившегося западного мавзолея, выполненные в виртуозной кирпичной кладке, очень монументальны. При этом взору открыто ступенчатое движение вверх от массивного четверика к восьмерику и куполу. Восьмерик не прикрыт углами четверика или галерей «равок», как это имеет место в памятниках этого периода, а открыт взору. Такая скульптурная лепка объемов придает сооружению еще большую выразительность и оригинальность.

На примере мечети Мавлоно Якуба Чархи (XV в.) нами сделана попытка определить место этой постройки среди многочисленных трехчастных композиций Средней Азии. Вместе с тем душанбинская мечеть (равно как и мечети в Лайлак-Уя и в Саёде) является местной разновидностью трехчастных мечетей, так как она располагалась отдельно от комплексов и, как мы предполагаем, выполняла двойную функцию: как поминальная и как намазгох.

Черты самобытности присущи и гиссарскому мавзолею XV—XVI вв. Махдуми Азам, состоящему из одновременных, органично объединенных построек. Внешние уступчатые его объемы повторяют контуры плана, внося в облик сооружения пластическую выразительность.

Оригинальная каменная мечеть Сангин, близ Гиссарского комплекса, — монументальный вариант традиционной народной мечети с квадратным залом и примыкающим к нему Г-образным айваном, удивительно перекликается с архитектурой мечети Олима Додхо в Пенджикенте.

Гиссарские мастера попытались на примере Тошмечети в Рангоне (Масджиди Сангин) создать в камне еще один монументальный памятник, взяв также за основу схему мечети народного типа.

Архитектура Гиссара XIII—XVI отмечена и уникальными для зодчества Средней Азии полуподземными, выполненными из обожженного

кирпича мавзолеями Сари-Тал I, Сари-Тал II и Мавлоно Юсуф (Орджоникидзеабдский р-н)⁵. Особый интерес представляет мавзолей Сари-Тал-I, состоящий из узкого перекрытого стрельчатым сводом прохода — дромоса, и погребального помещения, расширенного четырьмя глубокими нишами. Это помещение перекрыто оригинальным сводом типа балхи, который опирался не на верхний горизонтальный срез стен, как обычно, а начинался снизу с узких промежутков между фасадными арками, постепенно расширяясь вверх.

Наличие в одном районе нескольких полуподземных мавзолеев указывает на устойчивость традиции. Недавно авторами статьи была обследована еще одна полуподземная постройка в районе перевала Фахробод в южных отрогах хребта Актау. Это вырытая в лёссовом грунте Иель-мечеть (глиняная мечеть) у развалин одноименного кишлака⁶. Мечеть состоит из узкого ослыщенного прохода, ведущего вниз в основание небольшого холма, где вырыта квадратная камера, расширенная четырьмя глубокими арочными нишами и «перекрытая» куполом, который разрушается проросшими корнями деревьев, растущих на вершине холма. К сожалению, интерьер мечети сильно разрушен, а в середине образовалось небольшое возвышение из осыпавшегося купола. Планировка этого сооружения гораздо ближе к мавзолеям, чем к мечети и, возможно, она так первоначально и использовалась. В более позднее время населяющие эту местность локальцы приспособили его под мечеть. Насколько это верно, подтвердят лишь археологические изыскания.

Несколько кирпичных склепов обнаружено в Файзабадском районе и в Кулябской области (Лангар). Традиция возведения подземных и полуподземных мавзолеев для Гиссара и прилегающих южных районов связана, видимо, с античным периодом, с погребальными сооружениями квадратного плана, расширенного четырьмя нишами, обнаруженными на юге Узбекистана.

XVII—XIX вв.— время политических междоусобиц и упадка строительной культуры, ухудшения качества строительства. Знакомась ближе с сохранившимися от этого периода сооружениями, следует отметить, что творческая мысль зодчих не угасла и была направлена по пути создания небольших ансамблей и воспроизведения приемов классического периода.

Примером ансамблевого подхода могут служить постройки у подножья Гиссарского арка, возведенные в разное время, но связанные между собой общим композиционным замыслом. Некоторое ухудшение качества строительства восполняется здесь комплексным ансамблевым решением. Доминантой ансамбля служил венчающий вершину холма бекийский дворец. Замкнутый со всех сторон, он раскрывался широким на высоких колоннах айваном в сторону площади. В обрамлении высоких сырцовых крепостных стен предстает остальная часть арка, и лишь монументальные ворота крепости, ориентированные в сторону ансамбля, связывают арк с постройками у его подножья. Весь комплекс (медресе Нав и Кухна, караван-сарай и недавно раскопанная тахоратхона), состоящий из различных по своему назначению зданий, подчиненных единому масштабу и выполненных из одних и тех же строительных материалов, в целом производит впечатление архитектурного единства. В создании целостного

⁵ Якубов Ю., Хмельницкий С. Г. Археологические исследования в Орджоникидзеабдском районе в 1972 г. // АРТ.— Вып. XII (1972).— Душанбе, 1976.

⁶ Выражаем благодарность Ш. Т. Юсупову, указавшему нам местонахождение мечети.

композиционного и пространственного решения ансамбля сыграло большую роль чередование повторяющихся элементов: порталы караван-сарая, медресе и ворот крепости, подчеркивающие главные входы, декоративная аркада на фасадах, кирпичная кладка и др. Крупным монументальным башням с куполками крепостных ворот⁷ как бы вторят подобные, но меньших размеров, башни двух медресе. На примере Гиссарского центра мы видим характерную для XVII—XIX вв. ансамблевость, представленную в архитектуре Средней Азии столичными образцами Бухарского арка и Самаркандского Регистана, вместе с тем в Гиссаре отражено не «провинциальное подражание», а творческая трактовка местных строителей.

Второе направление связано с подражанием классическим образцам архитектуры, причем обязательно одному стилю, а нескольким сразу. Несмотря на эклектичность подобной архитектуры, нельзя не отметить мастерство, с которым зодчие сочетали разнотилевые черты. Подобный подход наиболее ярко иллюстрирует мавзолей Холбойкаро, в котором переплелись черты тимуридского стиля (монументальный пештак фланкированный башнями), кирпичная кладка (башен пештака) в технике, характерной для XI—XII вв. и организация интереса в виде пересекающихся арок — прием, получивший распространение с XV—XVI вв. Интересно, что такой ретроспективизм характерен для таджикского зодчества XIX в., можно вспомнить поздние минареты Канибадама и Ходжента.

Народная архитектура Гиссарской долины также имеет ряд локальных особенностей. Здесь мы видим некоторые черты заимствования из зодчества Бухары и северных районов Таджикистана, но в целом ее можно рассматривать как местную разновидность южно-таджикской архитектурно-строительной школы. В жилом зодчестве шла разработка различных вариантов домов со скатной камышовой кровлей (чердачная и бесчердачная).

В Гиссарской долине получили широкое распространение каркасные мечети с Г-образными айванами, характерными для среднеазиатского народного зодчества XVIII—XIX вв. Близкие аналогии следует искать в старых среднеазиатских центрах. Это гузарные мечети Баланд в Бухаре, Ходжа Зайнуddина в Шахрисабзе, мечеть Гузарходжа и Орал в Карши, мечеть Сари Мазор в Ура-Тюбе, Ходжа Абди Дарун в Самарканде и др.

Оформленные приглашенными из Бухары, Самарканды и Ура-Тюбе мастерами, мечети в городских центрах Гиссар, Каратаг и крупных кишлаках становились предметами подражания. Вместе с тем на примере нескольких гиссарских мечетей XIX — нач. XX в. можно заключить, что мастера этого региона обращали внимание на красоту самой архитектурной детали, ее формы, выявляя тектонические особенности и несколько ограниченно применяли цвет. Единство восприятия интереса достигалось акцентом на центральной монументальной колонне, переходящей через сложно профилированную четырехлопастную подбалку в открытые взору чередующийся ритм прогонов и балок перекрытия, а также одинаковым естественным цветом дерева.

Неяркое освещение, проникающее в зал через двери и окна над ними, загражденных в ганчевые или деревянные решетки «панджара», мягко

⁷ При реставрации крепостных ворот была допущена ошибка: на фото 1920-х годов отчетливо видно, что над проездом в ворота располагалась горизонтальная кирпичная перемычка, и пространство над ней до входной арки было не глухим, как сейчас, а, сквозным, что придавало внешнему облику ворот большую легкость.

обрисовывает деревянные элементы интерьера и лакооничный ганчевый декор михраба.

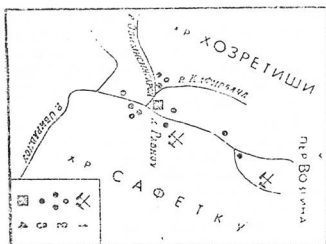
Безусловно, канонизация приемов и форм несколько сковывало творческую инициативу мастеров, но удачное расположение постройки на участке, различные варианты резного деревянного убранства, ориентации, озеленения, обводнения обеспечивали своеобразие каждого произведения народной архитектуры.

В. П. Новиков.

О ДРЕВНЕЙ ДОБЫЧЕ И ПЛАВКЕ МЕДНЫХ РУД НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ДАРВАЗА

Сведения о древней добыче и переработке меди на территории Таджикистана, и особенно его южных районов, крайне немногочисленны¹. С этих позиций представляют интерес остатки горно-металлургических промыслов, описанные отрядом Института геологии АН Таджикистана в 1981—1982 гг. на Юго-Западном Дарвазе².

Древние выработки и металлургические шлаки зафиксированы в среднем и верхнем течении р. Обиравноу. Долина этой реки располагается между хр. Хозретиши и Сафетку, являющимися юго-западными отрогами Дарвазского хребта (Северо-Западный Памир), и территориально относится к Калайхумбскому району Горно-Бадахшанской автономной области (рис. 1). Найденные выработки приурочены к полосе красноцветных отложений позднепермского возраста (нолликхарская серия), со-

¹ Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана //Тр. ТПЭ.— Вып. 20.— Л., 1934; Он же. К истории добычи меди в Средней Азии. //Тр. ТПЭ.— Вып. 37.— М., Л., 1936; Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии.— Сталинабад, 1954.

² В состав отряда, кроме автора, входили В. В. Супрычев, В. Ф. С. Салихов, О. А. Зыбина, М. Макарова, Ф. Шиж, В. Панов.

державших пласты и линзы медных руд³. В 3 км юго-восточнее пер. Возгина, на правом борту ручья Юзганак, в 200 м от русла, канавой было вскрыто устье небольшой штольни. Первоначальные размеры входа составляли 0,7 м по ширине и 0,3 по высоте. После дополнительной расчистки были установлены истинные размеры выработки: высота — 1,23 м, ширина — 0,95 м, общая протяженность — около 6 м. Штольня заложена по падению рудоносного пласта и погружается в западном направлении под углом 25°. Продуктивный пласт, представленный углисто-медистым песчаником, вскрывается в кровле и левой стенке штольни. Мощность его уменьшается в сторону забоя от 0,3 до 0,1 м с одновременным ухудшением качества руд. Это, вероятно, и послужило причиной заброшенности выработки. Аналогичные разработки медных руд отмечены также в 2,5 км южнее, в левом борту р. Обиравноу, на высоте около 300 м над рекой.

Незначительные параметры подземных выработок и общая их малочисленность на исследованной площади объясняются, вероятно, несколькими причинами. Основная масса руд скорее всего добывалась с поверхности, чему способствовало не только обилие естественных выходов меденосных пластов, но и более благоприятный минеральный состав выветрелых продуктов. Окисленные на дневной поверхности первичные борнит-халькозиновые руды обогащены легкоплавкими минералами меди — малахитом, азуритом, брошантитом и др. Наконец, высокое содержание металла в медных рудах (от единиц до нескольких десятков процентов) не требовало больших объемов исходного сырья.

Более полное представление о размерах горно-металлургического промысла в долине р. Обиравноу дают остатки древних плавков. Следы плавков на медь в виде россыпей металлургических шлаков отмечаются практически повсеместно (рис.) Наибольшие же скопления их имеются в двух пунктах, близости от развалин к. Равноу: на левом борту р. Обиравноу, недалеко от впадения в нее р. Кафирбача, и при слиянии последней с р. Обимисингарон⁴. Высыпки шлаков в обоих случаях занимают площадь не менее 1 га и приурочены к слабо всхолмленным поверхностям нижних надпойменных террас. Мощность шлаковых отвалов местами достигает 0,4—0,5 м. Металлургические печи не сохранились, что вместе с отсутствием фрагментов огнеупорной футеровки, возможно, свидетельствует о плавке руд в земляных ямах. В устье р. Обимисингарон, вблизи шлакового поля найден полустертый жернов, предназначавшийся, вероятно, для измельчения рудных засыпок.

Среди металлургических шлаков преобладают стекловатые, тонкопористые, с характерной радужной побежалостью и включениями древесного угля. Несколько реже встречаются металловидные, весьма тяжелые рудные шлаки с каплевидными корольками металлической меди внутри. Как правило, среди шлаковых развалов обнаруживаются и оплавленные куски ярко-зеленых медистых песчаников. Принадлежность их к иолли-

³ Вольнов Б. А., Провоторов Н. Г., Лелешус В. Л. Меденосность Юго-Западного Памира // Доклады АН Республики Таджикистан.— Т. 21.— 1978.— № 3.

⁴ Это название, переводимое с таджикского как река «медников», является прекрасным топонимическим указанием не только основного места по переработке медных руд, но, не исключено, свидетельствует и о достаточной длительности всего промысла. На некоторых современных топографических картах данное название заменено явно ошибочным — «Чансай».

харской серии несомненна, что также подтверждается микропетрографическими исследованиями.

Сравнение данных спектрального анализа шлаков и медистых песчаников однозначно свидетельствует о том, что последние являлись исходным сырьем для получения меди. В тех и других, в сопоставимых количествах присутствуют такие элементы, как кремний, алюминий, железо, кальций, магний, натрий, калий, фосфор, титан, марганец, хром, никель, кобальт, ванадий, молибден, свинец, цинк, серебро, олово, галлий, германий, цирконий, бериллий, скандий, стронций, барий, мышьяк.

Обычное содержание меди в шлаках варьирует от 0,5% (в стекловатых разностях) до 3% (в рудных шлаках). О количестве меди в выплавленном металле можно судить по химическим анализам корольков. Оно достигает 87%, остальное приходится главным образом на петрогенные элементы — кремний, алюминий, железо, кальций, магний. В составе микроэлементных примесей, по данным спектрального анализа, устанавливаются: титан (0,03%), марганец (0,04%), хром (0,0012%), никель (0,005%), кобальт (0,01%), молибден (0,002%), свинец (0,05%), цинк (0,045%), серебро (0,075%), олово (0,0045%), галлий (0,002%), германий (0,002%) и мышьяк (0,01%)⁵.

В приведенном перечне все без исключения элементы являются «сквозными», перешедшими в металл из исходных медных руд. Это обстоятельство означает, что при получении меди не использовались какие-либо легирующие добавки. Значительный процент примесей в металле одновременно служит указанием на достаточно низкий технологический уровень описываемых плавов. Вместе с тем следует обратить внимание на относительно повышенное содержание в конечном продукте плавов таких элементов, как серебро и германий. Эти элементы являются типичными для медных руд упомянутой иоллихарской серии и могут служить надежными индикаторами дарвазской меди в различных изделиях. Однако вопрос о возрастной датировке рассмотренного горно-металлургического производства и возможном торговом обмене его продукцией пока остается открытым.

Приведенные материалы тем не менее существенно дополняют сегодняшние знания о горнорудном потенциале северных областей Памира в историческом прошлом, ограничивающиеся обычно сведениями о массовой добыче россыпного золота⁶. Разработки медных руд, аналогичные дарвазским, могут быть встречены и в других районах Северного Памира. Меденосные отложения иоллихарской серии непрерывной полосой прослеживаются в пределах хребтов Петра Великого и Заалайского, где также обладают повышенной продуктивностью⁷. Не исключено, что указа-

⁵ Средние содержания по 5 пробам.

⁶ Бурачек А. Р. Золотоносные конгломераты Дарваза //Тадж. компл. экспед., 1932 г.—Л., 1933. М. А. Бубнова. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв.—М., 1975.

⁷ Новиков В. П., Супрычев В. В., Володин П. К. О меденосности хамтарминской свиты Верхней Перми в новых районах ее распространения (Дарваз-Заалайская зона) //Докл. АН ТаджССР. Т. 27.— № 2.— 1984.

ния о плавках медных руд вблизи перевала Кызыларт⁸ связаны именно с этой полосой

Что же касается Юго-Западного Дарваза, то горно-металлургическая деятельность в прошлом здесь не ограничивалась только получением меди. По устному сообщению академика В. И. Попова (г. Ташкент), работавшего в начале 30-х годов в данном районе, жители к. Равноу издревле занимались выпариванием соли из минерализованных источников. Современные выходы соляных рассолов, отмечаемые на северо-западной окраине этого кишлака, связаны с неглубоко залегающей гипсово-соленосной толщей позднепермского возраста (шакарсевская свита).

В соседней к югу долине р. Обиминоу⁹ отрядом Института геологии АН Таджикистана (нач. В. П. Новиков), около заброшенных поселений Гринг и Бакодара, были установлены следы плавки железа. Найденные здесь же образцы железных руд ближе всего сопоставляются с гематитовыми рудами юрских отложений, развитых по обоим бортам этой долины. В указанном аспекте можно рассматривать и некоторые местные топонимы, косвенно свидетельствующие о былом размахе перерабатывающих ремесел: Оиннгарон — искажение от «охангарон» (тадж. — «кузницы» или («поселение кузнецов») — название заброшенного кишлака в среднем течении р. Обиминоу.

---

⁸ Бедряга. Рекогносцировка путей: 1) Таш-Курган — Сарез, 2) Маркан-су — Кашгар и 3) Кашгар-Гез-Сары-кол — п. Ранкуль, 1893 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — Вып. 56. — Спб., 1894.

⁹ Административно относится к Ленинградскому району Кулябской области Таджикистана.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	стр. 4
СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	
Н. Н. Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1985 г.	9
В. А. Жуков. Отдельные находки каменного века в Ленинадской области	17
Т. В. Беляева. О раскопках на Нуртепа и в Худжанде	19
Н. Н. Негматов, Т. В. Беляева. Общий отчет об исследованиях Нуртепа в 1980—1985 гг. и предложения по дальнейшему изучению и сохранению памятника	23
Н. Т. Рахимов. Начало раскопок замка Каппатепе в Илаке	28
А. И. Маняхина, С. В. Шетухина. О работах на городище Калаи Кахкаха I	41
М. Д. Мамаджанова. Раскопки на поселении Хоняйлов	55
У. Эшонкулов. Исследование истории ирригации ущелий Матча—Зарафшан	58
Н. А. Москаленко. Археологический надзор на новостройках г. Худжанда	68
Г. М. Майтдинова, А. К. Елкина. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей	74
ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	
А. И. Исаков. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г.	85
А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1985 г.	100
ЮЖНО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.	
В. А. Ранов, А. Г. Амосова. Раскопки палеолитической стоянки Каратау-1 в 1985 г.	132
А. Х. Юсупов, Т. Г. Филимонова. Археологические исследования стоянок каменного века на юге Таджикистана в 1985 г.	146
Л. Т. Пьянкова. Работы Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985 г.)	151

Н. М. Виноградова. Отчет о работе Южно-Таджикистанского археологического отряда ЮТАЭ в 1985 г. на сельскохозяйственном поселении Кангурттут	162
А. Абдуллаев. Отчет Пянджского археологического отряда за 1985 г.	171
И. Р. Пичикян. Раскопки Тахтикубадского отрядов ЮТАЭ в 1985 г. (фасад храма Окса)	180
И. А. Маслов. О работе Рогунского археологического отряда в 1985 г.	189
В. С. Соловьев. Раскопки поселения Ширкент в 1985 г.	195
В. В. Радилевский. О работах археологического отряда в верховьях р. Ширкент в 1985 г.	198
Т. М. Атаханов. Отчет о работе Нижнеафганистанского отряда в 1985 г.	206
М. М. Муллокандов. О работах Ховалингского археологического отряда в 1985 г.	214
Э. Гулямова. Раскопки цитадели Хульбука в 1985 г.	220
И. А. Маслов. О работе Кобаднианской археологической группы в 1985 г.	228
П. Т. Самойлик. Об археологических работах в зоне Регистана средневекового Гиссара в 1985 г.	235
Д. Довутов. Монетные находки в Таджикистане в 1980—1985 гг.	244
Т. М. Атаханов, М. Х. Мамадзаров. Обследования памятников архитектуры Гиссарской долины в 1984—1985 гг.	262
В. П. Новиков. О древней добыче и плавке медных руд на территории Юго-Западного Дарваза	288

Печатается по Постановлению Научно-издательского Совета
Академии наук Республики Таджикистан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Выпуск 25 (1985 г.)

Ответственные редакторы:

Борис Анатольевич Литвинский,

Нуман Негматович Негматов,

Вадим Александрович Ранов

Редактор издательства:

В. Д. Привознова

ИБ7

Сдано в набор 27.04.03 г. Подписано в печать 9.03.94 г. Формат 60×84^{1/16}. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,2. Усл. кр.-отт. 17,3. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 300. Заказ № 490.

Издательство «Дониш», 734029, Душанбе, ул. Айни, 121, корп. 2.

Межвузовская типография, 734012, г. Душанбе, Лахути, 2.
